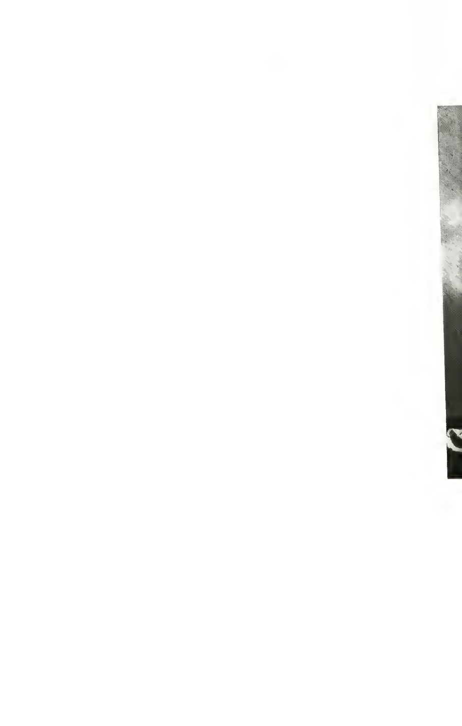
КРУПСКАЯ

Л. Кунецкая,
К. Маштакова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Н. Крупская

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 9

(531)

Л. Кунецкая, К. Маштакова

КРУПСКАЯ

Издание третье,
дополненное

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1985

66.61(2)8
К 91

Кунецкая Л. И., Маштакова К. А.

К 91 Крупская. — 3-е изд., доп. — М.: Мол. гвардия, 1985. — 368 с., ил. — (Жизнь замечат. людей. Сер. биогр. Вып. 9 (531)).
В пер.: 1 р. 70 к. 150 000 экз.

Жизнь Надежды Константиновны Крупской — это жизнь борца, политического и государственного деятеля. Ближайший соратник и верный друг Владимира Ильича Ленина, она была одной из основательниц нашей партии, ее созданию и укреплению она отдала все свои силы и знания. Н. К. Крупская заложила фундамент марксистской педагогики. Задолго до революции она начала разрабатывать ее теоретические основы и после Октября возглавила ряды борцов за создание новой, советской школы, за создание новой, социалистической культуры. С жизнью и деятельностью, с творчеством Крупской и знакомит читателей книга Л. Куиецкой и К. Маштаковой.

К $\frac{4702010200-246}{078(02)-85}$ Без объявл.

ББК 66.61(2)8
3КП1(092)

ОТЕЦ И МАТЬ

Длинные гулкие коридоры кадетского корпуса кажутся бесконечными двум маленьким мальчикам, недавно приехавшим в Петербург из далекой Казанской губернии. Братья Крупские, да и сопровождающий их дядя чувствуют себя неуверенно в огромной приемной начальника Константиновского кадетского корпуса. Холодно звучат слова — сироты будут приняты на казенный счет, если успешно сдадут вступительные экзамены. Братья, имевшие хорошую домашнюю подготовку, легко выдержали испытания. И вот они остались совсем одни в незнакомом городе. К огорчению мальчиков, они были определены в разные роты.

Началась новая жизнь, потянулись годы учения. Трудно привыкать к военной муштре. Каждая рота имела свое помещение, и встречаться братьям можно было лишь в краткие минуты свободного времени. Саша и Костя Крупские быстро нашли себе друзей. Однажды на уроке фехтования в пару с Костей стал его товарищ по роте — Ярослав Домбровский. Он фехтовал очень ловко и увлеченно, но силы противников были равны. Откинув забрала, мальчики улыбнулись, пожали друг другу руки, и Ярослав спросил: «Говорят, ты тоже из Виленской губернии?» — «Нет, я родился в Казани, но в Вильно долго жил мой отец».

Так зародилась многолетняя дружба. Именно Ярослав позднее тайком принес в корпус гневные статьи Герцена, стихи Огарева и помог будущему офицеру связаться с I Интернационалом. Окончив корпус, они надолго потеряли друг друга. Но Константин Игнатьевич нисколько не удивился, узнав, что Ярослав сражается вместе с Гарибальди на далекой Сицилии. Много лет спустя Крупский узнал о героической гибели Домбровского на баррикадах Коммуны. Вторым другом Константина стал Андрей Потебня, будущий член русской секции I Интер-

национала. Он погиб, сражаясь на стороне восставших поляков в 1863 году.

Константиновский кадетский корпус не был исключением среди закрытых военных учебных заведений, здесь тоже жила глухая вражда между неимущими, казеннокоштными, воспитанниками и теми, за кого родители имели возможность платить и кто каждый понедельник подкатывал к подъезду корпуса на рысаках.

На переменах слышались хвастливые рассказы о домашних концертах и детских балах, об угощениях и подарках. Нестерпимо было слушать подобные рассказы кадетам, все лето проводившим в военизированных лагерях. Костя обратил внимание, что особенно остро переживает свою бедность Михаил Бейдеман. Позднее Константину Игнатьевичу казалось, что Михаил предчувствовал свою судьбу — быть заживо погребенным в страшных казематах Петропавловской крепости, куда его заключили без имени и срока.

Шли годы. Росли и мужали кадеты. Формировались их взгляды и убеждения. В корпусе, где требовалось неуклонное, строжайшее соблюдение всех церковных обрядов, посещение всех служб, хорошее знание закона божьего, царил откровенный атеизм. Кадеты ненавидели священника — отца Иннокентия, человека глупого и самонадеянного. Они протестовали против духа казенщины, царившего в корпусе. Живо интересовались политикой.

Труднее всего было доставать запрещенную литературу, никто из начальства не знал, как она проникала в корпус. Но именно здесь Константин Крупский познакомился с «Колоколом» и другими революционными изданиями.

В 1856 году, после выпуска из кадетского корпуса, Константин Игнатьевич был рекомендован в Михайловское артиллерийское училище, куда его приняли без экзаменов.

Окончив в 1857 году Михайловское училище и получив чин подпоручика, Константин Крупский был назначен в Смоленский пехотный полк, расквартированный в маленьком польском городке Кельце. Прибыл же сюда Константин Игнатьевич только в феврале 1858 года, так как тяжело заболел воспалением легких.

Кельце встретил его непролазной грязью и снегом с дождем. Полк размещался на окраине города. Крупский явился к полковнику Ченгеры с докладом. Тот встретил его приветливо — стройный молодой подпоручик понра-

вился ему. Они поговорили об учебе, о столичных новостях. Полковник предупредил, что Кельце, конечно, не лучшее место для начала военной карьеры: положение в Польше тяжелое, зреет недовольство и среди крестьян, и среди польской интеллигенции. Да и шляхта не зевает. То, чего не договорил полковник, Константину рассказал Александр, уже два года служивший здесь же, в Польше. Брат сказал прямо: «Надвигается восстание, мне страшно. Придется стрелять в народ. А ведь они борются за элементарные человеческие права».

Умный и общительный, Крупский быстро завоевал симпатии прогрессивно настроенных офицеров и подчиненных ему солдат. Он легко заводил знакомство и среди местных жителей. Ярослав Домбровский при расставании дал ему несколько адресов польских интеллигентов, и с некоторыми из них у Константина Игнатьевича сложились дружеские отношения. Он быстро научился польскому языку, с увлечением читал Мицкевича в оригинале, заслушивался музыкой Шопена. И никто не подозревал, что поручик (этот чин он получил в мае 1859 года) связан с деятелями I Интернационала.

Маркс и Энгельс внимательно следили за развитием национально-освободительного движения в Польше. Они считали, что борьбу поляков должны поддержать русские революционеры. В Польше из числа русского офицерства была создана тайная организация. В записной книжке Огарева рукой соученика и друга Константина Игнатьевича — Андрея Потебни переписан список членов этой организации, где под номером 13 читаем: «7-я пехотная дивизия: Смоленский пехотный полк: поручик Крупский, прапорщик Пołодьев, штабс-капитан Тукатевич».

Константин Игнатьевич лучше других видел, что восстание приближается. Он помогал, как мог, польским друзьям, но он был офицером русской армии и опасался, как бы ему не пришлось принять участие в подавлении восстания. Друзья посоветовали ему перевестись в центральные губернии России. Крупский подал прошение командиру полка.

«Милостивый государь, Ксаверий Осипович!

Извините за откровенную, смешную просьбу, с которой обращаюсь к Вам, как к начальнику, всегда готовому принять участие в судьбе подчиненного. С девятилетнего возраста провидение разлучило меня со всеми близкими сердцу, а вместе — с милым родным краем, оставив в душе сладкие воспоминания о счастливых го-

дах детства, живописных местах родного гнезда!.. О всем, что так дорого для каждого!

От подобных обстоятельств жизни какая-то невыносимая тоска давит душу — весь организм мой, а желание служить на родной земле день ото дня сильнее овладевает моими чувствами, парализует все мои мысли.

Я уверен, Ксаверий Осипович, что Вы поймете грустное состояние моей души и по чувству человеческому не оставите без внимания просьбы, охотно примете на себя труд хлопотать о переводе меня в войска, стоящие в Казанской губернии (место моей родины). Быть может, перевести меня труд с Вашей стороны не малый, тем более что я не имею собственных средств на проезд такого дальнего пути, но все-таки надеюсь на исполнение просьбы моей.

С истинным почтением и совершеннейшей преданностью имею честь быть

К. Крупский

г. Кельце
ноября 12-го дня 1862-го года».

Командир полка поддержал рапорт, хотя мотивировка наивна, не содержит серьезного основания для перевода. Но командир знал настроения части офицеров в своем полку, понимал, что в случае выступления поляков они не будут слепо выполнять приказы и стрелять в восставших. Но рапорт опоздал, восстание началось.

Поручик Крупский, хотя и был вынужден участвовать в операциях, сочувственно относился к полякам, помогал бежать пленным.

Восстание было подавлено. Многие из знакомых поляков были высланы в Сибирь. Теперь начальство косо смотрело на польские знакомства офицеров. Зато их усиленно зазывали на свои балы русские помещики, жившие в губернии. Одним из самых хлебосольных был помещик Русанов. К нему привез Константина Игнатьевича товарищ, прослышав, что там будут все окрестные невесты — польские и русские.

Здесь-то Константин Игнатьевич и познакомился с Елизаветой Васильевной Тистровой, гувернанткой в семье Русанова. Полюбив друг друга с первой встречи, молодые люди вскоре поженились.

Слушая впоследствии рассказы Елизаветы Васильевны о ее детстве и юности, Константин Игнатьевич поражался сходности их судьбы. В раннем возрасте она

осталась круглой сиротой. Когда ей исполнилось девять лет, вместе с сестрой Ольгой ее определили в Павловский военно-сиротский институт благородных девиц, находившийся в Петербурге, где она пробыла восемь лет. Этот институт мало отличался по своему режиму от кадетского корпуса, в котором учился Константин Игнатьевич. Лишь фехтование и строевую подготовку заменяли уроки домоводства и рукоделия. Ее дочь вспоминала впоследствии: «Очень хорошая ученица, она имела пониженный балл за поведение, но зато была любимицей класса. Стащить форшмак у классной дамы и накормить им голодных подруг, устроить бомбардировку двери Мочалки (начальницы), не моргнув, выдержать крики и выговоры классной дамы-немки, не отвечать урока, потому что другие девочки не выучили его, взять на себя вину других — на это она была первой мастерицей».

Елизавета Васильевна обладала прекрасным сильным голосом, и отдушиной в серой институтской жизни были уроки пения.

Елизавета Васильевна окончила институт в 1858 году, получила аттестат зрелости и звание домашней учительницы, однако найти работу оказалось не так-то просто, не было хорошего постоянного места, а отдельные уроки, отнимая много сил и времени, не давали прочного заработка. Поэтому, не колеблясь, Елизавета Васильевна приняла приглашение богатого виленского помещика Русанова — приехать в Польшу, в его имение, воспитывать троих детей.

Первое время все шло хорошо, ее полюбили дети, хозяева держались внешне на равной ноге с гувернанткой «из благородных». Постепенно она узнала и другую сторону жизни помещичьей семьи. Здесь, как и в тысячах других имений, пороли крепостных, измывались над ними. Через много лет, рассказывая маленькой Наде об этом периоде своей жизни, Елизавета Васильевна говорила: «Какое это было зверье — помещики».

В 1867 году в Петербурге открылась Военно-юридическая академия. Братья Крупские одними из первых подали туда заявления и были зачислены на первый курс. Константин Игнатьевич и Елизавета Васильевна первое время жили у ее родственников на Офицерской улице (ныне ул. Декабристов), недалеко от академии, которая находилась на набережной реки Мойки. 26 февраля 1869 года у них родилась дочь, которую назвали Надеждой.

ДЕТСТВО

Все годы учебы в академии Константин Игнатьевич был связан с передовыми русскими офицерами и членами народнической организации «Земля и воля». Об этом не могло не знать командование академии, возможно, поэтому начальник ее, убежденный реакционер и монархист, дал Константину Игнатьевичу по окончании курса диплом 2-го разряда, что автоматически лишало Крупского возможности быть военным юристом.

Ему предложили административную должность — начальника уезда в Гроеце (Польша). Но и здесь Константин Игнатьевич повел себя не так, как положено добропорядочному чиновнику. Он построил в Гроеце больницу для бедных, где лечили бесплатно. По его приказу огородили польское кладбище, куда раньше гоняли свиней, он запрещал всякие издевательства над евреями.

Продолжались и его связи с I Интернационалом. В 1872 году Константин Игнатьевич получил постановление конференции I Интернационала о статистической переписи сельскохозяйственных рабочих. Пользуясь служебным положением, он провел обследование в своем уезде. Эта деятельность начальника уезда не понравилась помещикам-латифундистам, так как, вскрывая систему эксплуатации наемного труда в сельском хозяйстве, задевала их интересы. В Варшаву и Петербург полетели жалобы и доносы. Константин Игнатьевич был уволен по 3-му пункту (без объяснения причин) и отдан под суд.

Дело разбирала Варшавская судебная палата. Было предъявлено 22 обвинения — 21 пункт отпал (среди обвинений было — знание польского языка, умение танцевать мазурку, отсутствие иллюминации в канцелярии в день именин императора и т. д.), но за проведение статистического обследования губернии, что было расценено как превышение власти, Константин Игнатьевич был лишен права занимать административные должности, все судебные издержки возложили на него. Он подал апелля-

цию в Сенат, однако Сенат не спешил разбирать дело. Начались мытарства в поисках работы у частных лиц. Для уплаты судебных издержек пришлось распродать все, что имели.

Три благополучных года в Гроеце кончились. Крупские переехали в Варшаву и поселились в квартале бедноты. «Когда мне было пять лет, мы жили в Варшаве и очень бедствовали, жили в чужих квартирах, — вспоминала Надежда Константиновна. — Я помню сценку. Какая-то черная лестница, по которой мы поднимаемся с мамой, чтобы посмотреть новую квартиру, куда мы должны были перебраться в тот же день. Но когда мать открыла дверь, оказалось, что старые жильцы еще не выехали. Это были портные; в большой комнате они сидели на столах, поджавши ноги, что-то шили, и рядом с одним из них лежали большие ножницы». Во дворах бегали детишки разных национальностей. «...Я играла во дворе с ребятами — польскими, еврейскими, татарскими. Мы очень дружно играли, нам было очень весело. Мы угощали друг друга чем могли».

Человеку, состоящему под следствием, трудно найти работу. Приходилось перебиваться случайными, временными заработками. Один из товарищей-народников познакомил Крупского с Константином Александровичем Варгуниным. Братья Варгунины, имевшие писчебумажные фабрики, были культурными людьми, отличались либеральными взглядами, но на фабрике, в Угличе, где пришлось работать Константину Игнатьевичу, делами вершил компаньон Варгуниных — англичанин Говард. И когда, представляя отчет хозяину, Крупский рассказал о злоупотреблениях компаньона, о его нетерпимом отношении к рабочим и работницам, Константин Александрович Варгунин лишь печально развел руками.

Родители не запрещали маленькой Наде играть с ребятишками рабочих, часами сортировать утиль вместе с девочками-подростками. Мать и отец старались воспитать в дочери честность, трудолюбие, понимание того, кто создает все общественные богатства. Константин Игнатьевич и Елизавета Васильевна хотели, чтобы их дочь вошла в жизнь человеком с сильным характером и обо всем имела собственное мнение, поэтому при ней они говорили о бесправии рабочих, возмущались фабричными порядками. Справедливость их слов маленькая девочка видела ежедневно на фабрике. И Надежда Константинов-

на писала много лет спустя: «В шесть лет я научилась ненавидеть фабрикантов».

Закончив приведение в порядок дел Варгунина на фабрике в Угличе, Константин Игнатьевич с семьей переехал в Киев. Он не имел права жить в столицах.

Встал вопрос об учебе дочери. Сначала с ней занималась Елизавета Васильевна. Для того чтобы приучить дочку к режиму дня, она еще в 1874 году написала для нее книжку, состоявшую из 12 четверостиший с картинками. Тогда же в Варшаве книжка была издана и называлась «Детский день. Подарок детям в стихах с 12 картинками». В книге, которая хотя и отличалась некоторой наивностью, много внимания уделялось трудовому воспитанию ребенка и в отличие от всех детских книг того времени ни слова не говорилось о боге.

Надя рано научилась читать и «глотала» книжку за книжкой. Уже в семь лет она читала стихи Пушкина, Некрасова, «Приключения Робинзона Крузо» Даниэля Дефо.

Первой Надиной школой была школа на Крещатике, которая показалась ей ужасно скучной из-за нелепых французских стихов и бесконечного закона божьего.

На апелляцию Константина Игнатьевича все не было ответа, начал хлопотать старший брат, к тому времени занявший пост военного прокурора Новгородской губернии. Надю надо было готовить к поступлению в гимназию. Впервые расстается Константин Игнатьевич с дочерью и женой. Они уехали в Питер, поселились в дешевой квартире в Усачевом переулке. Известный филолог Николай Петрович Тистров, двоюродный брат Елизаветы Васильевны, за три месяца подготовил Надю к экзаменам во второй класс гимназии.

Было одно обстоятельство, которое сразу сделало невыносимым пребывание Нади в казенной Екатерининской гимназии. На вопрос в формуляре «Кто платит за гимназистку?» Елизавета Васильевна была вынуждена ответить: «Мать, Е. В. Крупская», чтобы не писать об отце, который находился под следствием. Иначе Надю не приняли бы ни в одну гимназию. Сразу же на нее начали косо смотреть и классная дама, и преподаватели, и соученицы. В гимназии она чувствовала себя чужой и, хотя очень усердно учила уроки, отвечала плохо, так как думала совсем о другом.

Отца наконец вызвали в Петербург, назначалось слушание его дела. В семье говорили только о предстоящем

процессе. Друзья отца старались помочь, используя любые связи. Дело слушалось 28 апреля 1880 года. В последний день защитник Крупского отказался выступить, сказавшись больным. Константин Игнатьевич вынужден был защищать себя сам. Елизавета Васильевна и Надя не были в Сенате, так как дело слушалось при закрытых дверях. Часы текли бесконечно. Наконец Константин Игнатьевич вернулся — его глаза горели, на щеках выступил яркий румянец (уже тогда он был болен чахоткой). «Победа, оправдан!»

Волнения этих дней ни для кого не прошли даром — у Константина Игнатьевича обострился процесс в легких, а Надя слегла в результате нервного расстройства. Было решено взять ее из гимназии и отправить в имение помещиц Косяковских в Псковскую губернию, где отец должен был привести в порядок дела на маленькой писчебумажной фабрике. Сначала Надю отправили одну. «Я немножко стеснялась чужих людей, но ехать на лошадях было чудесно; ехали лесом и полями; на пригорках уже цвели иммортели, пахло землей, зеленью. Первую ночь меня уложили спать на какую-то шикарную постель в барской шикарной комнате. Было душно и жарко. Я подошла к окну, распахнула его. В комнату хлынул запах сирени; заливаясь, щелкал соловей. Долго я стояла у окна. На другое утро я встала раненько и вышла в сад, спускавшийся к реке. В саду встретила я молоденькую девушку лет восемнадцати, в простеньком ситцевом платье, с низким лбом и темными вьющимися волосами. Она заговорила со мной. Это была, как оказалось, местная учительница Александра Тимофеевна, или, как ее звали, «Тимофейка». Минут через десять я уже чувствовала себя с «Тимофейкой» совсем просто, точно с подругой, и болтала с ней о всех своих впечатлениях».

Надя ходила в класс, где Тимофейка занималась с крестьянскими ребятишками, которые готовились к экзаменам. А вечерами учительница читала подросткам и сельской молодежи Некрасова, вела с ними беседы. Многого Надя не понимала, но ее удивило, что Александра Тимофеевна как-то сказала о помещиках, что они злые, ненужные люди, вредящие крестьянам, как всегда говорил отец.

За лето Надя окрепла и поздоровела. Отец закончил разбор дел на фабрике Косяковских, и семья вернулась в Петербург.

Трудно было Наде расставаться с Тимофейкой, обе

они надеялись еще увидеться, но встреча так и не состоялась. Вскоре Александру Тимофеевну Яворскую арестовали. Во время обыска полиция нашла у нее запрещенную литературу и портрет царя, на котором было записано решение какой-то задачи.

Надя снова пошла во второй класс, но в другую гимназию, расположенную на углу Бассейной улицы и Литейного проспекта. В этой гимназии училась и ее двоюродная сестра Леля. Здесь же занималась и Маша Юрковская — в будущем артистка Художественного театра Андреева (через много лет Надежда Константиновна и Мария Федоровна удивлялись, что не познакомились еще в гимназии).

Событием, потрясшим всю Россию, было убийство народовольцами царя Александра II. Всколыхнулись все слои русского общества.

«Я живо помню вечер 1 марта 1881 года, когда народовольцы убили бомбой царя Александра II... Я всю ночь не спала, думала, что теперь, когда царя убили, все пойдет по-другому, народ получит волю.

Однако так не вышло. Все осталось по-старому, еще хуже стало. Народовольцев перехватала полиция, а убивших царя казнили. На казнь их везли мимо гимназии, где я училась».

В доме Крупских постоянно велись споры о путях развития общества, о революционной работе. Надю старались отсылать из дома, когда приходил кто-нибудь из революционеров, но изолировать ее от жизни семьи было невозможно.

В Литейной гимназии Надя проучилась тоже только год. И здесь учителя плохо относились к дочери человека, преследовавшегося правительством, хотя училась она прекрасно, и лишь один батюшка, не прощавший насмешливых взглядов и невнимания, упорно ставил ей «посредственно».

Посоветовавшись с друзьями, Константин Игнатьевич перевел дочь в частную гимназию Оболенской, где руководство и преподавание велось людьми одних с ним взглядов — типичными шестидесятниками. Об этой гимназии, давшей ей так много, Надежда Константиновна вспоминала с неизменной теплотой.

Самой колоритной фигурой среди преподавателей гимназии был ее директор Александр Яковлевич Герд. Он начал свою деятельность с заведования колонией для малолетних преступников, где завоевал всеобщую любовь и уважение. Главное в его педагогической системе — создание атмосферы взаимного доверия и уважения между учащими и учащимися. Он искоренил в гимназии подслушивания, доносы, наказания. На гимназисток никто не кричал, не старался сломить их волю. Этим гимназия Оболенской резко отличалась от других казенных и частных учебных заведений в России и за рубежом.

Александр Яковлевич преподавал естествознание, его уроки проходили живо и занимательно. В старшем классе он читал ученицам обзорные лекции по основам дарвинизма, подводя их к пониманию эволюционной теории Дарвина. Его дочь Нина была одной из близких Надиных подруг, и не раз Надежда Константиновна бывала в доме своего учителя, где собирались передовые петербургские педагоги и общественные деятели.

Герду удалось привлечь в гимназию таких выдающихся педагогов, как физик Я. И. Ковалевский, математики Е. Ф. Литвинова и А. Я. Билибин, географ А. О. Пуликовский, большой знаток русского языка и фольклора Н. Е. Смирнов.

Еще больше, чем гимназия, давало самостоятельное чтение. Подруги обменивались сборниками стихов, романами авторов, бичующих самодержавие, рассказывающих о жизни трудящихся.

Целое поколение революционеров воспитывалось на стихах поэтов «Искры» — Курочкина, Минаева, Богданова, Жулева. Надя познакомилась с ними в сборнике «Литературные вечера», который был у отца. Надя прекрасно читала стихи, подруги с восторгом слушали, как она читает «Чижика» поэта Жулева. Мелкий чиновник, задавленный нуждой, думает, как выбиться в люди. Говорят, что его начальник берет взятки. И вот чиновник несет единственную свою ценность — клетку с чижиком. Начальник вышвыривает его за дверь. Голос Нади становится умилительно-восторженным, а стройная фигурка униженно сгибается, на подвижном лице появляется выражение прибитости и отчаяния:

И право, уж не помню,
Как в милые края,
В любимую Коломну
С чижом вернулся я.

Поступок неуместный
Надежды все пресек
И доказал, что честный
Начальник человек.

Умение рассказать обо всем «в лицах» Надежда Константиновна сохранила до конца жизни.

Надя и самая близкая ее подруга Саша Григорьева переписывали целыми тетрадями стихи Огарева и Полежаева, зачитывались романами Шеллера-Михайлова. В 12 лет Надя стала читать романы Льва Толстого, Тургенева. Все прочитанное живо обсуждалось с подругами.

Поэзия оказывала на Надю особенное влияние. Оставаясь одна, она ходила по комнате и читала стихи Лермонтова, Пушкина. Под влиянием «Евгения Онегина» она решила воспитать в себе внешнее бесстрастие, что так потрясает Евгения при встрече с Татьяной на балу в Петербурге. Она стала следить за тем, чтобы чувства не отражались на ее лице; научилась владеть собой, не проявляя бурно ни возмущения, ни горя, ни радости. Все богатство ее души открывалось лишь перед теми, кого она любила, кому верила. Посторонним она казалась холодной и даже пассивной. Несколько лет спустя эта внешняя сдержанность и безмятежное спокойствие помогли ей обмануть жандармов.

Семья Крупских очень любила театр, часто бывали в опере. Билеты покупали всегда самые дешевые. Как-то, уже по окончании гимназии, Надя и Саша Григорьева пошли в Михайловский театр смотреть «Западню» по роману Эмиля Золя в исполнении французской труппы. Этот спектакль примирил Крупскую с творчеством писателя (первый рассказ, попавший ей в руки, «За ночь любви», надолго отбил у нее охоту читать его произведения). Но «Западня» давала такую яркую картину быта французских рабочих, что на этом фоне и картины разврата, которые достаточно обширно описываются у Золя, предстали в другом виде, как иллюстрация тяжелейшего положения рабочего класса при капитализме...

Саша Григорьева была дочерью революционерки-народоволки. В их доме, как и в доме Крупских, постоянно слышала Надя разговоры о революции, видела, как читали нелегальную литературу, слышала запрещенные разговоры и на нелегальных вечеринках.

У Григорьевых раньше бывали замечательный рево-

люционер-народник Желябов, либеральный народник Южаков, многие прогрессивные литераторы, в том числе один из поэтов «Искры», Щигалев.

Последние годы жизни Константин Игнатьевич тяжело болел, не служил. Жить помогали и брат, и товарищи-артиллеристы. В эти годы отец и дочь особенно сблизились и много времени проводили вместе, обсуждая прочитанные книги, события, мечтая. Он говорил с дочерью как со взрослой. Мечтал поехать с ней на Лаго-Маджоре, надеясь вылечиться там и вновь начать работать.

Константин Игнатьевич угасал на глазах. Уже давно врачи сказали Елизавете Васильевне, что положение безнадежно. Жена и дочь старались скрасить как могли последние дни умирающего.

Наступила пятница 25 февраля 1883 года. Константин Игнатьевич умирал в полном сознании. Жена, стоя на коленях у кровати, меняла компресс за компрессом. Надя неотрывно смотрела на отца полными слез глазами. «Трудно придется вам, мои милые», — были последние слова Константина Игнатьевича.

Вечером в доме собрались родные и близкие друзья покойного. Все хлопоты взял на себя тоже уже тяжело больной Александр Игнатьевич. Он выбрал место для могилы на кладбище Новодевичьего монастыря, недалеко от Московской заставы.

В эти трагические дни стало ясно, как много друзей было у Константина Игнатьевича. Кто-то собрал деньги для оплаты места на кладбище, кто-то заплатил за отпевание, кто-то принес цветы.

До Новодевичьего кладбища гроб несли многочисленные товарищи-артиллеристы, сменяя друг друга. Елизавета Васильевна и Надя стояли обнявшись у свежей могилы, они не плакали — слишком велико было их горе.

ЮНОСТЬ

Мать и дочь остались почти без средств к существованию. Пришлось думать о заработке. Сняли большую квартиру и стали сдавать комнаты телефонисткам, студенткам, швеям, фельдшерицам.

Первый урок у богатых господ Надя, лучшая ученица в классе, получила через гимназию. Трудно приходилось учительнице, еще совсем молоденькой, хотя и обладала она блестящими педагогическими способностями. Она любила и понимала детей, умела к ним подойти. Особенно удавались ей уроки математики. Но родители учеников не доверяли ее молодости, ее знаниям, вмешивались в ход занятий. Однако выбирать не приходилось, так как гимназистке найти урок было очень сложно — хватало с избытком репетиторов-студентов.

Однажды, когда, вернувшись из гимназии, Надя села за уроки, в квартиру позвонили. Открыв дверь, она увидела незнакомого пожилого господина. «Я хотел бы видеть Константина Игнатьевича Крупского». Надя побледнела. «Папа умер». — «Простите меня, разрешите войти, я хорошо знал вашего батюшку и хотел бы поговорить с вами и с Елизаветой Васильевной». Войдя в комнату, незнакомец огляделся и стал расспрашивать Надю об отце, о том, на какие средства они живут. Она с трудом поддерживала беседу. «Мама вам лучше все расскажет, зайдите, пожалуйста, когда она вернется», — но незнакомец не уходил. Он предложил ей хороший урок. «Это займет у вас немного времени, а плату получите хорошую». Надя с радостью согласилась. И урок оказался действительно прекрасным — в милой интеллигентной семье, где к учительнице относились со вниманием и уважением. Урок поддержал их с матерью материально и помог Наде поверить в свои силы. Позднее Крупская узнала, что приходил к ним Николай Исаакович Утин, один из руководителей русской секции I Интернационала.

Выпускные экзамены Надя сдала блестяще. В решении педагогического совета о Надежде Крупской говори-

лось: «...на окончательных испытаниях показала во всех предметах успехи отличные. В среднем выводе имеет 5. Из необязательных предметов занималась французским языком с успехами отличными. Получает аттестат об окончании полного гимназического курса и вторую золотую медаль».

Но Надежда Константиновна проучилась в гимназии еще один год и в 1887 году окончила 8-й педагогический класс. Здесь она специализировалась по русскому языку и математике. По окончании педагогического класса она получила диплом домашней наставницы. Первые два года после окончания гимназии Надежда Константиновна по рекомендации педагогического совета смогла получить два хороших места. Днем она преподавала в профессиональном женском училище Поспеловой, где обучали девочек шитью, а по вечерам занималась с ученицами, жившими в пансионе при гимназии, которую она только что закончила. Надя очень волновалась за своих подопечных. Но экзамены прошли благополучно. Ученицы получили аттестаты зрелости, а их юной учительнице 20 мая 1889 года было выдано удостоверение, в котором говорилось: «...домашняя наставница Н. К. Крупская в течение двух лет занималась по вечерам с десятью ученицами гимназии кн. Оболенской, живущими в состоящем при сей гимназии пансионе М. Г. Герстфельд. Успехи ее учениц свидетельствуют о выдающихся педагогических способностях ее, основательности ее познаний и крайне добросовестном отношении к делу».

Последние годы обучения в гимназии и первые годы самостоятельной работы Надя упорно ищет свой путь в жизни, ищет ответа на вопросы, возникавшие перед ней ежедневно, — о богатстве одних и нищете других, о произволе чиновничества и царских властей, об отсутствии элементарных демократических свобод. В эти годы она очень много читает, читает без всякой системы самую различную литературу, от «Нидерландской революции» Мотлея до истории воздухоплавания. И все это время не прерывается ее связь с друзьями отца, она посещает вечеринки, где собираются старые народовольцы. Но, не вступая в споры, с благоговением слушая их, она отмечает про себя звучащую в их речах усталость и безысходность, отказ от активной большой борьбы. Однажды она решилась спросить одного из старых первомартовцев, много лет просидевшего в царских казематах, что же делать, каким путем идти. И услышала мало утешитель-

ного: он стал развивать перед ней теорию «малых дел». «Тоской веяло от его советов и от всех этих бывших людей; люди они были хорошие, но с вынутой душой. Я была подростком, но отлично видела это».

Уже в те годы Надежда поняла и другое: путь первомартовцев обречен, индивидуальный террор не может ничего изменить, лишь вырывает из среды борцов лучших людей. Где же выход?

В это время ей попал на глаза том произведений Льва Толстого, где он подвергал жесточайшей критике существующий строй. В ее душе нашел отклик призыв Толстого к самоусовершенствованию, к отказу от роскоши, к помощи в просвещении народа. Гимназистки читали и перечитывали ответ Толстого «Тифлисским барышням», перепечатанный в петербургской газете «Новое время» 21 марта 1887 года. Отвечая на вопрос, как применить полученные знания, Лев Николаевич писал: «...у приобретших знания есть еще дело: поделиться этими знаниями, вернуть их назад тому народу, который воспитал нас. — И вот такое дело есть у меня...» Толстой предлагает молодежи включиться в работу по исправлению и улучшению книг, издаваемых для народа, и, если они найдут это подходящим для себя делом, обещал им выслать книги.

Через несколько дней после опубликования обращения Л. Н. Толстого в петербургской газете Надежда Константиновна отправила ему письмо:

«Многоуважаемый Лев Николаевич!

Вы, в Вашем ответе на обращение к Вам тифлисских барышень с просьбою о деле, говорите, что у Вас есть для них дело — исправление насколько возможно книг, издаваемых для народа Сытиным.

Может, Вы дадите возможность и мне принять участие в их труде.

Последнее время с каждым днем живее и живее чувствую, сколько труда, сил, здоровья стоило многим людям то, что я до сих пор пользовалась чужими трудами. Я пользовалась ими и часть времени употребляла на приобретение знаний, думала, что ими я принесу потом какую-нибудь пользу, а теперь я вижу, что те знания, которые у меня есть, никому как-то не нужны, что я не умею применить их к жизни, даже хоть немножко загладить ими то зло, которое я принесла своим ничегонеделанием, — и того я не умею, не знаю, за что для этого надо взяться...

Когда я прочла Ваше письмо к тифлисским барышням, я была так рада!

Я знаю, что дело исправления книг, которые будут читаться народом, дело серьезное, что на это надо много умения и знания, а мне 18 лет, я так мало еще знаю...

Но я обращаюсь к Вам с этою просьбою потому, что, думается, может быть, любовью к делу мне удастся как-нибудь помочь своей неумелости и незнанию.

Поэтому, если возможно, Лев Николаевич, вышлите и мне одну, две таких книги, я сделаю с ними все, что смогу. Лучше другого я знаю историю, литературу...

Н. Крупская».

Вскоре Надежда Константиновна получила ответ Татьяны Львовны Толстой и посылку — объемистый том «Графа Монте-Кристо» А. Дюма.

С энтузиазмом она взялась за работу, скрупулезно сверила сытинское издание с оригиналом (французским языком она владела прекрасно), восстановила общую связь, которой в книге не было, опустила встречавшиеся там бессмыслицы. И немедленно отправила свой труд Толстому в Ясную Поляну.

Но уже в процессе работы над книгой Надежда Константиновна поняла, что это та же теория народовольцев — теория «малых дел». Тогда же она несколько раз бывала в кружках, где толстовцы дискутировали с радикалами. Уходила разочарованная, ее деятельной натуре было чуждо «толстовство» в целом, с его непротивлением злу, с его религиозным миропониманием.

В 1889 году в Петербурге открылись Бестужевские высшие женские курсы. Осенью Надежда Константиновна поступает на математическое отделение, и одновременно она слушает лекции на филологическом факультете. Здесь она знакомится со многими девушками, приехавшими из разных городов, и видит, что их мучают те же вопросы. Здесь она встретила старую знакомую, Ольгу Витмер, сестру Саши Григорьевой. Она привела Крупскую в кружок студентов-технологов, которым руководил Михаил Иванович Бруснев.

Михаил Иванович не был похож на студента. Родом из донских казаков, он, со своим простым видом, мог легко затеряться в рабочей толпе. Рабочие принимали его как своего, не чувствовали в нем интеллигентского превосходства. Бруснев был образованнейшим марксистом

того времени. Его группа уже имела под своим влиянием 20 рабочих кружков Петербурга.

Надежда Константиновна трудно сходилась с людьми — мешала природная застенчивость, — но в маленькой комнатке, которую Бруснев снимал вместе с еще одним товарищем-технологом, она почувствовала себя как дома. Михаил Иванович очень скоро убедился, что перед ним не наивная курсисточка, желающая облагодетельствовать народ, а человек убежденный, готовый принести любые жертвы, если их потребует борьба. Для начала он предложил ей вступить в кружок Коробки, занимавшийся изучением этических проблем. Разбирали «Исторические письма» Миртова (Лаврова). «Письма» произвели на Надежду Константиновну громадное впечатление.

Занятия в кружке увлекли Крупскую, и она оставила Бестужевские высшие курсы, решив, что кружок ей даст больше необходимых знаний.

В кружке Надежда Константиновна впервые услышала об Интернационале, услышала имена Карла Маркса, Фридриха Энгельса, узнала, что есть целый ряд наук, разбирающих вопросы общественной жизни, познакомилась с политической экономией и увлеклась ею.

Произведения Маркса невозможно было достать, их не выдавали ни в одной публичной библиотеке. А те, что тайком привозились из-за границы, зачитывались в кружках буквально до дыр. На помощь опять пришла семья Григорьевых. Надежда Константиновна вспомнила, что несколько раз встречалась у них с Южаковым. Набравшись храбрости, пошла к известному общественному деятелю. Тот вспомнил ее, вспомнил, что во время вечеринок она всегда молчала. И вот эта милая скромная барышня с невозмутимым видом просит дать ей первый том «Капитала» Маркса. «А вы, мадемуазель, уверены, что вам действительно нужен именно Маркс?» Надя вспыхнула и, стараясь подавить смущение, ответила почти с вызовом: «И не только Маркс, но и все, что может быть полезно для понимания общественного развития». — «Ну что же, прошу».

Домой летела Надя как на крыльях. Ведь Южаков дал не только «Капитал», но и «Очерки первобытной культуры» Зибера, «Судьбы капитализма в России» В. В. (Воронцова) и «Крестьянское землевладение на Крайнем Севере» Ефименко.

Ранней весной 1890 года Елизавета Васильевна и Надежда Константиновна сняли обыкновенную деревен-

скую избу в Псковской губернии и все лето прожили в деревне. У хозяев не хватало рабочих рук, и Надя помогала им в поле, возилась с ребятишками. И хотя ужасно уставала с непривычки, в свободные часы все-таки читала книги, взятые у Южакова, читала взахлеб.

Начала с «Капитала», но первые две главы показались очень трудными, третья уже читалась легче: «Я точно живую воду пила. Не в терроре одиночек, не в толстовском самоусовершенствовании надо искать путь. Могучее рабочее движение — вот где выход.

Начинает вечереть, сижу с книгой на ступеньках крыльца, читаю: «Бьет смертный час капитализма: экспроприаторов экспроприируют». Сердце колотится так, что слышно...

Марксизм дал мне величайшее счастье, какого только может желать человек: знание, куда надо идти, спокойную уверенность в конечном исходе дела, с которым связала свою жизнь. Путь не всегда был легок, но сомнения в том, что он правилен, никогда не было. Бывали, может быть, ошибочные шаги, иначе и быть не могло, но ошибки поправлялись, а движение шло широкой волной к цели...»

Осенью опять начались занятия в студенческих и марксистских кружках, и Надежда Константиновна включилась в эту работу. В те годы центром распространения марксизма был Петербургский технологический институт.

В марксистском кружке, где занималась Крупская, изучали «Капитал», другой литературы достать было почти невозможно. Как-то ей в руки попалась рукописная тетрадь «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса. Читать было мучительно, рукопись истрепалась, многие слова стерлись, не хватало целых страниц. А чтобы прочесть «Анти-Дюринг», Надежда Константиновна досконально изучила немецкий язык и не пожалела о потраченном на это времени.

Она стремилась полученные знания нести в массу рабочих, рвалась к активной работе и поэтому попросила Бруснева дать ей рабочий кружок, хотелось попробовать силы на пропагандистском поприще. Бруснев в ответ грустно покачал головой — только еще закладывались связи с рабочими, кружков было мало. Подумав, он улыбнулся: «Сведу я вас с хорошим человеком, только он народоволец. Вы попросите у него кружок, у партии «Народная воля» много сторонников в рабочем классе, а

ведь мы только начинаем. Только не дразните его своим марксизмом».

Статный, с окладистой бородой, Михаил Степанович Александров (Ольминский) насторожил Крупскую своим профессорским видом. Высказала она свою просьбу о кружке. «А к какой партии вы, собственно, принадлежите?» — спросила его жена, принимавшая участие в беседе. «Я не состою ни в какой партии, — ответила Надежда Константиновна. — Пока занимаюсь своим политическим образованием». — «А почему бы вам не вступить в партию «Народная воля» — тогда к вашим услугам любой рабочий кружок, находящийся под нашим контролем». — «Зачем же мне вступать в партию, которая изжила себя? — забыв про советы Бруснева, прямо сказала Крупская. — Ведь социал-демократический путь куда более правилен!» — «Тогда нам с вами разговаривать не о чем», — ответила Александрова.

Когда Надежда Константиновна в кружке рассказала товарищам о своей беседе с Александровыми, больше всех смеялся Бруснев, едва выговаривая сквозь смех: «Я же вас предупреждал!» При разговоре этом присутствовал и народоволец Мещеряков, имевший связи с плехановской группой «Освобождение труда». Он нередко заглядывал к технологам «на огонек». «А почему бы вам не попробовать преподавать в воскресно-вечерней школе за Невской заставой?» Глаза Надежды Константиновны загорелись. «А как это можно осуществить практически?» Мещеряков пообещал достать рекомендательное письмо к Варгунину — на его средства существовала школа. Николай Александрович был братом Константина Александровича Варгунина, на фабрике которого отец Надежды Константиновны в Угличе вел дела. Это подавало надежду на успех.

Николай Александрович Варгунин, известный просветитель, образованный, умный человек, далекий, однако, от революции, много сделал для просвещения рабочих за Невской заставой. Варгунин постоянно интересовался школой, благодаря ему там подобрался круг прекрасных бескорыстных педагогов. Он не мог не видеть постепенного революционизирования школы, но ни разу не выразил протеста, не помешал политическому воспитанию рабочих. Как писала позднее Крупская, «он все видел и покрывал своим молчанием».

Варгунин принял ее приветливо, вспомнил, что брат с похвалой отзывался о деятельности Константина Иг-

натьевича в Угличе, дал ей записку к Ольге Петровне Поморской, исполнявшей обязанности заведующей школой.

Здесь, за Невской заставой, Надежда Константиновна познакомилась с замечательными людьми. Свои знания, здоровье, все свои силы и время они отдавали рабочим. За преподавание в школе они не получали ни гроша и были вынуждены днем мыкаться по частным урокам. Счастье, если некоторым удавалось получить постоянное место. И первое, что пришлось сделать самой Надежде Константиновне, — отказаться от урока при гимназии, единственного, дававшего ей постоянный заработок, так как его время совпадало с временем занятий в рабочей школе. В 1894 году ей удалось устроиться в Главное управление железных дорог.

Первой, с кем познакомил Надежду Константиновну Мещеряков, была Анна Ивановна Чечурина, впоследствии ставшая его женой. Они были ровесницами. Анна Ивановна помогла Крупской войти в студенческую группу Караваевой. В школе собралось много народовольцев — П. Ф. Куделли, Н. Л. Мещеряков, Л. М. Книпович. Они пытались и Надежду Константиновну привлечь на свою сторону. Ездить в школу ей часто приходилось вместе с Мещеряковым. Вот как он рассказывал об этом впоследствии:

«Она уже в то время была марксисткой. Познакомившись с нею, я немедленно начал упорные атаки, чтобы совратить ее в народничество и привлечь к работе в нашей группе. Она, со своей стороны, старалась склонить меня к марксизму. Нам часто приходилось ездить вместе в далеко расположенную от центра школу, и это долгое путешествие заполнялось всегда горячими спорами. Но с Надеждой Константиновной я ничего не мог сделать. Эта молодая, до последней степени скромная на вид девушка обнаружила хорошее (насколько это было возможно в то время) знание марксизма и народничества. Она умело и ловко отражала все мои атаки и немедленно переходила в наступление. Целый год воевали мы с нею таким образом. Ее упорство, ее вдумчивость уже тогда поразили меня».

Сначала Крупская присматривалась к учителям и учащимся. Здание школы напоминало фабричный корпус. Классы освещались керосиновыми лампами, обстановка классов была самая простая — скамейки, столы. Три раза в неделю, по вечерам, в школу приходили рабочие,

причем только одни мужчины. Держались группами. Рядом с пожилыми бородатыми мужиками совсем молодые, недавно приехавшие из деревни парни. В то время за Невской заставой было три школы — две в селе Смоленском, мужская и женская, и одна в селе Александровском. Их посещало около тысячи человек с окрестных предприятий: Паля, мануфактуры Максвелля, суконной фабрики Торнтона, с Александровского и Семянниковского заводов, с табачной фабрики, со склада Громова и других.

Наконец Надежда Константиновна получила небольшую группу совсем неграмотных рабочих. На первых порах не обошлось без курьезов. Она никогда не обучала взрослых людей, многие из которых годились ей в отцы. Она не понимала их манеры мыслить, смущалась, объясняла все слишком схематично. Тогда многие учителя переносили приемы детских школ на школу взрослых, мучили учеников диктовками, сочинениями.

Как-то Крупская получила диктанты. Дома стала их проверять. Раскрыла тетрадь рабочего с табачной фабрики Васильева и ахнула — одни гласные буквы, все согласные пропущены. «Ну и обучила!» Всю ночь не спала Надежда Константиновна, стараясь понять, в чем была ее ошибка.

Первый год был очень трудным. Постепенно Надежда Константиновна освоилась, ее полюбили ученики. Она была очень прямой и искренней, ее увлеченность передавалась ученикам. Скоро ее перестало удовлетворять преподавание элементарных основ грамоты. Хотелось расширить границы программы. Однажды в перерыве между занятиями в кабинете Поморской возник спор, что можно и нужно давать ученикам. Очень талантливая преподавательница, Екатерина Николаевна Щепкина, утверждала, что можно давать что угодно, лишь бы это было изложено интересно и доходчиво. «Хотите, — горячо сказала она, — следующий урок я посвящу нумизматике, и никто не уйдет!»

Действительно, два часа она так живо говорила о тонкостях науки, о которой рабочие не имели никакого представления, что те слушали не шелохнувшись. После урока кто поздравлял Щепкину, кто удивлялся, и вдруг взорвалась всегда спокойная и уравновешенная Крупская: «Как вам не стыдно играть в эту игру! Они 14 часов работали, пришли за крохами знаний, а вы самовлюбленно позируете и зря отнимаете у них время». Все изуми-

лись, от Надежды Константиновны никто этого не ожидал. «Может быть, вы предложите что-либо новое?» — спросили ее. И она действительно предложила. По четвергам в школе собирались все группы и проводили чтение с «волшебным фонарем» (так называли в те времена проекционный фонарь). Обычно читали какие-либо художественные произведения, чаще всего Толстого. Надежда Константиновна предложила вместо чтения рассказывать рабочим о разных странах. Поморская возражать не стала.

Первый доклад делала сама Крупская. Много пришлось порыться в библиотеках, заниматься ночами. Наконец наступил этот четверг. В комнату входили рабочие, удивлялись — вместо привычного «волшебного фонаря» они увидели большую географическую карту. Надежда Константиновна от волнения первые фразы произнесла почти шепотом. Но, заметив, как внимательно смотрят на нее рабочие, она постепенно успокоилась.

Первая «географическая» лекция была посвящена Швеции. Надежда Константиновна говорила не только о природе, о городах этой страны, но и о государственном строе, на примерах из жизни шведских рабочих рассказывала о классовой борьбе. Иногда она взглядывала в ту сторону, где сидели Поморская и несколько учительниц. Милая Зинуша Невзорова подмигивала ей одобрительно. Ласково кивала Аполлинария Якубова. Лицо ее противницы Щепкиной было замкнуто и непроницаемо. Вот и окончена лекция. Взглянула на часы, удивилась: на лекцию давали полтора часа, а она говорила всего 45 минут. Ольга Петровна подошла к ней, ласково обняла за плечи: «Как это вы могли так спокойно говорить?» Надежда Константиновна улыбнулась, пожала протянутые руки и быстро выбежала в соседний класс. Там, в темной комнате, она бурно разрыдалась от пережитого волнения. Но теперь она поняла — у нее есть силы, а умение и спокойствие придут.

С тех пор «география» стала еженедельным предметом. На эти занятия собиралось по 200 человек, для отвода глаз открывали учебники географии, а затем шли рассказы о жизни и борьбе рабочих в европейских странах, об английском парламенте, о роли машин и пр.

На другой год Надежда Константиновна попросила дать ей более сильную группу. Здесь были и молодые грамотные ребята, хотевшие получить побольше знаний, и пожилые рабочие, малограмотные, желавшие больше

узнать о жизни. Между ними были и такие рабочие, которых уже высылали из Петербурга.

На занятия люди приходили прямо от станка, не успев даже переодеться и отдохнуть. И если лектор читал скучно и однообразно, учащиеся часто засыпали...

Редко все ученики дотягивали до конца учебного года, уже после рождества даже у лучших учительниц группы таяли.

Среди учеников Надежды Константиновны было много текстильщиков. Почти все они были с притупленным слухом, сплошь безграмотные, и заниматься с ними было особенно трудно. Надежда Константиновна решила познакомиться с обстановкой, в которой работают ее ученики. С одной из учительниц отправилась она однажды на фабрику. Ходили долго из одного цеха в другой, рабочие тут же, не отходя от машины, объясняли им производственный процесс. Шум в цехах не давал возможности хорошенько разобраться, кругом стояла густая пыль, было душно, свет еле пробивался через грязные окна. Надежда Константиновна и ее спутница едва протискивались через узкие проходы между станками, рабочие с недоумением рассматривали двух молоденьких женщин, которые всем интересовались.

Крупской казалось, что у нее не хватит сил пройти через этот ад. А ведь в таких условиях надо работать 10—12 часов! И как-то совсем по-другому стала смотреть Крупская на своих учеников, когда они, склонившись над тетрадкой, старательно выводили заскорузлыми пальцами буквы.

Однажды возвращались домой втроем: Крупская, Чечурина и Мещеряков. Разговор велся вокруг школьных дел. «А ты попробуй, Надюша, возить им книги из читальни, — сказала Чечурина. — А то читают всякую чушь вроде «Хождения богородицы по мукам». Можно в городской библиотеке абонемент взять, 75 копеек на пять книг». Надежда Константиновна загорелась. На следующем уроке собрали деньги, рабочие давали свои трудовые копейки спокойно — на книги не жалко, меньше пропьешь. Школа пыталась бороться и с этим бичом городских окраин.

Долго выбирала Крупская первые книги по абонементу. Принесла свои самые любимые: Толстого, Тургенева, Жюля Верна. С нетерпением ждала отзывов. Через несколько уроков подошел к ее столу пожилой рабочий, взявший «Войну и мир», положил книгу и с какой-то

даже обидой сказал: «Чепуха какая-то, это на диване развалясь читать. Нам это не подходит». Надежда Константиновна растерялась — Толстой не подходит. Но как она ни убеждала ученика, все было напрасно, — «длинно, непонятно, чуждо». Зато на «Спартака» Джованьоли, Жюля Верна и «Двенадцатый год» Мордовцева организовалась целая очередь. 18-летний паренек Николай Стремнев, получив книгу Жюля Верна «80 тысяч километров под водой», обхватил ее и так с блаженной улыбкой просидел все уроки. Появился в классе он только через две недели. «Ты что, болел?» — «Да нет, — смущенно ответил он, — времени мало, а я два раза книжку прочитал».

Очень нравилась рабочим «История одного крестьянина» Эркмана-Шатриана. С книгой этой вышла серьезная неприятность. Инженер застал рабочего Сергеева за чтением, просмотрел книгу, а там, на полях, против места, где говорилось о казни Людовика XVI, кто-то написал: «Вот и с нашим надо бы так расправиться». Инженер пошел к Варгунину, и тому с большим трудом, используя все связи, удалось замять дело.

Среди учеников Надежды Константиновны встречались люди большого таланта, ищущие справедливости, стремящиеся «докопаться до корня». Как-то, проверяя с Поморской сочинения, на одной из работ она увидела эпиграф: «Крестьянина... деревни Терпигорева, Неелова, Горелова, Неурожайки тож». В классе на возглас Поморской: «Ого, вы Некрасова читали!» — Фунтиков, высокий и стройный рабочий, заявил, что каждый должен читать Некрасова, и не читают только потому, что мешают капиталисты. Тема «капиталисты и рабочие» была излюбленной темой Фунтикова, он ухитрялся вклеить ее, даже пересказывая пушкинскую «Сказку о рыбаке и рыбке». Иногда эта тема подводила его. Так, когда праздновали десятилетний юбилей общественной деятельности Варгунина, Фунтиков прочел свои стихи, где были такие строки: «Ты эксплуатируй-то эксплуатируй, но помни свои задачи по отношению к рабочим». Получился конфуз. Попечители негодовали, а юбиляр смеялся до слез.

Вечерне-воскресная школа воспитывала в рабочих атеистов. Группу преподавателей, которая вела антирелигиозную пропаганду, возглавляла Л. М. Книпович, к ней примыкали П. Ф. Куделли, Н. К. Крупская, А. Л. Катанская, А. А. Якубова, З. П. Невзорова. Вести пропаганду нужно было очень тактично и умело, так как многие рабочие, верившие в бога, были совсем малограмотны.

Особенно удачно проходили уроки географии, где легче было объяснять рабочим философские проблемы, пользуясь конкретными примерами из естествознания и астрономии. Знакомство с естественными науками влияло революционизирующе на сознание учеников.

Все ученики обязаны были посещать уроки закона божия. Но из группы Крупской никто не ходил. Священник устраивал скандалы, жаловался начальству. Могли официально закрыть группу. И Надежда Константиновна уговорила учеников ходить на закон божий по очереди. Стали ходить по два человека, на занятиях спорили с попом. А потом, смеясь, говорили друг другу: «Невтерпеж ведь. Спорить нельзя, а чего он несет! С Дарвином спорил. Брось, говорит, курицу в воду, разве у нее вырастут перепонки?» Учение Дарвина стало очень популярно в школе после прекрасных лекций по естествознанию, которые читал Б. А. Витмер.

В апреле 1891 года Надежда Константиновна впервые участвовала в большой демонстрации, это были похороны публициста и общественного деятеля Николая Шелгунова, человека, пользовавшегося у молодежи высоким авторитетом. К его голосу прислушивались с особенным вниманием, как к голосу человека, много испытавшего и сохранившего неизменную верность убеждениям своей молодости. В этих похоронах принимали участие сестры Ленина — Анна Ильинична и Ольга Ильинична.

В молчании двигалась бесконечная процессия по улицам столицы. Рядом со студенческой молодежью, с интеллигенцией здесь можно было видеть многочисленные группы рабочих. Незадолго до смерти писатель получил адрес от петербургских рабочих, где говорилось: «Мы поняли, что нам, русским рабочим, подобно рабочим Западной Европы, нечего рассчитывать на какую-нибудь внешнюю помощь, помимо самих себя, чтобы улучшить свое положение и достигнуть свободы».

Вслед за гробом рабочие несли венок, на красной ленте которого переливались слова надписи, составленной самими рабочими: «Н. В. Шелгунову, указателю пути к свободе и братству».

Идя в толпе с другими товарищами по кружку, Надежда Константиновна всем своим существом чувствовала, какую силу представляют люди, захваченные общей идеей, единым порывом. Чувствовала себя частицей огромного и сильного целого.

«СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА»

Учительствуя в школе за Невской заставой, Надежда Константиновна продолжала участвовать в работе марксистских кружков. У Бруснева она близко познакомилась с лучшими представителями рабочего класса — Н. Богдановым, Ф. Афанасьевым, В. Шелгуновым и другими. Ткач Федор Афанасьев был одним из организаторов кружка за Обводным каналом. Собирались в его маленькой комнатке на четвертом этаже доходного дома для рабочих. Сухой кашель прерывал его речь, а тонкие нервные пальцы выдавали многолетнюю привычку управляться с хлопчатобумажной нитью на ткацком станке. Его жизнь была посвящена одному делу — пробуждению сознания рабочего класса, борьбе за его организацию. Несмотря на слабое здоровье, у этого человека был неисчерпаемый запас энергии. Он был полон планов, организовывал кружки, кассы взаимопомощи, использовал каждое событие фабричной жизни, каждый номер газеты, чтобы указывать рабочим на их интересы и призывать их к объединению, к борьбе за отстаивание своих интересов. Он был одним из активнейших организаторов первой в России маевки, которую провела группа Бруснева 1 мая 1891 года.

Около двухсот рабочих собралось в овраге за Нарвской заставой, в глухом и безлюдном месте. Первым поднялся на импровизированную трибуну, которой служил пень, кузнец Егор Афанасьев. Он призывал к политическому единению для борьбы за социалистические идеалы. Затем выступили рабочий с завода Лесснера Богданов, еще рабочий. И вот к трибуне подошел Федор Афанасьев. Он говорил глухо, часто кашлял, но какой страстью и гневом дышали его слова: «Товарищи! Мы видим, что все наши страдания происходят от существующего экономического строя, дающего широкий простор для произвольной кулаческой эксплуатации, который надо сменить на более лучший и справедливый социали-

стический строй. Но для того чтобы осуществить на деле такой экономический порядок, нам необходимо приобрести политические права, которых мы в настоящее время не имеем...»

Эти четыре речи были напечатаны в следующем году Г. В. Плехановым.

Бруснев в 1892 году был арестован и осужден на шесть лет тюрьмы. Молодая организация получила тяжелый удар. Но она оказалась достаточно крепкой, выдержала его. На пасху участники ее встретились у Степана Радченко, чтобы создать новую группу. Собрались люди, уже хорошо знавшие друг друга, — Василий Шелгунов, Глеб Кржижановский, Семен Фунтиков, Герман и Леонид Красины, Василий Старков, Петр Запорожец, Иван Радченко. Вместе пришли учительницы Смоленских классов — Надежда Крупская, сестры Софья и Зинаида Невзоровы, Аполлинария Якубова. Степан Радченко отчитал учительниц за неконспиративный совместный приход. «Полно, полно, — оправдывалась Софья Павловна, — сейчас на улицах все компаниями, на нас и внимания никто не обратил».

В уютной квартирке пахло ванилью, свет лампы ложился на праздничный стол, но лица собравшихся были серьезны.

В этот вечер еще раз проверили и установили явки, решили, кто каким руководит кружком, где собираются. Задача учительниц и учеников воскресной школы была вербовать в кружки наиболее сознательных рабочих. Именно в 1893/94 году появляются в классах такие замечательные люди, как Иван Бабушкин, братья Бодровы, Грибакин и другие, — будущие члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

Иван Васильевич Бабушкин попал в группу Лидии Михайловны Книпович — образованного человека, опытного, закаленного бойца. Он приглядывался к рабочим прощупывал их, стараясь отобрать тех, кто более развит и настроен по-боевому. Школа пользовалась хорошей славой среди рабочих Питера. В группу Крупской приезжал из-за «географии» даже рабочий с Путиловского завода

Вырастал совершенно новый тип рабочего. Этот новый рабочий умел и не боялся бороться за свои права. Споря с управляющим или мастером, он свободно оперировал такими понятиями, как «интенсивность труда», «эксплуатация» и т. д.

Между учителями и учениками установились со-

всем товарищеские отношения. «Ученики были на подбор, — писала Надежда Константиновна, — и о многом мы с ними говорили. Потом все в разные сроки были арестованы, все вошли в движение. Мы по вечерам обычно запирали парадную дверь на ключ, оставляя открытым лишь черный ход, и таким образом бронировались как от могущего внезапно приехать инспектора, так и от непрошеных посетителей.

Внутреннюю охрану ученики взяли на себя. «Сегодня ничего не говорите, — предупреждает кто-нибудь из учеников, — новый какой-то пришел, не знаем его еще хорошенько, в монахах, говорят, ходил». И не только меня предупреждали ученики. «Черного того берегитесь, — говорит Лидии Михайловне Книпович пожилой религиозный рабочий, — в охранку он шляется».

В конце концов мы знали все, что делается на тракте: какая партия ведет работу в рабочей массе, как рабочие к ней относятся, как на нее реагируют, что им в ней нравится, что не нравится. Когда стали выходить листки, мы получили через школу — ничего даже не спрашивая — самые подробные сведения о том, как они были распространены и какое впечатление произвели».

Уроки Надежды Константиновны пользовались большим успехом. Один из рабочих, впоследствии видный революционер В. А. Шелгунов, так рассказывал о ее работе в школе: «...Я познакомился с Надеждой Константиновной на вечерних курсах для рабочих, где она читала курс русской литературы, причем она всегда выбирала таких авторов, которые больше всего говорили о положении рабочих и крестьян. Мне особенно хорошо запомнилась ее лекция о Некрасове, в которой она говорила о том, как крестьян эксплуатировали помещики и угнетало царское правительство. Надежда Константиповна на своих занятиях всегда говорила очень простым языком, так что рабочие как-то особенно хорошо чувствовали на ее лекциях. Много было в вечерних школах учительниц, но лекции Надежды Константиновны особенно охотно посещались».

Начинался подъем революционного рабочего движения, и в связи с этим раздробленность отдельных кружков, отсутствие единой сплоченной организации профессиональных революционеров, наличие различных идейных течений стали особенно чувствоваться. Одним из них было особое течение, проповедовавшее механистическую точку зрения на ступени общественного развития, отрицав-

шее революционную диалектику марксизма. Бороться со сторонниками «механистичности» было очень трудно. Произведения Маркса, кроме первого тома «Капитала», никто не читал, даже «Коммунистический манифест» не видели, он не был переведен на русский язык.

В кружках живо обсуждался вопрос о рынках. Этот вопрос стоял в тесной связи с общим вопросом понимания марксизма. По рукам ходила тетрадка «о рынках», в которой были изложены взгляды питерского марксиста, технолога Германа Красина. Надежда Константиновна его очень хорошо знала, они были в одном кружке. Тетрадка побывала во многих руках.

Надежда Константиновна тоже внимательно прочла заметки и возражения, написанные на полях убористым и четким незнакомым почерком. Товарищи объяснили ей, что все возражения сделаны очень знающим марксистом, недавно приехавшим с Волги, и Надежде Константиновне захотелось поближе познакомиться с этим приезжим, узнать его взгляды.

Позднее Надежда Константиновна вспоминала:

«В разгар этих споров приехал в Питер Ленин. Он хорошо знал Маркса и Энгельса, был по части Маркса начитан куда лучше, чем питерские марксисты, продумал вопрос о связи города и деревни до конца, к вопросу о развитии капитализма в России подходил широко, не суживал вопроса, подходил с точки зрения революционера. Он сейчас же связался с нашей марксистской верхушкой, связался и с группой Струве, ввязался в спор о рынках, о путях развития.

Летом 1894 года была написана и издана нелегально его книжечка «Что такое «друзья народа». Эта книжечка особо подчеркивала цели борьбы, революционное значение классовой борьбы, роли пролетариата, недопустимость узкого понимания марксизма, давала картину общественного уклада в целом.

Эта книжка («желтенькие тетрадки»), изданная нелегально, в небольшом числе экземпляров, распространение которой требовало большой конспирации, сыграла тогда громадную роль. Я помню, что все мы переживали, когда Ильич зачитывал ее нам...» [1]

В конце февраля, на масленицу, у инженера Роберта Эдуардовича Классона произошла встреча питерских марксистов с приезжим. Устроили блины, благо предлог был

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 57, л. 14—15.

удачен. Пригласили Надежду Константиновну Крупскую с Зинаидой Невзоровой.

Этот вечер Надежда Константиновна запомнила навсегда. День выдался морозный, дул холодный ветер с Невы, солнце казалось ярким малиновым шаром, медленно опускавшимся за горизонт. Надежда Константиновна торопилась: после занятий надо было забежать домой, предупредить мать, что задержится поздно, ведь ехать приходилось на окраину — семья Классона жила на Охте.

Разрумянившаяся, с выбившейся из-под шапочки прядью пушистых волос, вошла она в квартиру Классона. Ее встретили радостными возгласами, почти все были в сборе.

Владимир Ильич в первый момент показался всем старше своего возраста — позднее за ним укрепилась партийная кличка «Старик». Держался он несколько скованно, напряженно, больше слушал и молчал. Надежда Константиновна тоже мало принимала участия в споре, но внимательно прислушивалась к каждому слову. Ульянов приехал договориться с петербургскими марксистами, однако разговор не получился. Многие из присутствовавших колебались, боялись открытой борьбы. В ответ на чье-то предложение участвовать в комитетах грамотности зло и сухо прозвучал смех гостя, и в наступившей внезапно тишине раздался непримиримый ответ: «Ну что ж, кто хочет спасать отечество в комитетах грамотности, что ж, мы не мешаем». Все почувствовали себя неловко. Надежда Константиновна сразу поняла, что этот человек не будет колебаться, что он ясно видит цель и пути борьбы, что он наметил программу действий, которую будет выполнять, не жалея сил. Впервые революция показалась ей близкой и возможной. Нет, не дети и внуки, а они, те, кто сидит сейчас в этой комнате, будут совершать революцию. Видно, те же чувства испытывали многие присутствовавшие.

На этой встрече так ни о чем и не договорились. Возвращались поздно. Товарищи делились впечатлениями, больше всего говорили об Ульянове, и Надежда Константиновна впервые услышала о замечательной семье, о трагической гибели его старшего брата Александра. И чисто по-женски пожалела, что не нашлось возможности сказать ему что-нибудь теплое, сочувственное. Сразу стала понятна его непримиримость и кажущаяся суровость. Уже дома, рассказывая о встрече матери — от нее у

Нади не было секретов, мать была ее лучшим другом, — она по-новому для себя открыла Владимира Ильича. Вспомнила, что несколько раз встретились неожиданно их взгляды.

Быстро прошло лето. Осенью на квартире у того же Классона собрался цвет петербургских марксистов — Ульянов читал свою новую работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Слушали с напряженным вниманием. Даже те, кто еще не совсем отошел от народничества, понимали, что эта работа подытоживает целый этап в русском революционном движении. Владимир Ильич блестяще доказал, что к концу XIX века народничество из революционного переродилось в либеральное. Бережно относясь к опыту народников 70-х годов, которых он глубоко уважал за мужество, героизм и революционную закалку, Владимир Ильич показал, что либеральные народники стали идеологами мещанства и мелкой буржуазии. Он обрушился на теорию народников о героях, делающих историю, показав, что подлинный творец истории — народ.

С большим трудом книгу гектографировали, и «желтенькие тетради» ходили по рукам. Замечательная теоретическая работа распространялась без подписи.

Очень скоро Надежда Константиновна выяснила, что ее лучшие ученики ходят в кружок Владимира Ильича. Как-то после занятий, собираясь домой, она увидела в коридоре Бабушкина. Иван Васильевич взял из ее рук пачку книг. «Я помогу вам донести до конки». Полторы версты шли медленно, Бабушкин рассказывал о руководителе кружка. «Ох и умен наш лектор! Все объясняет так понятно и всегда старается вызвать спор. Так не только знания приобретешь, но и научишься речи произносить». — «Да вы и так неплохо их произносите», — засмеялась Надежда Константиновна.

Через несколько дней, придя в Публичную библиотеку, чтобы подготовиться к лекции о Некрасове, она увидела за одним из столов знакомую фигуру Ульянова.

О многом они переговорили в тот вечер, идя из библиотеки. Под влиянием рассказов Надежды Константиновны о своих подопечных Владимир Ильич захотел пойти на занятие в Смоленскую школу. По воспоминаниям современников, Ленин был на уроке Прасковьи Францевны Куделли.

Учительницу поразило лицо незнакомца, очень живое, подвижное, с огромным лбом и умными внимательными

глазами. По нему сразу можно было судить о впечатлении, которое производил урок. Вот он слушает с интересом, кивает, удивился и вдруг заскучал.

Надежда Константиновна, отвечая в марте 1938 года на вопросы заведующего залом Ленинградского филиала Центрального музея В. И. Ленина, писала: «Бывал ли Владимир Ильич в Смоленской школе... — не знаю, я читала это в воспоминаниях, но сама свидетельницей его посещений не была и от него о них не слыхала...»

В апреле 1895 года Владимир Ильич провел совещание с группой учительниц воскресной школы. Говорили о путях и методах революционной пропаганды. Внимательно слушал Владимир Ильич рассказы о рабочих. Для него не было мелочей. Так, его заинтересовал разговор о сочинениях рабочих на тему «Моя жизнь», о которых рассказала Анна Ивановна Чечурина. Это были подлинные человеческие документы, в каждом были яркие картинки крестьянского и рабочего быта. Позднее он попросил давать ему эти сочинения.

Договорились в этот вечер на будущее: не устраивать никаких общих чаепитий и интеллигентских перебалтываний, встречаться только в крайних случаях, внимательно следить, чтобы не привести «хвост». Слежка тогда была ужасная, многие дворники состояли агентами охранки.

Владимир Ильич очень скоро убедился в острой наблюдательности Надежды Константиновны, умении подмечать характерные мелочи и в быту, и в поведении, и в настроении рабочих. Однажды он попросил ее с кемнибудь из учительниц сходить в рабочие общежития, собрать материал для листовок. Появляться в рабочих районах интеллигентам было опасно, это сразу привлекало внимание охранки. Поэтому Надежда Константиновна и Аполлинария Якубова оделись под работниц.

В огромном мрачном здании общежитий они чуть не задохнулись. Затхлый, спертый воздух, грязные, затянутые паутиной окна. Нары в два этажа. Из кухни тянет перепревшими щами. Усталые работницы без сил лежат на нарах, тут же стирают. Еще страшней в семейном общежитии. Одну семью от другой отделяют только ситцевые занавески. Смрад, запах пеленок, неумолкающий гул голосов. О каком отдыхе, о каком самоусовершенствовании может идти тут речь? Надежда Константиновна и Аполлинария Александровна переходили из комнаты в комнату, якобы разыскивая свою знакомую. В общей

кухне раскрасневшаяся усталая кухарка сидела около огромной русской печи, где стояли многочисленные чугуны. Каждая семья платила кухарке два рубля, чтобы следила за готовкой. «А эти-то чугуны чуть теплые», — заметила Крупская. «А тебе что? — вскинулась кухарка. — Куда я их, на голову, что ли, поставлю? Ничего, за рубль и так похлебают».

Вечером в скромную квартирку Крупских на Старо-Невском пришел Владимир Ильич. Надежда Константиновна представила его матери. Подробно рассказала ему Надя о посещении общежитий. «Вы даже не представляете себе, как это важно! — воскликнул Владимир Ильич. — Чтобы наша агитация доходила до сердца рабочего, мы должны знать его жизнь досконально». Все сведения, собранные Крупской и членами кружка Ульянова, легли в основу листовок, написанных Владимиром Ильичем.

Ленин и рабочие... Те, ради счастья которых он жил и боролся... Сколько исследований, книг, статей будет написано об этом! Но никому не дано сказать лучше, точнее, чем скажет Надежда Константиновна в письме автору книги «Невская застава» Н. П. Паялину: «...Не удался образ Ленина. Он не только излагал биографии Маркса и Энгельса и улыбался кончиками губ, он заразительно смеялся, он был страстным пропагандистом, он хотел вооружить рабочих теми знаниями, которые он почерпнул у Маркса и Энгельса, просто, ясно изложить рабочим самую суть учения Маркса, убедить их, что добиться социализма может только рабочий класс, если соорганизуется как следует для борьбы.

Ильич умел раскрывать рабочим глаза на связь учения Маркса с их повседневной жизнью, учил перекидывать мост между теорией и практикой» [1].

И сама Крупская, те, кто шел рядом с ним, впитывали это ленинское отношение к рабочим, учились у него умению понимать самых забитых, отсталых и поднимать их до высот социалистического сознания.

А тогда, в уютной квартирке Крупских, сидя за столом, Владимир Ильич слушал рассказы Надежды Константиновны и сам впервые за долгое время разговорился: ему очень понравилась мать Крупской — Елизавета Васильевна, и он подробно рассказывал о своей семье, о горячо любимом Саше, о том, как совсем недавно схоронил

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 78, л. 107.

здесь, в Питере, свою младшую сестру Ольгу, которой едва минуло 19 лет. Очень талантливая девушка, удивительным трудолюбием ее восхищался Владимир Ильич, она готовилась к поступлению в Стокгольмский университет.

Владимир Ильич стал заходить в эту квартиру почти каждое воскресенье, тем более что он сам жил неподалеку, в переулке возле Московского вокзала. «Я жила в то время на Старо-Невском, — вспоминает Крупская, — в доме с проходным двором, и Владимир Ильич по воскресеньям, возвращаясь с занятий в кружке, обычно заходил ко мне, и у нас начинались бесконечные разговоры. Я была в то время влюблена в школу, и меня можно было хлебом не кормить, лишь бы дать поговорить о школе, об учениках, о Семянниковском заводе, о Торнтоне, Максвелле и других фабриках и заводах Невского тракта. Владимир Ильич интересовался каждой мелочью, рисовавшей быт, жизнь рабочих, по отдельным черточкам старался охватить жизнь рабочего в целом, найти то, за что можно ухватиться, чтобы подойти к рабочему с революционной пропагандой».

Но однажды Владимир Ильич исчез, исчез тогда, когда была подготовлена его поездка за границу. Он не пришел в библиотеку, не было его на встрече со Старковым и Ванеевым. Глеб Максимилианович Кржижановский вечером приехал в школу. Отозвав в сторону Надежду Константиновну и Зинаиду Павловну, сказал: «Старик» заболел, началось воспаление легких, надо организовать уход. А то он лежит в своей комнатушке один». На другой день они вместе, захватив корзиночку с едой, отправились в знакомый переулок близ Московского вокзала.

Владимир Ильич обрадовался их приходу. Хозяйственная Зина сразу принялась хлопотать, готовя ужин. Надя, присев у постели, выкладывала новости, рассказывала о работе, о товарищах. Несколько дней положение было тяжелым. Надежда Константиновна, сестры Невзоровы, Якубова бывали у Владимира Ильича ежедневно. Когда состояние больного улучшилось, как-то само собой получилось, что ходить стала одна Надежда Константиновна. Она читала ему газеты, вместе они переводили немецкие статьи.

Однажды, входя в квартиру, Надежда Константиновна услышала в комнате Владимира Ильича незнакомый женский голос, она нерешительно остановилась и совсем смутилась, когда хозяйка квартиры объяснила: «Матушка к ним приехали». У кровати Владимира Ильича сидела

очень миловидная пожилая женщина с черной кружевной наколкой на совсем седых волосах. При первом же знакомстве возникла между Марией Александровной и Надеждой Константиновной та взаимная симпатия, которую они пронесли через долгие годы.

После выздоровления Владимир Ильич собрался в Женеву к Плеханову. Он настаивал, что связи на время его отъезда должны быть переданы совершенно «чистому» от слежки человеку. Долго обсуждали все кандидатуры и выяснили, что только за Надеждой Константиновной никогда не было никакой слежки. «В контакт с полицией не входила, — улыбнулся Сильвин. — Что ж, принимайте дела, Надежда Константиновна».

Это заседание активных членов будущего «Союза борьбы» состоялось в Царском Селе в скромной комнатке Сильвина, который давал уроки в семье известного писателя Гарина-Михайловского. Собралось шесть человек, на встречу ехали поездом в разных вагонах, как совершенно незнакомые люди.

Владимир Ильич давал последние советы, целый час он учил Надежду Константиновну шифровать письма и документы.

Поездка Владимира Ильича за границу имела большое значение. Социал-демократы в России хотели установить более тесный контакт с группой «Освобождение труда».

Летом 1895 года целая группа учительниц вечерне-воскресной школы поселилась в деревнях недалеко от станции Валдайка. Надежда Константиновна с матерью, семья Книповичей, Караваевы жили рядом. В соседней деревне сняла избу распорядительница школы О. П. Поморская. С сердечной теплотой до конца жизни вспоминала Надежда Константиновна эти месяцы, прошедшие в простом труде, в тесном общении с близкими по духу людьми. Хозяйство взяли на себя Лидия Михайловна Книпович, и у нее завязались обширные связи с крестьянами. Надежда Константиновна любила слушать долгие, неторопливые разговоры, которые умело вела Книпович с самыми разными людьми, — о доле женщин, о видах на урожай, о религиозных праздниках («Как никто умела Лидия Михайловна разоблачать «поповский дурман»), о том, как часто болеют и умирают дети. По инициативе неугомонной Лидии Михайловны организовали школу для ребятишек окрестных деревень. Единственный раз в жизни удалось Надежде Константиновне осуществить свою мечту — поработать сельской учительницей. Сколько души, желания, труда,

знаний вложили в дело преподаватели, такую тягу к грамоте проявили учащиеся, что за короткое лето успели два десятка девчонок и мальчишек научиться и читать, и считать, и писать. Их безграмотным родителям это казалось чудом, и они не знали, как благодарить «городских» учительниц.

В начале сентября вернулся из-за границы Владимир Ильич. Его ждали не только товарищи. Полиция уже не спускала с него глаз. Через день после его приезда к Надежде Константиновне пришла двоюродная сестра. Сидели, разговаривали о петербургских новостях. «Знаешь, Наденька, интересный сегодня ночью на дежурстве случай был, — рассказывала Елена (она служила в адресном столе). — Сижу я, читаю книжку. Вдруг во втором часу входит господин, показывает мне полицейский значок и просит картотеку на букву У. Хвастает: «Выследили вот важного государственного преступника Ульянова — брата его повесили, — приехал из-за границы, теперь от нас не уйдет». Ко всему была готова Надежда Константиновна, и все-таки сердце замерло. С трудом дождалась ухода гостьи, оделась и вышла. В голове была одна мысль: «Успеть предупредить!» — «Не надо волноваться, — сказал Владимир Ильич. — Этого можно было ждать, да ведь улик-то у них пока нет. Постараемся не дать им повода для ареста».

Работа продвигалась семимильными шагами. По инициативе Владимира Ильича все марксистские кружки Петербурга были объединены в единую социал-демократическую организацию, принявшую в декабре название «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В руководящее ядро «Союза» вошли: А. А. Ванеев, П. К. Запорожец, Г. М. Кржижановский, Н. К. Крупская, Ю. О. Мартов, А. Н. Потресов, С. И. Радченко, В. В. Старков. Возглавил группу В. И. Ульянов.

Одной из первых организованных «Союзом» забастовок была забастовка 500 ткачей фабрики Торнтона, вспыхнувшая в ноябре 1895 года.

«Союз» распространил две листовки, обращенные к забастовщикам: «Чего требуют ткачи» и написанную Ульяновым «К рабочим и работницам фабрики Торнтона».

В распространении листовок принимали участие и рабочие, и члены «Союза», интеллигенты. Так, листок к рабочим Семянниковского завода, переписанный от руки печатными буквами, распространял Бабушкин. Вечером он рассказывал Надежде Константиновне: «Не очень

ладно получилось. Два листка неудачно бросил, сторожа подняли, а другие два попали в надежные руки, их стали читать и передавать товарищам».

Надо было искать типографию, и она нашлась. Помогли народоволки — Л. М. Книпович и П. Ф. Куделли. Они имели связь с небольшой нелегальной типографией на Лахте. Благодаря Лидии Михайловне Книпович там были напечатаны ленинская брошюра «О штрафах» и ряд других социал-демократических изданий.

«Союз» решил создать свой печатный орган — «Рабочее дело».

Номер готовили очень тщательно. Владимир Ильич написал основные статьи и редактировал весь материал до последней строки. Дали статьи Запорожец, Кроликов, рабочий с Торнтона и многие другие. 8 декабря собрались у Надежды Константиновны, чтобы прочесть уже готовый экземпляр.

«Рабочее дело» было переписано в двух экземплярах. Каким счастьем сияли глаза присутствующих, каждому хотелось самому еще и еще прочесть статьи, проверить впечатления от материала. Один экземпляр Ванеев унес, а другой остался у Надежды Константиновны.

В этот вечер в Дворянском собрании был большой студенческий бал. Решили использовать его для встречи с руководителями студенческих кружков. «Да и повеселимся заодно, все-таки молодость проходит», — пошутил Михаил Сильвин. Надежда Константиновна плохо себя чувствовала и не смогла пойти. Владимир Ильич обещал ждать ее на следующее утро в читальне.

Утром в читальню он не пришел. Надежда Константиновна, еще ничего не подозревая, отправилась к Ванееву за журналом. Подходя к дому, заметила мужскую фигуру в подворотне, но отступать было поздно, и она позвонила. Открыла хозяйка квартиры и, даже не ответив на приветствие, бросила: «Съехал он, еще вчера». И захлопнула дверь. Спиной чувствуя слежку, Крупская медленно, не спеша шла по улице. Что ж, к Чеботаревым она может зайти, ведь он ее сослуживец по Главному управлению железных дорог, а что он также знакомый Ульянова, полиция, возможно, не знает. Владимир Ильич и у Чеботаревых не появлялся. Стало ясно — арест. Надежда Константиновна вернулась домой и, стараясь не выдать матери своего горя, волнения, спокойно пообедала. Затем, взяв экземпляр «Рабочего дела» и другие документы, пошла к своей гимназической подруге Нине Герд. Дом

директора гимназии был надежным убежищем, а Нина разделяла взгляды Крупской, хотя и не состояла в «Союзе».

Вечером собрались у «Булочкиных» — сестер Невзоровых. Удалось установить, что арестовано все руководство «Союза». «Надо продолжать работу, — решительно сказала Крупская. — Пусть полиция поймет, что нас много, что арестованные не одиноки и нельзя приписать им одним все антиправительственные действия».

Всю ночь она не спала. Она никогда не плакала в трудную трагическую минуту. Брала себя в руки. Работать, только работать.

В школе перед началом занятий к ней подошел Бабушкин. Он незаметно отозвал ее под лестницу. Передав листок, написанный рабочими по поводу ареста группы товарищей, шепотом сказал: «Надежда Константиновна, срочно надо размножить листок и немедленно распространить». После занятий, поздно вечером, она отправилась на квартиру Степана Ивановича Радченко. Там собрались остатки группы. Листок прочитали вслух. Начали обсуждение, некоторые возражали: «Разве можно печатать этот листок — он ведь написан на чисто политическую тему». Большинство решило листок печатать, так как он выражал настроение и волю рабочих.

Хотя все основное ядро группы оказалось в тюрьме, работа не замирала. Связь с арестованными быстро установилась самая тесная. Переписка шла шифром, использовались книги. Шифр наносили молоком между строк, все сходило очень хорошо, провалов не было.

В тюрьме центром сношений с волей был Владимир Ильич. Передачи ему носили Анна Ильинична и Мария Александровна. Он запрашивал много книг и справочного материала. В тюрьме он продолжал работу над своим трудом «Развитие капитализма в России». Передавала через Анну Ильиничну ему книги и Надежда Константиновна. Почти всегда в книгах были зашифрованные письма делового содержания. Но часто она вкладывала письмо и от себя — она очень волновалась за Владимира Ильича, очень любила его, и ей хотелось теплым словом скрасить его пребывание в тюрьме, в одиночке.

Владимир Ильич в письмах к товарищам почти каждый раз спрашивал, как дела у «Миноги», не случилось ли что с «Рыбой» [1].

[1] «Минога», «Рыба» — партийные клички Надежды Константиновны.

Наконец, в одном из писем он просил Надежду Константиновну прийти в определенное время и стоять на тротуаре против тюремных окон. Он заметил, что, когда заключенных выводили на прогулку, из окна лестничной клетки хорошо просматривается тротуар противоположной стороны Шпалерной улицы.

Несколько дней подряд Надежда Константиновна приходила к тюрьме. Прохожие недоуменно оборачивались при виде одинокой фигуры девушки, стоявшей против тюремного здания. Надежда Константиновна, ни на кого не обращая внимания, напряженно вглядывалась в тюремные окна. Мелькали какие-то лица, но Владимира Ильича она так и не увидела ни разу. Случилось, как нарочно, что в эти дни заключенных за какие-то нарушения на прогулки не выводили.

В мае 1896 года по заданию «Союза борьбы» Надежда Константиновна выезжала на юг — в Киев и Полтаву. Шла подготовка к созыву I съезда РСДРП.

В Киеве она должна была повидаться с Верой Кржижановской и Тучапским и договориться о подготовке к созданию нелегальной газеты. Сначала Надежда Константиновна поехала в Полтаву, так как там жила ее тетя и появление ее в городе легко было объяснить желанием повидать родственников. Здесь, в Полтаве, Крупская встретила большую группу социал-демократов — Тучапского, Румянцева, Лурье, Саммера. Провела целый ряд совещаний и договорилась обо всем. Неожиданно пришло письмо от Якубовой, Аполлинария Александровна сообщала, что стачка текстильщиков приближается, обещает быть активной, и просила вернуться в Питер.

Сразу по приезде Надежда Константиновна, только переодевшись с дороги, отправилась в «штаб-квартиру» к Степану Радченко, где застала необычную картину — на окне сидел представитель Черниговской губернии — Ленгник, у стола — Тахтарев, несколько человек из петербургского «Союза» ходили по комнатам и громко разговаривали. Степан Иванович, обычно скрупулезно требовавший выполнения правил конспирации (не подходить к окнам, не шуметь, не ходить группами), сейчас ни на что не обращал внимания. Стачка текстилей объединила все социал-демократические группы. Обсуждали, как и где печатать листовки, как их распространять.

«Наконец! Наконец-то! — воскликнул Степан Радченко. — Новости у нас плохие — типография в Лахте раз-

громлена. Лидия Михайловна, ее брат и Зина Невзорова арестованы. Там нашли также одиннадцать адресов, по которым рассылалась отпечатанная литература». Надежда Константиновна сразу решила: «Еду на Валдайку, к Книповичам, надо спасти семью и, что можно, сделать». Радченко и все присутствующие запротестовали — ехать к Книповичам — наверняка влететь, там шпиков видимо-невидимо. «Я не могу оставить их в беде, попробую, вид у меня самый дачный сейчас — загорела на юге».

Выйдя из поезда, Надежда Константиновна сразу заметила на платформе необычное «оживление», у кассы стоял пожилой господин и внимательно всех осматривал. На скамейке сидел молодой человек «полицейского типа» и меланхолично просматривал газету, по платформе прогуливались два жандарма. С невозмутимым видом Надежда Константиновна спустилась с платформы и не спеша двинулась к даче Книповичей. Ее встретила заплаканная жена Николая Михайловича. «С часу на час жду обыска, а соседи принесли целую корзину нелегальщины, не догадались сжечь». «Слава богу, успела вовремя», — облегченно вздохнула Надежда Константиновна и попросила отправить прислугу на праздник в соседнее село.

Быстро и споро Надежда Константиновна и молоденькая ученица фельдшерских курсов Анна Христофорова растопили печь, замесили тесто, будто собираются печь пироги. Притащили корзину, в которой лежал ящик со шрифтом, рукопись Владимира Ильича и масса новеньких брошюр. Жаль было жечь литературу, ведь в нее вложено столько трудов. Полагалось бы сжечь и рукопись Владимира Ильича, но у Надежды Константиновны духу не хватило. Ей казалось, что строчки живые, каждая дышит его мыслью, его волнением. Решили шрифт и рукопись спрятать. Надо было все зарыть, но как вынести из дому? Стал накрапывать дождь. Крупская обрадовалась: «Скорей, Анечка, надевай плащ». Длинные клеенчатые плащи совсем скрыли их фигуры. Христофорова взяла под плащ лопату, а Надежда Константиновна тяжелый ящик со шрифтом и рукопись Владимира Ильича. Непринужденно разговаривая, вышли они из ворот дачи: лес был по другую сторону железной дороги, пришлось переходить пути. Шпик, тот, что читал газету, двинулся к ним: «Что ж это барышни в дождичек гуляют?» Аня кокетливо улыбнулась. «Свидание назначили, не знали, что дождь пойдет». Шпик нерешительно потоптался на

месте, но, не найдя ничего подозрительного, вернулся на платформу под навес. А «барышни» углубились в лес и там благополучно зарыли свою опасную ношу.

На другой день Надежда Константиновна пошла в жандармское управление добиваться свидания с Лидией Михайловной. Сказала, что арестованная — ее троюродная сестра. Неделю пришлось ждать ответа. Жандармы проверяли, нет ли здесь других, не родственных связей. Нет, за дочерью коллежского асессора Крупского ничего не числилось пока... Свидание разрешили. Увидев Лидию Михайловну, Надежда Константиновна ужаснулась и поняла, что полиции нечего было бояться их встречи. Книпович была больна, тяжело больна нервным расстройством.

Полиция не переставала следить за оставшимися на свободе «подозрительными» лицами. Листовки, брошюры, воззвания к рабочим появлялись регулярно. Ширилась волна стачек и забастовок. В одном из донесений петербургскому градоначальнику С. Э. Зволянскому говорилось о том, что члены «Союза борьбы» готовят новое воззвание. Перечислялись те, кто не сложил оружие, — Сильвин, сестры Невзоровы, супруги Радченко. «...Таковы имеющиеся во вверенном мне управлении сведения о лицах, принимавших в последнее время участие в преступной пропаганде среди рабочих. К числу этих лиц, по агентурным сведениям, принадлежат также: дочь священника — лаборантка Высших женских курсов Аполлинария Якубова, дочь коллежского асессора Надежда Крупская и шадринская мещанка Елизавета Федорова...» [1]

Так впервые появляется имя Надежды Константиновны в полицейском досье. Оно не привлекло особого внимания полиции, в нем еще не видели никакой опасности. Поэтому в список подлежащих аресту, намеченному в ночь с 11 на 12 августа, имя Крупской было внесено на «всякий случай», для проверки.

11 августа Надежда Константиновна вернулась к ужину из библиотеки, где была встреча с товарищами. По привычке рассказала Елизавете Васильевне обо всем, что произошло за день. Они уже собрались ложиться спать, когда в двери постучали. Крупская сразу поняла — за ней. Спокойно сказала: «Мама, открой, они ничего не найдут».

Обыск продолжался несколько часов, перевернули все вверх дном, перетряхнули каждую книгу. Мать и дочь

[1] ЦГАОР, ДП VII, д. 319, ч. I, л. 82.

спокойно сидели обнявшись и наблюдали за происходящим. Жандармы действительно ничего не нашли, но Надежду Константиновну все-таки увели. Мрачные стены дома предварительного заключения с зарешеченными окнами казались еще мрачнее в сумраке августовской питерской ночи. Лязг тюремных ключей, бесконечные коридоры. В одном из них распахнутая дверь. Жандарм молча пропустил Крупскую вперед и, не сказав ни слова, захлопнул дверь.

В эту ночь Надежда Константиновна не ложилась. Шагала из угла в угол и думала. Думала о том, что где-то здесь, совсем рядом, Володя, друзья. Они еще не знают о новом провале. Почему произошел провал? Где допущена ошибка? Звено за звеном перебирала Крупская всю цепь подпольных связей, перед ней проходили лица товарищей, рабочих. Нет, среди них не найти предателя, здесь нет случайных людей...

Шли дни за днями, а на допрос ее не вызывали. Жандармы готовились, старались добыть дополнительные сведения. Надежда Константиновна привыкла к тюремному режиму, не поддавалась унынию, просила мать принести ей книг.

Почта тюрьмы — перестукивание — сообщает, что вместе с ней арестовали еще 32 человека — и Зину Невзорову, и Лирочку Якубову, и Михаила Сильвина. Арестовали нескольких ее учеников-рабочих. Договорились на допросах все отрицать.

Жандармам трудно было вести допрос, так как агентурные сведения о Крупской оказались крайне скудными. Надежда Константиновна держалась твердо, отрицала абсолютно все. Несколько часов длился допрос. А запись его уместилась на одной странице: «Протокол. 1896 г. сентября 2 дня в г. С.-Петербурге я, Отдельного корпуса жандармов подполковник Филатов, на основании ст. 1035 Уст. Угол. Судопроизводства в присутствии товарища прокурора С.-Петербургского окружного суда В. И. Носовича допрашивал обвиняемую, которая показала:

«Зовут меня Надежда Константиновна Крупская. Я не признаю себя виновной в принадлежности к какому-либо преступному сообществу и, в частности, к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». Я около пяти лет состою учительницей воскресной школы по Шлиссельбургскому тракту, но частных знакомств среди рабочих не имела, и они у меня на квартире не бывали. С Константином Константиновичем Бауэром не знакома, и он у меня

на квартире по Верейской улице никогда не был». Далее она объяснила, что встретилась с ним лишь для того, чтобы передать ему книги от Калмыковой. И затем: «Изотову-Виноградову, бывшую слушательницу Высших женских курсов, я не знаю, и по Подольской улице в доме № 39 я никогда не была. Студента Михаила Сильвина я не знаю, и таковой же у меня на квартире никогда не был»[1].

Во время следующего допроса Надежду Константиновну попросили объяснить, зачем она ездила в Полтаву. Очень естественно она ответила, что они с матерью поехали туда, чтобы навестить сестру Елизаветы Васильевны. А на Валдайку заезжала на обратном пути к троюродной сестре Книпович, просто заехала в гости. И так день за днем. Она отрицала все.

Товарищи держатся так же мужественно. Сильвин на допросах сочиняет небылицы и не называет ни одного имени. Рабочие прикинулись полуграмотными простаками. И, не найдя веских причин для обвинения, 10 сентября жандармы выпустили Надежду Константиновну под особый надзор полиции.

Она снова принимается за работу, стараясь наладить связи, организовать оставшихся на свободе. Крупская собирает деньги на Костромскую стачку на фабрике Зотова, посылает в Кострому вместе с собранными средствами (105 рублей) и листовку «К рабочим бумагопрядильной фабрики Зотова».

Старейший член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Михаил Александрович Сильвин писал о ее деятельности в петербургский период: «...она не была пропагандисткой в тесном смысле слова, но вела ответственную, очень важную для нас работу. Своим положением в вечерней школе за Невской заставой она пользовалась для привлечения новых рабочих в наши кружки, к ней стекались все особо важные или срочные сведения для нас от рабочих — членов кружков, все рабочие-вожаки лично ее знали и относились к ней с глубоким уважением и полным доверием. Она поддерживала и возобновляла обрывавшиеся связи, она была, в сущности, главным стержнем всей нашей организации...»

Тучи сгущались над всеми оставшимися на свободе. Один из рабочих, не выдержав допросов «с пристрастием», дал показания. 28 октября Надежда Константиновна бы-

[1] ЦГАОР, ДП II, 1896, д. 319, ч. III, л. 196.

ла вновь арестована. Она вновь все отрицает, но показания Бугоркова, одного из учеников школы за Невской заставой, раскрывают особую роль Крупской в организации петербургских социал-демократов. В одном из протоколов допроса Бугоркова записано: «...5 мая сего года я был на экзамене в воскресной школе, где состоит учительница Надежда Константиновна Крупская, и по окончании экзамена, когда я выходил из класса, то находившийся в прихожей Влас Щеглов остановил меня и просил передать Крупской, чтобы она назначила интеллигента руководителя для кружка в доме № 25, по какой улице, я теперь этого не помню. Я сейчас же возвратился в школу и, найдя Крупскую, передал ей просьбу Щеглова, на что она мне ответила: «Хорошо, я знаю — скажите Щеглову, что я доставлю интеллигента и что он будет называть себя «Куй железо» [1].

Самым тяжким испытанием оказалась очная ставка. Надежда Константиновна смотрела на осунувшегося, прячущего глаза Бугоркова и не испытывала к нему ничего, кроме жалости. Видно, жандармы усиленно обрабатывали его. Перед ней был сломленный духовно человек. Крупская сказала: «Я знаю его, мой ученик по школе. Ничего больше я добавить не могу». Бугоркова увели. Следователь внимательно смотрел на арестованную. Ничто не дрогнуло в ее лице, только слабый румянец проступил на щеках и ярче заблестели глаза. Он не удержался и сказал с усмешкой: «А у вас, оказывается, мадемуазель Крупская, как у некрасовских женщин, под внешним холодом таится пламень яркий. К сожалению, ваша энергия толкнула вас на недостойный путь». Надежда Константиновна глянула ему в лицо. Он оборвал фразу и сухо сказал: «Итак, продолжим».

Одиночная камера действует угнетающе. Нельзя привыкнуть к звону ключей, к шагам в коридоре. Надежда Константиновна старается придерживаться строжайшего режима: подъем, зарядка, чтение... Но все чаще она замечает, что сидит, глядя в одну точку. Она не может есть тюремной пищи, болит желудок. Появляется апатия. От матери не скроешь своего состояния. Во время свиданий дочь держится бодро, шутит, но мать видит, как дорого обходится ей эта бодрость.

Елизавета Васильевна пишет в департамент полиции прошение за прошением. Чиновники методично под-

[1] ЦГАОР, ДП II, 1806, д. 319, ч. III, л. 321.

шивают их в дело «дочери коллежского асессора». Резолюция не изменяется — «не подлежит удовлетворению». Наконец Елизавета Васильевна требует медицинского заключения; в своем пятом прошении она пишет: «Дочь моя вообще здоровья слабого, сильно нервна, страдает с детства катаром желудка и малокровием. В настоящее время нервное расстройство, а равно и общее дурное состояние здоровья, как я могла убедиться лично, настолько обострились, что внушают самые серьезные опасения. Я уверена, что каждый врач, которому поручено было бы исследовать состояние здоровья моей дочери, признал бы, что дальнейшее пребывание в заключении грозит ей самыми тяжелыми последствиями, а для меня возможностью потерять единственную дочь» [1].

Несмотря на то, что врач, обследовавший Надежду Константиновну 31 марта 1897 года, нашел ее состояние «крайне неудовлетворительным» (она похудела, ослабла в результате расстройства пищеварения, не может заниматься умственным трудом ввиду нервного истощения), Крупскую все-таки не выпустили на поруки.

Елизавета Васильевна дважды в неделю ходит на свидания. Она тщательно готовит еду, стараясь передать что-либо вкусное. Пишет письма между страниц книги с перечислением новостей. Невесело улыбается — «собственной дочери приходится писать конспиративные письма». Она давно уже знакома со всеми друзьями Нади, а теперь познакомилась и с родными многих из них. Грустные встречи в кулуарах дома предварительного заключения. Но сегодня она собирается радостно. Владимиру Ильичу дали три дня для устройства личных дел перед отправкой в Сибирь. Он подробно расспрашивал о Наде и оставил письмо для нее. Тоже «химией». Он похудел, выглядит плохо, но бодр, полон энергии, сил и, сияя живыми карими глазами, рассказывает о планах на будущее. Как каждая мать, она давно догадалась, что Надя и Владимир любят друг друга. Ее волнует и страшит их будущее, но она рада за дочь.

Медленно идет Елизавета Васильевна по Литейному проспекту, не замечая окружающих. Она так много раз проделала этот путь, что, кажется, может пройти его с закрытыми глазами. Вот и тюремные ворота.

---

[1] ЦГАОР ДП VII, 1896, д. 319, ч. 2(II), л. 147.

ШУШЕНСКОЕ. УФА

Надежда Константиновна проснулась и неподвижно лежала, прислушиваясь к привычным тюремным звукам. Еще очень рано, в камере темно, узкая полоска света пробивается из-под двери. Слышно, как звякают ключи, шагают часовые. Долог зимний питерский рассвет, а здесь он едва сочится в окно, забранное металлической решеткой.

Сегодня день свиданий. Как всегда, Елизавета Васильевна держится спокойно. Жандармы не должны видеть ее слез. Она сообщает — Владимир Ильич свободен. Ему дали три года ссылки в Сибирь. Передавая Надежде письмо, мать чуть заметно кивает. Значит, есть химический текст.

В камере Крупская не находит покоя. Чтобы проявить письмо, нужен кипяток, а его подадут только вечером. Кипяток. Наконец-то! Надежда Константиновна, став спиной к двери, быстро окунает в кружку заранее разорванное на узкие полоски письмо. Проступают коричневые буквы. Быстро пробегает она строчку за строчкой. Читает их еще и еще раз — письмо придется уничтожить, оно не должно попасть в руки жандармов.

И опять томительно тянутся дни в одиночке. Прогулки редки. Разговоры только со следователем. Иногда очные ставки. И тогда губы говорят одно, а глаза — другое. Товарищи держатся твердо. Тюрьма живет своей жизнью. Почти каждый день сеансы связи — политические перестукиваются друг с другом, сообщая новости. Что это? Стук в необычное время, стучат и слева и справа, какие-то крики несутся из окон. Надежда Константиновна прислушивается: страшная весть — политическая Ветрова, заключенная в Петропавловской крепости, сожгла себя, не выдержав издевательства жандармов. Решено протестовать.

Во время свидания Елизавете Васильевне удается сообщить дочери, что Петербург бурлит, требует следствия,

амнистии, улучшения положения политических заключенных.

И жандармы струсили. На поруки выпустили до вынесения приговора под надзор полиции ряд женщин. Вышла из тюрьмы и Надежда Константиновна. И вот они с Елизаветой Васильевной медленно идут по Литейному проспекту. Кружится голова. Апрель. Солнце светит, город прекрасен.

Мать и дочь не спешат. У Надежды Константиновны нет сил, после давящей тюремной тишины и серости какое богатство звуков, красок, запахов.

Несколько дней она приходила в себя, а затем стала, несмотря на двух шпиков, следовавших за ней непрестанно, искать товарищей. Она прошла под руководством Владимира Ильича хорошую школу конспирации и неизменно уходила от слежки. Ни разу не привела за собой «хвост».

Надежда Константиновна впоследствии писала: «Я застала организацию в самом плачевном состоянии. Из прежних работников остался только Степан Ив. Радченко и его жена. Сам он работы по конспиративным условиям уже вести не мог, но продолжал быть центром и держал связь». А связи после повальных арестов налаживать и поддерживать было трудно.

Надежда Константиновна с нетерпением ждала каждого письма из далекого Шушенского. Она выполняла многочисленные поручения Владимира Ильича, касавшиеся в основном закупки и отправки книг, журналов и газет.

Через несколько дней после выхода из тюрьмы она отправилась к Петру Бернгардовичу Струве, который тогда был социал-демократом, хотя его взгляды «легального марксиста» все более толкали его в объятия либералов. В ту пору между Струве и Владимиром Ильичем не было непроходимой пропасти, поставившей их впоследствии по разную сторону баррикад, и он выполнял целый ряд просьб Владимира Ильича.

Еще за тюремной решеткой узнала Крупская, что Струве женился на ее подруге по гимназии Нине Александровне Герд. Удивилась — разные больно люди.

Когда Нина Александровна рассказала мужу о бедственном материальном положении Крупской, он достал ей перевод и даже взялся его редактировать. Однако работой явно тяготился.

И вот Надежда Константиновна в «профессорской» квартире Струве. Нина хлопочет, стараясь уничтожить

чувство взаимной неловкости. Петр Бернгардович говорит быстро, захлебываясь словами, перескакивая с темы на тему. Надежда Константиновна слушает, отвечает, а в голове сверлит мысль — как это все книжно, литературно, как далеко от практической работы. Чувствуется, ему льстит, что обращаются к его помощи, но он не может, да и не хочет работать ни в какой организации, тем более подпольной. Другое дело — издательская деятельность, здесь он поможет с удовольствием.

На лето Крупские поехали на «обжитое» место, на станцию Валдайка в Новгородскую губернию. Следом полетело секретное указание уездному исправнику немедленно докладывать обо всем подозрительном, что будет замечено в образе жизни поднадзорной дочери коллежского асессора Н. К. Крупской. И исправник тотчас же доносит в Новгородское жандармское управление, где поселилась Крупская, с кем ведет знакомство и что особый надзор за ней учрежден. Но пока ничего предосудительного за ней не замечено.

В эти летние месяцы Елизавета Васильевна старалась сделать все, чтобы дочь хорошо отдохнула и окрепла. В ответ на вздохи матери по поводу ее бледности Надя только смеялась: «Ну что ты, мама, я под стать северной природе, нет во мне ярких красок!»

Надежда Константиновна жила письмами оттуда, из далекого Шушенского. А шли они медленно, целых одиннадцать дней в один конец. Владимир Ильич писал о Сибири, о товарищах, о том, как устроился. Давал многочисленные поручения, писал о своих чувствах. В одном из писем Владимир Ильич просил ее стать его женой и приехать к нему в Шушенское. Как это похоже на Володю! Это предложение ей показалось и нежным, и старомодным для них, профессиональных революционеров. Ведь он знал, что достаточно одного слова — приезжай, и она пойдет за ним куда угодно: в ссылку, в эмиграцию, на каторгу, а будут они венчаться или нет — какое это может иметь значение? И ответ ее был краток: «Ну что ж, женой так женой».

Мать и дочь возвратились в Петербург, а решения по делу Крупской все не было. Надежда Константиновна и Владимир Ильич подали прошение в департамент полиции с просьбой разрешить Крупской отбывать «наказание», если таковое воспоследует, в селе Шушенском Минусинского уезда, так как они жених и невеста. И пока бумаги ходили по инстанциям, Надя и Елизавета Ва-

сильевна потихоньку собирались в путь. Друзья давали советы, как и когда лучше ехать, что взять с собой, где остановиться в Красноярске. В одном из писем к Марии Ильиничне Ульяновой Надежда Константиновна с грустью пишет: «Относительно моего отъезда... Ничего я, Маня дорогая, не знаю. Тут живет одна дама из Минусинска, она говорит, что ехать позднее 10-го — 12-го числа нельзя уже будет — рискуешь застрять по дороге. Я все надеялась, что приговор будет объявлен 4-го марта, и тогда бы мы выехали 10-го вечером. Но приговор отложили до 11-го марта (и то не наверное), а в департаменте говорят следующее: мое прошение «будет принято, *вероятно,* во внимание», *если* мне разрешено будет ехать в Сибирь, то не ранее, как после объявления приговора, *может быть,* мне будет разрешено ехать прямо из Питера, а не из Уфимской губернии (!). Завтра пойду опять в департамент. Так мне не хочется, чтобы моя поездка откладывалась до весны. Сегодня тороплюсь очень, а завтра вечерком напишу Анне Ильиничне и расскажу о результате моего путешествия в департамент».

Полицейские удивлялись, почему Крупская так торопится из Петербурга в Сибирь. А ей был дорог каждый день. Затяжка не только отдаляла их свидание, она увеличивала разрыв между окончанием ссылки Владимира Ильича и ее сроком. И так разница почти целый год. И она ходит, просит, добивается скорейшего решения суда и вынесения приговора. Оно состоялось только в апреле 1898 года. Три года ссылки в Уфимской губернии с разрешением отбывать ссылку там, где находится ее жених. Сборы давно закончены. Трудно оказалось достать денег на проезд за свой счет, ведь Надежда Константиновна едет не одна, ее сопровождает мать.

Елизавета Васильевна решила поехать с дочерью, разве могла она остаться здесь одна, когда ее Наденька едет в далекую, неизвестную Сибирь?! Хорошо ли, плохо ли им будет там, но любую беду легче пережить вместе. Сбережений в семье не было. Только одна ценность, одна собственность — место для могилы на Новодевичьем кладбище, которое она купила рядом с могилой Константина Игнатьевича. Кто знает, где застигнет ее смерть, судьба дочери-революционерки неопределенна. Может быть, после ссылки они уедут за границу. И Елизавета Васильевна решилась — она востребовала деньги, уплаченные за клочок земли на кладбище. Долго они с Надей стояли перед скромной могилой Константина Игнатьевича. Про-

щались. Придется ли им вернуться в Петербург, город, который обе очень любили, с которым связано было так много и горя и счастья? Впереди далекий путь, впереди целая жизнь.

Немалых трудов стоило добиться разрешения остановиться в Москве хоть на один день, повидаться с родными Владимира Ильича, поговорить на прощание, взять письма и посылки, выполнить и ряд партийных поручений. Какую причину может полиция счесть уважительной? И Надежда Константиновна пишет очередное прошение.

«В Московское охранное отделение. Заявление. Дочь коллежского асессора, Надежда Константиновна Крупская, ходатайствует о разрешении ей пребывания в Москве в течение одних суток у родственников ея, Ульяновых, проживающих на Собачьей площадке, в доме Романовского № 18, кв. 4, ввиду болезненного состояния ее матери, Елизаветы Васильевны Крупской. 17 апреля 1898 г. *Н. Крупская.* Обязуюсь явиться за получением проходного свидетельства завтра 18 апреля» [1].

В тот же день, 17 апреля, на Надежду Константиновну в отделении охранения общественной безопасности и порядка в Москве при управлении Московского оберполицмейстера было заведено дело № 222. Из полицейского управления Надежда Константиновна вышла, твердо зная, что за ней установлено наблюдение.

Крупские, оставив багаж на вокзале, поехали к Ульяновым. Надежда Константиновна мало бывала в Москве, после широких питерских проспектов арбатские переулки казались бесконечно запутанным лабиринтом.

Мария Александровна встретила гостей очень приветливо, старалась поудобнее устроить их, чтобы отдохнули перед дальней дорогой. Горевала, что не может тоже поехать с ними, но обещала приехать летом. Ей было уже за шестьдесят. Волосы почти совсем белые, чуть заметно дрожит голова. Надя, всегда очень сдержанная, с нежностью и любовью поцеловала Марию Александровну, перед мужеством, умом и благородством которой всегда преклонялась. Мария Александровна улыбнулась: «Заждался вас там Володя, в каждом письме пишет об этом». Женщины ушли в другую комнату, оставив Надежду Константиновну наедине с письмами. Даже странно, что не надо их проявлять и уничтожать! Бережно хранит их мать в специальной шкатулке. Вот письмо от 24 января:

---

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, д. 1, л. 7.

«Надежду Константиновну обнадеживают, что ей заменят 3 года Уфимской губернии 2-мя годами в Шуше, и я жду ее с Елизаветой Васильевной. Подготовляю даже помещение — соседнюю комнату у тех же хозяев» [1]. Прочтя следующие строки, она рассмеялась: «Выходит у нас забавная конкуренция с здешним попом, который тоже просится к хозяевам на квартиру. Я протестую и настаиваю, чтобы подождали окончательного выяснения моих «семейных» обстоятельств. Не знаю уж, удастся ли мне отстранить конкурента» [2]. Следующее письмо большое. «Анюта спрашивает — когда свадьба и даже кого «приглашаем»?! Какая быстрая! Сначала надо еще Надежде Константиновне приехать, затем на женитьбу надо разрешение начальства — мы ведь люди совсем бесправные. Вот тут и «приглашай»!» [3].

Несколько писем Мария Александровна ранее переслала ей в Петербург. Владимир Ильич надеялся, что Надя уже в Москве, и слал ей письма вместе с письмами к матери. Задумалась Надежда Константиновна, читая и перечитывая дорогие строчки. И вдруг услышала за дверью звонкий веселый голос. «Приехали, наконец-то. Я всю дорогу бежала из своего присутствия. Где же Надя?» Вбежала раскрасневшаяся Маняша и закружила Надежду Константиновну по комнате. Живая, энергичная, с прекрасными карими глазами, Маняша теребила гостью, требуя подробного рассказа обо всем. Но Надежда Константиновна с сожалением посмотрела на часы. «Я уйти должна ненадолго, а потом будут рассказы». И в этой семье, где все понималось с полуслова, никто не пытался ее удерживать. Долг перед товарищами прежде всего.

Полиция зорко следила за ней. В деле № 222 в тот день появился первый листок: «В 1898 году при следовании Надежды Крупской в Сибирь ей разрешено было остаться в Москве на 1 день, причем установленным за ней наблюдением выяснено, что она посетила несколько неблагонадежных лиц» [4].

Вечером в маленькой квартирке на Собачьей площадке собралась семья Ульяновых — вся, кроме Дмитрия Ильича, сидевшего в тюрьме. Было грустно и вместе с тем радостно. Их объединяла общая работа, верность общей идее, общность мыслей, чувств, стремлений. И са-

[1] **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 55, с. 69.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 73.
[4] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 1, д. 9, л. 23.

мая младшая — Маняша, и самая старшая — Мария Александровна думали об одном. В этой семье никогда не было пропасти между родителями и детьми, хотя все дети были разными. И сейчас, когда собрались за одним столом, Елизавета Васильевна, переводя взгляд с Анны Ильиничны на Маняшу, потом на Марка Тимофеевича, а затем на свою дочь, радовалась, как органично она вошла в эту семью, с какой лаской и заботой все относятся к ней. Марк Тимофеевич — инженер-путеец — рассказывал им о Сибири, где бывал много раз, давал на дорогу практические советы. Анна Ильинична последний раз пробегала список книг, запрошенных Володей: «Не забыли ли чего?» Мария Александровна беспокоилась о теплой одежде и гостинцах. Ей так хотелось побаловать сына. Маняша пыталась шутить, чтобы в прощальный вечер не чувствовалось горькой нотки, ведь ссылка, долгая ссылка ждала Надю, Володю и Елизавету Васильевну. Последнюю ночь никто не спал.

Утром на двух извозчиках поехали на Ярославский вокзал. Багаж сдали заранее, несколько крупных мест занимали книги. Целый пуд весили одни только инструменты, которые просил Владимир Ильич привезти для Оскара Энгберга, ссыльного финна, мастера на все руки и даже отличного ювелира.

Места были в вагоне IV класса, бесплацкартные. Народ в вагоне собрался самый разный, в основном «беднядкая» публика. Ехали с детьми, со всем скарбом. Одни в поисках работы, другие — надеясь, что там, в Сибири, легче прожить.

Звук станционного колокола, свисток паровоза, и медленно поплыл вокзал, стали отдаляться родные лица провожающих. «Прощай, Москва!» Впереди тысячи верст пути, через многие губернии, города, села.

До Красноярска Крупские добирались долго, приехали только 1 мая. Они не знали, сколько придется здесь прожить. Устроились у местных марксисток — учащихся фельдшерской школы на Малой Каченской улице, в квартирке дочери иркутского столяра Лиды Михайловой. Здесь Надежда Константиновна встретила обаятельнейших, преданнейших людей, многие из них уже хорошо знали Владимира Ильича, ведь он прожил в Красноярске около двух месяцев. Они познакомили Надежду Константиновну с Петром Ананьевичем Красиковым, с которым Ленина и Крупскую связали на многие годы и общая работа, и теплая искренняя дружба. Он-то и ска-

зал Надежде Константиновне, что ей придется задержаться в Красноярске, так как верховья Енисея не освободились ото льда и навигации еще нет.

Дни проходили в спорах, беседах. Надежда Константиновна рассказывала девушкам о работе в Петербурге, дала им некоторые политические новинки, а они знакомили ее с работой в Красноярском крае, с людьми, жизнь которых целиком посвящена была борьбе с самодержавием. В Красноярске Крупская впервые прочла Писарева. Позже она вспоминала: «Когда я ехала в Шушенское, это было ранней весной, — реки еще не разошлись, и мне пришлось недели две прожить в Красноярске. Я жила тогда у фельдшериц и усердно читала Писарева, лежавшего у них на столе. Раньше я о Писареве только слыхала, а тут впервые стала читать его с увлечением».

В Красноярске, этом пересыльном пункте, откуда политические заключенные следовали в самые глухие углы Сибири, жило много замечательных людей. Здесь можно было встретиться и с теми из товарищей, которые следовали через Красноярск транзитом. Петр Ананьевич Красиков свел Надежду Константиновну с супругами Тютчевыми, давно уже жившими в городе, опытными конспираторами, имевшими связи в разных кругах ссыльного общества. Они-то и помогли Крупской встретиться с товарищами по «Союзу борьбы» Сильвиным и Ленгником, приехавшими неделей позже.

Было место, которого не миновал ни один ссыльный, — фотография Генриха Кеппеля. В Красноярске в то время существовал обычай — фотографировать всех проходящих политических ссыльных, хотя бы месяц назад снимки были сделаны в Москве или Петербурге. Мало того, ссыльным разрешалось покупать карточки не только собственные, но и своих товарищей, даже тех, кто за много лет до того позировал перед фотообъективом. Здесь снимали и Владимира Ильича, и его друзей, и Надежду Константиновну. Приемная фотографа, обставленная мягкой уютной мебелью, с альбомами снимков на столе, была удобным местом «случайных» свиданий ссыльных.

Надежда Константиновна отправилась в фотографию в сопровождении Тютчевых. В приемной она сразу увидела Сильвина; он перелистывал альбом, в соседней комнате-ателье слышался басок Ленгника, что-то говорившего фотографу. В приемной находилось еще несколько

человек, с ноги на ногу переминались часовые. Товарищи ехали в ссылку по этапу, значит, под конвоем.

Надежда Константиновна подсела к Сильвину, а Тютчев развернул принесенный с собой сверток и угостил солдат хлебом и колбасой. Солдаты ели и равнодушно поглядывали на своих подопечных (Ленгник вышел из мастерской и радостно присоединился к беседе), которые вспоминали о пережитом, строили планы на будущее. Оказалось, что рядом (для Сибири 100 верст не расстояние) будут жить и Кржижановские, и Старковы, и Сильвин, Ванеев, Ленгник и многие другие. А вот Мартову не повезло — его отправили в Туруханский край. Время летело незаметно. Один из солдат подошел к друзьям, успевшим обменяться письмами, адресами, они расстаются с надеждой на скорую встречу.

Ежедневно ходила Надежда Константиновна на берег Енисея. Смотрела, как идет лед, прибывает вода. С каждым днем становилось теплее, пароходы готовились к навигации. Крупские взяли билеты на тот же «Св. Николай», который год назад доставил в Минусинск Владимира Ильича. Река то сужалась, сжимаемая монолитными базальтовыми скалами, то вдруг широко растекалась среди необъятных степей. И вокруг ни души, деревню от деревни отделяют десятки верст. Зато на каждой пристани толчея. Надежда Константиновна уходила с палубы только поздно вечером, когда черная вода сливалась с черным низким небом.

Еще прохладно. Иногда с далеких Саянских гор прилетает резкий порывистый ветер, но и он уже теплеет. Весна набирает силу. Зеленеют пихты и лиственницы, и даже вековые ели кажутся помолодевшими. Скоро должен быть Минусинск.

Пароход остановился. Надежда Константиновна, поднявшись на палубу, с удивлением разглядывала село, раскинувшееся на берегу. «Это Минусинск?» — спросила она одного из матросов. «Нет, барышня, до Минусинска не дойдем — вода низка. А это Сорокино. Отсюда до Минусы рукой подать — 70 верст». Опять задержка, пересадка. Затемно добрались до Минусинска. Городок немного больше Сорокина, правда, здесь есть каменные дома. В центре города двухэтажное каменное здание из красного кирпича — музей и библиотека Мартьянова.

На поселении в Минусинске жил первомартовец Аркадий Тырков, с сестрой которого Крупская училась в гимназии. Он очень обрадовался Надежде Константинов-

пе. Тут были счастливы встретить свежего человека, тем более если это революционер, ссыльный.

И еще с одним человеком встретилась здесь Надежда Константиновна — с видным польским революционером Феликсом Коном.

И вот остались последние 55 верст проселочной дороги. Подъезжали к Шуше уже в сумерки. Сначала из-за поворота на фоне темнеющего неба блеснул купол шушенской церквушки, затем начали расти темные очертания сельских строений. Дома крестьянские, крепкие, рубленные из толстых бревен, и ни одного деревца, садов не видно, и только вдали за селом темнела полоска леса, уходящего куда-то за горизонт. Вот и знакомый по описанию дом крестьянина Зырянова, но никто их не встречает. Извозчик постучал в окно длинным кнутовищем. Показалось женское лицо. «Чего вам?» — «А вы разве гостей не ждете?» — «Господи! — всплеснула руками хозяйка. — Как же, как же, заждались совсем!» На крыльцо вышел хозяин — красивый, широкоплечий, с окладистой бородой. Помогая сгружать вещи, он гудел: «Эка беда, ждал, ждал Владимир Ильич, а сегодня зазвали его на охоту. Да вы не печальтесь, скоро будет, устраивайтесь пока!»

Изба сияла чистотой, выскобленные добела полы были покрыты домоткаными половиками, стены украшены душистыми ветками пихты.

Надежда Константиновна начала было распаковывать самое необходимое, но Елизавета Васильевна видела, как падало все из рук дочери, с каким нетерпением посматривала она на окно, как невнимательно слушала сибирский неторопливый говорок соседей, ведь в избу набилось множество односельчан. Как же, гостьи из самого Петербурга!

Подходя к дому, Владимир Ильич удивился — в его комнате горел свет. Хозяин, встретив его у ворот, пряча в бороду улыбку, говорил: «Беги, беги, а то там Оскар Александрович пьяный пришел и все книги твои раскидал». Владимир Ильич ускорил шаги, а на крыльце знакомая тоненькая фигурка.

На другой день к ним пришли гости. Первым появился ссыльный рабочий-путиловец Оскар Александрович Энгберг. Высокий, белокурый, с голубыми добрыми глазами. В гневе, однако, он был страшен и в Сибирь угодил за сопротивление полиции во время забастовки.

Смущенно переступив порог, спросил: «Я не рано? Простите, не терпелось узнать новости». — «А может быть, багаж получить?» — рассмеялся Владимир Ильич. Чувствовалось, что Энгберг много читал, но без системы, и о социализме имел самое смутное представление. Тут же за чаем договорились, что Надежда Константиновна будет с ним заниматься. «А теперь можно и багаж получить», — сказал Энгберг. Легко, как перышко, он поднял пудовый мешок, извинился, что доставил столько хлопот, и ушел. Вскоре пришел лодзинский социал-демократ Проминский. Жил он здесь с женой и шестью детьми. Спокойный, уравновешенный, он читал и знал мало, но обладал безошибочным пролетарским инстинктом, помогавшим ему всегда находить верное решение. Когда Проминский ушел, Владимир Ильич захотел показать Надежде Константиновне окрестности. На крыльце они столкнулись с далеко не приятным гостем — местным исправником. Удостоверившись, что ссыльная прибыла на место, он сделал для порядка несколько внушений и спросил: «Когда брак оформить изволите?» Надежда Константиновна посмотрела на Владимира Ильича. «А что, собственно, вас беспокоит?» — спросил он исправника. «Есть приказ вступить в брак немедленно, иначе придется вашей невесте ехать в Уфу. Советую поторопиться». И ушел.

Через несколько дней Владимир Ильич писал матери: «Н. К., как ты знаешь, поставили трагикомическое условие: если не вступит *немедленно* (sic!) в брак, то назад в Уфу. Я вовсе не расположен допускать сие, и потому мы уже начинаем «хлопоты» (главным образом прошения о выдаче документов, без которых нельзя венчать), чтобы успеть обвенчаться до поста (*до* петровок): позволительно же все-таки надеяться, что строгое начальство найдет это достаточно «немедленным» вступлением в брак?! Приглашаю тесинцев (они уже пишут, что ведь свидетелей-то мне надо) — надеюсь, что их пустят.

Привет всем нашим.

Целую тебя крепко. Твой *В. У.*»[1].

Надежда Константиновна позднее писала:

«Мне разрешили поехать в Шушенское под условием повенчаться. По тогдашним законам, сопровождать мужей в ссылку могли лишь жены. Когда я жила в Шушенском, месяца через два пришла официальная бумажка

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 89.

с предложением повенчаться или ехать в Уфу. Мы посмеялись и повенчались. Были мы мужем и женой и хотели жить и работать вместе».

Эта запись, сделанная в 30-х годах на одной из книг воспоминаний о Ленине, хранится в комнате Н. К. Крупской в Кремле.

А пока документы ходят по инстанциям, Надежда Константиновна знакомится с Шушенским, его обитателями и окрестностями. Вокруг довольно пусто, но они с Владимиром Ильичем отличные ходоки, отправляются на прогулки за несколько километров — или к Енисею, или в лес. Енисей здесь не очень широк, разливается многочисленными протоками, образуя островки. Вода холодна и прозрачна. Часами можно сидеть на берегу и следить за причудливой игрой серебряных струй. А что за вид открывается с живописнейшей Журавлиной горки! Просторы бескрайни. Леса, луга, озера, лесные старицы. Встречаются на озерах дикие лебеди. То и дело пролетают гуси и утки, которых здесь видимо-невидимо. На прогулки неизменно берут с собой собаку — сеттера-гордона красавца Женьку.

Домой все возвращаются с добычей. Ильич несет охотничьи трофеи, Надежда Константиновна — цветы, а Женька — собственный поводок.

Исправник, стремясь взять реванш за то, что Владимир Ильич занимался юридической практикой, доставлявшей начальству неприятности, не разрешил приехать на свадьбу никому из ссыльных, живших поблизости. Друзьям пришлось ограничиться письменными поздравлениями. Запретили и съездить в Минусинск за обручальными кольцами. Священник недоумевал — какое же это венчание без колец?! Выручил Энгберг. «Товарищи, а вы не побрезгуете медными кольцами? Тогда я мигом изготовлю». Кольца из обыкновенного пятака получились на славу! Надежда Константиновна берегла их и лишь незадолго до смерти передала в Центральный музей Ленина, где они хранятся до сих пор.

Приближался день венчания. К этому времени семья сменила квартиру, жить у Зыряновых было неудобно: комнаты маленькие, а за стеной у хозяев частые шумные сборища. Поселились у П. А. Петровой, в доме, построенном еще декабристом Фальбергом, тоже отбывавшим здесь ссылку. Чистый, просторный, с большим двором, дом стоял на самом берегу узкой живописной реки Шуши. Отсюда 10 июля 1898 года пошли в церковь.

В церкви Надежда Константиновна вдруг вспомнила картину давнего прошлого. Ей было тогда 7—8 лет, под влиянием няньки она верила в бога, та водила ее в костел. Перед сном девочка, стоя на коленях у кроватки, молилась на ночь. Как-то в дверь заглянул отец и сказал чуть насмешливо: «Ложись спать, богомолка, хватит грехи замаливать». Надя промолчала, но с тех пор религия стала единственной темой, исключенной из разговоров с любимым отцом. Он не пытался сломить ее волю, знал, что сама жизнь сделает ее атеисткой.

Свидетелем со стороны невесты был очень интересный, своеобразный человек. Владимир Ильич любил Стефана Николаевича Журавлева. В молодости Журавлев был писарем, говорил грамотно, ярко. Человек экспрессивный, он не мирился ни с какой несправедливостью, на все реагировал бурно, рассказывая о своей очередной схватке с местными богатеями, горячился, на щеках его горели яркие пятна чахоточного румянца. Скоро болезнь свела его в могилу, ему было немногим больше тридцати лет. На свадьбе он произнес речь, сказав, что приезд таких людей в Сибирь преобразует народные умы, пожелал молодым долгих лет жизни и успехов на их трудном пути.

Семейная жизнь стала налаживаться. Ульяновы даже обзавелись собственным хозяйством. «Летом никого нельзя было найти в помощь по хозяйству, — писала позднее Крупская. — И мы с мамой вдвоем воевали с русской печкой. Вначале случалось, что я опрокидывала ухватом суп с клецками, которые рассыпались по исподу. Потом привыкла. В огороде выросла у нас всякая всячина — огурцы, морковь, свекла, тыква; очень я гордилась своим огородом».

Однажды, к удивлению коренных жителей, Ульяновы наняли подводу и привезли из лесу хмель. Они задумали дело, по мнению крестьян, бесполезное: в углу двора соорудили беседку и обсадили ее хмелем. Он прижился. И так хорошо было здесь работать жарким летним днем!

Надежда Константиновна и Владимир Ильич иногда по утрам ходили купаться на дальнюю протоку. Возвратившись и позавтракав, принимались за работу.

В августе 1898 года Владимир Ильич заканчивает фундаментальное исследование, начатое еще в тюрьме, «Развитие капитализма в России». Здесь, в Шушенском, он привык все свои работы прежде всего прочитывать жене, выслушивать ее объективное и взыскательное мне-

ние. Он считал ее своим самым первым и самым строгим критиком. В одном из писем к Марии Александровне Надежда Константиновна пишет: «...последнее время он по уши ушел в свои рынки и пишет с утра до вечера. Первая глава уже готова, мне она показалась очень интересной. Я изображаю из себя «беспонятного читателя» и должна судить о ясности изложения «рынков», стараюсь быть как можно «беспонятнее», но особенно придраться ни к чему не могу».

Еще в Петербурге Крупская получила для перевода огромный социологический труд Сиднея и Беатрисы Вебб «Теория и практика английского тред-юнионизма». Теперь Ульяновы вместе принялись за перевод. Он давал возможность заработать и вместе с тем вплотную заняться английским языком. До того времени и Владимир Ильич, и Надежда Константиновна изучали этот язык лишь в тюрьме. При переводе сильно помогало немецкое издание работы Веббов. Оба были увлечены, и перевод получался удачный. Но английский язык по самоучителю вызывал много споров. Спорили в основном о произношении. Владимир Ильич утверждал, что хорошо помнит, как произносила слова англичанка, занимавшаяся с сестрой Олей, а у Нади произношение французское. Позднее Надежда Константиновна любила вспоминать, что не стала спорить, переучилась, но и подшучивала она над мужем, когда, приехав в Англию, они выяснили, что ни их никто не понимает, ни они никого. Пришлось объясняться письменно, пока не нашли учителя и не переучились.

В 1899 году перевод книги Веббов был закончен. Книга имела успех и быстро разошлась. Авторы тоже получили экземпляр на русском языке. Фамилия переводчика — Вл. Ильин — ничего не могла им сказать. Каково же было изумление Сиднея и Беатрисы Вебб, когда в 1917 году они узнали, что «Вл. Ильин» — псевдоним Владимира Ульянова — вождя русской революции!

Советский посол в Англии Иван Михайлович Майский вспоминал, что в загородном доме Веббов была огромная библиотека и каждого впервые посетившего их гостя вели туда и прежде всего показывали «Теорию и практику английского тред-юнионизма», переведенную на русский самим Лениным. В кремлевской библиотеке Надежды Константиновны и сейчас хранится другая работа супругов Вебб — «Советский коммунизм» на английском языке, 2-е издание, вышедшее в 1934 году. Эту работу авторы прислали Крупской в 1937 году.

Как-то, когда Ульяновы работали в зеленой, увитой хмелем беседке, Владимир Ильич предложил Надежде Константиновне написать пусть небольшую книжку о роли женщины в революционной борьбе. Она ведь уже накопила большой материал, у нее много личных наблюдений, есть опыт пропагандистской работы среди женщин. Надежда Константиновна колебалась, она ничего еще не писала, не пробовала сил в политической литературе. Но Владимир Ильич ее убедил: тема была так актуальна. Постепенно начал складываться замысел первой книги.

Владимир Ильич внимательно следил за работой жены, и теперь он частенько изображал «беспонятного читателя», прослушивая готовые главы.

«Когда я писала в ссылке свою первую брошюру «Женщина-работница», — вспоминала Крупская, — Владимир Ильич давал всяческие советы... говорил: «Не кажется ли тебе, что это место лучше было сказать так?» Узнав, что я пишу по какому-нибудь вопросу, Владимир Ильич часто находил для меня какой-нибудь интересный материал — вырезку из иностранной газеты, статистическую табличку и проч. ...»

В своей брошюре, первой марксистской работе о положении женщин в России, Надежда Константиновна дает глубокий анализ причин бесправия женщин при существующем царском строе. Она призывает женщин встать в ряды борцов за лучшую жизнь вместе с мужчинами-рабочими. «Женщина-работница, — говорится в брошюре, — член рабочего класса, и все ее интересы связаны с интересами этого класса». Крупская рассказывает о тяжелом положении женщин в семье, их забитости, полной зависимости от мужа. А «в крестьянском быту на женщин смотрят как на собственность, — пишет она далее, — ценят в ней главным образом лишь рабочую силу». Женщина-крестьянка или женщина-работница практически не имеют возможности воспитывать своих детей, оставляя их целый день на произвол судьбы. Говоря о подневольном изнурительном труде, о гибельном влиянии его на психику и здоровье женщины, Надежда Константиновна образно рассказывала об обществе будущего, где труд из подневольного, убивающего все живое в рабочем, станет необходимым условием полнокровной жизни человека. Труд будет приносить людям радость и удовлетворение, способствовать гармоническому развитию личности. Общество возьмет на себя заботу о слабых,

больных, старых. Совершенно исчезнет извечный страх перед будущим.

Рукопись Надежды Константиновны Владимир Ильич позже увез за границу. Он писал в зашифрованном письме из Мюнхена, что редакция «Искры» решила издать брошюру нелегально, и сообщил отзыв Веры Ивановны Засулич, которой книжка понравилась, некоторые места она считала возможным переделать, ну а в общем, она сказала, что брошюра «написана обеими лапами».

Книга была издана без имени автора в 1901 году в Женеве типографией «Искры». По воспоминаниям старых большевиков И. В. Бабушкина, Г. М. Кржижановского, П. Н. Лепешинского и М. Н. Лядова, как только книгу переправили нелегально через границу, она тотчас разошлась по городам России. Ее с интересом читали рабочие и работницы, и она служила хорошим пособием пропагандистам и агитаторам в их партийной революционной работе.

«Это была моя первая книжка, — писала позднее Крупская, — я очень волновалась, выйдет ли она у меня. Владимир Ильич меня подбадривал. Книжку открыто нельзя было печатать — за нее бы арестовали тогда, ее можно было печатать только тайно, нелегально. ...«Искра» издала брошюру, потом ее еще перепечатали тогда же, в России, в нелегальной типографии. Только в 1905 году ее можно было напечатать открыто. Ее подписали выдуманной фамилией, которой меня иногда называли, — Саблиной. Потом она была опять запрещена».

Один из экземпляров этой брошюры и сейчас хранится в книжном шкафу Крупской. На серой бумажной обложке псевдоним «Н. Саблина» зачеркнут и рукой Надежды Константиновны написано «Н. Крупская». И на обложке книги и на титуле экслибрис, который в годы эмиграции ставил на своих книгах Владимир Ильич: «Vl. Oulianoff».

На страницах книги имеются пометки Надежды Константиновны, сделанные, очевидно, при подготовке книги к переизданию.

Была у Надежды Константиновны в Шушенском и еще работа — она занималась с Оскаром Энгбергом, который совершенно не был знаком с социалистической литературой, никакого понятия не имел об учении Маркса. Раз как-то, приехав из волости, он пришел рассказать новости и между делом сообщил, что появился новый писарь, человек умный, развитой и они вполне сошлись

во мнениях. «То есть?» — спросила Надежда Константиновна. «Да и он и я против революции». Переглянулись Надежда Константиновна с Владимиром Ильичем, и она предложила: «Приходите, Оскар, завтра утром, почитаем вместе кое-что».

До поздней ночи сидела в этот вечер Надежда Константиновна над «Коммунистическим манифестом», готовилась к первому занятию. Утром Крупская переводила для Энгберга текст с немецкого, и он удивлялся, как легко она это делала. Сначала урок шел трудно, потом оба увлеклись, стало легче. В комнату заглянул Владимир Ильич, они даже не заметили, он, улыбаясь, послушал и тихо ушел.

Заниматься стали регулярно. В воскресенье, когда в большой комнате Владимир Ильич давал юридические консультации, очень популярные у окрестных жителей-бедняков, Крупская и Энгберг уходили в соседнюю комнату. Изучив «Коммунистический манифест», принялись за «Капитал». Хотя Надежда Константиновна объясняла просто и доходчиво, все-таки для человека, мало знакомого с подобной литературой и не прошедшего еще длительной школы классовой борьбы, это было сложно. Когда срок ссылки Ульяновых кончился, смущенный Оскар преподнес Надежде Константиновне подарок — маленькую, тщательно отделанную бронзовую брошку с изображением «Капитала». «Вам, за то, что так терпеливо занимались со мной и многому меня научили». И, не слушая благодарности, пошел помогать Владимиру Ильичу укладывать книги.

В ссылке как-то особенно чувствовалась потребность в художественной литературе. Часто долгими зимними вечерами они вслух перечитывали поэмы Пушкина, Лермонтова. «Мы как-то стихийно увлекались Лермонтовым», — вспоминала позже Надежда Константиновна. Томик стихов Некрасова Владимир Ильич взял с собою в ссылку и с наслаждением слушал, как Надежда Константиновна читала «Мороз, Красный Нос» или «Кому на Руси жить хорошо».

Надежда Константиновна подметила, что с особой какой-то нежностью берет Владимир Ильич с книжной полки роман Чернышевского «Что делать?», с увлечением говорит об авторе, а роман знает до мельчайших подробностей и тем не менее читает отдельные страницы вновь и вновь. Она говорила позднее: «Как личность Чернышевский повлиял на Владимира Ильича своей непримири-

мостью, своей выдержанностью, тем, с каким достоинством, с какой гордостью переносил он свою неслыханно тяжелую судьбу. И все то, что сказано о Чернышевском Владимиром Ильичем, дышит особым уважением к его памяти. В тяжелые времена, когда приходилось в партийной работе переживать трудные моменты, Владимир Ильич любил повторять одно место из Чернышевского, где тот говорит, что «революционная борьба — это не тротуар Невского проспекта».

В альбоме Ленина рядом с фотографиями Маркса и Энгельса были и две карточки Чернышевского.

Победивший пролетариат не забудет тех, кто своей жизнью заплатил за победу, будет ставить им памятники, создавать музеи. И встретится заместитель народного комиссара просвещения Надежда Крупская с внучкой Чернышевского. Нина Николаевна вспоминала: «2 октября 1938 года было одним из счастливых дней в моей жизни. В этот день произошло мое личное свидание с Н. К. Крупской. Теплота и задушевность, с которой она встретила меня, никогда не изгладятся из моей памяти. Наша беседа касалась личных вопросов, связанных с Н. Г. Чернышевским... О любви Владимира Ильича к Чернышевскому...» [1]

В Шушенском Надежда Константиновна поняла, как хорошо знает русскую и зарубежную литературу Владимир Ильич. Часто они читали друг другу наизусть стихи, читали вслух Толстого, Чехова, иногда к ним присоединялась Елизавета Васильевна, помнившая множество прекрасных стихов, хорошо знавшая Гоголя, Достоевского, поэтов «Искры».

Два раза в неделю в Шушенское приходила почта. К Ульяновым шли нескончаемым потоком письма, посылки с книгами, журналами, газетами. Сначала каждый прочитывал письма, адресованные ему, а затем происходил обмен, так как и политические и домашние новости были взаимоинтересны.

Письма шли не только «из России», как говорили здесь, в Сибири, они шли и от друзей, которые жили в ссылке, в Минусинском округе, из Туруханска, из Красноярска и Уфы. Ульяновы были в курсе всех политических событий. Все обсуждалось и в конспиративных письмах, и при редких встречах. Предлоги для встреч приходилось изобретать. Как-то Кржижановские написали, что

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 1, ед. хр. 27, ч. II, л. 68.

в Теси есть гора, интересная в геологическом отношении, вот бы попросить у исправника разрешения ее осмотреть. Владимир Ильич в шутку написал исправнику, что хочет исследовать гору, и попросил, чтобы в Тесь пустили в помощь ему также и жену. Сколько было и радости и смеху, когда исправник нарочным прислал разрешение. «Что значит благоговеть перед наукой!» — хохотал Владимир Ильич.

В двадцати верстах от Шушенского на сахарном заводе работал удивительный человек — Виктор Константинович Курнатовский. Человек интеллигентный, мягкий, внешне необыкновенно красивый. Жизнь его сложилась нелегко. Суровое детство с отцом-извергом, вступление на путь профессионального революционера, а там тюрьма за тюрьмой, ссылка за ссылкой. Поехали Ульяновы к нему в октябре. Реки уже замерзли, выпал снег.

Курнатовский работал инженером-химиком, работал по 12 часов в сутки, без праздников и выходных. Он очень обрадовался их приезду, повел осматривать завод.

Надежда Константиновна, всегда очень сдержанная при посторонних, чувствовала к Виктору Курнатовскому искреннюю симпатию, не стеснялась его. Она поразила собеседника энциклопедичностью знаний, точностью и остротой оценок, неиссякаемым чувством юмора. Прощаясь, он обещал обязательно приехать в Шушенское, поговорить с Ульяновыми, отдохнуть и поохотиться.

Весело встретила ссыльная колония новый, 1899 год, последний год ссылки Ленина. Под разными предлогами собрались в Минусинске у Кржижановских. Сколько было радостных объятий, восклицаний, разговоров, смеха! Приехали Лепешинские, Ленгники и многие другие. Одновременно за стол садились 12—16 гостей и, как пишет Крупская, к концу совсем «умаяли» хозяев. Варили глинтвейн, пели, плясали под гитару.

Узнав, что Владимир Ильич получил вышедший в Петербурге свой сборник «Экономические этюды и статьи», качали его. Глядя, как он взлетает к потолку, Надежда Константиновна смеялась и вскрикивала: «Не убейте моего мужа! Кто же иначе будет сражаться с оппортунизмом!» Организовали даже катание на тройках. Лихо мчались по степи, в морозном воздухе звенели студенческие революционные песни, смех, сыпались шутки. Катались на коньках. Владимир Ильич запоем играл в шахматы. Шахматами увлекались все, даже Надежду

Константиновну уговорили сыграть партию. Лепешинский каждый день делал зарисовки-карикатуры. Их встречали дружным восторгом. Долго потом все вспоминали эту встречу Нового года.

Организации следующей встречи потребовали тревожные вести из Петербурга. Однажды, получив очередную посылку — книги и письма, приступила Надежда Константиновна к шифровке. Она шифровала письма быстрее Владимира Ильича и поэтому делала это чаще. Она начала читать присланное Анной Ильиничной «Credo молодых». Читала и не верила своим глазам, проверяла еще и еще раз. Не верилось, что такое могут написать люди, считающие себя марксистами. «Молодые» прямо заявляли, что рабочие — это стадо, а русские марксисты — недоучки, еще не создавшие никакой организации.

Владимир Ильич тут же решил написать ответ — открытое письмо всем социал-демократам.

Долго горел свет в ту ночь в комнате Ульяновых. Владимир Ильич ходил из угла в угол, «проговаривая» письмо. Потом сел писать. Так родился гневный, прекрасный документ: «Протест российских социал-демократов», сыгравший огромную роль в сплочении рядов подлинных марксистов. Надежда Константиновна написала письма товарищам-ссыльным, приглашая на встречу.

Собраться было решено в селе Ермаковском, так как живший там Анатолий Александрович Ванеев был тяжело болен и они с женой выехать никуда не могли. На этот раз предлогом было празднование дня рождения дочери Лепешинских — Оли. Собралось 17 человек: из Шушенского — Владимир Ильич, Надежда Константиновна и О. А. Энгберг, из Минусинска — В. В. Старков. А. М. Старкова, Г. М. Кржижановский, З. П. Кржижановская, из села Тесинского — А. С. Шаповалов, Н. Н. Панин, Ф. В. Ленгник и Е. В. Барамзин; в Ермаковском жили А. А. и Д. В. Ванеевы, П. Н. и О. Б. Лепешинские, М. А. Сильвин, В. К. Курнатовский. Первый раз собрались у Лепешинских, засиделись допоздна. Спачала Владимир Ильич прочел «Credo», читал гневно, но без комментариев, давая товарищам вникнуть в суть, постичь всю глубину измены, оппортунизма. Все были взволнованы, возмущены. Там, в России, обстановка осложнена тем, что жандармам удалось разгромить «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в Петербурге, марксистские организации разгромлены и во многих других городах, их участники сидят в тюрьмах или находятся в ссылке. По-

этому процветают «легальный марксизм» и «экономизм». На другой день решено было собраться у Ванеевых. Бедная, убогая изба на окраине Ермаковского. Жена Ванеева — Доменика, маленькая, тихонькая, с глазами, полными горя. Она ждет ребенка и не верит, что его увидит сам Анатолий. Кровать Ванеева выдвинули в большую комнату, и он полулежал на подушках, глаза его ярко блестели. Надежда Константиновна, решительно отстранив Доменику, сама занялась хозяйством.

Владимир Ильич начал читать ответное письмо, голос его звучал уверенно, твердо: «В последнее время среди русских социал-демократов замечаются отступления от тех основных принципов русской социал-демократии, которые были провозглашены как ее основателями и передовыми борцами — членами группы «Освобождение труда», так и социал-демократическими изданиями русских рабочих организаций 90-х годов» [1].

Владимир Ильич объяснил, что лучше привести в письме и полный текст «Credo», чтобы не навязывать читателям своего мнения, а дать каждому возможность самому убедиться в лакейском либерализме «документа молодых».

Обсуждали каждую фразу, решали, куда в первую очередь послать письмо-протест. Все присутствующие подписались под протестом. «Мы приглашаем все группы социал-демократов и все рабочие кружки в России обсудить вышеприведенное «credo» и нашу резолюцию и высказать определенно свое отношение к поднятому вопросу, чтобы устранить всякие разногласия и ускорить дело организации и укрепления Российской социал-демократической рабочей партии» [2].

Каждый переписал себе экземпляр протеста 17-ти, чтобы размножить и разослать по всей стране. Домой, в Шушенское, ехали на другое утро. Всходило солнце — ослепительно яркое, в лесу пахло хвоей, было еще свежо. Говорили о той работе, которая предстоит, о создании партии. Владимир Ильич был полон энергии, уверенности в победе.

8 сентября 1899 года умер в селе Ермаковском Анатолий Александрович Ванеев — один из членов руководящего ядра «Союза борьбы за освобождение рабочего

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 165.
[2] Там же, с. 176.

класса», преданный делу, честный, бескорыстный, надежный товарищ.

Хоронить его съехались друзья из окрестных сел, на маленьком сельском кладбище молча стояли они, провожая погибшего борца. Их печаль была светлой — Ванеев выполнил свой долг до конца. Они знали, что их ждут новые потери, трудности борьбы их не пугали, ведь дело, которому они поклялись служить, было воплощением вековой мечты человечества.

Все три года, проведенные в ссылке, обдумывал Владимир Ильич план организации общерусской газеты, которая должна была стать фундаментом при создании партии. Владимир Ильич и Надежда Константиновна намечали план будущей работы, продумывая мельчайшие детали. Владимир Ильич понимал, что в России он не сможет активно включиться в работу, за ним будет наверняка учреждена слежка, и поэтому решил добиваться разрешения на выезд за границу. Об этом он писал и Потресову и Мартову, сговариваясь с ними заранее об отъезде за границу.

В предвкушении будущих битв, массовых выступлений они и здесь, за тысячи километров от промышленных городов, были в центре общественной жизни, были вместе со всеми своими друзьями.

Торжественно отметила маленькая колония 1 Мая 1899 года. Проснулись рано, в приподнятом, радостном настроении. Все приоделись, и Елизавета Васильевна, и даже Паша, девочка, помогавшая Ульяновым по хозяйству. Пришел Проминский, чисто выбритый, в крахмальной рубашке. Втроем пошли к Оскару, а после обеда отправились в поле. Маленький коллектив — они чувствовали себя частицей миллионов борцов, мечтали дожить до того времени, когда 1 Мая будут праздновать сотни тысяч рабочих.

Тяжела была ссылка, но Ульяновы были молоды, любили друг друга, были жизнерадостны и умели брать от жизни то прекрасное, что она дает.

«...Мы ведь молодожены были, — вспоминала о том времени Надежда Константиновна, — и скрашивало это ссылку. То, что я не пишу об этом в воспоминаниях, вовсе не значит, что не было в нашей жизни ни поэзии, ни молодой страсти. Мещанства мы терпеть не могли, мама тоже, и обывательщины не было в нашей жизни. Мы встретились с Ильичем уже как сложившиеся рево-

люционные марксисты — это наложило печать на нашу совместную жизнь и работу».

Через много лет напишет Крупская о ссылке в письме к дочери И. Ф. Арманд — Инне: «Так живо встает перед глазами то время первобытной целостности и радости существования. Все какое-то первобытное — природа — щавель, грибы, охота, коньки, — тесный, близкий круг товарищей — поездки на праздники — ровно 30 лет тому назад это было — в Минусинске плотный, тесный круг товарищей-друзей — совместные прогулки, пение, совместное какое-то наивное веселье, дома — мама, — домашнее первобытное хозяйство, полунатуральное, наша жизнь — совместная работа, одни и те же переживания, реакции: получили Бернштейна, волнуемся, негодуем и т. д. ...А, пожалуй, многое и осталось от того времени. То же волнение — читаю и перечитываю Владимира Ильича, многое гораздо глубже понимаю: на то же направлены мысли — на жизнь масс смотришь, которая сейчас как-то особенно буйно растет...»

Не нашлось бы в Минусинском крае человека, который не увлекался охотой. Первое время Надежда Константиновна удивлялась бесконечным разговорам про охоту, а потом увлеклась сама и в письмах к родным писала об охотничьих успехах Владимира Ильича.

Долгими зимними вечерами, когда над селом завывала метель, кутая дома в толстое снежное одеяло, в часы отдыха резал Владимир Ильич шахматы. Они усаживались с Надеждой Константиновной возле раскрытой печки, и Владимир Ильич, ловко орудуя охотничьим ножом, вырезал из толстой коры шахматные фигурки.

Ссыльные играли в шахматы, когда собирались вместе, играл Владимир Ильич с Лепешинским по переписке. Надежда Константиновна шутила, что Ильич и во сне говорит либо о политических противниках, либо о шахматах.

Зимой Владимир Ильич с Энгбергом устроили каток. Маленькая Шушенка замерзала уже в октябре. Лед был прозрачный — можно было рассмотреть дно, и Оскара осенило: «Каток, расчистим каток». В письме к Анне Ильиничне Надежда Константиновна сообщала: «Володя катается отлично и даже закладывает руки в карманы своей серой куртки, как самый заправский спортсмен, Оскар катается плохо и очень неосторожно, так что падает без конца, я вовсе кататься не умею; для меня

соорудили кресло, около которого я и стараюсь (впрочем, я только 2 раза каталась и делаю уже некоторые успехи), учитель ждет еще коньков. Для местной публики мы представляем даровое зрелище: дивятся на Володю, потешаются надо мной и Оскаром и немилосердно грызут орехи и кидают шелуху на наш знаменитый каток».

Дни, месяцы складывались в годы. Приближался срок окончания ссылки Владимира Ильича. Все это время полиция не оставляла их своим вниманием. Каждый день являлся к Ульяновым заседатель — местный зажиточный крестьянин — и в специальной книжке делал отметку, что поднадзорные находятся на месте. Чтобы выехать из Шушенского хотя бы на один день, приходилось просить разрешения у минусинского исправника, а тот далеко не всегда давал его. Правда, заседатель довольно спокойно смотрел на юридическую практику Владимира Ильича, но регулярно доносил исправнику, кто и когда посещал Ульяновых.

Все шло своим чередом. Как вдруг в ночь на 3 мая 1899 года нагрянули жандармы с обыском. Их встретили очень спокойно, даже Паша не показала виду, что испугалась. Началась обычная процедура — рылись везде: в кухне, в столовой, в спальне.

По старой петербургской привычке нелегальную литературу Ульяновы держали отдельно, на нижней полке шкафа. Когда жандарм подошел к нему, Владимир Ильич подставил табуретку, чтобы тому было удобнее начинать с верхней полки. Жандарм с недоумением перелистывал многочисленные статистические сборники, экономическую литературу, книги на иностранных языках. Полка за полкой, ничего опасного не было. «А тут что у вас?» — спросил один из пришедших, показывая на нижнюю полку. Опережая мужа, Надежда Константиновна ответила: «Моя педагогическая литература, могу дать объяснения». — «Не нужно», — махнул рукой жандарм и отошел к письменному столу. Там они наконец нашли то, что искали, — письмо Владимиру Ильичу от Я. М. Ляховского из Верхоленска, где шла речь о памятнике Федосееву.

Письмо жандармы унесли с собой, хотя ничего предосудительного в нем не было. Чувствовалось, что поиск этого письма лишь предлог. До утра Ульяновы приводили в порядок комнаты. Волновались — вдруг, придравшись к случаю, увеличат срок ссылки. Это нарушило бы все планы, ведь обо всем уже договорились с товарищами.

Бежать не было смысла, так как перед отъездом за границу нужно было в России проделать большую работу, а для этого необходимо легальное положение. К счастью, срока не увеличили.

Ульяновы радостно готовились к отъезду. Запаковывали книги, чтобы отправить их отдельным транспортом. Когда ящики с книгами взвесили, оказалось — ни много ни мало 15 пудов!

Срок ссылки Владимира Ильича кончался 29 января. Решили ехать в тот же день утром. Елизавета Васильевна и Паша, опухшая от слез, заготовляли в дорогу пельмени. Оскар и Проминский помогали укладываться.

29 января 1900 года. День был солнечный и по сибирским масштабам теплый — всего 28 градусов мороза. Провожать пришли Энгберг, семья Проминских, соседи, учитель. Все были взволнованы. Последние напутственные слова, последние объятия. Надежда Константиновна и Елизавета Васильевна, усевшись в сани, укутались в семейный тулуп, Владимир Ильич в шубе и валенках устроился рядом. Зазвенел колокольчик, сани тронулись. Поворот — и не видно ни провожающих, ни дома. Прощай, Шушенское!

Вечерело... Вдали показался Минусинск. Сани подкатывают к дому, где живут Старковы. Их ждут. На столе кипит самовар.

Теперь к Ульяновым присоединяются Василий Васильевич Старков и жена Михаила Александровича Сильвина — Ольга Александровна. У них тоже все готово, и 30 января, также утром, все вместе выезжают в Ачинск на станцию. Этот путь был тяжел — не одну сотню верст проделали за четверо суток. Отдыхали в избах для проезжающих. Иногда, чтобы подбодрить спутников, Василий Васильевич вынимал свою неизменную гитару, и тогда тихонечко пели все вместе. И опять дорога, мороз, снег, редко-редко встречали повозки. Наконец приехали в Ачинск, приехали прямо к поезду Иркутск — Москва, который отправлялся в 7 часов утра.

Ульяновы ехали в Уфу. На просьбы Владимира Ильича и Марии Александровны разрешить Крупской следовать за мужем в Псков последовал отказ.

Уфа встретила Ульяновых безоблачным небом и крепчайшим морозом. Под снежным покрывалом город казался празднично-красивым, хотя и захолустным.

У Владимира Ильича был адрес старой народоволки

Марии Павловны Четверговой, которую он знал еще по Казани. В Уфе она имела книжный магазин, куда они и направились. Четвергова встретила их радушно. Крупская надолго запомнила, с какой мягкостью, вниманием отнесся Ленин к Марии Павловне. Чувствовалось его глубокое уважение к одной из тех, кто посвятил свою жизнь борьбе с насилием. Пусть путь индивидуального террора был неверен, но героизм народовольцев будил молодежь, звал ее на подвиг. Крупской тоже понравилась Четвергова, и они постоянно виделись весь год, что жила Надежда Константиновна в Уфе.

Ульяновы вернулись в гостиницу и застали гостей — местных социал-демократов — Александра Дмитриевича Цюрупу, Александра Ивановича Свидерского и Виктора Николаевича Крохмаля. «Шесть гостиниц обошли, пока нашли вас», — сказал Крохмаль.

Товарищи рассказали об обстановке в городе, который, хоть и был провинциальным купеческим центром, имел уже свою промышленность — кирпичные, чугунолитейные заводы, лесопильни. А следовательно, имелся и рабочий класс. За те два дня, что пробыл Владимир Ильич в Уфе, он успел обговорить с товарищами план постановки общероссийской нелегальной политической газеты, решали, как будут связываться, как помогать газете, какую вести работу. Общими усилиями нашли небольшую и недорогую квартиру для Надежды Константиновны и Елизаветы Васильевны. Владимир Ильич устроил их и поручил заботам товарищей. Трудно было расставаться. Надежда Константиновна хорошо владела собой, старалась не показать своей печали. Было тяжело, но даже мысли оставить Владимира Ильича в Уфе, задержать подле себя у нее не возникало. И они проговорили всю ночь, хотя, казалось бы, все было оговорено много раз, обсуждено во всех вариантах. Утром Надежда Константиновна проводила мужа.

Надежда Константиновна и Елизавета Васильевна начали обживать новое место. Друзья приходили ежедневно и помогали чем могли. Средств на жизнь, как всегда, не было, Надежда Константиновна опять взялась за частные уроки. Но уже в марте пришла беда — она тяжело заболела. Врач посоветовал лечь в клинику. Надежда Константиновна написала об этом Владимиру Ильичу. Ленина очень обеспокоила болезнь жены, он рвался в Уфу, но для этого необходимо было особое разрешение. В полицейских архивах сохранилось прошение, поданное

Владимиром Ильичем. Он просил разрешения прожить в Уфе полтора месяца ввиду болезни жены.

Как всегда, у Надежды Константиновны не было денег. Их не хватало даже на самое скромное существование, теперь же нужны были большие средства на лечение. Владимир Ильич предусмотрел это. Он послал ей деньги, полученные от издательницы Водовозовой.

Три недели пролежала Надежда Константиновна в клинике. Профессор подтвердил диагноз минусинского врача — заболевание щитовидной железы и всей эндокринной системы. Но организм справился с болезнью. Похудевшая и побледневшая, вышла Надежда Константиновна из клиники. И не узнала Уфы. Пришла ранняя весна, улицы утопали в непролазной грязи, бревенчатые тротуары стали скользкими, и передвигаться по ним можно было лишь с величайшей осторожностью.

Уфа — центр огромной области. Вокруг: в Стерлитамаке, в Белебее — много ссыльных, кроме того, Уфа и пересыльный пункт, сюда заезжают возвращающиеся из ссылки, чтобы условиться о работе. Приезжали сюда Мартов, которому не сразу удалось вырваться из Туруханска, Г. И. Окулова, Панин и многие другие.

К тому времени Владимир Ильич уже начал оформлять документы для выезда за границу. Он все-таки добился разрешения навестить жену. Наконец пришло официальное уведомление... В Уфу отправились втроем: Владимир Ильич, его мать и старшая сестра. Надежда Константиновна встречала их на пристани. В светлом легком платье, с тяжелой косой, спускавшейся свободно до пояса, в шляпке с большими полями, она выглядела совсем юной.

Мария Александровна и Анна Ильинична уехали через несколько дней, а Владимир Ильич прожил в Уфе около трех недель. Он помогал Надежде Константиновне наладить быт, знакомился с теми, с кем встречалась она, приглядывался к ее ученикам, большим и маленьким. Как всегда, в самое короткое время он сумел расположить к себе детей.

Почти ежедневно Владимир Ильич встречался с местными социал-демократами. Еще и еще раз обдумывали каждую деталь связи. Было решено, что вся переписка, все сведения будут идти через Надежду Константиновну.

Подолгу они беседовали в эти дни, прогуливаясь теплыми вечерами по живописному берегу реки Белой.

И опять разлука, теперь надолго, на восемь месяцев. В 20-х числах июля Владимир Ильич был уже в Австрии. А Надежда Константиновна продолжала работу, стремясь объединить всех социал-демократов, которые и здесь, в Уфе, разбились на несколько групп. Вокруг Надежды Константиновны собирается крепкое ядро, тесно связанное с рабочими уфимских предприятий. Так, в железнодорожных мастерских образовался кружок из 12 человек, самым активным из которых был И. С. Якутов. Этот рабочий был настоящим революционером. Больше всего он ненавидел хвастовство, крик, громкие слова. Все делал основательно, прочно, без шума. Якутов в 1905 году возглавил образовавшуюся в Уфе республику. Его повесили в уфимской тюрьме. Во время его казни вся тюрьма, все камеры пели, и эта песня была клятвой бесстрашному революционеру продолжать его дело, отомстить.

Часто бывал у Крупской переплетчик Крылов. Он был прекрасным товарищем и конспиратором, человеком совершенно неоценимым для подпольной работы. Позднее он вспоминал: «...Я помогал Надежде Константиновне посылать Ленину нелегальные письма. Делалось это так: Крупская писала письма тушью, на плотной бумаге, я устраивал у книг двойные переплеты, вкладывая туда плотную бумагу, замазывая клейстером, и посылал Ленину. Он об этом был предупрежден — опускал переплеты в горячую воду, клейстер растворялся, тушь не смывалась, он мог прочесть письма. Однажды таким образом мы послали ему письмо в романе Л. Толстого «Воскресение». Крупская привлекала сердца окружающих. С ней, как ни с кем другим, хотелось говорить о самом сокровенном. Она умела слушать, умела сочувствовать... и одной-двумя фразами вселить в человека бодрость, уверенность в завтрашнем дне. Не случайно уфимские демократы, сплоченные Надеждой Константиновной, стали стойкими, твердыми искровцами, не изменили, не дрогнули в годы жесточайшей реакции, остались верными ленинскому знамени. Со многими из них, как с Александром Дмитриевичем Цюрупой и его семьей, у Надежды Константиновны сохранилась дружба на многие годы.

Огромную радость доставляли заезжавшие в Уфу революционеры. Здесь бывали у Надежды Константиновны социал-демократы Румянцев, Португалов, народовольцы Леонтович, Бороздич.

Однажды поздно вечером Надежда Константиновна услышала осторожный стук в дверь. Елизавета Васильевна тревожно подняла голову от шитья. «Не надо, мама, я сама», — встала Надежда Константиновна и, взяв лампу, пошла к двери. На крыльце стояла женская фигура, Крупская подняла лампу над головой, всмотрелась в лицо посетительницы и ахнула: «Лидия, ты?!» Это была Лидия Михайловна Книпович, нелегально приехавшая из Астрахани. Умывшись и выпив чаю с дороги, она уселась напротив Надежды Константиновны и сказала: «Приехала из первоисточника узнать, что твой Ульянов с газетой затевает, чем могу помочь, какой будет наша роль, астраханцев».

Надежда Константиновна изложила грандиозный план сплочения всей русской социал-демократии путем создания нелегальной газеты. Тут каждый может и должен внести свою лепту. Корреспонденции, распространение газеты, перепечатка, обсуждение материала — все это предоставляло подпольщикам самое широкое поле деятельности и должно было сплотить тех, кто готов работать ежедневно, ежечасно, кропотливо, с опасностью для жизни. Через несколько дней Книпович уехала, и Надежда Константиновна была спокойна — в Астрахани будет искровский центр!

Роль, которую сыграла Крупская в создании опорных пунктов «Искры» в разных городах России, отмечал А. И. Пискунов, встречавшийся с ней в Уфе, а затем работавший в Нижнем Новгороде. «...в Уфе, куда мы с женой уехали на лето... через О. И. Чачину познакомились с Н. К. Крупской (Ульяновой), туда же приехал Владимир Ильич. Встреча с ним закончила наше идейное обращение и сделала нас их верными последователями на все последующее время. При этом была установлена и организационная связь, которая сохранялась все время до высылки моей из Нижнего в 1904 г. Сношения были налажены так правильно и регулярно, что Нижний был постоянно в сфере влияния возникшей в дальнейшем «Искры», правильно снабжался литературой и своевременно информировался из Центра (из-за границы) через Н. К. Ульянову. Благодаря этому нижегородская организация, по крайней мере ее большинство, все время в своей тактике сохраняла большевистский характер».

Из-за границы мучительно долго шли письма Владимира Ильича. Письма будут не только медленно идти, они будут теряться, задерживаться полицией, они будут сдер-

жанными (в целях конспирации). И сотни вопросов будут ждать своего разрешения долгие месяцы.

Очень волновалась Надежда Константиновна: как встретится Владимир Ильич с Плехановым, как отнесутся члены группы «Освобождение труда» к плану организации газеты, захотят ли сотрудничать? Между сдержанных строк ленинских писем угадывает Надежда Константиновна его трудности и огорчения. Все идет совсем не так быстро и совсем не так гладко. Там, за границей, он делает для жены записи о переговорах с Плехановым, которые Владимир Ильич назвал «Как чуть не потухла «Искра»?».

В сентябре 1900 года Надежда Константиновна по поручению Ленина организовала посылку Плеханову делегатского мандата от двадцати уфимских социал-демократов для участия в работе V Всемирного социалистического конгресса в Париже. Георгий Валентинович опубликовал затем в журнале «Заря» статью «Несколько слов о последнем Парижском международном социалистическом конгрессе (открытое письмо к товарищам, приславшим мне полномочие)». Он как бы отчитался перед уфимскими социал-демократами.

Первый номер «Искры», вышедший в декабре 1900 года, уже в феврале был получен Надеждой Константиновной, а через нее уфимскими социал-демократами и товарищами во многих городах, рабочих центрах Башкирии. И позднее из Башкирии будут идти в ленинскую газету регулярные рабочие корреспонденции.

В последние месяцы пребывания в Уфе Надежда Константиновна выполняла обязанности казначея местной социал-демократической организации, вместе с тем она собирала средства для издания «Искры», эти деньги вливались в общий фонд газеты, которая очень нуждалась в средствах. Получение денежной помощи от уфимцев подтверждается сделанными Лениным записями доходов и расходов «Искры». В разделе поступлений читаем: «427 марок 88 пфеннигов из России (из Уфы)».

Надежда Константиновна подробно информирует Ильича о всех событиях в России, рассказывает и о своей жизни. Но почти вся их переписка потеряна для нас. Условия конспирации требовали уничтожить все, что могло скомпрометировать перед полицией. И скрепя сердце, выучив каждое письмо почти наизусть, сжигала Надежда Константиновна письма Владимира Ильича.

Жизнь в Уфе шла между тем своим чередом. Шесть

часов в день занимали у Крупской уроки. Их было несколько, как пишет Надежда Константиновна, уроки «довольно приятные и оплачиваются ничего себе (62 р.)». Один урок был у купца-миллионера, где Крупская обучала пятерых детей разного возраста.

Педагогический талант Крупской совершенствовался и развивался. Она преподает русский язык, литературу, математику, историю, географию, латынь. Успеху занятий во многом способствует горячая симпатия между учительницей и учениками. Стараясь сделать занятия увлекательными, Надежда Константиновна устроила ребятам «зоопарк» из картинок.

Один урок у нее был вечерний и в осеннюю распутицу доставлял много неприятностей. Нужно было около часа добираться по глухим, зачастую неосвещенным улицам, тонувшим в непролазной грязи. Иногда ее провожал кто-либо из друзей, но она всегда протестовала — зачем попадаться полицейским вместе?

Во время уфимской ссылки много и упорно занимается Надежда Константиновна иностранными языками. Свидерский дал ей адрес инженера-немца, который работал на одном из уфимских заводов, и однажды в воскресенье она отправилась на квартиру «берлинца». Тот долго не соглашался давать уроки, наконец договорились, что по воскресеньям будут разговаривать. Господин инженер оказался толковым преподавателем и очень разговорчивым человеком, что немало способствовало успехам его ученицы. Она пишет по-немецки сочинения в 10 страниц, читает беллетристику, немец снабжает ее стихами Гёте, Гейне, различными романами. Одновременно она сообщает Марии Александровне: «Поступила я тут на курсы французского языка. ...3 раза в неделю по 1 ч. — 6 р. в месяц — курсы разговорные, и я пока очень довольна. Я в старшей группе, нас там четверо. Француз — опытный преподаватель и ведет урок очень живо, только ученики вяловаты. Только жаль книг у меня французских никаких совсем нет, а француз дает читать газеты от июня месяца (письмо написано 1 октября 1900 г. — *Авт.*) или журналы без начала и конца».

Дни идут за днями, заполненные до предела революционной работой, собственным образованием и обучением детей. Они с матерью в августе сменили квартиру, теперь их комнаты удобны и просторны, даже есть фортепиано.

Один из ссыльных социал-демократов, А. И. Петренко, рассказывает о тех днях:

«Квартира, где она (Н. К. Крупская. — *Авт.*) жила со своей нежнолюбимой старушкой-матерью, служила связью между политической ссылкой и Владимиром Ильичем. Через Надежду Константиновну велась с ним переписка, от нее мы узнавали наиболее интересные политические новости, о которых нельзя было прочесть в легальной периодической печати.

Со времени приезда в Уфу Надежды Константиновны между нами установились хорошие товарищеские отношения на почве ежедневных совместных занятий переводами то Энгельса, то Каутского, и от времени до времени я получал от Надежды Константиновны краткие, но содержательные письма, информировавшие меня относительно текущих событий».

Для отдыха почти не остается времени. Иногда собираются друзья, музицируют. Читает Крупская чаще всего по ночам, читает с увлечением, запоем. Здесь, в Уфе, она написала свою первую газетную статью «Общественная сторона педагогических вопросов». А затем еще статью, посвященную разбору горьковской повести «Трое». Статья называлась «Школа и жизнь» и была послана в «Самарскую газету», где ее и опубликовали 16 февраля 1901 года в 36-м номере.

Крупская позже писала Алексею Максимовичу Горькому о своем первом публицистическом опыте: «...Вспомнилось, как в 1900—1901 гг., когда я добывала ссылку в Уфе, прочла я начало Ваших «Троих», и так это меня захватило, что я в Самарскую газету даже что-то написала, хотя тогда я была еще совсем непишучая. Несуразное, вероятно, что-нибудь написала. Литературу тогда ужасно любила, читала — все на свете забывала».

Подходил конец ссылки, с каждым днем таял календарь, приближая радостный день отъезда.

За тысячи километров от Уфы ждет и волнуется Владимир Ильич, считает оставшиеся до встречи месяцы, недели, дни. Так, 27 января 1901 года он пишет матери: «До срока Наде осталось уже меньше 2-х месяцев: скоро она поедет и, конечно, увидится с тобой» [1].

В письме от 9 февраля Владимир Ильич просит мать заранее подать прошение в департамент полиции, чтобы Надежде Константиновне разрешили остановиться у нее в Москве на несколько дней. 20 февраля — «Скоро конец Надиного срока (24.III по здешнему, а по вашему

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 202.

11.III). На днях пошлю прошение о выдаче ей паспорта»[1]. Ни в Мюнхене, ни в Праге не оказалось русского консула, и для того чтобы засвидетельствовать подписи в прошении о заграничном паспорте, Владимир Ильич выехал в Вену.

В одной из книг, посланных через знакомого «земца» официальным путем, Владимир Ильич сообщил жене свой подробный адрес, написал, как лучше ехать.

Надежда Константиновна рвется на волю. В ее письмах, хочет она или не хочет, прорываются романтические нотки. Так, она пишет Марии Ильиничне: «...у нас все постарому, разве вот солнце светит как-то радостно, по-весеннему, а я о весне мечтаю, нет-нет и возвращаюсь к мысли: полтора месяца, а там... там я вовсе поглупею от радости, особенно, когда допутешествую до Володи... Стало тянуть на улицу, иногда вместо того, чтобы за работу сесть, отправляюсь бродить по улицам, а то как-то с утра за чтение романа взялась».

В следующем письме младшей сестре Ленина Крупская пишет: «Остался один месяц. Не правда ли, чудесно? А когда-нибудь будет и один день! Да, все будет».

Приближался этот долгожданный день — 11 марта 1901 года. Как и в Шушенском, не стали ждать ни часа. Все заранее было упаковано, багаж отправлен, билеты куплены. Заранее обо всем условились с друзьями: и об адресах, и о транспорте, и о распространении газеты. В последний вечер все друзья группами и поодиночке побывали у Надежды Константиновны. Было и грустно и радостно. Со многими она простилась навсегда, не дожили они до Великого Октября, но отдали победе революции все свои силы, свою жизнь.

Надежда Константиновна и Елизавета Васильевна выехали прямо в Москву. Крупская хотела сначала заехать в Астрахань к Л. М. Книпович, да вдруг почему-то перестал последние недели писать Владимир Ильич, и тревога звала туда, к нему. На несколько дней задержались в Москве у Марии Александровны. В те дни она жила там одна — Мария Ильинична была арестована, Анна Ильинична уехала за границу. Встретились тепло, очень они любили друг друга. Часами разговаривали о прошлом, о настоящем и будущем. Мария Александровна просила Наденьку и в дальнейшем писать ей такие же подробные письма, как она писала из Шушенского. Обещала ей это

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 204.

Надежда Константиновна от всего сердца, обещала также беречь сына.

Надежда Константиновна завезла в Петербург Елизавету Васильевну, так как не знала, где и как они будут жить за границей, устроила ее там и поехала к Владимиру Ильичу.

Как позднее выяснилось, «земец» зачитал книгу, где был дан Владимиром Ильичем точный адрес, и Надежда Константиновна выехала из Петербурга в Прагу, дав предварительно телеграмму. Она была убеждена, что Владимир Ильич живет там под фамилией Модрачека, так как на это имя она посылала ему письма из Уфы. В Петербурге было еще холодно и снежно. Поэтому ехала Крупская в шубе, во всей зимней амуниции.

С тревогой приближалась Надежда Константиновна к границе Российской империи. А вдруг жандармы передумали, отнимут заграничный паспорт и найдут ей совсем другое местожительство? Однако все обошлось благополучно. Она была свободна!

Вот и Прага. Надежда Константиновна со всеми своими корзинами и чемоданами вышла на перрон. Ее никто не встречал. Постепенно перрон пустел, а Владимира Ильича все не было. Вот она осталась одна. Наконец попросила носильщика помочь нанять извозчика. Смущенно посматривала Надежда Константиновна на его блестящий цилиндр и невозмутимое лицо. Ехали через весь город, тревога мешала Крупской любоваться старинными улицами, великолепными мостами, средневековыми соборами. Нужный дом оказался на рабочей окраине в узком переулке. Быстро взбежала Надежда Константиновна на четвертый этаж, перевела дух, постучала. Дверь открыла беленькая чешка, очевидно хозяйка квартиры. Крупская так описывает этот эпизод: «Я твержу: «Модрачек, герр Модрачек». Выходит рабочий, говорит: «Я Модрачек». Ошеломленная, я мямлю: «Нет, это мой муж». Модрачек, наконец, догадывается. «Ах, вы, вероятно, жена герра Ритмейера, он живет в Мюнхене, но пересылал Вам в Уфу через меня книги и письма».

До поезда в Мюнхен был целый час. Модрачеки приняли Надежду Константиновну очень радушно.

В Мюнхене ее, конечно, никто не ждал.

Во избежание очередных недоразумений она сдала свой багаж на хранение и по адресу, данному Модрачеком, поехала в трамвае. Пассажиры с нескрываемым изумлением рассматривали ее «сибирский туалет». В Мюнхене

было уже тепло, ходили в одних платьях, а Крупская все еще была в своей шубе.

Знание немецкого языка пригодилось. Без особого труда она нашла и нужную улицу и дом, но квартира № 1 оказалась типичной баварской пивной. К счастью, посетителей было мало, так что последующая сцена почти не имела зрителей. За оцинкованной стойкой, уставленной пивными кружками, стоял огромный толстый немец с полотенцем через плечо — хозяин пивной. Надежда Константиновна нерешительно подошла и в ответ на его удивленный взгляд проговорила: «Я хотела бы видеть господина Ритмейера». Тот радушно раскланялся: «Это я». Едва нашла она в себе силы прошептать: «Нет, это мой муж». Последовала немая картина в гоголевском стиле. На помощь пришла жена трактирщика. Окинув гостью внимательным взглядом, она всплеснула руками: «Вы, наверное, жена герра Мейера. Он ждет жену из Сибири».

В сопровождении фрау Ритмейер Надежда Константиновна последовала во двор, на задворки огромного дома. Обстановка показалась ей неуютной и необитаемой. Постучали, знакомый голос ответил: «Прошу». Войдя, она увидела за столом Владимира Ильича, Анну Ильиничну и Мартова. Услышав радостные возгласы, хозяйка тактично удалилась. Посыпались взаимные вопросы. «Что же ты не написал, где тебя найти?» — спросила Надежда Константиновна. Владимир Ильич удивился: «Я все написал, три раза в день ходил тебя встречать». Тут-то и выяснилось, какую каверзу подстроил «земец», «зачитавший» переданную для Надежды Константиновны книгу.

Начались долгие годы эмиграции.

«ИСКРА»

Первое время по приезде Надежды Константиновны Ульяновы жили в маленькой комнатке, которую сняли по объявлению у многодетной рабочей семьи. Кругом была «страшная» чистота, но изо всех углов проглядывала беспросветная бедность. Дети скоро полюбили Надежду Константиновну. Она завела свое хозяйство и поэтому часто появлялась на кухне, где практически ютилась вся семья. Очень воспитанные, дисциплинированные, ребята сначала встречали ее молча и настороженно, а затем стали с увлечением рассказывать ей о своих делах. С пристрастием расспрашивала Надежда Константиновна старших о школе, о преподавателях, о предметах, которые они проходят. Внимательно читала их учебники.

Для прописки в Мюнхене требовался паспорт. Ульяновы жили нелегально, опасаясь того, что русская полиция всегда договорится с немецкой и их вышлют на родину как «нежелательных иностранцев». Друзья достали болгарский паспорт на имя доктора Иорданова, куда вписали жену — Марицу. Многие русские эмигранты жили тогда по болгарским паспортам, и немцев не удивляло, что болгары не говорят по-болгарски, возможно, что русский и болгарский языки звучали для них одинаково.

Ульяновы жили вдали от русской колонии, чтобы не нарушать конспирации, старались не встречаться с соотечественниками разных политических группировок.

В первые же дни Владимир Ильич обрисовал Надежде Константиновне обстановку вокруг «Искры». В Мюнхене жила в то время только Вера Ивановна Засулич. Затем сразу после ссылки приехал Мартов. Плеханов и Аксельрод настаивали на перенесении печатания газеты в Швейцарию, они хотели, чтобы газета была целиком под их влиянием, хоть и не придавали ей тогда большого значения. Владимир Ильич с восторгом говорил жене: «Вот ты увидишь Веру Ивановну — это кристально чистый человек». И она действительно очень понравилась

Надежде Константиновне. У Веры Ивановны был облик типичной тургеневской нигилистки — одевалась она небрежно, без конца курила, отличалась полной бытовой неустроенностью. Но из группы «Освобождение труда» она единственная не обжилась за границей, рвалась в Россию, тосковала. В 1900 году ей удалось нелегально приехать в Россию, но этого ей было мало.

Когда Владимир Ильич познакомил их, Засулич прямо сказала: «Ну, рассказывайте. От наших мужчин толку мало — одна политика, а вы мне о России, о мужике расскажите. Как там сейчас все?» И скрылась за плотной завесой папиросного дыма. Надежда Константиновна рассказывала о Москве, о Питере, о Енисее и Неве, о рабочих и работницах. С присущим ей чувством юмора передавала эпизоды из своих столкновений с полицией. А потом сама не выдержала, обняла Засулич за плечи и попросила: «А вы, Вера Ивановна, расскажите, как в Трепова стреляли». — «Вот вы о чем, — отмахнулась та, — когда это было-то? Возмутило меня общее равнодушие к судьбе политзаключенных, к полицейским издевательствам. Страшно волновалась. Да и убить я его не стремилась. Просто хотела этим выстрелом разбудить общественную совесть». Такой Вера Ивановна и осталась, ничего не умела делать вполсилы, всю себя отдавала работе. Участие в «Искре» было для нее живой связью с Россией. Вопросом жизни и смерти.

Крупская и Засулич теперь виделись постоянно. Нигилизм Веры Ивановны импонировал Надежде Константиновне гораздо больше, чем «хозяйственность» некоторых жен местных политиков, которые судачили о революции в перерывах между варкою джема и вязанием салфеток.

Очень мягкая, отзывчивая и чуткая, Надежда Константиновна была бескомпромиссна в своем отношении к людям. Замыкалась, «колючки выставляла» — как смеялась Анна Ильинична, если что-то в человеке вызывало душевный протест. Однажды она озадачила Владимира Ильича неожиданным вопросом: «А тебе не кажется, что Юлий болтун?» Владимир Ильич любил Мартова, знал его много лет, привык к его странностям, ценил журналистский талант и ради этого прощал бесконечную говорильню. Надежда Константиновна была изумлена, как можно говорить часами, перескакивая с темы на тему, без цели, обо всем. Он приходил к Ульяновым к часу дня, приходили Вера Ивановна и Потресов. Заседания

разрастались в 5—6-часовую дискуссию. Крупская видела, что Владимир Ильич устает, теряет работоспособность. Надежда Константиновна попробовала ввести новый порядок, но Юлий не мог без общих разговоров. И Надежда Константиновна казалась ему сухой — говорила только непосредственно о делах «Искры». К счастью, скоро приехал Дан с семьей, и Мартов там стал проводить целые дни.

Здесь, в Мюнхене, Надежда Константиновна знакомится с замечательной немецкой революционеркой Кларой Цеткин. Маленькая, изящная, с огромными черными глазами, всегда элегантно одетая, эта женщина загоралась, когда речь заходила о классовых битвах, о защите марксизма. Надежда Константиновна скоро привыкла к ее быстрому немецкому языку и часто беседовала с ней. Цеткин рассказывала о политической обстановке в Германии, метко характеризуя деятелей II Интернационала. Именно Клара Цеткин и редактор «Саксонской рабочей газеты» Адольф Браун помогли Владимиру Ильичу найти помещение для типографии «Искры».

Типография Германа Рау, видного социал-демократа Германии, находилась в Пробстхайде, на окраине Лейпцига, на улице Хауптштрассе, 48 (с 1922 года эта улица называется Руссенштрассе. — *Авт.*). Между 15 и 23 декабря 1900 года Ленин приезжал в Лейпциг, чтобы лично следить за печатанием первого номера «Искры».

Русский шрифт доставали рабочие из двух больших типографий, где печатались русские церковные книги. Наборщиком был польский социал-демократ Иосиф Блюменфельд. Жил он в Лейпциге под фамилией Вернера. Первый номер «Искры» Герман Рау переслал нелегальным путем в Бельгию и Швейцарию.

По условиям конспирации дальнейшее печатание «Искры» перенесли в Мюнхен, в типографию Максимуса Эрнста. Туда же переехал и наборщик Иосиф Блюменфельд. Он хорошо знал свое дело, быстро обучил немецкого наборщика русскому шрифту. А сам стал участвовать в нелегальной транспортировке «Искры». Все инструкции как агент «Искры» он получал от Крупской, часто бывал на квартире Ульяновых, на отдаленной окраине Мюнхена. Он познакомил Ленина и Крупскую со многими польскими социал-демократами.

Большую помощь «Искре» оказывал и Юлиан Мархлевский. В то время он входил в руководящий орган немецкой социал-демократической партии, примыкая

к марксистскому крылу партии наряду с Розой Люксембург, Францем Мерингом и другими. К этому же времени относится знакомство Ульяновых с женой Мархлевского — Брониславой, активно помогавшей в организации и распространении «Искры». Дружба с Мархлевскими прошла через долгие-долгие годы.

«Искра» создавала крепкий костяк партии. Под руководством Ленина в начале 1901 года образуется группа содействия «Искре», ведут работу ее агенты в России.

«Искра» собирала, притягивала к себе не только лучшие силы русской социал-демократии, но и виднейших социал-демократов Европы. В Мюнхене «Ильичам» (так друзья называли Ульяновых) приходилось много работать, ну а если выдавалась свободная минута, то вечерами они бродили по узким мощеным улочкам старого Мюнхена. Владимир Ильич показывал жене достопримечательности древней столицы Баварии, живописно протянувшейся по берегам Изара.

Но куда бы они ни забредали во время этих прогулок, они, жившие интересами дела, говорили больше всего именно о деле. Владимир Ильич, так же как и в Шушенском, рассказывал жене, о чем пишет, подробно излагал материал, свои мысли, развивал то или иное положение «Что делать?». У него была непреодолимая потребность делиться с Надеждой Константиновной всем, что его волнует и мучает. Больше всего говорили, конечно, об «Искре».

До приезда Крупской секретарем газеты была Ипна Германовна Смидович (Леман), но Владимир Ильич сразу оговорил, что секретарствовать после приезда будет Надежда Константиновна. Ей он мог доверить это серьезнейшее дело. К счастью, у Плеханова не было своих кандидатур, да и смотрел он на «Искру» как на что-то второстепенное, занимаясь в основном журналом «Заря».

Постепенно объем работы секретаря стал колоссальным. Письма из России привозили по различным адресам во многие города Германии, оттуда их пересылали доктору Леману в Берлин, а он передавал почту в редакцию. Каждое письмо надо было расшифровать, переписать, извлечь из него материал для корреспонденций. Ответ в Россию также проходил несколько этапов: писалось ординарное письмо с домашними новостями, а в него «химией» между строк вписывалось зашифрованное ленинское письмо или ответ редакции. При этом с каждого зашифрованного письма непременно снимали копию.

Часами сидела Надежда Константиновна над шифровкой. Как правило, ключом служило какое-либо стихотворение, иногда отдельные страницы прозаических произведений. Внешне шифр был прост: каждая буква писалась в виде дроби — числитель означал строку заранее обусловленного стихотворения, а знаменатель — букву в строчке. Строжайше требовалось, чтобы одна и та же буква имела разные дробные обозначения. Не зная ключа, письмо прочесть практически было невозможно, логическая расшифровка исключалась именно разным обозначением одной и той же буквы. Ключ знала только Надежда Константиновна. Для Дмитрия Ильича ключом было надсоновское стихотворение «Мгновение», лермонтовская «Дума» — для Ивана Ивановича Радченко, у Красина ключ — «Песня Катерины» Некрасова. Сложным был ключ у «Северного союза русских социал-демократов» — ленинская работа «Развитие капитализма в России», а Лидия Михайловна Книпович и Харьковский комитет взяли ключом для шифра «Биографию Спинозы» издания Павленкова. «Мне казалось, что я родилась с пером в руке», — сказала как-то Надежда Константиновна об этом периоде своей работы. Даже во сне ей снились шифровки, написанные «химией», она боялась забыть нужное стихотворение. Просыпалась, лежала в темноте, перебирая в памяти неотложные дела. Каждая шифровка — это ниточка, тянувшаяся в Россию.

Копии писем, сделанные Надеждой Константиновной, заняли около 20 ученических тетрадей. Сохраненные во время многочисленных переездов, они впоследствии составили очень ценную и важную часть партийного архива. Переписка редакции «Искры» и «Зари» с зарубежными и русскими адресатами подтверждает связи Ленина с огромным количеством лиц.

Если первое время, когда он приехал за границу, его адресатами в России чаще всего являлись лица, знакомые ему по работе в Поволжье, Питере, Москве, или те, с кем он познакомился в ссылке, то с началом выхода «Искры» круг его сторонников необыкновенно расширился. Просматривая переписку, можно увидеть и оценить роль Крупской как секретаря «Искры». Она организует транспорт, связывает между собой разрозненные группы, собирает средства. Она пишет письма отдельно или делает приписки к письмам Владимира Ильича. Каждое письмо содержит массу информации. Вот одно из характернейших писем, посланное Крупской Лидии Михайловне Кни-

пович в Астрахань из Мюнхена 28 мая 1901 года: «В Персию послана литература (из Берлина) 4-мя посылками, все так, как было писано (послано: 3-й номер «Искры», «Заря», «Записка Витте», «Женщина-работница», «Майские дни»), теперь уже послано, верно, все. Сообщи, так ли все сделано? Как скоро может быть доставлена литература? Это все важно знать, чтоб выяснить, годен ли этот путь для доставки №№ «Искры» или только для брошюр и т. п. Напиши, что знаешь.

Из <Баку> полученную литературу лучше всего будет отправлять в Полтаву. Туда или посылать по почте или человека. Адрес для явки, для почты... пароль... (Адреса, подлинные имена и пароли Надежда Константиновна в копиях не указывала. — *Авт.*). Хорошо бы повидаться с Любой (Лейбой), найти ее в Харькове. Кроме того, мы написали в Самару, думаем устроить там склад литературы для центра (для севера у нас есть Псков и Смоленск). С центром иметь сношения можно через Воронеж (адреса), а с Уралом через Уфу (адрес)».

В отличие от Плеханова и его группы, долго проживших вдали от родины и растерявших там всякие связи, Ленин находился в курсе всего, что происходило в России, — «Искра» откликалась на все российские события.

17 июня 1901 года Ленин и Крупская пишут Бабушкину в Покров.

Ленин просит его написать статью о жизни ивановово-вознесенских рабочих в ответ на клеветнический материал о них, помещенный в журнале «Русское богатство», где постарались изобразить рабочих людьми без запросов и стремлений, людьми, лишенными солидарности. «...напишите по поводу них **статью или** заметку, постарайтесь собрать как можно больше фактических данных. Очень важно бы было поместить в «Искре» **или «Заре»** опровержение этого вздора со стороны рабочего, близко знакомого с жизнью Иваново-Вознесенска. Ваши корреспонденции помещены. Получили ли письмо от 3.VI? Видели ли новые номера? Имеете ли заработок?» [1] (Слова «статью или», «или «Заре» вписаны в письмо Владимиром Ильичем, слово «рабочего» он подчеркнул тремя чертами. — *Авт.*)

Скоро почерк Крупской знали во многих уголках огромной страны. В департаменте полиции все чаще при

[1] «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг.», М., Мысль, 1969, т. 1, с. 127.

обысках стали находить письма, в конце которых стоит короткое «Катя». И вот в ее «дело», составленное полицией, ложится новое донесение: «Проживая во второй половине 1901 года за границей, она под именем «Кати» вела из разных заграничных городов оживленную конспиративную переписку со всеми действующими в России комитетами Российской социал-демократической рабочей партии и занимала центральное положение в заграничной организации «Искры».

Связи «Искры» росли и крепли с каждым днем. Там, на родине, создавался широчайший круг сторонников газеты, ее корреспондентов и распространителей, и все связи были сосредоточены в руках Надежды Константиновны. Часто только она одна знала, кто где живет, под каким именем, каким путем идут письма, как отправляются транспорты нелегальной литературы.

В маленькой квартирке «доктора Иорданова» всегда было полно людей. Завязывались связи с корреспондентами не только в России, но и в Германии, Швейцарии, Бельгии, Франции. «Искра» выходила на международную арену.

Доставка газеты чаще всего осуществлялась в чемоданах с двойным дном. За время с начала печатания «Искры» и до февраля 1902 года было отправлено 60 таких чемоданов. Их посылали и со специальными агентами, и с оказией. Это было и неудобно, и не очень надежно, так как оказия посылалась не в то место, где именно в данный момент требовалась литература, а туда, куда следовал человек, согласившийся взять чемодан. Многие из таких людей были случайны, неопытны и вносили в дело неразбериху.

Позднее Надежда Константиновна и Елизавета Васильевна наладили «производство» так называемых «корсетов». Они шили широкий пояс с большими карманами, куда закладывали иногда до сотни номеров «Искры», напечатанной на папиросной бумаге. «Корсет» надевался прямо на тело, под одежду и служил довольно надежно. Ведь переезжающих границу не обыскивали, для этого нужно было особое указание полиции, а чемоданы просматривали все.

Елизавета Васильевна Крупская — как мало мы знаем об этой замечательной русской женщине. Да, она не состояла в партии, не занимала никаких постов, не имела определенных подпольных функций. Но чем можно измерить бессонные ночи, хождения в тюрьму, беззаветную

любовь и веру в правоту того дела, которому служат дочь и ее муж! Чем можно измерить ежедневную, ежечасную помощь, незаметную, но без которой невозможно жить и работать! Умелые руки Елизаветы Васильевны шили «корсеты», спрессовывали тонкие листики «Искры» в аккуратные пачки, переписывали четким почерком «скелеты» шифрованных писем, рукописи товарищей, корреспонденции с мест. Через три десятка лет историки найдут в архивах важнейшие документы, написанные неизвестным им почерком. Займутся исследованиями. Спросят об этом и Надежду Константиновну. И она ответит на один из запросов: «Тов. Короткий, Вы спрашиваете, чьим почерком написана данная рукопись. Это почерк моей матери — Елизаветы Васильевны Крупской. У меня сохранилось одно ее письмо, я не понадеялась на свою память, сравнила почерк данной рукописи с почерком письма матери. Почерк одинаков. Моя мать помогала мне в переписке рукописей и писем...» [1]

Они почти никогда не расставались, но даже их письма уничтожались по условиям конспирации. Вот и остался у Надежды Константиновны лишь один драгоценный листок...

А тогда сколько было смеха, когда примеряли «корсеты» и стройный Бабушкин превращался в «солидного» господина с наметившимся «брюшком». И Елизавета Васильевна чувствовала себя такой же молодой, как товарищи Нади и Володи.

Пути, которыми шла в Россию искровская литература, сейчас кажутся просто фантастическими. Транспорт латышей — через Мемель — предполагал в последнем звене использование контрабандиста; транспорт через Румынию наладила кишиневская группа газеты «Русский рабочий». Транспорт «Лошади» — или через Персию — шел через Вену — Тавриз на Баку. Последний переезд совершался на лошадях, отсюда и его название. Один из транспортов шел через Швецию, другой через Египет.

Сколько сил нужно было вложить, чтобы раздобыть средства на издание «Искры» и «Зари»! «Предприятие не окупается», — пишет в одном из писем Надежда Константиновна. Типографии нужен постоянный приток средств, поступают же они тоненькими ручейками. Вот почему так нуждаются Ульяновы за границей. Они не хотят брать из партийной кассы ни копейки, а литератур-

---

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 196, л. 78.

ный заработок Ленина невелик и непостоянен. Помогает Елизавета Васильевна, получающая скромную пенсию, помогает и Мария Александровна. Газета поглощает все силы Надежды Константиновны и Владимира Ильича, все их время, ею заняты их мысли. Но они внимательно присматриваются к жизни рабочих тех стран, где им придется прожить 15 лет.

В 1901 году впервые немецкой социал-демократии было разрешено правительством устроить шествие в день 1 Мая.

Шествие было разрешено за городом, чтобы рабочие не скапливались на улицах. Удивленно смотрели Владимир Ильич и Надежда Константиновна, с нетерпением ждавшие этого дня, на довольно большие колонны рабочих, быстро шагавших вместе с женами и детьми. Шли к загородному ресторану пить пиво. Не чувствовалось сплоченности, подъема, это была просто майская прогулка, совсем непохожая на демонстрацию во имя торжества дела рабочего класса. Разочарованные, вернулись Ульяновы домой и опять мечтали о том, что будут другие первомайские демонстрации — массовые, сплоченные, они прокатятся по всему земному шару, покажут силу единства трудящихся.

В мае в Мюнхен приехала Елизавета Васильевна. Еще раньше, как-то во время прогулки, «Ильичи» оказались в тихом предместье города — Швабинге — рядом был лес, река. Присмотрели удобную с точки зрения конспирации квартиру в большом, только что отстроенном доме. Плата квартирная была умеренная. Удобств и комфорта хозяева не обещали, но зато жильцов было много, никто друг друга не знал, чужой жизнью не интересовался, не то что в маленьком домишке, когда вся жизнь на виду. Это обстоятельство Ульяновых очень устраивало. Правда, пришлось обзаводиться хозяйством. Мебель купили на распродаже по дешевке. Крупская так описала их комнату: «...комната была небольшая, продолговатая, посредине стоял длинный деревянный стол, деревянные стулья, никаких портретов по стенам не висело (мы жили под фамилией Иордановых). Насколько скромна была обстановка, видно из того, что при отъезде мы всю обстановку продали за 12 марок».

С приездом Елизаветы Васильевны у Крупской стало больше времени для партийной и своей собственной работы: мать взяла на себя ведение хозяйства.

В начале 1901 года пришла посылка из Кишинева,

где удалось организовать типографию для печатания нелегальной литературы. Посылка несказанно обрадовала Надежду Константиновну: там была ее первая книга — «Женщина-работница» — пусть в сером бумажном переплете, на желтой бумаге — какое это имело значение. Так было приятно держать в руках пахнущую типографской краской свою книгу, плод бессонных ночей, выражение своих мыслей. Надежду Константиновну поздравили мать и Владимир Ильич.

Брошюру стали рассылать по конспиративным адресам. Организатору кишиневской типографии Л. И. Гольдману Надежда Константиновна писала: «Акиму. Дорогой товарищ! порадовали же Вы нас своей посылкой! Сделано великолепно, это заявление даже Цветова».

Вторично, уже легально, брошюра Надежды Константиновны была напечатана в России в 1905 году, в разгар первой русской революции, и сразу привлекла внимание «властей предержащих». Вологодский губернатор запросил Главное управление по делам печати, дозволена ли эта книжка к свободному обращению или она запрещена. 22 августа 1906 года состоялось специальное заседание Петербургского комитета по делам печати, где отставной тайный советник П. И. Воршев доложил: «Брошюра эта в С.-Петербургский комитет по делам печати представлена не была. Автор ее изображает бесправное и тяжелое положение женщины-работницы в России как в семье, в роли матери и жены, так равно и труженицы на фабриках и в деревнях, причем приходит к заключению, что только изменение положения рабочего класса на основах социалистического строя повлечет за собой перемену к лучшему в положении женщины-работницы».

Комитет по делам печати нашел, что в содержании брошюры есть все признаки преступления, предусмотренные статьей 128 Уголовного уложения 1903 года. Статья эта карает «за оказание дерзостного неуважения верховной власти или порицание установленного основными государственными законами образа правления». Было решено возбудить судебное преследование против автора книги — Н. Саблиной — и всех лиц, участвовавших в издании брошюры, на брошюру наложить арест. 18 сентября 1906 года Петербургская судебная палата утвердила арест. С большевистской литературой царизм обращался как с действенным, сильным, живым врагом, и о книге Надежды Константиновны не забывали. Уголовное преследование прекратили по амнистии 1913 года в связи

с 300-летием дома Романовых, но 28 ноября 1914 года было принято новое постановление — уничтожить брошюру. 2 апреля 1915 года брошюра была уничтожена «посредством разрывания на мелкие части» в типографии петроградского градоначальника.

Еще в первые месяцы пребывания за границей Надежда Константиновна начинает подумывать об изучении постановки дела народного образования в Европе. В письме к Марии Александровне из Мюнхена от 11 июня 1901 года она делится своими планами: «Собираюсь я посещать здешние школы. Тут какое-то царство детей. Все к ним так внимательны, и детишки такие славные, здоровые. Я бывала в наших городских школах и невольно сравниваю и нахожу, что детям тут живется куда лучше».

С помощью жившего по соседству немецкого социал-демократа Парвуса она получает разрешение посещать государственные и частные учебные заведения. Внимательно вчитывается она в учебники, приглядывается к методике преподавания.

Как-то Надежда Константиновна одна пошла в Мюнхенскую картинную галерею (Владимир Ильич бывал там раньше). Она любила эти минуты тихого, спокойного раздумья. Она понимала живопись, умела почувствовать настроение художника, оценить его мастерство.

В одном из залов группа школьников во главе с учительницей стояла перед «Оплакиванием Христа» — шедевром Дюрера — гордостью Мюнхенской пинакотеки. Надежда Константиновна подошла ближе, прислушалась. Сплошной религиозный экстаз, умиление «страстями господними» и ни слова о начале XVI века, когда была написана картина, о тех общечеловеческих чувствах, которые так ярко сумел передать гениальный художник, чем эта картина отличается от других полотен, написанных на эту же тему. Ребята послушно и молча стояли перед картиной, и в глазах их было равнодушие, отсутствовала радость познания, общения с прекрасным. Смотрела Надежда Константиновна на серьезные личики ребят и вспоминала, как много они говорили о живописи с отцом, и Константин Игнатьевич всегда умел перебросить невидимый мостик от прошлого к настоящему и будущему. Задумчиво возвращалась Крупская домой. Она размышляла об эстетическом воспитании ребенка, о том огромном влиянии, которое может и должно оказывать искусство на формирование мировоззрения человека.

Теперь она тоже не редкий гость в мюнхенской библиотеке, она изучает труды немецких педагогов, составляет конспекты. Часто они говорят с матерью о проблемах педагогики и ее опыте воспитательницы.

К осмотру великолепного анатомического музея и немецкого музея, посвященного развитию техники, Надежда Константиновна «привлекла» и Владимира Ильича. Поражали прекрасные аннотации, систематизация и классификация материала. Но к концу осмотра Надежда Константиновна заскучала. Вся экспозиция музея была явно рассчитана на специалистов, совершенно недоступна рабочим и работницам, непонятна и неинтересна школьникам. Поэтому и пустовал музей, только редкие туристы бродили по огромным залам.

Политическая обстановка в среде русской социал-демократической эмиграции между тем накалялась. Все больше определялось размежевание различных групп.

Кое-кто из вчерашних друзей стал недоверчив, подозрителен. Так, Надежде Константиновне внушают тревогу письма Аполлинарии Александровны Якубовой, с которой когда-то учительствовала за Невской заставой. Муж Якубовой Тахтарев издает за границей журнал «Рабочая мысль». Журнал этот все больше скатывается на бернштейнианские позиции. Правда, и социал-демократы, собиравшиеся вокруг «Рабочей мысли», и другие группы понимают, что без «Искры» им не завоевать прочного положения в массах.

В октябре 1901 года в Цюрихе собирается объединительный съезд русских заграничных социал-демократических организаций. Съезжаются представители «Искры» и «Зари» (всего пять человек), среди них Ленин, Крупская, Мартов, восемь членов организации «Социал-демократ» (в том числе Плеханов, Засулич, Аксельрод), 16 человек от «Союза русских социал-демократов» (особенно активно выступали редакторы «Рабочего дела» Кричевский и Акимов), три члена рязановской группы «Борьба». Здесь Надежда Константиновна впервые увидела Георгия Валентиновича Плеханова.

В Цюрихе все остановились в одном отеле. Вечером встретились в ресторане, за одним столом. Всю дорогу Вера Ивановна и Владимир Ильич говорили о необыкновенном уме, таланте, гении Плеханова, о его заслугах и перед русским, и перед европейским социал-демократиче-

ским движением. «Жорж — титан, — повторяла Засулич, — Прометей». Крупская давно привыкла преклоняться перед первопроходцем, человеком, познакомившим Россию с Марксом. Но человек, сидевший за столиком ресторана, ослепляя блеском остроумия, подавляя эрудицией, вызвал у нее ассоциацию с гранитным монументом.

Надежда Константиновна писала впоследствии: «Объединения никакого не вышло. Акимов, Кричевский и другие договорились до белых слонов. Мартов страшно горячился, выступая против рабочедельцев, даже галстук с себя сорвал... Плеханов блистал остроумием. Составили резолюцию о невозможности объединения. Деревянным голосом прочел ее на конференции Дан. «Папский нунций», — бросили ему противники.

Этот раскол пережит был совсем безболезненно. Мартов, Ленин не работали вместе с «Рабочим делом», в сущности, разрыва не было, потому что не было совместной работы. Плеханов же был в отличном настроении, ибо противник, с которым ему приходилось так много бороться, был положен на обе лопатки. Плеханов был весел и разговорчив.

Жили мы в одном отеле, кормились вместе, и время прошло как-то особенно хорошо.

Только иногда чуть, капельку, проскальзывала разница в подходах к некоторым вопросам».

По инициативе Владимира Ильича члены организации «Искры», «Зари», «Социал-демократа» создали «Заграничную лигу русской революционной социал-демократии», которая ставила своей задачей вербовать сторонников «Искры» из числа русских социал-демократов за границей, материально поддерживать газету, организовывать ее доставку в Россию и издавать популярную марксистскую литературу.

Наступил прощальный вечер. Сидели в уютном кафе. Рядом в гимнастическом зале рабочие фехтовали, сражаясь картонными мечами. Георгий Валентинович пошутил: «Вот и мы в будущем строе будем так сражаться». Все по-разному восприняли реплику, но никто не ответил. Когда возвращались в отель, Аксельрод, шедший рядом с Надеждой Константиновной, сказал, развивая тему плехановской шутки: «В будущем строе будет смертельная скука, никакой борьбы не будет». Она не захотела спорить, но про себя подумала: «Зачем он так? Или для них это слишком далеко, и потому они позволяют себе только

шутить о будущем? Или марксистская диалектика воспринимается ими что-то слишком по-своему?»

Вернувшись в Мюнхен, Владимир Ильич засел за окончание «Что делать?», а Надежда Константиновна все силы отдает «Искре», которая приобретает колоссальное влияние. На очередь дня ставится вопрос о разработке программы партии, о подготовке партийного съезда. И в этот период начинают обостряться разногласия внутри редакции. Все заметнее становятся оппортунистические нотки в разговорах Мартова, мечется между Лениным и Плехановым Засулич, уклоняется от принципиальных оценок Аксельрод. Подолгу беседуют Владимир Ильич и Надежда Константиновна, стремясь найти исток разногласий, и все больше убеждаются, что трещины слишком глубоки, их не замазать, да и надо ли это делать.

Приехав из России, где они вели большую практическую работу, Ульяновы не только не потеряли, а, напротив, укрепили свои связи с русским рабочим классом. «Искра» вызвала к политической жизни широкие рабочие массы, именно из них стремился Ленин заложить фундамент партии — истинно революционной, марксистской, действенной. Плеханов настолько врос в заграничную жизнь, что даже дочери его почти не говорили по-русски. Для него русский рабочий остался таким, каким он был в 80-х годах. Поэтому боевые, действенные тезисы ленинской программы казались ему преждевременными и беспочвенными.

В январе 1902 года Аксельрод и Плеханов приехали в Мюнхен для обсуждения программы партии. Встреча была теплой, но скоро все изменилось. «Плеханов нападал на некоторые места наброска программы, сделанного Лениным, — пишет Надежда Константиновна, — Вера Ивановна не во всем была согласна с Лениным, но не была согласна до конца и с Плехановым. Аксельрод соглашался тоже кое в чем с Лениным. Заседание было тяжелое. Вера Ивановна хотела возражать Плеханову, но тот принял неприступный вид и, скрестив руки, так глядел на нее, что Вера Ивановна совсем запуталась. Дело дошло до голосования. Перед голосованием Аксельрод, соглашавшийся в данном вопросе с Лениным, заявил, что у него разболелась голова и он хочет прогуляться».

Надежда Константиновна знала, что изменившиеся отношения с Мартовым мучили Владимира Ильича, и, ясно видя, что худшее еще впереди, старалась уберечь мужа от горечи разочарования в человеке. Она видела, как рев-

ниво относится Мартов к редакционным замечаниям, как до хрипоты спорит из-за малейшего оттенка в слове, как кипятится, получая корреспонденции из России, стараясь принизить их значение. Очень обидно, что долголетняя привычка слушать Плеханова как оракула мешает Засулич занять объективную правильную позицию.

Давая критический анализ программы партии, составленной Плехановым, Владимир Ильич в то же время написал свой проект программы — так называемый «Проект Фрея» (один из псевдонимов В. И. Ленина. — *Авт.*). Ленин внес в программу важнейший пункт о диктатуре пролетариата, о руководящей роли рабочего класса.

В результате большой напряженной работы, ведя борьбу с самыми близкими товарищами — с Засулич, Мартовым, Плехановым, разногласия с которыми заходили все дальше, Владимир Ильич совсем «изнервничался». Он писал позже Плеханову из Лондона: «Нервы мои истрепаны «в лоск», и я чувствую себя совершенно больным» [1].

Владимир Ильич настоял на утверждении марксистского проекта программы РСДРП. Обсуждение было закончено в конце мая, а в июне, когда Ульяновы были уже в Лондоне, проект программы РСДРП был опубликован в 21-м номере «Искры».

Тем временем в Мюнхене положение «Искры» резко ухудшилось. На след газеты напала полиция. Владелец типографии категорически отказывался дальше печатать газету, боясь ареста и штрафа. Встал вопрос, куда переносить издание. Плеханов и Аксельрод стояли за Швейцарию, но большинство проголосовало за Лондон.

К концу марта все было подготовлено для переезда. Здесь, в Мюнхене, еще напечатают несколько номеров газеты, материал которых уже подобрали. Надежда Константиновна отправляет мать в Петербург. «Как-то еще мы в Лондоне устроимся». Елизавета Васильевна полностью разделяет взгляды дочери и зятя, каждая разлука с ними тяжела для нее.

«Этот мюнхенский период вспоминался нами после как какой-то светлый период. Последующие годы эмиграции переживались куда тяжелее», — напишет Крупская через много-много лет.

30 марта 1902 года они выезжают в Лондон через Кёльн и Льеж.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 190.

II СЪЕЗД ПАРТИИ

В Льеже их ждала очень приятная встреча со старыми друзьями — Николаем Леонидовичем и Анной Ивановной Мещеряковыми.

В городе было неспокойно. Это сразу чувствовалось. Мещеряковы объяснили, что незадолго перед этим войска оружием подавили рабочую забастовку, в то время как социал-демократические лидеры занимали миротворческую позицию. Рабочие тянулись к Народному дому, но собрания было решено провести по всем рабочим кварталам. Владимир Ильич захотел непременно посмотреть Народный дом и остался недоволен, оценив его местоположение с точки зрения восстания. Дом стоял как бы в тупике, площадь шла замкнутым кольцом, и рабочих легко было запереть здесь, как в ловушке.

Уезжая из Мюнхена, Ульяновы послали телеграмму Н. А. Алексееву, одному из членов «Союза борьбы», который в 1899 году бежал из ссылки и жил в Лондоне, с просьбой встретить их и помочь устроиться на первые дни. Алексеев жил в столице Англии уже третий год, прекрасно знал обстановку, в совершенстве владел английским языком. С вокзала он отвез их в так называемую «спальную комнату» — такие комнаты сдавались владельцами больших квартир. К счастью, паспорта не потребовалось. На другой день встретились с Аполлинарией Александровной Якубовой и ее мужем. Те очень обрадовались Ульяновым, и на первых порах все старались не говорить о газете «Рабочая мысль», где Тахтарев отстаивал взгляды экономистов. Тахтаревы помогли найти удобную и сравнительно дешевую квартиру, хозяйка которой миссис Йо нимало не заботилась о паспортном режиме и спокойно записала в домовой книге супругов Рихтер, но была совершенно шокирована тем, что «миссис Рихтер» не носит обручального кольца. Пришлось Аполлинарии Александровне заявить миссис Йо, что ее жильцы законные супруги и, если она будет в этом сомневаться, ее могут

привлечь к судебной ответственности за диффамацию, то есть клевету. Хозяйка успокоилась, но взяла реванш на занавесках. Она была потрясена скромностью обстановки своих постояльцев и совершенно не могла примириться с отсутствием занавесок на окнах. Пришлось занавески повесить, истратив на них последние деньги, во избежание бесконечных препирательств с «респектабельной» хозяйкой.

Привыкали Ульяновы к Лондону с трудом, несмотря на то, что огромная дымная громада крупнейшего промышленного центра Европы вызывала у Владимира Ильича неиссякаемый интерес. Здесь разделение на имущих и неимущих особенно бросалось в глаза.

Ульяновы знакомились с жизнью Лондона своим привычным методом — входить в гущу жизни, наблюдать ее во всех ее проявлениях. Правда, первое время подводил английский язык. Так как оба изучали его по самоучителю, оказалось, что их представление о произношении ничего общего с действительностью не имеет. Ни их никто не понимал, ни они никого не понимали. Надежда Константиновна позднее любила рассказывать, как, стесняясь своего произношения, она письменно объяснялась с хозяином лавки, где брала продукты. Тот считал ее глухонемой и однажды чуть не онемел от неожиданности, когда Крупская все-таки решилась заговорить. Язык надо было знать, и в журнале «Атенеум» Владимир Ильич поместил объявление: «Русский доктор прав и его жена хотели бы брать уроки английского языка у англичанина (или англичанки) в обмен на уроки русского языка. — Письма направляйте г. Я. Рихтеру, 30, Холфордсквер, Пентонвилл» [1].

Откликнулись три человека — служащий издательской фирмы Раймонд, конторский служащий Вильямс и рабочий Йонг.

Ульяновых поразило засилье мещанства в различных слоях английского общества. Через несколько уроков мистер Раймонд заявил Надежде Константиновне, что в душе он социалист, но не высказывает своих взглядов, так как социализм придет и без его помощи, а он может потерять работу — его хозяин не держит социалистов. Мистер Раймонд был шокирован, когда Надежда Константиновна искренне рассмеялась, выслушав его сентенцию.

[1] Ленин В. И. Биографическая хроника, т. 1, с. 387.

Он не мог понять, что тут смешного, — ведь у него жена, дети, он должен подумать о них прежде всего.

Ленин и Крупская посещали различные рабочие митинги, слушали ораторов в знаменитом Гайд-парке. Конечно, познакомились и с музейными достопримечательностями. Излюбленным способом знакомства с Лондоном стали поездки на верхней площадке омнибуса из одного конца города в другой.

В Лондоне собралась почти вся редакция «Искры». Мартов и Засулич поселились коммуной в одной квартире с Алексеевым. Самую большую комнату сделали общей, где проходили деловые встречи и обсуждения. Плеханов дал этой комнате меткое название «вертеп» за царивший там чудовищный беспорядок.

Первую половину дня Владимир Ильич работал в библиотеке Британского музея, а Надежда Константиновна занималась редакционными делами, вместе с Мартовым разбирала и обсуждала почту.

Маленькая квартирка «Ильичей» (приехала Елизавета Васильевна, и они опять зажили своим хозяйством) очень скоро стала притягательным центром русской эмиграции. Как и в Мюнхене, все связи, вся переписка сосредоточились в руках Надежды Константиновны. К Ленину постоянно приезжали сторонники «Искры», задачей Крупской было каждого подробно выспросить о положении в том комитете, откуда товарищ прибыл, разъяснить обстановку, снабдить адресами и литературой. За годы, прошедшие со дня создания «Союза борьбы», организации неизмеримо выросли и возмужали.

Раскол в редакции «Искры» уже невозможно было скрыть, теперь все зависело от того, кого поддержат комитеты социал-демократов в России. А комитеты тогда были разобщены, вели работу каждый на свой страх и риск. Дело осложнилось огромным провалом в феврале 1902 года, когда была схвачена большая часть искровских агентов. М. Эссен писала о работе Крупской в тот период: «Надежда Константиновна была незаменимым секретарем редакции старой «Искры» и «Вперед», и вся огромная работа по организации связи с партийными комитетами в России, по распределению сил, подготовке ко II и III съездам партии лежала целиком на ее плечах. В ее руках сосредоточивались все нити, все связи с большевистским подпольем, которые беспрерывно рвались из-за арестов товарищей, провалов явок и адресов и которые она с изумительным терпением и большевистской настой-

чивостью вновь и вновь восстанавливала. Только, бывало, наладится связь с северными комитетами, приходит известие о провале южных. Надежда Константиновна ходит огорченная, опечаленная, ломая голову, кого бы послать в Одессу, Киев, Николаев на место арестованных товарищей. Наладилась работа на юге—начались провалы в Центральной России, на Кавказе, на Урале. Иногда товарищи, занятые повседневной горячей работой, просто не успевают вовремя написать, и Надежда Константиновна начинает тревожиться, не случилось ли чего: «что-то долго нет известий из Питера, Москвы». Мы даже иногда посмеивались над ее необоснованными тревогами, но, увы, в большинстве случаев эти тревоги оказывались не напрасными».

«Искра» приобретала все большее влияние на комитеты РСДРП в России. «Экономизм» был идейно разбит, был заложен фундамент сплоченной боевой пролетарской партии, и Ленин выдвигает задачу созыва II съезда партии. Предвидя неизбежность острой идейной борьбы на съезде, он разъясняет русским марксистам необходимость принять искровскую программу и искровские организационные принципы.

Ленин провел в Лондоне в августе 1902 года совещание с представителями Петербургского комитета РСДРП, русской организации «Искры» и «Северного союза РСДРП». На этом совещании было создано искровское ядро организационного комитета по подготовке II съезда.

Все дни у Владимира Ильича и Надежды Константиновны проходили в напряженной работе. В редкие минуты отдыха они чаще всего отправлялись побродить где-нибудь в окрестностях Лондона, подальше от «задымленной громады».

Осень 1902 года в Лондоне была на редкость солнечная и сухая, что нечасто случалось в стране тумана. «Погода здесь стоит для осени удивительно хорошая — должно быть в возмездие за плохое лето. Мы с Надей уже не раз отправлялись искать — и находили — хорошие пригороды с «настоящей природой» [1], — пишет Владимир Ильич матери.

Иногда собирались друзья и все вместе отправлялись на велосипедах за город. Надежда Константиновна очень любила такие поездки. Они давали возможность хотя бы на некоторое время выключиться из напряженного ритма

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 223.

работы, передохнуть и отвлечься. Иногда забирали с собой Елизавету Васильевну и уезжали на целый день, но такой отдых позволяли себе только в воскресные дни. Изредка удавалось выбраться в театр или на хороший концерт. Здесь, в Лондоне, впервые Ульяновы услышали 6-ю симфонию Чайковского. И Надежда Константиновна, и Владимир Ильич очень любили музыку. «Как в России побывали», — тихо сказал Владимир Ильич. Оба они тосковали по родине.

В одном из писем к Марии Александровне Надежда Константиновна дала волю чувствам; сообщая о своем житье-бытье, о том, что Владимир Ильич уехал в Париж, о том, что Елизавета Васильевна болела, она на одном дыханье пишет: «...Как бы охотно побывала я теперь у вас! В последнем письме Вы пишете о квартире, и я так живо представила себе, как Вы там живете, целую картину себе нарисовала, как на улице мороз, как в комнате печка топится, как Вы ждете Маню со службы, как Маня с морозу пришла. Наверное, самарская жизнь на уфимскую похожа. «Дайте крылья мне перелетные»... Однако я совсем уже вздор стала болтать. Иногда ужасно тянет в Россию, а сегодня особенно. Впрочем, у меня всегда так: все куда-нибудь тянет».

Внутренний мир Надежды Константиновны богат. Она полна интереса к людям, но томится в присутствии нигилистических политиканствующих дам, совсем не выносит мещанства, свойственного многим лидерам западноевропейской социал-демократии и их женам. Ей кажется диким, что человек, занимающийся политикой, дома становится обыкновенным мещанином.

Выступая на одном из заседаний Главполитпросвета, Надежда Константиновна скажет:

«Для II Интернационала характерен был разрыв между бытом и теоретическими вопросами. Какой-нибудь докладчик социал-демократ выступает на собрании и высказывает очень радикальные взгляды, а приходит домой и становится обычным бюргером, мещанином. Мы во время эмиграции жили с Владимиром Ильичем в Лондоне. К нам приходил один товарищ, которым была написана прекрасная (по тому времени) книжка по английскому рабочему движению. Если он приходил и не заставал Владимира Ильича, он начинал со мной говорить на «женские» темы: скверно жить одному, как собака живешь, белье не стирано, хозяйство плохо, надо-де ему жениться, взять хозяйку в дом».

Они с Владимиром Ильичем посвятили всю свою жизнь революционной борьбе, и в этой борьбе прежде всего заключалось их счастье. Через много лет Надежда Константиновна с полным правом напишет о Ленине: «Никогда не мог бы он полюбить женщину, с которой он расходился бы во взглядах, которая не была бы товарищем по работе». Все, кто хорошо знал Ульяновых, отмечают их полное единодушие, единомыслие и большое внимание друг к другу, большую заботу друг о друге.

1902 год в Лондоне был далеко не легким для Ульяновых.

Владимир Ильич упорно продолжает разработку аргументаций основных положений партийной программы. Придерживаясь принципа коллегиальности, он посылает свою работу для согласования Плеханову и другим членам редакции «Искры». Плеханов делает замечания в таком тоне, что, не выдержав, Ленин пишет ему: «Получил статью с Вашими замечаниями. (Речь идет о статье «Аграрная программа русской социал-демократии». — *Авт.)* Хорошие у Вас понятия о такте в отношениях к коллегам по редакции! Вы даже не стесняетесь в выборе самых пренебрежительных выражений, не говоря уже о «голосовании» предложений, которых Вы не взяли труда и формулировать, и даже «голосовании» насчет стиля. Хотел бы знать, что Вы скажете, когда я подобным образом ответил бы на Вашу статью о программе? Если Вы поставили себе целью сделать невозможной нашу общую работу, — то выбранным Вами путем Вы очень скоро можете дойти до этой цели. Что же касается не деловых, а личных отношений, то их Вы уже окончательно испортили или вернее: добились их полного прекращения. *Н. Ленин»* [1].

Письмо это было написано 14 мая 1902 года и послано из Лондона в Женеву. Такие неустойчивые отношения (Плеханов напишет примирительное письмо) будут продолжаться вплоть до окончательного разрыва в 1903 году. Все это не могло не сказаться на самочувствии Владимира Ильича.

Надежда Константиновна очень обрадовалась, когда узнала, что во Францию приезжают Мария Александровна и Анна Ильинична и Владимиру Ильичу предоставляется возможность отдохнуть и, главное, увидеть мать — он так ждал этого свидания. Хотелось поехать вместе

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 186.

с ним, но оставить редакцию было невозможно — время горячее. Подготовка к съезду шла полным ходом, надо было Ленина постоянно держать в курсе всех событий. Надежда Константиновна скрывает свою усталость, свою печаль. Никто не должен этого заметить.

Сначала Ленин отправился в Париж. Он прочел здесь реферат на собрании русских политэмигрантов о программе и тактике эсеров. Затем около месяца он прожил с матерью и сестрой в маленьком местечке Логиви на юге Франции. Сюда в Логиви пришло от Надежды Константиновны письмо с сообщением, что в Швейцарии предполагается съезд искровцев, работающих в России. Очевидно, этот съезд задумал Дейч, пользуясь тем, что в Швейцарии находились приехавшие из России Лепешинский, Носков, Щеколдин. Эту идею поддержали Плеханов и Аксельрод. Ответное письмо Ленина Надежде Константиновне, одно из немногих сохранившихся из их переписки, показывает нам всю глубину их взаимопонимания, то огромное доверие, которое связывало их. Владимир Ильич пишет: «16.VII.02.

Прилагаю письмо к Аркадию.

Получил сегодня твое письмо, корректуры и деньги. Merci.

Насчет «съезда» в Швейцарии вообще какая-то проклятая путаница выходит. Кто это (прежде всего) задумал «съезд»? *Не мы.* Это сочинил, вероятно, Б. Н., которого надо бы посерьезнее пробрать за легкомыслие (поездка по загранице, болтовня с Кореневским о съезде и т. д.); если еще не сделала этого, то, пожалуйста, *пробери хорошенько.* Я бы думал сам, но тебе, кажется, лучше, а то я уж очень сердит... Постарайся *всячески* наседать на Л. Гр., чтобы разубедить его: он неясно себе представляет, *из кого, для чего и как* будет этот «съезд».

Твой...

Корректуры, я считаю, возвращать не надо? N'est ce pas?

А что же статья В. И., разве не набрана?

{{ Пожалуйста, не забудь: в моей аграрной статье есть цитата из Булгакова: т.? с.? Так нельзя оставить, и если я не приеду раньше и не увижу еще корректуры, то ты вычеркни не все примечание, а только эти слова: «т. — с. — »[1].

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 46, с. 199—200.

Как-то вечером в начале октября 1902 года раздался стук в дверь, Надежда Константиновна открыла — перед ней стоял Иван Васильевич Бабушкин. Когда он снял шляпу, раздался гомерический хохот Владимира Ильича, смеялась даже всегда сдержанная Елизавета Васильевна — волосы Бабушкина были ярко-малинового цвета. «Это вы в таком виде через всю Европу?» — спросила Крупская. «Меня в целях конспирации после побега из екатеринославской тюрьмы выкрасили каким-то патентованным средством — и вот результат. Сам удивляюсь, как мимо полиции проскочил».

Бабушкин был уже стойкий политический боец, он перевидал массу рабочих организаций, прошел хорошую школу борьбы, обо всем имел свое мнение и умел это мнение отстаивать. О русских делах Иван Васильевич предпочитал говорить только с Владимиром Ильичем. При этом Бабушкин высказывал дельные, меткие замечания, и на него не действовали обычные плехановские шуточки, вроде «ваша маменька еще не была знакома с вашим папенькой, когда я уже был революционером». В ответ на эту шутку, сказанную во время серьезного разговора, Иван Васильевич спокойно спросил: «А как это относится к тому, что я рассказываю?» У Георгия Валентиновича стало такое выражение лица, что Крупская поспешно вышла в другую комнату, чтобы не расхохотаться. Плеханов начал внимательно приглядываться к Бабушкину — такого рабочего он видел впервые. Еще больше вырос Иван Васильевич в глазах Плеханова, когда, придя в коммуну, Георгий Валентинович увидел в «вертепе» идеальный порядок. Вера Ивановна кивнула в сторону Бабушкина: «Его работа». «У русского интеллигента всегда грязь — ему прислуга нужна, а сам он за собой прибрать не умеет», — не без сарказма ответил Иван Васильевич.

К осени 1902 года относится и появление в Лондоне после дерзостного побега из киевской тюрьмы девяти искровцев: Баумана, Крохмаля, Литвинова, Таршиса (Пятницкого) и других.

В ноябре был создан специальный организационный комитет для подготовки съезда, которому «Искра» передала все свои русские связи. Владимир Ильич поручил Надежде Константиновне подготовить и написать доклад организации «Искры» II съезду РСДРП об организаторской работе в России за время с апреля 1901 года по ноябрь 1902 года. Она тотчас же засела за эту трудоемкую

работу, но ее пришлось прервать в связи с переездом редакции «Искры» в Женеву, чего требовала группа «Освобождение труда».

Перед самым переездом Владимир Ильич заболел, сказалось огромное нервное и физическое переутомление. В то время Ульяновы были так ограничены в средствах, что им и в голову не пришло обратиться к английскому врачу — слишком это было дорого. И Надежда Константиновна, поставив по медицинским справочникам диагноз (совершенно неверный), стала лечить Владимира Ильича домашними средствами. Он метался от боли, Крупская проклинала европейские поезда, где не было спальных вагонов, ухаживала за мужем, не смыкая глаз.

В Женеве Владимира Ильича осмотрел настоящий доктор из эмигрантов и пришел в ужас от методов самолечения. Владимир Ильич пролежал две недели — у него был тяжелейший приступ нервной болезни — воспаление грудных и спинных нервных окончаний.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна поселились в рабочем предместье Сешерон (улица Шмен приве дю Фуайте, 10), где прожили до 17 июня 1904 года.

В Сешерон начали съезжаться из России делегаты съезда. Те, кто спешил на съезд партии, стремились прежде всего увидеть двух людей — Плеханова и Ленина, и эти две встречи часто оказывались решающими в выборе пути. Многие не подозревали, что редакция «Искры» далеко не едина.

Плеханов встречал делегатов радушно, но не мог и не хотел скрыть своего высокомерия, не терпел ни слова возражения, временами обрушивал на приехавших каскад острот, далеко не всегда безобидных. Мартов и Засулич сразу начинали жаловаться на плохой характер Ленина, вспоминая все мелкие обиды, и вызывали у приезжих недоумение — там, в России, идет борьба, люди ежедневно, ежечасно рискуют жизнью, а здесь делят места в редакции и не могут между собой договориться. Причем очень часто члены редакции показывают незнание русских дел.

Но как только делегаты попадали к Ленину, их настроение резко менялось. Здесь они встречали полное понимание, видели, что люди живут русским революционным движением. Понимали, кто в действительности руководитель «Искры» и вождь партии. Велик был и контраст быта Плеханова и Ленина. Первый, если приглашал кого-либо к себе, — это был «прием», к Ленину шли как

к товарищу, запросто. Поражала и обстановка, в которой жили Ульяновы. Вот как описывает ее М. Эссен:

«В то время как в Женеве все жили на европейский лад, в хороших комнатах, спали на пружинных матрацах, так как комнаты и жизнь были в Женеве сравнительно дешевы, Ленин жил в доме, напоминающем дом русского заштатного города. Внизу помещалась кухня, она же и столовая, очень чистая и опрятная, но почти лишенная мебели, сбоку небольшая комната, где жила мать Надежды Константиновны, и наверху спальня и рабочая комната Ильича. Две простые узкие кровати, несколько стульев, по стенам полки с книгами и большой стол, заваленный книгами и газетами. Так просто и уютно там чувствовалось, ничто не стесняло, и эта простота обстановки особенно хорошо действовала на рабочих. Все чувствовали себя как дома. Обычная дневная обстановка такова: Владимир Ильич сидит углубленный в работу или уходит работать в библиотеку. Надежда Константиновна разбирает корреспонденцию или шифрует письма. Мать возится с несложным хозяйством».

В эти предсъездовские месяцы Надежда Константиновна не только занимается текущей искровской работой, не только встречает приезжих, помогая им устроиться, акклиматизироваться за границей, она заканчивает также свой доклад ко II съезду партии. Уже то, что его писала для Мартова (тот должен был выступать на съезде по организационным вопросам) Надежда Константиновна, характеризует обстановку в газете. Никто, кроме Крупской, не обладал таким знанием положения дела на местах. К счастью, сохранилась рукопись этого доклада на 65 листах, составляющая две тетради. В предисловии к изданию 1928 года Надежда Константиновна писала: «Доклад организации «Искры» II съезду» написан мною. Владимир Ильич его просматривал (есть пара стилистических исправлений, сделанных его рукой)... Доклад охватывает период с апреля 1901 года до момента организации в России центра — Организационного комитета (ОК), т. е. до ноября 1902 г. Доклад касается лишь организационной стороны. Теперь он мне кажется мало удачным. Все же он дает картину той объединяющей работы, которую проделала организация «Искры» за вышеуказанный период».

Шаг за шагом прослеживает Надежда Константиновна расширение и углубление связей «Искры», дает характеристику отдельным центрам, созданным социал-демо-

кратами, пишет о героизме и самоотверженности тех, кто служил великой цели объединения всех социал-демократов России на подлинно марксистской основе. Страницы доклада Крупской — страницы суровой беспощадной борьбы, свидетельство безграничной веры в победу правого дела.

Крупская приводит письма с мест, где подчеркивается, что рабочие, именно рабочие, требуют «Искру», читают ее, выделяют на нее средства из своих нелегальных касс. В то же время комитеты, где большинство интеллигентов, склоняющихся к экономизму, стараются скрыть газету от рабочих, обвиняя «Искру» во всех смертных грехах, вплоть до соглашения с либералами! Крупская пишет о том, как постепенно приучала «Искра» местных работников к общепартийной работе, цементировала их, объединяла, отучала от узкоместной работы, характеризует работу отдельных комитетов. Вот сообщение из Нижнего Новгорода от Пискунова, старого знакомого по Уфе: «Прежние приверженцы Рабочего Дела сдержанно отзываются о нем и не могут не признаться, что Искра гораздо интереснее, выдержаннее и талантливее. Пока все-таки они говорят о ней, «эта газета», а не «наша» газета».

Крупская кончает доклад оптимистическими строками: «Мы надеемся, что съезд партии положит конец всем недоразумениям подобного рода и российская социал-демократическая рабочая партия, обновленная, сильная своими единством и определенностью программы, с удесятеренными силами пойдет быстрыми шагами вперед по намеченному пути».

Доклад окончен, обсужден, одобрен. Надежда Константиновна по-прежнему занята перепиской «Искры». Одно за другим поступают сообщения о присоединении комитетов к искровской платформе. Так, Сибирский социал-демократический союз пишет: «Товарищи! В январе 1903 г., как вам уже известно, Сибирский союз заявил себя комитетом партии, выразил свою полную солидарность с «Искрой» по вопросам теории и практики революционной борьбы и признал эту газету своим руководящим органом». Заявление Екатеринодарского комитета РСДРП выражает пожелание, чтобы на съезде произошло подлинное объединение всех социал-демократов на искровской основе, основе единственно правильной. Саратовский комитет ставит в известность о своей борьбе с эсерами. Рабочие требуют объяснить им плат-

формы социал-демократов и социалистов-революционеров, поэтому комитет просит редакцию прислать литературу по этому вопросу. Много писем идет с сообщением о посылке делегатов на съезд.

После 1 мая в редакцию стали приходить письма с сообщениями о провалах, арестах во время демонстраций. И опять Надежда Константиновна, как секретарь редакции, связывает разорванные нити, посылает новых людей, требует точности информации.

В Женеве собралась большая группа делегатов II партийного съезда. Огромной радостью для Владимира Ильича был приезд Дмитрия Ильича. «Разговорам не было конца», — пишет Крупская. Со стола в их небольшой квартирке не сходил чайник. Когда же хотелось поговорить по душам, в тишине, уходили в парк или на берег Женевского озера.

Как вспоминал М. Н. Лядов, «иногда в предсъездовских дискуссиях разгорался спор между Лениным и Мартовым, и как-то само собой случалось, что все приехавшие с местной работы из районов, где уже разгоралось массовое движение, где уже пахло близкой революцией, все тесней группировались вокруг Ленина, все более понимали, как важно для создающейся партии, что именно Ленин оказался во главе ее. Наоборот, все заграничники или приехавшие с тех мест, где еще массового движения не было, все выступали против Ленина, не понимали всей серьезности выставленных им положений. И действительно, при дальнейшем обострении отношений все работники с мест стали большевиками, а все заграничники — меньшевиками».

Настало время для отъезда в Брюссель, где намечалось провести съезд.

В один из последних вечеров в Женеве, возвращаясь домой с совещания, Надежда Константиновна заметила в витрине одного магазина маленький бронзовый колокольчик. Вот это то, что надо! Она пересчитала деньги и вошла в магазинчик.

Дома она застала Владимира Ильича внимательно читавшим что-то — он не слышал, как она вошла. Надежда Константиновна, встав у порога, тряхнула колокольчик, и он радостно-переливчато зазвенел. «Что это? Зачем?» — удивился Владимир Ильич. «Как зачем, а как же Георгий Валентинович будет вести заседание, какой же председатель без колокольчика?!» — весело смеясь,

говорила Крупская. «Ты умница, Надюша!» — рассмеялся и Владимир Ильич.

На съезде колокольчик славно потрудился, переходя из рук Ленина в руки Плеханова. Впоследствии его окрестили «колокольчик-раскольник». Сохранили его как драгоценную реликвию, и стоит он теперь в витрине Музея революции в Ленинграде, напоминая о далеких и трудных днях истории нашей партии.

Один из лидеров бельгийской социал-демократии, Вандервельде, договорился с правительством о проведении в Брюсселе съезда русских социал-демократов. Переговоры вел Б. А. Кольцов, член группы «Освобождение труда», и явка была назначена на квартире Кольцовых. Отсюда делегаты, прибывшие отдельными группками, должны были отправляться в маленькие гостиницы, где хозяевами были социал-демократы. Когда Владимир Ильич и Надежда Константиновна подошли к их улице, они увидели на углу жену Кольцова. В страшном волнении та сказала, что хозяйка квартиры категорически запретила появление у Кольцовых такого количества гостей. Организовали пикеты, и всех прибывающих сразу направляли в гостиницу «Золотой петух», которая принадлежала социал-демократам Бельгии.

Владимир Ильич страшно волновался: съезд партии — величайшее событие. По нескольку раз он прочел Надежде Константиновне свои речи, но нельзя было предусмотреть всего, что произойдет на съезде.

Позднее Надежда Константиновна писала: «Теперешняя молодежь, которая не знает, что значит годами ждать возможности обсудить сообща, со всей партией в целом, самые основные вопросы партийной программы и тактики, которая не представляет себе, с какими трудностями связан был созыв нелегального съезда в те времена, вряд ли поймет до конца... отношение Ильича к партийным съездам».

На долю Надежды Константиновны и здесь досталась организационная работа, секретарствовали все делегаты по очереди, затем запись докладов и выступлений передавалась в президиум, и Надежда Константиновна вечерами вычитывала, выверяла записи. При этом ей приходилось общаться с представителями разных группировок. Только ее энергия, выдержка, такт и личный авторитет позволили составить подробнейший исторический документ — протоколы II съезда партии.

Съезд открылся в каком-то складском помещении,

огромном и довольно неприглядном, где стояли простые скамьи для делегатов и стол для президиума.

Историческое значение съезда, его место в истории партии широко известно, и в этой книге нет возможности останавливаться на том, как проходил съезд, какие вопросы на нем поднимались. Обстановка на съезде была напряженной, соотношение сил было неясно, на руку мартовцам играли Бунд и представители «Южного рабочего». И те и другие претендовали на особое место в партии, и те и другие не хотели подчиняться общим принципам. Они помогли мартовцам выиграть бой по первому параграфу устава партии.

В разгар работы вдруг выяснилось, что за делегатами установлена полицейская слежка. Направили Кольцова к Вандервельде, тот заявил, что русское правительство предупредило бельгийское о собрании в Брюсселе русских анархистов и просило выслать их на родину, так что лучше делегатам поскорее выбраться из Бельгии. Решено было переехать в Лондон.

Маленькими группами, через разные порты уезжали из Бельгии. Владимир Ильич и Надежда Константиновна ехали с Бауманом и Лядовым. Всю дорогу говорили, конечно, об обстановке на съезде. Владимир Ильич уже изучил делегатов и в своих характеристиках был точен, только в некоторых делегатах он не угадал будущих меньшевиков.

В Лондоне все отправились к Алексееву, адрес которого был дан делегатам. Надежда Константиновна привычно стала хлопотать, чтобы накормить приезжающих, Владимир Ильич сам устраивал их по разным гостиницам.

Работа съезда в целях конспирации происходила в разных местах. Крупская вместе с Лениным помогала тем товарищам, кто не знал иностранных языков.

Во время заседаний бушевали страсти. Ленину приходилось все чаще председательствовать, так как Плеханов нервничал, ввязывался в споры по пустякам, острил все злее и беспощаднее, дразнил противника.

Приближался последний бой — выборы ЦК и ЦО. Ленин настаивал, что в ЦО должна быть выбрана действенная рабочая тройка. Перед последним голосованием Ульяновы не спали всю ночь. Ленин колебался, может быть, не входить в состав редакции. Ведь все равно работать будет невозможно. Крупская поддерживала его.

«Видно, раскола не избежать, а долго ли Плеханов будет союзником?»

Утром у дверей помещения, где заседал съезд, Ленина ожидала группа сторонников, они горячо убеждали Владимира Ильича остаться в «Искре». При выборе в центральные органы сторонники Ленина получили большинство, они и составили ядро партии нового типа. Мартов от участия в работе редакции сразу отказался. Раскол стал фактом.

Недостойные методы полемики, закулисные интриги особенно тяжело действовали на делегатов-рабочих. Их было трое — А. В. Шотман, А. М. Стопани и Степанов.

Еще в Женеве, в период подготовки к съезду, они определили свои позиции — с Лениным, с пролетарской партией. В личных беседах с Плехановым, Мартовым, Дейчем они еще не улавливали всей глубины разногласий. Александр Васильевич Шотман, ему было тогда всего 23 года, вспоминал, что особенно поразило его двуличие одного из будущих меньшевиков (Шотман не называет его фамилии). Человек, говоривший в Женеве одно, на съезде так же «убедительно» стал говорить прямо противоположное, с пеной у рта выступая против Ленина. «Я не мог тогда, — пишет Александр Васильевич, — победить в полемике, решил действовать по-своему, по-рабочему...»

Съезд кончался, звучали последние речи... Надежда Константиновна уже складывала свои записи. Вдруг к ней подошел Степанов и прошептал на ухо: «Скорее, Надежда Константиновна, скорее, иначе худо будет. Берг сейчас изобьет NN». — «Как изобьет? — изумилась Крупская. — А вы-то что же?» — «Мы его уговаривали, ничего слышать не хочет, а вы его знаете, он из этого дохляка котлету сделает». Надежда Константиновна вышла в коридор. Шотман стоял у дверей — красивый, широкоплечий, глаза блестят. Про себя она машинально отметила — очки снял, действительно, драться собирается. Подошла к нему: «Это правда?» — «Правда», — твердо ответил он. «Да вы что? Разве это по-партийному, по-товарищески?!» — «А он мне не товарищ, и в партии одной мы вряд ли будем. Я ему покажу». Что делать? Надежда Константиновна вернулась в зал и подошла к Владимиру Ильичу. Тихонько рассказала ситуацию. Усталое лицо Ленина вспыхнуло на секунду улыбкой, но уже в следующую минуту стало серьезным. Он поспешил в коридор. Александр Васильевич пишет: «Через несколько

минут заседание кончилось. Один из первых вышел Владимир Ильич, подошел ко мне и, щуря свой левый глаз, дружески улыбаясь и покачивая головой, шутливо произнес:

— Ай-ай-ай! Что это, товарищ Берг, вы задумали?

Затем взял меня под руку и повел к выходу. Погода была отвратительная, обычная в Лондоне осенью: шел мелкий дождь, туман, хотя и не очень густой, едва позволял видеть другую сторону улицы.

Продолжая держать меня под руку, Владимир Ильич повел меня по этим мокрым улицам и как-то по-отечески журил меня сначала за мое намерение пустить в ход кулаки и объяснял, что только идиоты полемизируют кулаками. После этого он стал мне подробно рассказывать о наших партийных делах, внутрипартийных разногласиях, в чем их суть, и затем откровенно поведал мне, как трудно ему было работать в редакции «Искра», где сидело шесть редакторов и почти по поводу каждой статьи у них были разногласия...

Разговаривая (вернее, разговаривал один Владимир Ильич, а я только изредка задавал вопросы) таким образом, мы прогуляли по лондонским улицам около часа. Само собой разумеется, после этой беседы весь мой воинственный пыл остыл».

Перед отъездом из Лондона большевистская фракция поехала на Хайгетское кладбище, на могилу Маркса. Для Владимира Ильича и Надежды Константиновны этот путь был привычным, они бывали здесь много раз, когда жили в Лондоне. Владимир Ильич нарочно посоветовал товарищам спросить у сторожей дорогу, но те ответили, что знают, где похоронены известные люди, могилы которых часто посещаются. Делегаты исторического съезда в торжественном молчании стояли вокруг старой мраморной плиты, под которой был похоронен Карл Маркс, его жена Женни Маркс, маленький внук и верный, неизменный друг семьи Елена Демут.

И вот съезд, который фактически был учредительным, окончен. Он показал, что в русском социал-демократическом движении налицо два течения — марксистское, возглавляемое Лениным, и оппортунистическое, главным оплотом которого на съезде был Мартов.

Многие делегаты-большевики снова уехали в Россию, и среди заграничной публики меньшевики получили численный перевес, они задумали дать бой ленинцам на съезде заграничной Лиги русских революционных соци-

ал-демократов. Мартовцы решили противопоставить лигу центральным органам партии и передать ей функции издателя партийной литературы. Началась обработка всех членов лиги. О. А. Пятницкий вспоминал, как Блюменфельд, когда-то набиравший первые номера «Искры», а потом бывший ее агентом, долго убеждал его в том, что лига должна контролировать работу центральных органов партии.

Ленин и Крупская возвратились в Женеву. Сюда стали приезжать представители заграничных и русских организаций. Стремясь определить собственную позицию, они слушали и Ленина, и Плеханова, и Мартова, и Троцкого. Приняв платформу большевистской или меньшевистской группы, включались в борьбу. Иногда дело доходило до курьезов. К Ульяновым зашел член Киевского комитета, он пожелал побеседовать не с Владимиром Ильичем, а с Надеждой Константиновной. «Скажите, — атаковал он ее, — какие изменения в технике привели к расколу на съезде?» Надежда Константиновна решила, что ошиблась. «Как вы связываете технику с теоретическими разногласиями?» — «А разве вы не признаете положения Маркса о соотношении базиса и надстройки?» Надежда Константиновна опешила, а потом устало махнула рукой. «Не думаю, что подходит здесь марксово положение». Киевлянин, недоумевая, ушел.

Меньшевики кричали о разногласиях на всех перекрестках. Используя самые недостойные методы, они старались перетянуть на свою сторону сочувствующих.

Надежда Константиновна вместе с Литвиновым и Дейчем входила в правление лиги. Она с Максимом Максимовичем категорически возражала против съезда. Тогда Дейч, ничего не сказав Крупской и Литвинову, написал двум другим членам правления, жившим в Берлине и в Париже, и те проголосовали за съезд из своего далека, не придав этому вопросу значения. На съезде лиги оказалось 15 большевиков с 18 голосами и 18 меньшевиков, располагавших 22 голосами.

Обстановка на съезде лиги создалась ненормальная. Во время доклада Ленина о съезде партии меньшевики кричали, стучали пюпитрами, сыпали оскорблениями. В содокладе Мартова передавались какие-то сплетни, отрывки из личных разговоров. Меньшевики приняли устав лиги, делавший ее независимой от ЦК партии. Ленгник от имени большевиков объявил лигу распущенной.

Через два дня Плеханов, шедший все время с Лени-

ным, не выдержал — сначала он заговорил о примирении, а затем прямо перешел на сторону меньшевиков. Он кооптировал старую редакцию «Искры». Тогда Владимир Ильич вышел из нее. Только Надежда Константиновна знала, чего стоило ему это решение. «Искра», которую создал Ленин, которой он отдал столько сил и таланта, теперь эта «Искра» выступала против него и его сторонников. Казалось, что из редакции автоматически должна была уйти и Надежда Константиновна, но через некоторое время Плеханов обратился к ней с просьбой продолжать секретарскую работу. Члены редакции не были способны справиться с потоком писем, с практической работой. Долго Владимир Ильич убеждал Надежду Константиновну согласиться, ведь это давало возможность сохранить в своих руках обширнейшие связи, остаться в курсе всех происходящих событий. В конце концов она согласилась. И она некоторое время по-прежнему пишет, шифрует.

Обстановка продолжала накаляться. Вызванный Крупской в Женеву член ЦК Кржижановский не представлял себе, до чего дошел раскол. Приезжавшие в Женеву представители большинства собрались у Ульяновых, обсуждали положение. Настроение было тяжелое. Иногда, чтобы хоть немного отдохнуть, совершали совместные загородные прогулки.

Об одной из них Владимир Ильич писал Марии Александровне: «На днях мы предприняли здесь с Надей и с одним приятелем (Ф. В. Ленгник. — *Авт.*) прекраснейшую прогулку на Салэв. Внизу везде в Женеве туман, сумрачно, а на горе (около 1200 метров над уровнем моря) — роскошное солнце, снег, салазки, совсем русский хороший зимний денек. А внизу под горой — la mer du brouillard настоящее море тумана, облаков, за которыми не видно ничего, только горы высовываются, да и то только очень высокие. Даже малый Салэв (900 метров) весь в тумане» [1].

После короткого отдыха снова и снова напряженный труд.

Партия должна была знать правду о II съезде, и Ленин был обязан сказать эту правду. И в феврале 1904 года он принимается за книгу «Шаг вперед, два шага назад». Мировая литература не знает такого комментария к протоколам партийного съезда. Это образец тончайше-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 233.

го анализа борьбы, происходившей на съезде и после него. Развивая идеи Маркса и Энгельса о пролетарской партии, Ленин создает учение о ней применительно к условиям борьбы пролетариата в период империализма, вырабатывает нормы партийной жизни.

И в тяжелые месяцы послесъездовской борьбы Надежда Константиновна продолжала заниматься вопросами народного образования. На ее письменном столе немецкие, английские, французские труды по педагогике, сочинения Ж.-Ж Руссо, Песталоцци.

Как-то Надежде Константиновне на глаза попалось объявление, что при одной из женевских школ организована детская библиотека. Школу расхваливали всячески, и Крупская решила ее посетить.

Школа оказалась частной, размещалась она в уютном, очень чистом помещении. Директриса долго допытывалась, с какой целью мадам хочет посетить школу, и узнав, что мадам — русская учительница, подобрела и лично проводила ее в класс. Дети, в чистой красивой форме, дружно встали, приветствуя гостью.

Надежда Константиновна обратила внимание па индифферентность ребят: они не проявляли никакого любопытства. Учительница медленно, по слогам диктовала. Ребята писали так же медленно, замирая во время пауз. То же было во время урока чтения. Никаких вопросов, абсолютная тишина. После урока Крупская попросила учительницу показать ей библиотеку. Мадемуазель несколько смутилась. «В сущности, у нас нет библиотеки. Зачем ребенку читать книги? Вы посмотрите на наши учебники, вы посмотрите, на какой хорошей бумаге они напечатаны. Пусть ребята знают учебник, это будет хорошо».

Разочарованная покинула Надежда Константиновна образцовую школу. Придя домой и рассказав своим о том, что видела, она прибавила: «Такое воспитание, которое хочет ограничить ребенка узкими рамками школы, есть не воспитание сознательного человека, а воспитание раба, не смеющего самостоятельно мыслить».

Характерно, что Лев Толстой и Крупская вынесли совершенно одинаковые впечатления от знакомства с хваленой европейской школой. Во время путешествия по Европе Лев Николаевич посетил школу в Париже. О своем впечатлении он писал, что когда смотришь на франц-

ского школьника в школьной обстановке, то думаешь, какие глупые ребята, как они зубрят, а на улице видишь совершенно другого ребенка, развитого, остроумного.

В вечерние часы иногда у «Ильичей» собирались друзья, мечтали, кто чем займется после победы революции. Крупская мечтала о коренном изменении школьного дела, о новых методах обучения, о новых учителях.

Накал политических страстей не утихал. Меньшевики всеми средствами продолжают борьбу против ленинцев. Они пытаются подтасовывать сообщения из России, где все больше комитетов переходит на сторону большевиков, начинают форменную травлю Ленина. Надо было хоть на некоторое время вырваться из этой обстановки. И Владимир Ильич с Надеждой Константиновной задумали пешком обойти ряд районов Швейцарии. Вооружившись путеводителем Бедекера по Швейцарии, они составили маршрут.

12 июня, договорившись с Бонч-Бруевичем и Лепешинским о том, что они будут держать их в курсе дела, «Ильичи» выехали в Лозанну, откуда Надежда Константиновна писала Марии Александровне: «Я вообще мечтаю об осени, думаю вплотную засесть за работу. (Мысли о педагогических исследованиях не покидают ее. — *Авт.)* Обдумываю всяческие меры, чтобы устранить постоянную толкотню, которая страшно утомляет. Сейчас мы в Лозанне. Уже с неделю, как выбрались из Женевы и отдыхаем в полном смысле этого слова. Дела и заботы оставили в Женеве, а тут спим по 10 часов в сутки, купаемся, гуляем — Володя даже газет толком не читает, вообще книг было взято минимум, да и те отправляем нечитанными завтра в Женеву, а сами в 4 часа утра надеваем мешки и отправляемся недели на 2 в горы. Пройдем к Интерлакену, а оттуда к Люцерну... За неделю мы уже значительно «отошли», вид даже приобрели здоровый. Зима была такая тяжелая, нервы так истрепались, что отдохнуть месяц не грех, хотя мне уже начинает становиться совестно». Эта последняя фраза очень характерна для Надежды Константиновны. «Совестно» отдыхать.

Они немного покривили душой, рассказывая Марии Александровне о полном отдыхе. Ведь сюда, в Лозанну, Владимир Ильич вызывал Бонч-Бруевича и Лепешинского. Те застали их в небольшом пансионе уже готовыми

к дальнейшему путешествию. «Когда я вошел к нему в комнату, — вспоминал Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, — он возился с укладкой вещей в дорожный сак. Тут была Надежда Константиновна и один из товарищей, очевидно, недавно приехавший. Около комнаты Владимира Ильича была одна свободная, что-то вроде общей столовой. Как всегда, мы были очень приветливо встречены Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной. Владимир Ильич увел нас к себе в комнату и стал тихонько расспрашивать о всех делах...»

Ульяновы полностью отключаются от партийных дел лишь тогда, когда забираются в горы, в глушь. Они выглядят заправскими туристами — с рюкзаками за спиной, в удобной простой одежде, в ботинках на толстой подошве. Они молоды, полны сил. Их не смущают скромные денежные ресурсы. Питаются в основном всухомятку — сыром, яйцами. Иногда запивают еду вином, а чаще всего водой из прозрачных горных ручьев и водопадов. Как-то рабочий в трактирчике посоветовал им обедать в отелях не с туристами, а с обслуживающим персоналом. Там, где едят шоферы, кучера, чернорабочие. Ульяновы последовали совету и весело смеялись, замечая косые взгляды туристов-буржуа. Здесь кормили намного дешевле и сытнее, да и разговоры велись интересные — о жизни, о труде.

Мало-помалу путешественники загорели, окрепли. Еще в Лозанне они договорились — о политике ни слова, но все-таки мысли их были в Женеве — то Владимир Ильич, то Надежда Константиновна вдруг останавливались и начинали: «А знаешь...», но, поймав предупреждающе-насмешливый взгляд, смеялись и замолкали.

В конце июля Владимир Ильич получил сообщение о том, что меньшевистский ЦК лишил его права сноситься с Россией и запрещает ему свободно высказывать свое мнение в «Искре». Тогда Ленин вышел из ЦК. Перед большевиками встала задача создать свою печать (библиотеку и архив ЦК РСДРП удалось отвоевать у меньшевиков), свою организацию, свой ЦК, для этого был необходим съезд. Ленин и группа большевиков, поддерживавших его, созвали совещание. Собрались под видом любителей альпинизма в предместье Женевы на небольшом постоялом дворе. На совещании встретились 22 ленинца-большевика. Среди них были супруги Лепешинские, В. Д. Бонч-Бруевич, М. Н. Лядов, М. С. Ольминский, С. И. Гусев, В. В. Воровский, А. В. Луначарский и

Р. С. Землячка. Совещание вошло в историю как конференция 22-х, оно приняло резолюцию о созыве III съезда РСДРП. Участник совещания Лядов рассказывает: «Всем нашлось дело в начавшейся работе. Вокруг Надежды Константиновны образовалась целая канцелярия, занятая срочной перепиской с российскими организациями, литераторы занялись выработкой резолюции. А Ильич взялся за составление обращения от имени конференции». В Россию с текстом обращения были посланы надежные товарищи.

Весь август Ленин и Крупская прожили в глухой деревушке у озера Лак-де-Бре. Там собралось большое общество — Богдановы, Ольминский, Первухин. Шла подготовка собственного печатного органа, к участию в котором привлекли Луначарского, Базарова, Степанова.

Большевистская газета «Вперед» начала выходить в декабре 1904 года. Кроме того, было создано издательство большевистской литературы, идейное руководство в котором принадлежало Ленину, хозяйственной стороной дела ведал Бонч-Бруевич.

После возвращения в Женеву Ульяновы поселяются на улице Каруж, где живет целая большевистская колония — Воровские, Луначарский, Красиков, Ольминский, здесь же помещается и столовая, устроенная Лепешинскими для русских эмигрантов. Теперь, когда дела налаживаются, когда в России все большее число комитетов переходит на сторону Ленина, в колонии царит подъем. На каждую выходку меньшевиков отвечают веселой карикатурой, на которые был большой мастер Лепешинский, их создается целая серия: «Как мыши кота хоронили», «Жизнь преподобного Георгия-непобедоносца» и другие.

По-прежнему идут на родину письма Крупской, они подбадривают, связывают, информируют, требуют. Они пересекают границы, проходят сквозь тюремные стены. В январе 1905 года М. Эссен, находясь в тюрьме, получила большую коробку шоколадных конфет. Каждая конфетка была завернута в серебряную фольгу. Откусив кусочек конфеты, Мария почувствовала что-то твердое, это оказался свернутый в трубочку кусок письма, на обратной стороне его стоял № 5. Одну за другой пришлось отправлять в рот конфеты. Письмо состояло из 12 частей. Наконец-то его можно прочесть: «Милая, дорогая, давно собирались написать тебе, да все не удавалось как-то. И сейчас не знаю, с чего начать. ЦК спредательствовал

хуже Плеханова, об этом ты уже знаешь. Сейчас они целиком перешли на сторону меньшинства, даже агентов назначают из меньшинства и помогают этому последнему вести дезорганизаторскую работу. В наших руках переписка Глебова с коллегией. Ну и скотина же! Тут уж не самообман, а прямое надувательство пошло. ЦО срамится все более и более. Чего только не пишут теперь Плеханов, Засулич и Старовер. Все стараются доказать, что старая «Искра» была плоха, потому что там властвовал самодержец Ленин. Особенно Плеханов распинается. Недавно ЦО выпустил листок «К членам партии» о земской кампании, где предлагал не устрашать земцев, и таким путем сели здорово в лужу. Но так как Ленин выпустил брошюру против листка «Искры», то Плеханов защищает листок и точку зрения Старовера, этот последний повторяет все те пошлости, которые раньше говорились Рязановым и К° о воздействии на предводителей дворянства и т. п. Вообще, теперь новая «Искра» старательно подвергает критике старую «Искру», всячески топчет ее в грязь... Скверно пока насчет презренного металла, но это дело наживное... Атмосфера заграничная в этом году лучше, чем в прошлом, много славной молодежи понаехало, правда, публика молодая, ей еще учиться надо... Зато народ честный, убежденный. Как-нибудь справимся. Крепко целую тебя и обнимаю крепко, крепко.

В чем тебя обвиняют? Какие улики? Почему тебя взяли?

Письмо это дойдет до тебя, верно, не раньше, как к Новому году. С Новым годом! С новым органом «Вперед».

P. S. Письмо это написано с неделю назад. Теперь настроение другое — так и кипит кругом работа, лезем напролом. Письмо Старика лучше всего передает это настроение».

В той же коробке в конфетах оказалось и письмо Владимира Ильича, по настроению близкое к приписке в письме Надежды Константиновны. Она умела кратко и точно охарактеризовать обстановку, передать перипетии внутрипартийной работы и вместе с тем мобилизовать все душевные силы на победу.

В тяжелой и острой борьбе, когда приходится терять друзей, когда будущее неясно, когда дни заполнены трудом, часто незаметным, но требующим всех сил, живет в душе этой удивительной женщины негасимая уверенность в правильности выбранного пути. 4 марта 1905 года, узнав о смерти Саши Григорьевой, она пишет Ольге

Константиновне Витмер, с которой когда-то дружила: «Очень уж любила я в былые времена Сашу, и такие привязанности никогда не проходят... Проклятая жизнь, в которой так нелепо, зря гибнут люди, и помочь нельзя... Конечно, если бы начать устраивать свою жизнь сначала, я бы опять устроила так, как она есть, другой жизни я не хотела бы, ничего мне не жаль, ничего бы я не хотела изменить (в общем и целом), я люблю и свое прошлое и свое настоящее...»

Шел январь нового, 1905 года...

В России назревали революционные события.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Утром 10 января 1905 года, когда Надежда Константиновна и Владимир Ильич направлялись своим обычным маршрутом в библиотеку, они заметили быстро шедших им навстречу Луначарских. Еще издали Анатолий Васильевич прокричал: «Царь расстрелял демонстрацию! Ужасно, много убитых!»

«Мы пошли туда, — вспоминала Надежда Константиновна, — куда инстинктивно потянулись все большевики, до которых долетела весть о питерских событиях, — в эмигрантскую столовку Лепешинских. Хотелось быть вместе. Собравшиеся почти не говорили между собой, слишком все были взволнованы. Запели «Вы жертвою пали...», лица были сосредоточены. Всех охватило сознание, что революция уже началась, что порваны путы веры в царя, что теперь совсем уже близко то время, когда «падет произвол, и восстанет народ, великий, могучий, свободный...».

Здесь же, в столовой, было принято решение — послать в Россию двух представителей большевиков — В. И. Невского в Москву и Д. А. Лазуркину в Петербург. Однако денег на поездку не было. Но столь велик был подъем, что это никого не смутило. Решили собирать деньги в кафе, ресторанах, булочных, среди русских эмигрантов всех направлений, живших в Женеве. Не нашлось человека, который бы отказал в средствах на русскую революцию. Вечером все встретились у Ленина, подсчитали деньги, их вполне хватало на поездку. Надежда Константиновна сшила небольшие мешочки, куда положили деньги. В тот же вечер Невский и Лазуркина уехали на родину. Прощаясь, Надежда Константиновна сказала Лазуркиной: «Смотрите, пишите о работе, о настроениях рабочих, обо всем, что делается на местах — и о трудностях, и о достижениях». Они с Владимиром Ильичем и сами рвались в Россию, но прежде надо было

подготовить и провести партийный съезд. Он намечался на апрель 1905 года.

Революция усилила разногласия между большевиками и меньшевиками. Оппортунизм последних наглядно проявлялся в их тактике, в оценке движущих сил революции. Ленин непримиримо разоблачал оппортунизм меньшевиков в своих произведениях, всей своей деятельностью. Ленин отстаивал идею гегемонии пролетариата в революции, идею авангардной роли пролетарской партии.

В обстановке огромного подъема проходил в Лондоне III съезд партии. Меньшевики не пошли на него и собрали свою конференцию в Женеве. Съезд наметил стратегический план и революционную тактику партии в буржуазно-демократическом революционном движении, принял резолюции о временном революционном правительстве, об отношении к крестьянству, к либералам. Была утверждена ленинская формулировка первого параграфа Устава партии. Все решения съезда были проникнуты пафосом начавшейся революции.

Надежда Константиновна, принимавшая в работе съезда самое активное участие, была включена в комиссию по редактированию протоколов. Однако, когда вернулась в Женеву, эту трудную работу ей пришлось проводить одной — один из членов комиссии уехал, другого подключили к новой работе. Целыми днями сидела Крупская в столовой Лепешинских, встречалась с делегатами, сверяла с ними тексты выступлений, случалось, и спорила. Работа продолжалась несколько дней, с утра до вечера.

Время от времени в Женеве появлялись колоритные личности, которые не могли миновать Ульяновых.

Приезжал в Женеву один из руководителей восстания на броненосце «Потемкин» — матрос Матюшенко. Ленин расспрашивал его досконально, его интересовали все детали исторического восстания.

Много шуму наделал приезд Гапона. Он побывал во всех организациях, пришел и к большевикам. Ленин и Крупская приняли его, так как он был живым свидетелем событий в Петербурге. Надежда Константиновна в своих воспоминаниях дала меткую характеристику этому сыну богатого крестьянина в поповской рясе, человеку беспринципному, хитрому, неспособному воспринять новое, не могущему вести ежедневную кропотливую работу; как она выразилась, «поповская психология застилала

ему глаза». Его бесславный политический конец был предрешен.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна были охвачены одной мыслью — туда, в Россию, в гущу событий. Уехать сразу вдвоем было нельзя: слишком много дел не доделано. И как ни тяжело расставаться, как ни не хотелось отпускать мужа одного, пришлось Крупской задержаться. Владимир Ильич и Надежда Константиновна разобрали, рассортировали, разложили по конвертам бумаги, письма, материалы съезда. Набрался целый чемодан важнейших партийных документов, который отдали на хранение Карпинскому.

В конце октября Ленин уехал. Крупская день и ночь думала об одном: как он добрался, как устроился, как там, на родине. В начале ноября тронулась в путь и она. Внешне она как будто бы ничем не отличалась от представительниц западноевропейской интеллигенции, но было в ней все-таки что-то такое русское, что в Стокгольме за ней немедленно увязался шпик. Она не подала виду, что заметила слежку, все делала спокойно, не оглядываясь и не суетясь. Здесь до русской границы ей ничего не грозило, правда, на границе ждали неприятности, ведь полиция имела предписание арестовать ее в любом пункте, где она попытается пересечь границы Российской империи. Выручил случай. Шпик сел вместе с Надеждой Константиновной в поезд на Гельсингфорс. Революция была в разгаре, в Финляндии шли забастовки, рабочие вооружались. Вагон был битком набит, всюду собирались взволнованные группы. Крупская прислушалась — в соседнем купе говорили по-немецки, она перешла туда и вступила в разговор, шпик последовал за ней. И тут ей повезло, беседа приняла очень нужное направление. Рабочий-активист с энтузиазмом говорил об успехах революции и между прочим сказал: «Шпиков мы всех арестовали и посадили в тюрьму». Взглянув на своего соглядатая, Надежда Константиновна заметила: «Могут и новые приехать». Рабочий понял с полуслова: «Только покажите, мы его сейчас же арестуем». Поезд как раз приближался к маленькой станции, где стоял одну минуту. Шпик поспешил выйти из вагона.

О приезде в Петербург Крупская вспоминает: «Четыре года почти прожила я за границей и смертельно стосковалась по Питеру. Он теперь весь кипел, я это знала, и тишина Финляндского вокзала, где я сошла с поезда, находилась в таком противоречии с моими мыслями о Пи-

тере и революции, что мне вдруг показалось, что я вылезла из поезда не в Питере, а в Парголове.

Смущенно я обратилась к одному из стоявших тут извозчиков и спросила: «Какая это станция?» Тот даже отступил, а потом насмешливо оглядел меня и, подбоченясь, ответил: «Не станция, а город Санкт-Петербург».

Встретивший Надежду Константиновну П. П. Румянцев, редактор журнала «Вестник жизни», повез ее к себе на квартиру. Здесь без прописки жил Владимир Ильич.

На следующее же утро Крупская пошла по городу в поисках меблированных комнат, где не требовалась бы прописка, так как Владимира Ильича очень стесняло пребывание в чужих квартирах, он начинал нервничать, терял работоспособность.

В меблированных комнатах Ульяновы прожили недолго, обстановка там была совершенно нерабочая. Тогда товарищи решили снабдить их паспортами для легальной прописки. Получив свой «абсолютно надежный», по уверению друзей, документ, Надежда Константиновна рассмеялась, она становилась дочерью Онегина — Прасковьей Евгеньевной Онегиной.

Мария Ильинична нашла им квартиру на Греческом проспекте, но вскоре пришлось оставить мысль о «легальной» совместной жизни. Вокруг дома появилась куча шпиков. Ульяновы были вынуждены поселиться врозь. Виделись они чаще всего в редакции «Новой жизни», да и там почти нельзя было поговорить. Не скоро удалось Владимиру Ильичу раздобыть очень хороший паспорт и квартиру.

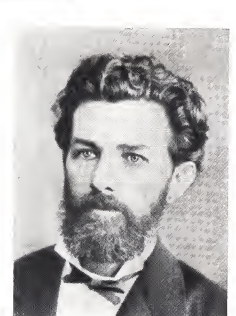
Оказавшись снова в России, Надежда Константиновна получила возможность общаться с массой людей, бывать на собраниях. Свои наблюдения она неизменно передавала Владимиру Ильичу. Она умела подойти к рабочим, они ей рассказывали о делах с живыми подробностями, которые давали Ильичу возможность определить уровень революционного энтузиазма масс.

На Крупскую, как на секретаря ЦК, обрушилось множество дел и обязанностей. Она ведала явками, людьми, сношениями с комитетами. О своей секретарской работе Крупская писала: «Народу валило к нам уйма, мы его всячески охаживали, снабжали чем надо: литературой, паспортами, инструкциями, советами».

В период высшего подъема революции наблюдалось колоссальное оживление работы. Выходило несколько большевистских изданий. Издателем газеты «Новая

Е. В. Крупская — мать Надежды Константиновны.

К. И. Крупский — отец Надежды Константиновны.

Надя Крупская пяти лет.

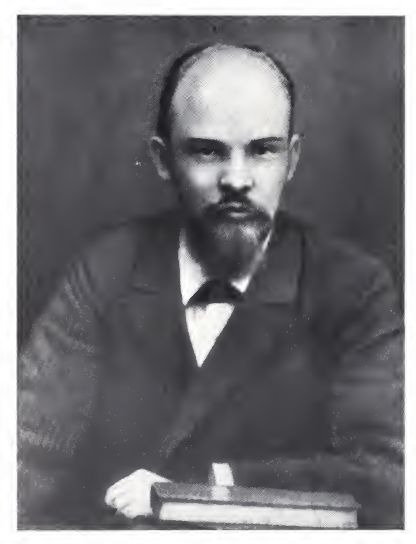
Н. Крупская
в малороссийском
костюме. 1876 год.

Н. К. Крупская
в 1882—1883 годах.

Дача, где жили
Крупские.
Рисунок Надежды
Константиновны.

В. И. Ленин. 1897 год.

Н. К. Крупская — учительница вечерне-воскресной школы за Невской заставой. 1895 год.

Комната В. И. Ленина в Казачьем переулке.
Петербург, 1893 год.

Н. К. Крупская. Полицейский снимок. 1896 год.

Н. К. Крупская после выхода из тюрьмы.
Петербург, 1898 год.

Н. К. Крупская
с матерью.
Петербург, 1898 год

Шушенское.
Дом вдовы Петровой,
где жили
В. И. Ленин и
Н. К. Крупская.

В. И. Ленин. Москва, 1900 год.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-
ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

№ 1. … № 1.

Первый номер ленинской «Искры».

Мюнхен.
Кайзерштрассе, 53.
Дом, где В. И. Ленин жил в 1901—1902 годах.

Читальный зал Британского музея, где работал В. И. Ленин.

Лондон, Холфорд-сквер. 30. Н. К. Крупская и В. И. Ленин жили в этом доме в 1902—1903 годах.

Лондонский омнибус начала XX века.

Женева. Улица Каруж, где жили многие русские социал-демократы.

Лозанна. Большой мост. Отсюда Ленин и Крупская начали свое путешествие в Альпы.

Бриенцское озеро. Изельшвальд, где «Ильичи» жили летом 1903 года.

Петербург,
1905 год.
Демонстрация
у Петербургского
университета.

Дача «Ваза» в Куоккале.

Н. К. Крупская и Е. В. Крупская в Стирсудене.
1907 год.

Надежда Константиновна и Елизавета Васильевна. 1907 год.

Женева. Зима 1907 года.

жизнь» была старая знакомая Крупской — Мария Федоровна Андреева, но фактическим руководителем ее был Ленин. Здесь систематически печатались его статьи. Он звал к новым формам борьбы — сохраняя конспиративный партийный аппарат, создавать легальные и полулегальные партийные организации. Он предлагал влить в партию рабочих, изжить опасную в период революции кружковщину.

Надежда Константиновна в первые же дни поехала за Невскую заставу, посмотреть, как идет работа в вечерне-воскресной школе. Все изменилось, в переполненных классах теперь открыто выступали партийные пропагандисты. Крупская сразу отметила, что учащиеся слушали пропагандиста добросовестно, даже что-то записывали, а вот вопросов никто не задавал, дискуссии не получалось. Сказывалась неопытность молодого пропагандиста, не умевшего задеть слушателей за живое. Зато сознательность рабочих неизмеримо выросла. Это было особенно заметно, когда Крупская встречала своих бывших учеников. Как-то ее остановил на улице рабочий, который в свое время поразил управляющего фабрики Максвелля рассуждениями об увеличении производительности труда, за что и вылетел с работы и был выслан по этапу на родину. Теперь он работал в булочной, был настоящим социал-демократом. Ученик и учительница долго проговорили о революции, о логике революционной борьбы. Бакин рассказал Надежде Константиновне, как проходила забастовка булочников.

Царизм шел в наступление, партия теряла своих бойцов — еще 18 октября в Москве был убит выдающийся деятель партии Н. Э. Бауман, в Иваново-Вознесенске погибли замечательные большевики Ф. А. Афанасьев и О. М. Генкина. По многим городам прокатилась волна погромов.

Третьего декабря, когда Крупская шла в редакцию «Новой жизни», ее остановил газетчик и предупредил, что там идет обыск. Газета была закрыта.

Когда в Москве уже началось вооруженное восстание, в Финляндии в Таммерфорсе собралась конференция большевиков. Она проходила с 12 по 17 декабря, на ней присутствовал 41 делегат от Петербургской, Рижской, Тульской, Казанской, Ярославской, Николаевской, Таганрогской, Уфимской и других организаций. Началась конференция докладами с мест. Ленин выступил с докладами о текущем моменте и по аграрному вопросу.

Конференция приняла его проекты резолюций о реорганизации партии и по аграрному вопросу. Было принято решение об объединении партии. Этого требовало развитие революции. Конференция поручила Центральному Комитету созвать объединительный съезд партии.

В Таммерфорс пришло сообщение о том, что в России обнародован избирательный закон. Поскольку продолжался подъем революционной борьбы, было решено провести активный бойкот выборов в Государственную думу. Резолюция конференции гласила: «Восстание должно быть немедленно подготовлено, организовано повсюду, ибо только его победа даст возможность созвать действительное народное представительство, т. е. свободно избранное учредительное собрание на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования» [1].

Об обстановке, царившей на Таммерфорсской конференции, Надежда Константиновна писала: «Как жаль, что не сохранились протоколы этой конференции! С каким подъемом она прошла! Это был самый разгар революции, каждый товарищ был охвачен величайшим энтузиазмом, все готовы к бою. В перерывах учились стрелять. Раз вечером мы были на финском массовом собрании, происходившем при свете факелов, и торжественность этого собрания соответствовала целиком настроению делегатов. Вряд ли кто из бывших на этой конференции делегатов забыл о ней. Там были Лозовский, Баранский, Ярославский, многие другие. Мне запомнились эти товарищи потому, что уж больно интересны были их «доклады с мест».

Декабрьское вооруженное восстание было подавлено. Революция с боями отступала. Самодержавие торопилось перейти в наступление. Оно посылало карательные экспедиции. Прошли массовые аресты, расстрелы. Партия опять уходила в подполье. В марте 1906 года Владимир Ильич ездил в Москву, он беседовал с партийцами, убеждал, что о панике и унынии не может быть речи. Мы победим непременно.

Узнав, что Владимир Ильич вернулся, Крупская поспешила к нему на квартиру. На углу улицы, где он жил, стоял, прислонившись к газетной тумбе, пожилой человек. По тому, как он зорко оглядел ее, Надежда Константиновна поняла — шпик. Дальше, недалеко от дома, в под-

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК, ч. I, с. 101.

воротне, о чем-то лениво переговаривался с дворником второй. Входя в подъезд, Крупская столкнулась с третьей личностью полицейского типа. Увидев Владимира Ильича, она даже забыла поздороваться и только спросила: «Почему за тобой началась такая слежка?» Он очень удивился. Взглянув сквозь занавески на улицу, он понял — надо немедленно уходить. В чемодане Владимира Ильича Надежда Константиновна увидела синие очки. «Уж не в них ли ты ехал?» Оказалось, так Ленина замаскировали в Москве. Она не смогла сдержать смеха, глядя на мужа в этих очках. «У тебя такой экспроприаторский вид, что и я, будь на месте полиции, устроила бы слежку — как бы ты чего не взорвал».

Из дому вышли чинно, под руку. Однако это не помешало им погонять ищеек: Ульяновы то шли проходными дворами, то садились на извозчика, то опять прогуливались по извилистым переулкам. После нескольких проверок убедились, что избавились от слежки, но во избежание недоразумений ночевать пошли в совершенно «чистый» от подозрений полиции дом — к Ольге Витмер.

И опять началась подпольная жизнь врозь, жизнь, полная опасностей, скитания по чужим квартирам, гостиничным номерам.

Надежда Константиновна имела целый ряд явок, где принимала приезжих, разговаривала с ними, давала указания, кое-кому организовывала свидания с Владимиром Ильичем.

Явки находились в самых разных местах — в приемных зубных врачей, на складе издательства «Вперед», в столовой Политехнического иститута. Однажды, когда Крупская и ее постоянная помощница В. Р. Менжинская находились на складе «Вперед», прибежал кто-то из служащих. «Полиция, обыск!» Надежда Константиновна не растерялась. «Пойдемте в магазин! Скорее!» (магазин примыкал к складу). Они смешались с покупателями и принялись спокойно перелистывать лежавшие на прилавке книжные новинки. Пристав угрюмо оглядев покупателей и, не найдя, к чему и к кому придраться, гаркнул: «Освободить магазин!» Крупская и ее помощница поспешили выполнить приказ.

В другой раз ей дали ошибочный адрес зубного врача Лаврентьевой. Ошибка была «незначительной» — дом № 33 вместо 32. Подойдя к двери квартиры, Надежда Константиновна удивилась — ни визитной карточки, ни таблички врача. Позвонила. Удивилась еще больше —

дверь открыл какой-то денщик. Отступать было поздно, и она вошла. «Разве сегодня не приемный день?» — как можно спокойно спросила она. Денщик, вытянув руки по швам, доложил: «Господина полковника нет дома». Это оказалась квартира усмирителя московского восстания полковника Семеновского полка Римана. Спокойно пояснив денщику, что ей нужен зубной врач, Крупская вместе со своими шифровками, адресами, нелегальщиной пошла в дом 32.

За себя она не боялась, не думала об угрожавшей ей опасности, но день и ночь ее грызла тревога за мужа, на поиски которого ринулась чуть ли не вся сыскная полиция.

Ульяновы сделали еще одну попытку поселиться вместе. И вот как-то Владимир Ильич не пришел ночевать. Всю ночь сидела Надежда Константиновна у окна, прислушивалась к шагам на улице, в подъезде. Неужели арестовали?! Казалось, что ночь никогда не кончится. Утром колебалась — идти к друзьям или ждать. Наконец ей сообщили — «хвост» за Ильичем был такой, что он еле-еле ушел от ареста и, не заходя домой, уехал с помощью товарищей в Финляндию, где русская полиция не могла его арестовать.

Приближался IV (Объединительный) съезд РСДРП. И как всегда, на Надежду Константиновну легли организационные заботы. К. Е. Ворошилов, делегат этого съезда от Луганска, вспоминал, что, приехав в Петербург, он встретился в издательстве «Вперед» с Бонч-Бруевичем, который посоветовал ему: «...побывайте в «техноложке» и покажитесь Надежде Константиновне Крупской — это жена и друг товарища Ленина. Она введет вас в курс событий». И вот они встретились в столовой Технологического института. Здесь бывали сотни людей и конспиративные встречи проходили незаметно. Климент Ефремович вспоминал: «Надежда Константиновна встретила меня как старого знакомого: она, видимо, знала меня по чьим-либо рассказам. Она расспросила меня о деятельности Луганской партийной организации, об активистах и рядовых подпольщиках, о настроениях рабочих. Я рассказывал, а она записывала все в малюсенькую записную книжицу. Потом обстоятельно проинструктировала меня, как вести себя в Питере, сообщила кое-что и о предстоящем съезде. «По всей вероятности, — сказала она, —

съезд будет за границей. Однако, когда и куда придется ехать, еще не определено. Будем ждать. А вы тем временем ознакомьтесь с городом, отдохните... Будьте осторожны — шпиков здесь тьма-тьмущая».

Съезд пришлось проводить не в России, а в Стокгольме. И опять у Надежды Константиновны полно хлопот: она достает заграничные паспорта, выдает деньги, сколачивает группы для поездки в Швецию, стараясь сделать так, чтобы в каждой группе был человек, уже ездивший за границу, знавший какой-либо иностранный язык.

Меньшевики посылали делегатов своими путями.

Надежда Константиновна получила мандат от Казанской организации и, отправив всех делегатов, двинулась в Стокгольм. Ехала она с группой, одним из членом которой была жена Якова Михайловича Свердлова — Новгородцева. Клавдия Тимофеевна рассказывала, что в группе были П. Л. Тучапский, А. С. Бубнов, еще несколько мужчин и одна женщина. «Очень быстро, в течение первого же дня путешествия, наша спутница объединила нас около себя в общих беседах, в совместных действиях при пересадке с поезда на пароход, причем в ее разговоре с нами не было никакой навязчивости и ни тени превосходства, хотя чувствовалось, что она значительно опытнее нас и за границу едет не впервой. Она была нам очень полезна, рассказывая, как надо вести себя за границей, и мы крепко подружились с ней как с чудесным товарищем.

То была Надежда Константиновна Крупская, жена Владимира Ильича».

Ведя подготовку к объединительному съезду партии, Ленин, большевики подчеркивали, что такое объединение возможно лишь на идейной и организационной основе революционного марксизма.

Съезд проходил в обстановке острейшей борьбы. Меньшевиков на съезде оказалось большинство из-за полицейского разгрома большевистских организаций. Съезд обсудил аграрный вопрос, текущий момент и классовые задачи пролетариата, вопрос об отношении к Государственной думе, Устав партии. Ленин делал доклад по аграрному вопросу. Он требовал изменения партийной программы, так как речь шла не о возвращении «отрезков», а о революционной ломке всего старого землевладения. Ленин сделал доклад и «О современном моменте и классовых задачах пролетариата». Крупным практическим

успехом было слияние национальных социал-демократических организаций в единой РСДРП. Однако на съезде еще отчетливее выявились идейные и политические разногласия между большевиками и меньшевиками. Последние с каждым месяцем стали отступать все более вправо, не считаясь с решениями съезда. Они превратили газету «Социал-демократ» из общепартийного в фракционный орган.

После съезда Надежда Константиновна и Владимир Ильич вернулись в Петербург. Начинался новый подъем революционной борьбы масс. Девятого мая Владимир Ильич впервые выступил на большом митинге в Народном доме графини Паниной. Выступал он под фамилией Карпова. На митинге собрались представители разных партий. Среди них было очень много рабочих. В президиуме сидели в основном кадеты. Первым и выступал кадет Огородников. Надежда Константиновна почти не слушала его. Когда председательствующий объявил: «Слово предоставляется господину Карпову», Владимир Ильич пошел на сцену. Надежда Константиновна знала, как он волновался. Она впервые слышала его выступление перед такой широкой русской рабочей аудиторией. В разных углах зала вспыхнули аплодисменты — партийцы узнали Ленина. Первые же фразы его речи вызвали испуг и недоумение сидевших в президиуме.

После речи Ленина рабочие не захотели никого слушать. На знамена разорвали красные рубахи и с пением революционных песен двинулись по своим районам. Ленин и Крупская в окружении товарищей вышли на улицу. В Петербурге было время белых ночей. Спать было невозможно. Шли по Невскому, каждый что-то возбужденно говорил. Чтобы не привести домой шпика, Владимир Ильич ночевал у одного из товарищей.

Больше открыто выступать Ленину не пришлось. Надежда Константиновна снова стала его связной и секретарем. Она ходила в редакции, на явки, организовывала конспиративные встречи.

В июне приехала в Питер Роза Люксембург, только что вырвавшаяся из варшавской тюрьмы. Надо было где-то устроить встречу с ней, и Надежда Константиновна попросила отца бывшей гимназической подруги — Роде уступить квартиру на час-другой. Старик не мог отказать ей.

В день встречи, подходя к дому, Надежда Константиновна увидела, что все окна квартиры Роде замазаны

белой краской. Бросилась к хозяину: «Зачем вы, ведь теперь это привлечет внимание». Старик сконфузился. «Я хотел как лучше». Все, к счастью, обошлось благополучно.

Реакция усилила наступление. 8 июля была распущена Дума. Но с новой силой шли крестьянские выступления, вспыхнули восстания в войсках — в Кронштадте, Свеаборге и Ревеле. Они были разгромлены. В этих восстаниях участвовали и большевики.

В самые трудные минуты Надежда Константиновна проявляла выдержку, хладнокровие, мужество. В день восстания в Свеаборге у сестер Менжинских встретились несколько партийцев. С волнением они ждали телеграммы о ходе восстания. Шли часы. Телеграммы все не было. Тогда Ленин послал Веру Рудольфовну к Шлихтеру: нужно было поехать в Свеаборг. Кто-то случайно вспомнил, что большевик Харрик служит в редакции кадетской «Речи». Возможно, там уже получены телеграммы. Крупская решительно встала. «Пойду узнаю, что там известно». В редакции Харрика не оказалось, но телеграмма о разгроме восстания уже пришла. На гранках телеграмм один из дежурных корректоров записал Надежде Константиновне адрес Харрика. Она направилась туда. В тихом Гусевом переулке под руку прогуливались две женщины. Они предупредили Крупскую о засаде в квартире Харрика. Она поторопилась вернуться к Менжинским.

Опять партия уходила в глубокое подполье. Владимир Ильич переехал в Финляндию на станцию Куоккала, где Лейтейзен (Линдов), старый товарищ по партии, снимал огромную неуютную дачу под названием «Ваза».

У Надежды Константиновны прибавилось дел — рано утром она уезжала в Петербург со статьями и указаниями Ленина и возвращалась поздно вечером. По-прежнему почти целый день она проводила на явке в Технологическом институте.

Один из посетителей «техноложки» однажды привлек всеобщее внимание. Почувствовав наступившую вдруг напряженную тишину, Надежда Константиновна подняла голову от бумаг, которые просматривала, и, не выдержав, рассмеялась. Посреди зала стоял Камо, в великолепнейшей черкеске, с газырями, с кинжалом, в белоснежной папахе. В руке он держал какой-то круглый предмет, завернутый в платок. У посетителей столовой вид был испуганный — «Уж не бомба ли?!». Крупская поспешила окликнуть Камо; сверкнув своей ослепительной улыбкой,

он сказал, протягивая таинственный сверток: «Вам и Ленину, подарок от тетки». Это был великолепный арбуз. Камо стал частым гостем на даче «Ваза». Решив все дела, все вопросы, он шел в комнату Елизаветы Васильевны и подолгу рассказывал ей о своих родных, о горах, о любимой Армении.

Вскоре на «Вазе» поселились Елизавета Васильевна и Мария Ильинична, затем Богдановы, Дубровинский. Образовалась своеобразная большевистская колония. Здесь проходили иногда совещания партийцев.

Между тем подготовка V съезда шла своим чередом. Съезжались делегаты — их от большевиков принимала Надежда Константиновна. Обстановка была сложной — полиция свирепствовала.

V съезд был вторым съездом, на котором Надежда Константиновна не смогла присутствовать. Она вспоминала: «Сама я на съезде не была. Не на кого было оставить секретарскую работу, а время было трудное. Полиция наглела, публика стала побаиваться пускать большевиков на ночевки и явки. Я встречалась иногда с публикой в «Вестнике жизни». Петр Петрович Румянцев, редактор журнала, постеснялся мне сказать сам, чтобы я явок в «Вестнике жизни» не устраивала, и напустил на меня сторожа — рабочего, с которым мы частенько говорили о делах. Досадно стало, зачем не сказал сам». Румянцев оказался из числа тех, кто хочет участвовать в движении, ничем не рискуя. Сколько таких попутчиков стали впоследствии врагами Октябрьской революции. И П. П. Румянцев кончил свои дни в Берлине злобствующим эмигрантом.

Однажды, возвратясь из Петербурга, Надежда Константиновна увидела свет во всех окнах дома. Владимир Ильич вернулся со съезда. В первый момент она его не узнала — он сбрил бороду, коротко постриг усы. На даче было полно людей — вся большевистская фракция. До утра проговорили, обсуждая дальнейшие действия.

На съезде опять и опять столкнулись непримиримые политические линии. Отчет о деятельности ЦК делал Мартов. Он не смог затушевать того факта, что меньшевики ошиблись в основном вопросе, кто должен быть гегемоном демократической революции, и скатились на позиции прихвостней либеральной буржуазии.

По целому ряду важнейших вопросов съезд стал на

позиции большевиков. О Государственной думе съезд принял большевистскую резолюцию.

Крупская внимательно слушала взволнованные речи. Товарищи будто вырвались из гущи боя. И она ясно видела, как устал Владимир Ильич.

Усталость проявилась в бессоннице, страшных головных болях, в полном отсутствии аппетита. Посоветовавшись с товарищами, Надежда Константиновна настояла на отъезде мужа в Стирсуден, где на одинокой даче жила семья Лидии Михайловны Книпович. Сама же Крупская еще некоторое время оставалась в Куоккале: надо было закончить некоторые дела, организовать переход партии в глубокое подполье. Наконец и она вырвалась в Стирсуден.

Море, сосны и тишина. Ульяновы купаются, ездят на велосипедах, слушают музыку — одна из родственниц Книповичей была певицей. В их жизни мало выпадало подобных минут.

К этому времени относится маленькая любительская фотография — Надежда Константиновна и Елизавета Васильевна сидят в двуколке. Крупская улыбается, лицо счастливое.

В августе Надежда Константиновна проводила Владимира Ильича в Штутгарт на международный конгресс, а сама активно включилась в работу.

После возвращения Ленина они еще некоторое время прожили на даче «Ваза», а в ноябре 1907 года Владимиру Ильичу пришлось уехать в глубь Финляндии, на небольшую станцию Оглбью. Реакция бурно наступала. Теперь на автономию Финляндии полиция не обращала внимания, шли повальные обыски. За два года на даче «Ваза» скопилось колоссальное количество архивных документов, нелегальщины. Без суеты, деловито разбирала эти архивы Надежда Константиновна с женой Богданова. Самое ценное, то, что было необходимо сохранить, относили к финским товарищам, остальное жгли. Снег вокруг дачи почернел от пепла, пришлось принять меры предосторожности.

Наконец дела приведены в порядок. Крупская едет в Питер, устраивает Елизавету Васильевну, договаривается с остающимися товарищами о связях и спешит в Стокгольм, куда уже переправили Владимира Ильича. Не сразу он рассказал жене, как чуть не погиб, когда при переходе через Финский залив лед стал уходить под

воду. Она так ясно представила себе — ночь, метель, треск тонкого льда.

Снова эмиграция, иного выхода не было, они понимали, что реакция затянется на долгие годы. Ехали опять в Женеву. Через Берлин. Там только что прошли аресты среди эмигрантов. Поэтому Ульяновы не пошли ни к кому из товарищей, чтобы никого не провалить, и целый день ходили по городу. Очевидно, в каком-то кафе они отравились. Полубольные, 7 января 1908 года они приехали в холодную, стынувшую от зимнего мороза Женеву. «У меня такое чувство, точно в гроб ложиться сюда приехали», — вырвалось у Владимира Ильича.

Началась их вторая эмиграция.

ЖЕНЕВА — ПАРИЖ

В январе 1908 года в Женеве жило всего несколько эмигрантов большевиков — М. Цхакая, Карпинский... Владимир Ильич и Надежда Константиновна сняли комнату в большой квартире на улице Шо-де-Фон. Комната была холодна и неуютна. Надежда Константиновна писала: «Трудно было нам после революции вновь привыкнуть к эмигрантской атмосферке. Целые дни Владимир Ильич просиживал в библиотеке, но по вечерам мы не знали, куда себя приткнуть. Сидеть в неуютной холодной комнате, которую мы себе наняли, было неохота, тянуло на людей, и мы каждый день ходили то в кино, то в театр, хотя редко досиживали до конца, а уходили обычно с половины спектакля бродить куда-нибудь, чаще всего к озеру».

Несмотря на поражение революции в России, Ленин был уверен в грядущей ее победе. И все его мысли, вся его деятельность были связаны с русской революцией.

Время наступило трудное. В России свирепствовала реакция. Партия переживала тяжелый организационный и идейно-политический кризис. В среде партийцев под влиянием поражения наметился разброд, шатания, возникали различные группировки: «отзовисты», «ликвидаторы», «примиренцы».

В Женеве решено было печатать нелегальную газету большевиков «Пролетарий». Создание газеты потребовало от Владимира Ильича много сил, энергии. К февралю в Женеву съехались другие члены редакции «Пролетария» — Богданов и Дубровинский. Надо было налаживать связи с Россией, транспорт газеты. Эти заботы в значительной степени падали на Надежду Константиновну.

Большевики во главе с Лениным повели борьбу за укрепление нелегальной большевистской партии.

Меньшевики стремились дискредитировать большевиков за границей, они использовали для этого любой предлог.

В феврале 1908 года вышел первый номер (21) газеты «Пролетарий», ранее печатавшейся в России.

Тяжесть редакционной работы легла на плечи Надежды Константиновны, она просматривала и правила корректуры статей, вела заграничную переписку. Она старалась освободить Владимира Ильича от работы в газете — он занялся вопросами философии и засел за книгу «Материализм и эмпириокритицизм».

В связи с поражением революции среди части социалдемократии были предприняты попытки пересмотреть основные положения марксизма, возникли течения, пытавшиеся пошатнуть материалистическое мировоззрение. Выход из мрачной действительности искали в измышлении новой утонченной религии, пытаясь философски обосновать ее. Во главе новой философской школы, обосновывавшей всякое богоискательство, стоял Богданов. К нему примыкали Луначарский, Базаров.

В годы реакции новая философия, открывавшая пути всякой мистике, могла расцвести пышным цветом. В России вышли «Очерки по философии марксизма», в которых были помещены статьи Богданова, Луначарского, Базарова и других. Ленина глубоко возмутили эти «Очерки». Теперь по вечерам и во время редких прогулок Владимир Ильич и Надежда Константиновна обсуждают проблемы марксистской философии, говорят о новой работе Ленина.

Несмотря на загруженность партийной работой, именно в Женеве Надежда Константиновна наконец вплотную занялась педагогикой. Кроме того, она поступила на курсы французского языка, которые устраивались ежегодно летом для иностранцев-педагогов.

К счастью, в конце апреля из России опять приехала Елизавета Васильевна. Она не очень хорошо чувствовала себя, но все-таки сняла с дочери хозяйственные заботы. Ульяновы переехали на чистенькую и уютную улицу Марэни, где на третьем этаже дома № 61 сняли удобную двухкомнатную квартиру.

На курсах Надежда Константиновна изучала и методику преподавания для взрослых, училась, как она писала, «швейцарскому умению деловито, напряженно, добросовестно работать».

Шесть недель она усиленно занималась. Владимир Ильич с интересом слушал ее рассказы о занятиях, просматривал учебники, отдыхая от работы над философской книгой.

Владимир Ильич уехал на некоторое время в Лондон собирать материал для книги. Философская дискуссия разгоралась. В Женеве в его отсутствие должен был выступить с рефератом об эмпириокритицизме Луначарский. Ответить ему от своего имени и от имени Ленина вызвался Дубровинский (Инок). Владимир Ильич прислал тезисы выступления. Инок целыми днями в квартире Ульяновых готовился к предстоящей встрече. И вот они с Надеждой Константиновной отправились в кафе «Ландольт», где по традиции состоялась встреча. Крупской очень понравилось прекрасное, яркое выступление Дубровинского. Ее возмутили нетоварищеские приемы, использованные в полемике Богдановым. Она вспоминала: «Хотя реферат читал Луначарский, но главным защитником эмпириокритицизма на этом реферате был Богданов, и он особо резко напал на Инока. Он хорошо знал Инока, знал, что Инок был за открытую, прямую борьбу на философском фронте, знал, как присуще было Иноку чувство революционной чести, и, возражая ему, он старался ударить по чувству».

Возвращаясь с собрания, Крупская и Дубровинский тщательно разобрали все происходившее и решили: бой был дан и выигран. Вскоре Дубровинского послали в Россию для организации партийной конференции. Там он был арестован и сослан в Вологодскую губернию.

Постепенно налаживалась переписка с Россией, в эмиграцию приезжали сторонники Ленина. Поправились и материальные дела большевиков. Николай Павлович Шмит — владелец мебельной фабрики на Пресне в Москве — большевик, погибший в тюрьме, завещал большевикам свое состояние. Наследство было получено, и теперь редакция «Пролетария» могла оплачивать статьи корреспондентов.

Но в политическом отношении жить в Женеве становилось трудно: центр эмиграции переместился в Париж, туда в конце 1908 года было перенесено издание «Пролетария». Швейцарию наводнили шпионы царской охранки, переписка русских эмигрантов просматривалась. Все чаще в семье Ульяновых начинает заходить речь о переезде в Париж. Владимир Ильич колебался — его смущала дороговизна, суета большого города. Правда, там крепнет революционное движение, чего нет в Швейцарии, стригущей купоны со своих природных красот. Слежки там будет меньше. Этот аргумент окончательно убедил Ленина и Крупскую.

В Париж двинулись в декабре 1908 года. 21—27 декабря там состоялась V Общероссийская конференция РСДРП. Конференция решительно осудила ликвидаторство и определила революционную линию и организационную политику партии на период реакции. Борьба за партию с каждым днем становилась ожесточеннее.

Ульяновы (с ними приехали из Женевы Мария Ильинична и Елизавета Васильевна) сначала поселились на окраине Парижа на улице Бонье. Квартиру для них нанимали друзья, и Ульяновы поразились — четыре комнаты, светлые, с высокими потолками, с зеркалами над каминами. Такая квартира мало соответствовала их привычкам и привезенной из Женевы «мебели». Консьержка с недоумением смотрела на простые, белые столы и табуретки, ящики с книгами да несколько чемоданов. Поэтому, когда в библиотеке потребовалось поручительство домохозяина, тот заколебался — уж очень бедны были его постояльцы.

С библиотекой дело обстояло очень неудобно — Национальная библиотека, куда записался Ленин, была далеко, а ездить по Парижу на велосипеде было небезопасно и утомительно. Кроме того, в библиотеке был перерыв на обед, да и заказанную литературу подбирали долго. Надежда Константиновна решила помочь мужу, она написала письмо одному из профессоров, преподававших в Женеве на курсах, прося порекомендовать удобные библиотеки в Париже. Тот не замедлил с ответом, но, объехав все указанные библиотеки, Владимир Ильич все-таки вернулся в Национальную.

В 1909 году в Париж приехал бежавший из ссылки Дубровинский. Он еле ходил — от кандалов на ногах образовались раны. Врачи из эмигрантов советовали ампутировать ноги. Тогда Владимир Ильич поехал посоветоваться с профессором Дюбуше. Вернувшись, он рассказывал жене, что Дюбуше оказался очаровательным человеком и прекрасным хирургом. Он обещал вылечить Инока без ампутации, а о врачах-эмигрантах сказал: «Они, может быть, прекрасные революционеры, но как врачи — ослы». И Ленин весело захохотал, ему вторили Дубровинский и Надежда Константиновна.

Каждый день Крупской был заполнен до отказа — письма, работа в редакции газеты, посещение школ. Кроме того, надо было устраивать товарищей, приезжавших в Париж. Когда Надежде Константиновне становилось трудно, она шла на улицу, бродила по набережным, по паркам, знакомилась с Парижем. К лету Ульяновы до-

стали велосипеды и стали ездить гулять в Медонский лес.

Чтобы размежеваться с отзовистами, большевики собрали в июне расширенное совещание редакции «Пролетария», на котором выступил Ленин по вопросу об отзовизме и ультиматизме и о задачах большевиков по отношению к думской деятельности. Работа шла в накаленной обстановке раскола, разногласий, споров. В эти дни в добавление ко всему случился тяжелый нервный припадок у одного из делегатов совещания, Шулятикова, произведший тягостное впечатление на Надежду Константиновну.

Эмиграцию многие переносили тяжело: сходили с ума, кончали жизнь самоубийством. Эта обстановка изматывала.

На совещании расширенной редакции «Пролетария» особо стоял вопрос о школе на Капри, которую создали Богданов, Алексинский, Горький и Луначарский. Совещание осудило школу как новую фракцию.

Партийные организации в России горячо поддержали борьбу Ленина с противниками марксизма. Эта борьба брала у Владимира Ильича много сил. Нервы его были напряжены. Ему был необходим отдых. Горький звал на Капри, но там ждали те же споры, та же борьба. Ульяновы отыскали по объявлению дешевый пансион в деревне Бомбон. Отправились туда вчетвером — Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Мария Ильинична и Елизавета Васильевна. За день за всех надо было платить всего 10 франков. В пансионе жили мелкие служащие, продавщицы, прислуга. Ульяновы с интересом наблюдали за их жизнью, прислушивались к разговорам. Все обитатели пансиона обладали практической хваткой мелких буржуа, и вместе с тем им ужасно хотелось походить на «настоящих господ». За общим столом собирались семьями. Ничуть не стесняясь присутствия детей, взрослые рассказывали весьма вольные анекдоты. Вмешательство Крупской не помогало.

Ульяновы перестали появляться за общим столом. Каждый день они совершали прогулки, наслаждаясь природой — окрестности Бомбона напоминали им русские поля и леса, «гоняли» на велосипедах, посещали местные достопримечательности — остатки старинной крепостной стены в Шампо, развалины замка в Бланди-лэ-Тур.

Месяц пролетел незаметно.

Вернувшись в Париж, Ленин и Крупская поселились

на тихой улочке Мари-Роз. Маленькая двухкомнатная квартирка с чистенькой кухней больше соответствовала их вкусам, привычкам и средствам. Табуретки и простые столы здесь выглядели более уместно. Правда, консьержка была недовольна — слишком много посетителей ходило к жильцам, но сами жильцы ей нравились. На улице Мари-Роз они прожили почти три года. Их приемной стала кухня, где велись и деловые и задушевные разговоры.

Жилось Ульяновым в Париже крайне трудно, литературного заработка не было, имели они в то время только партийное жалованье. Поэтому экономили каждую копейку, экономили даже на трамвае.

Вспоминая годы эмиграции, Надежда Константиновна скажет в одном из своих докладов: «...А к советским деньгам я привыкла подходить с точки зрения домашней хозяйки. Пришлось мне долго быть домашней хозяйкой, когда мы жили за границей. Одна из моих главных функций была купить что-нибудь подешевле к обеду, так как жили мы на казенные деньги. Поэтому всегда стремилась купить какую-нибудь рыбу подешевле, сантимов на 10, или обойтись картошкой. Я и сейчас не могу расстаться с этой психологией домашней хозяйки, и когда вижу, что в Кремле в коридоре зря горит электричество, то тушу, хотя не обязана заботиться о том, горит ли в коридорах Кремля свет или не горит...» [1]

Первую половину дня Владимир Ильич проводил в библиотеке. Надежда Константиновна занималась своей секретарской работой. Силами Надежды Константиновны во Франции была создана целая сеть пересыльных пунктов, где жили крепкие ленинцы. Каждому из них она регулярно посылала конверты с надписанными адресами и стопки напечатанных на папиросной бумаге номеров газеты «Социал-демократ» (нелегальная газета, орган РСДРП, начавшая выходить в 1908 году). Товарищ должен был вложить газету в этот конверт и отправить его из того пункта, где жил.

Как-то Серафима Гопнер спросила Крупскую, зачем она надписывает конверты, разве агенты не могут это делать сами. Надежда Константиновна ответила: «Вы ведь собираетесь скоро ехать в Россию, и нельзя показывать ваш почерк жандармам». Кроме деловых писем, Надежда Константиновна неизменно присылала коротенькую записочку с информацией о событиях в России, держала товарищей в курсе всех дел.

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 48, л. 18.

Однажды в небольшой кухоньке Ульяновых появились совсем особые гости — ученики школы на острове Капри, исключенные за свои большевистские взгляды. Один из них, рабочий Михаил Вилонов, рассказывал Надежде Константиновне о своей работе в Екатеринославе, и ей сразу вспомнились прекрасные, живые корреспонденции о партийной и заводской жизни, приходившие в «Искру» из Екатеринослава за подписью «Миша Заводский». Она спросила Вилонова, не знает ли он такого товарища. «Да это я и есть», — ответил тот. Вилоновым очень заинтересовался Владимир Ильич, он возлагал на Михаила большие надежды, но Михаил был безнадежно болен. На партийные деньги его послали в санаторий, 1 мая 1910 года он умер от туберкулеза.

Ульяновы с интересом изучают жизнь рабочего Парижа. Они ходят па митинги, забираются в рабочие предместья, посещают маленькие театры, слушают знаменитых шансонье, отражавших в своих песнях жизнь и настроения масс.

Крупская пишет Марии Александровне: «Вот уж целый год, как мы живем в Париже! Приладились понемногу, жаль только, что мало видим настоящей здешней жизни.

Недавно как-то пошли в маленький театр неподалеку от нас и остались очень довольны. Публика была чисто рабочая, с грудными младенцами, без шляп, разговорчивая, живая. Интересна была непосредственность, с какой публика реагировала на игру. Аплодировали не хорошей или дурной игре, а хорошим или дурным поступкам. И пьеса была соответствующая, наивная, с разными хорошими словами, приноровленная под вкус публики. Получалось впечатление чего-то очень живого, непосредственного». Это письмо было написано в декабре 1909 года, а 2 января 1910 года Владимир Ильич пишет об их жизни сестре: «До сих пор здесь зима не в зиму, а в весну. Сегодня, напр., прямо весенний, солнечный, сухой и теплый день, который мы использовали с Надей для великолепной утренней прогулки в Булонский лес. Вообще на праздниках мы «загуляли»: были в музеях, в театре, посетили Musée Grévin, которым я остался очень, очень доволен. Собираюсь и сегодня в один увеселительный кабачок на goguette révolutionnaire (революционные песенки, куплеты. — *Ред.*) к «песенникам» (неудачный перевод chansonniers)»[1].

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 302.

Эти концерты шансонье пользовались в рабочих предместьях огромной популярностью. Певцы умели найти тесный контакт со своей аудиторией, откликались на все события окружающей жизни. Кто-то из старожилов-эмигрантов познакомил Ульяновых со знаменитым Монтегюсом — сыном коммунара. Они побывали на многих его концертах. Монтегюс выходил на сцену, такой же рабочий парень, как те, кто заполнял зал. Его песни, проникнутые ненавистью к богатым и сытым, электризовали слушателей. Ленину особенно нравилась песня «Привет вам, солдаты 17-го полка» — этот полк отказался стрелять в восставший народ. И горько было впоследствии узнать, что во время первой мировой войны Монтегюс стал петь шовинистические песни.

Во время перевыборной кампании на одном многолюдном митинге впервые услышала Надежда Константиновна знаменитых социал-демократических ораторов — Жореса и Вайяна. Аудитория была наэлектризована их речами, чувствовалось, как любят их рабочие. Крупской больше понравилось выступление старого коммунара — Вайяна. Оно было более непосредственным, тогда как каждое слово Жореса было рассчитано по всем правилам ораторского искусства.

Огромное впечатление произвела на Крупскую стотысячная демонстрация, организованная в знак протеста против казни в Испании Ферреро, обвиненного в подготовке восстания в Барселоне. Мощные колонны рабочих, грозные своей сплоченностью, шли через Париж. Это было совсем не похоже на майский праздник в Германии. Здесь чувствовалась сила, организованная и готовая к действию.

Живя в Париже, Ленин часто выступал перед различными аудиториями с докладами и рефератами, уделяя большое внимание разоблачению контрреволюционного либерализма.

С новой силой разгорелась борьба Ленина против ликвидаторов на пленуме Центрального Комитета партии в январе 1910 года. К ликвидаторам и отзовистам прибавились примиренцы. Против них и их союзника Троцкого решительно выступал Ленин.

Пленум ясно определил позиции группировок, показал их непримиримость.

Активно участвуя в этой борьбе, Надежда Константиновна и в Париже не оставила занятий педагогикой. Накопив изрядный теоретический багаж, она продолжала

изучать труды педагогов всех стран, посещала школы и дошкольные учреждения города. Многократно просматривала она труды Маркса и Энгельса, вчитываясь в их замечания о воспитании. Она постоянно была в курсе новейшей педагогической литературы, следила за педагогическими журналами, читала отчеты о съездах и конференциях педагогов. На основе личных наблюдений Крупская пишет одну из своих первых педагогических статей — «Школьные колонии, праздничные поездки и детские площадки». Надежда Константиновна послала ее в Петербург, и статья была опубликована в сентябрьском номере газеты «Наша школа» за 1909 год. Она вызвала живейшие отклики русского читателя.

В этой статье Надежда Константиновна совершенно откровенно говорит о тяжелом положении детей в России, об отсутствии заботы об их здоровье и развитии со стороны царского правительства. Она заостряет внимание общественности на том, что дети трудящихся в России живут в антисанитарных условиях, ютятся летом в грязных дворах, дышат затхлым воздухом подвалов, не имеют ни детских площадок, ни садов. Крупская делится своими впечатлениями о посещении детских садов Берлина и Вены. Она рассказывает об организации летних школьных колоний, подчеркивая, что они устраиваются на средства профессиональных союзов.

Собственно, первая педагогическая статья Крупской «В швейцарской школе» была написана еще в Женеве на основе наблюдений, сделанных в одной из школ.

Десятого марта 1910 года в письме к Ивану Ивановичу Горбунову-Посадову, известному писателю и педагогу, возглавлявшему издательство «Посредник», Надежда Константиновна сообщала: «...Посылаю Вам еще статейку: «В швейцарской школе». Эту статью я послала с год тому назад в Питер Вл. Дм. Бонч-Бруевичу, прося его пристроить куда-нибудь. Статью взяли в новый «Журнал для всех», но летом там переменилась редакция, и статья затерялась. Теперь я попробовала воспроизвести ее. Не знаю, пригодится ли она для Вашего журнала. Меня страшно поразило то, что я видела в женевской школе, и мне хотелось бы поделиться своими впечатлениями».

Что же так взволновало Надежду Константиновну в так называемой образцовой школе Женевы?

На прошение познакомиться с постановкой школьного дела в Женеве чиновники министерства народного образования благосклонно разрешили госпоже Крупской

присутствовать на уроках в течение недели в указанной школе и посещать пришкольный детский сад.

Еще подходя к школе, Надежда Константиновна обратила внимание на прекрасное здание, за окнами которого раздавалось стройное детское пение. Со всех сторон к школе спешили оживленные стайки детей. Они были одеты удивительно чисто. И ей в первый момент показалось, что, наверное, им очень хорошо в этой школе. Но как обманчиво было первое впечатление!

Сначала Надежду Константиновну повели в детский сад, организованный при школе для детей от 5 до 6 лет. Преподавательница твердила о материнской любви к младшим ученикам, а напротив нее пятилетний малыш сидел в течение часа совершенно не шевелясь, заложив руки за спину. Муштра в школе была ужасная. Учитель раздавал пощечины и подзатыльники — у этого руки не очень чисто вымыты, у того — уши, но все это относилось к бедным, плохо одетым детям. Богатому ребенку — и ласковая улыбка, и нежные слова. Учителя, не стесняясь, показывали свое отношение к неимущим. Обо всем этом Крупская очень живым, образным языком рассказала в своей статье. В каждом классе она видела одно и то же. И хваленая дисциплина была палочной, бессмысленной, она соблюдалась лишь в присутствии учителя. Крупская отмечала полное отсутствие самостоятельности у учеников, отсутствие инициативы. Никто не интересовался в школе общим развитием детей, главная задача была — знать программу.

Подытоживая свои впечатления, она писала: «Я видела много разных школ, но ниоткуда не выносила я такого тяжелого, гнетущего впечатления, как из этой образцовой женевской школы».

Эта статья, разоблачавшая подлинное лицо образцовой буржуазной школы, не была опубликована. К счастью, она сохранилась в рукописном виде и хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства.

То, что статья «В швейцарской школе» не была напечатана, не помешало укреплению дружеских и творческих связей между Крупской и четой Горбуновых-Посадовых, их Крупская знала еще по Петербургу. Иван Иванович был издателем книг для детского и народного чтения и редактировал журнал «Свободное воспитание». По поручению «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» его жена Елена Евгеньевна разносила нелегальную литературу, распространяла листовки. Арестованная

за пропагандистскую работу, она сидела в тюрьме «Кресты».

Позднее Крупская писала, что журнал «Свободное воспитание», руководимый Горбуновым-Посадовым, был единственным русским журналом, где ее регулярно печатали и где было можно бороться против буржуазной педагогики. Ко времени начала активной переписки с Горбуновыми-Посадовыми у Надежды Константиновны накопился большой материал. Она так писала из Парижа 9 февраля 1910 года Ивану Ивановичу: «...Я тут целиком залезла в иностранную педагогическую литературу, коечто приходится и самой наблюдать, возникло много всяких планов работ, только нет у меня связей в литературно-педагогическом мире, не знаешь, куда что можно пристроить».

Крупская активно знакомилась с педагогической жизнью столицы Франции. Регулярно вычитывая в газетах сообщения о лекциях, рефератах, выставках, относящихся к педагогике, она посещала большую часть из них. Так, она посетила собрание, где говорилось о возможностях кино в объяснении школьной программы. Интересно, что французские учителя отнеслись к этой очень интересной лекции равнодушно, и Крупская с удивлением обнаружила, что публика почти целиком состояла из русских эмигрантов.

Во Франции, кроме упомянутых выше, были написаны статьи «К вопросу о свободной школе» (1909 г.), «Следует ли обучать мальчиков бабьему делу», «Позитивный метод в преподавании» (1910 г.), «К вопросу о школьных судах», «Совместное обучение», «Социальное будущее», «Советы матерям», «Два типа организации школьного дела», «О школьном самоуправлении» (1911 г.).

Изучая постановку дела народного образования за рубежом, Крупская вместе с тем пристально следила за развитием педагогической мысли в России, внимательно изучала отчеты и доклады педагогических ведомств. Мимо ее внимания не прошел и отчет опекунского совета о все увеличивающихся случаях самоубийства среди учащихся в гимназиях и школах царской России.

«...Ужасает не самый факт смерти, — пишет Надежда Константиновна. — ...Ужасает то, что ребенок мог дойти до такого ужасного душевного состояния, до такого отчаяния». Крупская приходит к выводу, что только непригодность всей существующей школьной системы могла привести к подобному положению, и говорит о необходи-

мости коренных педагогических преобразований. Этой проблеме она посвящает специальную статью «Самоубийства среди учащихся и свободная трудовая школа», в которой вместе с тем пишет: «...нельзя ставить целиком на счет школы самоубийства учащихся: первенствующую роль играет в этом отношении российская действительность, гнетуще действующая на психику детей».

Она мечтает о школе будущего, где ученики будут составлять сплоченный коллектив, ставящий «себе целью путем совместных усилий проложить себе дорогу в царство мысли».

Крупская в своих работах разоблачала сущность школьной системы в буржуазном государстве, резко критиковала классово-сословную систему европейского образования. Эту систему она назвала «машинной обработкой детских душ и умов по тому или иному шаблону». Уже тогда, в Париже, Надежда Константиновна начала разрабатывать проблему трудового воспитания ребенка.

Крупская писала, что школа должна при обучении труду не делать разницы между мальчиками и девочками. Она считала, что мальчики наравне с девочками должны учиться починке белья, вязанию, всему тому, без чего в жизни не обойтись.

В это же время Надежда Константиновна занимается проблемой борьбы с религией, выступает против ее влияния на детей. Как-то летней ночью их с Владимиром Ильичем разбудил колокольный звон. Подойдя к окну, Надежда Константиновна увидела мрачную процессию, двигавшуюся в полном молчании по темной улице. Лошади, покрытые черными попонами, везли катафалк. За ним медленно шли девочки, одетые в саваны, с зажженными свечами в руках. Хоронили школьницу, умершую в одном из католических приютов. И церковь так обставила похороны, что их, конечно, не забыла ни одна из маленьких участниц. Надежда Константиновна больше не сомкнула глаз. Да, церковь умела устраивать такие спектакли, она не гнушалась использовать ни людскую радость, ни горе.

Как-то у Надежды Константиновны состоялась беседа с французским рабочим-социалистом. Человек мужественный и политически развитый отдал сына на воспитание в монастырь и брал его только по воскресеньям. Надежда Константиновна удивилась: «Как так, вы, социалист, отдаете своего ребенка в монастырь, сознательно калечите ребенка?» Тот махнул рукой: «Он маленький, ни-

чего не понимает, потом я ему все разъясню». Разъяснение же состояло в том, что отец сажал сына на колени и начинал ругать бога. И совсем иначе, с огромной симпатией вспоминала Надежда Константиновна неграмотную прачку в маленьком курортном городке Порнике. Иезуиты из соседнего монастыря буквально осаждали ее, уговаривая отдать сына, талантливого, способного мальчика, в монастырскую школу. Уперев руки в бока, с характерным южным темпераментом мать говорила Крупской: «Я выгнала ксендза в шею. Так и сказала ему: «Не для того я сына рожала, чтобы подлого иезуита из него сделать». Здесь сказывался природный ум и воспитанное веками недоверие к духовенству.

Внимательнейшим образом следила Надежда Константиновна и за детской литературой, выходившей в Париже. Прочитывая большое количество книг для разных возрастов, она возмущалась их содержанием, «...я попала в Париж с его кипучей жизнью, — писала она. — Там детей-школьников усиленно снабжали детскими книжками. Но какой мещанской моралью, каким преклонением перед богатством пропитаны были все эти детские книжки... Теперь «тихих заводей» нет уже на свете. Гибнущий капитализм, как утопающий за соломинку, хватается за подрастающее поколение и старается всеми путями, в том числе и через детскую книжку, затуманить сознание молодежи. Искусно пишутся эти книжки. Написаны волнующе, просто и в то же время обманно». Эти слова сказаны через много лет, уже после революции, но начиная с 1908 года Крупская боролась за классовый смысл детской книжки.

В парижские годы выковывается в Надежде Константиновне педагог-марксист, борец за новую пролетарскую школу. Крупская много и напряженно работает, у нее завязывается много знакомств, ее видят в библиотеках и различных учебных заведениях, на собраниях женщин и на демонстрациях. Но всегда и везде Ленин и Крупская живут думами о России. Из глубины души вырвались строки ее письма к Елене Евгеньевне Горбуновой-Посадовой: «Как вопрос с Вашим переездом за границу? Ох, и другу, и недругу закажу ехать за границу! Люди тут ужасно быстро вянут как-то. Приедет человек жизнерадостный, рассказывает то и се, а месяца через два точно душу из него вынули. Если можно как-нибудь извернуться, не ездите за границу. Поехать без дела, на пару месяцев, людей поглядеть — другое дело, но жить...»

В январе 1910 года в Париже разразилось страшное наводнение. Сена вышла из берегов и затопила близлежащие кварталы. Метро и электрички перестали работать. Вода не дошла до отдаленной Мари-Роз, но Владимир Ильич и Надежда Константиновна несколько раз добирались на конке до затопленных районов. Газеты всех стран писали о «парижской Венеции», беднякам же наводнение принесло неисчислимое горе — ведь затоплены были подвалы, где ютилась беднота, остановились многие предприятия, оставив без работы массу людей.

Париж был дорог Надежде Константиновне и Владимиру Ильичу как город Коммуны, город богатейших революционных традиций. Каждую весну они ходили на кладбище Пер-Лашез, чтобы положить к подножию Стены коммунаров букеты красных гвоздик.

Случайно Ульяновы узнали об открытии выставки, посвященной революции 1848 года. На другой день с трудом отыскивали ее на одной из окрестных улочек. «Выставка была архискромная, — пишет Надежда Константиновна, — в двух небольших комнатках. О ней, кажись, вовсе не писалось в газетах. Когда мы были там, было еще двое рабочих. Никаких экскурсоводов не было. Но сделана выставка была очень заботливо, обдуманно. И Ильич так и впился в нее. Его интересовала буквально каждая мелочь. Для него эта выставка была куском живой борьбы».

Весной того же 1910 года Надежда Константиновна и Владимир Ильич навестили Лафаргов. Поль Лафарг и его жена Лаура Маркс жили в 20 километрах от Парижа. Ульяновы поехали к ним на велосипедах. Владимир Ильич уже однажды встречался с Лафаргом. Надежда Константиновна волновалась — как-то их примет дочь Маркса? О чем они будут говорить? К сожалению, встреча получилась несколько натянутой. Владимир Ильич и Лафарг почти сразу заговорили о философии, о книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», а Лаура предложила Крупской погулять по парку. И тут подвела Надежду Константиновну ее застенчивость, она старалась найти в чертах любезной хозяйки черты отца — великого Маркса, говорила робко о русском революционном движении, об участии в нем женщин. Лаура Лафарг отвечала вежливо, но без особого интереса. Женщины вернулись в дом и присоединились к продолжавшемуся разговору о философии. Одна фраза остановила внимание Надежды Константиновны. Лаура сказала, как-то странно взглянув на мужа: «Скоро он докажет, насколько искренни его фило-

софские взгляды». Гости не решились просить разъяснений, а немногим больше чем через год смысл этих слов стал ясен: Лафарги покончили с собой. Они считали, что постарели, что больше не могут активно бороться, и ушли из жизни сами, как философы и атеисты. Смерть их потрясла Ульяновых.

20 ноября (3 декабря) 1911 года революционный Париж прощался с Лафаргами. Давно парижане, стоявшие вдоль тротуаров, не видели такого шествия. На кладбище Пер-Лашез у Стены коммунаров состоялся митинг. От имени Французской социалистической партии выступал Дюбрей, от социал-демократической партии Германии — Карл Каутский. Вдохновенно говорил Жан Жорес. От имени РСДРП произнес речь Ленин. В ней не было уныния, была лишь мужественная скорбь по ушедшим борцам. Ленин, весь устремленный в будущее, перед лицом прогрессивной общественности Франции говорил о борьбе русского пролетариата и перспективах всемирного рабочего движения.

НОВЫЙ ПОДЪЕМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ

Начиная с 1910 года стал нарастать в России новый подъем революционного движения. Почта приносила все больше фактов, свидетельствовавших о том, что усталость после поражения в 1905—1907 годах проходит. Обстановка в России изменилась. Пролетариат вырос, борьба его приняла иной характер. Многим стало ясно, что в новой революции пролетариат будет не ведомым, а ведущим, что речь пойдет не о куцей конституции, а о коренной ломке существующего в России социального устройства. Царское правительство тоже учло опыт 1905 года и постаралось опутать революционные организации сетью провокаторов.

«Как грибы», по выражению Надежды Константиновны, росли различные ликвидаторские группы, с которыми Ленину и его соратникам приходилось вести непримиримую борьбу. Отзовисты организовали в Болонье школу для рабочих, где лекции читали видные лидеры меньшевизма.

Оживление рабочего движения в России ставило перед партией новые задачи. Ленин считал, что прежде всего необходимо возродить легальную марксистскую печать. В декабре 1910 года в Петербурге начала выходить еженедельная газета «Звезда», в Москве — легальный марксистский журнал «Мысль». Владимир Ильич направлял работу обоих изданий, много печатался в них.

В 1911 году по предложению Ленина было решено организовать во Франции большевистскую школу для рабочих. Школу открыли в деревне Лонжюмо близ Парижа. Деревню эту выбрали потому, что вокруг не было никаких дачников, никаких русских эмигрантов. В Лонжюмо был кожевенный заводик, и квартиру Ульяновы сняли у рабочего-кожевника — две небольшие комнатки во втором этаже каменного дома.

На другом конце деревни Инесса Федоровна Арманд сняла большой дом, где в первом этаже находилась столярная мастерская, которую и приспособили под класс.

Здесь же организовали столовую и общежитие для учеников.

Из России в школу были делегированы местными партийными организациями лучшие их представители: из Петербурга приехали рабочие-металлисты И. С. Белостоцкий и М. Е. Клоков, работница фабрики «Треугольник» А. И. Иванова, из Москвы — кожевник И. В. Присягин, из Сормова — кровельщик И. Д. Чугурин, из Екатеринославской губернии — рабочий Я. Д. Зевин, из Баку — рабочий А. И. Догадов, из Домбровского района Польши — электромонтер Э. Прухняк. В школе занимались и профессиональные революционеры Г. К. Орджоникидзе, И. И. Шварц и Б. А. Бреслав.

Квартиры для некоторых учеников нанимали Надежда Константиновна и Инесса Федоровна Арманд. Хозяевам сказали, что съезжаются сельские учителя из России, чтобы отдохнуть и познакомиться с историей и культурой Франции.

Занятия начались в мае. Большую часть лекций — по политической экономии, по аграрному вопросу, теории и практике социализма — прочел Владимир Ильич. Кроме того, лекции читали Семашко, Арманд, Зиновьев, Рязанов, Луначарский и другие. На долю Надежды Константиновны достался семинар по газетной корреспондентской работе. Она рассказывала ученикам, как писать заметки, очертила круг вопросов, интересующих партийный центр. С присущей ей деловитостью и доскональностью учила их правилам конспирации, шифровке, эзопову языку. Она старалась воспитать у них зоркость, умение в малом увидеть проявление больших подспудных общественных процессов. В этих семинарах ярко раскрылся педагогический талант Крупской.

Кроме непосредственных занятий в школе, на плечи Надежды Константиновны легла связь с Парижем, с партийной экспедицией, все деловые контакты. Она как бы представляла большевиков в городе, так как нельзя было допустить, чтобы в Лонжюмо хлынули все, у кого была необходимость поговорить, посоветоваться с Лениным. Ведь школа работала нелегально. Все ее ученики должны были вернуться в Россию, и нельзя было ставить их под удар. По утрам два-три раза в неделю Надежда Константиновна отправлялась на велосипеде в Париж. Она везла корреспонденцию для газеты «Звезда» и журнала «Мысль», ленинские корректуры, письма к товарищам. Вечером возвращалась в Лонжюмо.

Дела в школе шли успешно. Владимир Ильич был доволен. Между учениками и учителями установились самые добрые дружеские отношения. Вечерами шли в поле, садились на стога свежескошенного сена. Говорили о работе, шутили, пели русские песни.

В Лонжюмо, как всегда и везде, Ульяновы наблюдали быт трудового люда. Вот возвращался домой после изнурительного рабочего дня их квартирохозяин — кожевник. Жена, только что вернувшаяся с поденщины, постукивая деревянными башмаками — сабо, выносила ему стол и стул, ставила прямо на улице у дома. И он бездумно сидел, опустив голову на натруженные руки. По воскресеньям всей семьей отправлялись в церковь. Как-то заглянула туда и Надежда Константиновна, послушала мессу, и сразу ей стало ясно, что тянуло сюда рабочего. В церкви пели монахини с хорошо поставленными голосами. Музыка Бетховена, Гайдна, Баха великолепно звучала под высокими сводами. Эти минуты, несомненно, были счастливейшими в тяжелой, полной беспросветной нужды жизни бедняков. В этих людях, задавленных работой, не было протеста, они считали, что бог создал бедных и богатых и так будет вечно.

В августе школа закончила работу, Ульяновы вернулись в Париж.

Большевистская группа в Париже в 1911 году состояла из сорока человек, она имела обширные связи с родиной, боролась против оппортунистов всех мастей.

О работе Крупской в Париже в 1911 году один из старейших членов партии, Т. Ф. Людвинская, писала: «Надежда Константиновна принимала активное участие в работе парижской секции большевиков, и мне, как члену комитета этой секции, действительно часто приходилось обращаться к ней за советом и помощью. Организация весьма нуждалась в деньгах. Они добывались обычно устройством лекций, рефератов, лотерей, вечеров-концертов и т. п. Один из вечеров секция поручила организовать мне, и я решила посоветоваться по этому делу с Надеждой Константиновной. Мы принялись вместе разрабатывать программу вечера».

Надежда Константиновна хотела, чтобы это были идейно направленные вечера. На один из них пригласили Монтегюса, который пел с большим успехом революционные песни французских рабочих.

И здесь, в Париже, Ленин и Крупская объединяли людей, связывали всех единомышленников в одну груп-

пу. Как-то осенью Надежда Константиновна зашла к жившему на бульваре Монпарнас Курнатовскому. Бледный, страшно худой, почти оглохший, он встретил ее с радостью. Теперь Курнатовский отошел от активной работы — ушли физические силы, но он с огромным интересом слушал рассказ Надежды Константиновны о школе в Лонжюмо, о нарастании нового подъема революции в России. Вернувшись домой, Надежда Константиновна рассказала о разговоре Владимиру Ильичу и попросила его навестить Виктора Константиновича. Они не встречались некоторое время, так как Курнатовский занимал примиренческую позицию, теперь он целиком был согласен с большевиками. Владимир Ильич обрадовался и стал частенько заглядывать в бедную комнатушку на Монпарнасе.

Надежда Константиновна вместе с Людмилой Сталь вели еще и работу среди женщин русской эмиграции и среди француженок — шляпочниц, швеек. На собраниях женщин Крупская выступала с докладами о роли женщин в революционной борьбе.

В 1911 году на повестку дня встал вопрос о возрождении руководящего партийного центра, о созыве общепартийной конференции. В конце мая 1911 года происходило совещание ЦК, на котором было принято решение о созыве конференции.

Владимир Ильич отдавал все силы подготовке VI партийной конференции. Крупская, как всегда, помогала ему. Надежда Константиновна поехать в Прагу не смогла, она осталась в Париже, чтобы держать Владимира Ильича в курсе событий, чтобы вести всю текущую партийную и издательскую работу. К ней приезжали за направлением на конференцию, от нее узнавали адрес в Праге. И она помешала попасть на конференцию некоторым подозрительным лицам. Она обладала каким-то особым чутьем к фальшивым, лживым людям. И теперь она внимательно выслушивала приезжающих, выясняла их связи, сферу их деятельности. Так, подозрение товарищей вызвал некто Бряндинский. Крупская попросила Филиппа (Голощекина) привести Бряндинского (тот был арестован незадолго до приезда в Париж, затем выпущен. — *Авт.*) и пока ему не говорить, где будет конференция. «Разговор с Брендинским[1] у нас вышел очень странный... Я стала спрашивать Брендинскєго, по какому адресу, кому он пе-

[1] Н. К. Крупская неправильно пишет фамилию Бряндинского.

редает литературу, а он смутился, сказал, что передает не организации, ибо теперь это опасно, а своим знакомым рабочим. Я стала спрашивать фамилии. Он стал называть явно наобум — адресов-де не помнит. Видно было — врет человек. Я стала расспрашивать о его объездах, спросила что-то о каком-то городе, кажется Ярославле; он сказал, что не может туда ездить, ибо там был арестован. Я спрашиваю: «По какому делу?» А он отвечает: «По уголовному». Я так и опешила. Чем дальше, тем путанее были его ответы. Я ему чего-то наплела, что конференция будет в Бретани, что Ильич и Зиновьев туда уже уехали, а потом сговорилась с Филиппом, что они с Григорием уедут ночью в Прагу, и он оставит записку Брендинскому, что уезжает в Бретань. Так и сделали. Потом я откомандировалась к Бурцеву, который специализировался в то время на раскрытии провокаторов... Я очень гордилась тем, что уберегла конференцию от провокатора».

Пражская конференция имела большое значение, так как это была первая партийная конференция с русскими работниками, созванная после 1908 года. На ней были приняты резолюции о современном моменте и задачах партии, о выборах в IV Государственную думу, о социал-демократической фракции в Думе, о ликвидаторстве и группе ликвидаторов и другие.

Конференция избрала Центральный Комитет партии. Центр работы, борьбы переносился теперь в Россию. Конференция определила политическую линию и тактику партии в условиях нового революционного подъема. Велико и международное значение конференции.

Большевики рвались на работу в Россию. Владимир Ильич и Надежда Константиновна решили тоже перебраться поближе к русской границе. Самым удобным местом казалась Польша. Надежда Константиновна пишет письмо Карпинскому с просьбой выяснить условия жизни в Польше:

«Дорогой товарищ!

Говорят, Вы поддерживаете сношения с Язвицким, который в настоящее время живет в Кракове. Не можете ли Вы написать ему и узнать, каковы условия жизни для эмигрантов в Кракове. Нужны ли какие-нибудь документы и какие именно (метрическое свидетельство и прочее)? Есть ли что-нибудь вроде permis de séjour [1]? Очень ли сильная слежка за русскими? Есть ли возможность

[1] Разрешение на жительство.

выдачи и *обысков?* Очень ли дорога жизнь? Можно ли устроиться там семейным образом франков на 200?

Вообще, попросите его написать поскорее все, что он знает о Кракове, с точки зрения полицейской и хозяйственной.

Это очень, очень спешно.

Наш переезд на лето в Женеву висит все еще в воздухе...

Ну, всего лучшего.

Будем ждать ответа.

Н. К. 3 июня (1912 г.)».

Начались энергичные сборы, в Польшу ехали почти как домой, ведь это так близко от России. Квартиру на улице Мари-Роз передавали по объявлению поляку, краковскому регенту. Он придирчиво осмотрел комнатки, в которых уже все было готово к отъезду, кухню, вышел на малюсенький балкончик. Затем повел с Владимиром Ильичем «солидный разговор» о хозяйстве, о дороговизне, о жизни в Париже. Надежда Константиновна и Елизавета Васильевна с трудом удерживались от смеха, видя, как Владимир Ильич недоуменно пожимает плечами в ответ на вопросы о рыночных ценах. Поляка интересовало, сколько стоят гуси, телятина и другие продукты, которых русские эмигранты и не пробовали. Когда регент наконец ушел, Надежда Константиновна сказала: «Ну, Володя, почему же ты не просветил его? Разве ты не помнишь, сколько стоил последний рождественский гусь?» — «Последнего гуся я ел в Шушенском, и он мне ничего не стоил», — смеялся в ответ Владимир Ильич.

В ПОЛЬШЕ

В Краков приехали 22 июня 1912 года. По предварительной переписке, их должен был встретить секретарь Краковского союза помощи политзаключенным Сергей Багоцкий. Он вспоминал, что встречу назначили в саду возле знаменитого Ягеллонского университета: «Был солнечный летний день. Кругом играли дети. Из университета небольшими группами выходили студенты. Я с напряжением приглядывался к проходящим, высматривая Ленина, которого никогда не видел, но почему-то представлял себе высоким широкоплечим мужчиной с черной бородой.

Прошло около получаса после условленного времени. Скамейки около меня заполнились. На одну из ближайших села немолодая пара — мужчина в котелке, с небольшой бородкой и скромно одетая женщина. Но я не обратил на них внимания. Начиная нервничать, я нетерпеливо ходил взад и вперед. Вдруг женщина встала и нерешительно спросила:

— Простите, вы, очевидно, кого-то ждете? Не вы ли Багоцкий?

— Значит, вы Ульяновы! — воскликнул я. — Мы уже давно ждем друг друга, сидя почти рядом.

Все засмеялись и пожали друг другу руки».

Заехав на вокзал за вещами, отправились в гостиницу. На другой день в газете «Голос», в хронике прибывших в Краков, появилось (конечно, для них нежелательное) сообщение: «Гостиница «Виктория» (на улице Звежинецкой, рядом с Плянтами, номера с электрическим освещением, стоимостью 1,40 кроны и выше. Вся гостиница отреставрирована согласно современным требованиям. Кондитерская и ресторан в гостинице). Семья Ульяновых из Парижа, Елизавета Крупская из Парижа...»

Через несколько дней нашли недорогую квартиру на Звежинецкой улице в только что отстроенном доме.

Звежинец — район пролетарский, без особых удобств,

зато рядом — красавица Висла, куда стали ежедневно ходить купаться, в пяти километрах тенистый Вольский лес. Русью пахнуло на Ульяновых от окружающей природы.

В сентябре переехали ближе к центру, на улицу Любомирского. Краков нравился им старинными памятниками, прекрасными парками, знаменитой университетской библиотекой.

Поражало огромное количество костелов. Они высоко вздымали свои башни и шпили, довлея над окружающими кварталами. Над их убранством трудились лучшие мастера — художники, скульпторы, резчики по дереву и камню.

«Красивое убранство костелов, украшение их цветами, картины и статуи девы Марии, святых, блеск, освещение, театральность — все это имеет громадное значение в деле укрепления влияния религии на массы, повседневная жизнь которых часто сера, однообразна», — писала впоследствии Крупская.

Надежда Константиновна получила возможность ближе познакомиться с жизнью польского народа. В те времена в Галиции держались еще крепостнические обычаи. Отправляясь на базар за покупками, Крупская была свидетельницей ужасных картин: крестьяне целовали руки у бар, кланяясь, буквально валились наземь и, стоя на коленях, десятки раз отбивали поклоны за грошовые чаевые.

Зная польский язык, Надежда Константиновна понимала, что говорят на улицах, базарах, в недорогих лавочках, куда она заходила. Народ ненавидел бар, живя в нищете и угнетении, и только ждал своего часа, чтобы пойти против господ. Положение народа в Польше было еще хуже, еще унизительнее, чем в России.

Быт налаживать здесь было гораздо труднее. В Польше не было газа, отопление было печное, во всем сказывалось отсутствие элементарной культуры. Пойдя первый раз за продуктами, Надежда Константиновна удивилась дороговизне и расстроенная вернулась домой. Такая жизнь была не по карману. Вечером к Ульяновым зашел Багоцкий и, услышав сетования Надежды Константиновны, серьезно спросил: «Но вы, конечно, торговались, мадам?» — «Как торговалась? — вскинула брови Крупская. «А так, — объяснил Багоцкий, — надо было назвать совсем ничтожную плату, потом сделать вид, что уходите, вас постарались бы удержать, глядишь, и догово-

рились бы. А так вы минимум вдвое за все будете переплачивать». Эти ежедневные спектакли в лавчонках очень утомляли Надежду Константиновну и отнимали массу времени.

В Париже французская полиция тесно сотрудничала с царской полицией, поэтому русские революционеры в любой момент могли подвергнуться под разными предлогами аресту, высылке, выдаче русским властям. В Краковском воеводстве, подчиняющемся австрийским властям, было проще. Полицию интересовало в основном одно — не являются ли русские эмигранты шпионами царского правительства? Имя Ленина было хорошо известно европейской социал-демократии, и все-таки через месяц после приезда в Краков он был вызван в полицию, где подвергнут настоящему допросу. Отвечая, на какие средства он живет, Ленин объяснил, что он — корреспондент русской демократической газеты «Правда», издающейся в Петербурге, именно оттуда черпает средства на существование. В Галицию же приехал затем, чтобы ознакомиться с аграрным вопросом, так как эти вопросы его особенно интересуют. Он намерен выучить польский язык.

Владимир Ильич спешил домой, чтобы успокоить Надежду Константиновну и Елизавету Васильевну. «Все в порядке, — заявил он с порога. — Обыкновенная формальность». Он оживленно рассказывал о «беседе». «И они поверили, что ты получаешь гонорар с «Правды»?» — «А почему бы нет? Ведь они не знают, что я готов последнюю копейку спустить для издания нашей газеты!»

Одного не знали Ульяновы — что на протоколе показаний Ленина старший комиссар полиции Станислав Стычень написал: «За Лениным я установил негласный надзор, о результатах которого своевременно доложу».

Соблюдать конспирацию стало таким привычным делом, что и в Польше Ульяновы постоянно помнили об осторожности, необходимой подпольщикам.

Зато партийная работа шла полным ходом. Связи с Россией стали регулярными и крепкими. Сюда из России газеты доставляли на третий день. 22 апреля (5 мая) 1912 года вышел первый номер ежедневной большевистской газеты «Правда», и теперь Владимир Ильич имел возможность принимать активнейшее участие в ее выпуске. Почти каждый день он посылал в Россию свои статьи, письма. Надежда Константиновна, отправляясь на базар, брала корреспонденции с собой. Там, увидев

какую-нибудь крестьянку из России, просила взять письмо и опустить по ту сторону границы. За небольшую плату те обычно соглашались оказать такую услугу. Таким образом, письмо шло без заграничного штемпеля на конверте и, как правило, не привлекало внимания жандармской цензуры.

Надежда Константиновна организовала полулегальный и нелегальный переход революционеров через границу. Жителям приграничной полосы, и русским и полякам, выдавали специальные проходные свидетельства, которые называли полупасками. Крупская учила товарищей, как себя вести, как по-польски отвечать на стандартные вопросы кондукторов и жандармов. Многим товарищам удавалось благополучно по нескольку раз переходить границу.

Надежда Константиновна и Владимир Ильич скоро оказались в гуще работы польской социал-демократии. Они вступили в Краковский союз помощи политическим заключенным и состояли в нем до отъезда в Поронин (в конце апреля 1914 года). Надежда Константиновна была связной между членами комитета союза и Владимиром Ильичем. В адресной книге ЦК РСДРП, которую она вела в 1912—1914 годах, имеется и адрес Краковского союза, вписанный ею на польском языке. Сохранились архивы союза, и в списке лиц, которым постоянно высылались циркуляры правления, стоит также «Н. Ульянова».

На лето Владимир Ильич и Надежда Константиновна уехали в горы. В деревне Белый Дунаец, что примостилась у самых предгорий Высоких Татр, сняли хату у крестьянки Терезы Скупень. Надежде Константиновне и Владимиру Ильичу очень понравилась незатейливая обстановка в доме: оказалось, что резные деревянные скамейки, кровати, столы, шкафчики — все сделано умелыми руками самого хозяина.

Вечерами Ульяновы сидели на балконе, откуда открывался чудесный вид на Татры. Как и повсюду, где доводилось им жить, они часто ходили на прогулки, забирались на плоскогорье и подолгу любовались причудливыми белоснежными шапками горных вершин. Иногда забредали в соседнее курортное местечко Закопане, где жил один из эмигрантов-большевиков. Все вместе отправлялись далеко в горы. Здесь, вдали от людей, можно было свободно обо всем наговориться. Надежда Константиновна любила такие прогулки, прекрасный горный воздух очень хорошо восстанавливал силы.

И в Польше Крупская не оставляет занятий педагогикой, она знакомится с польскими педагогами, берет у них литературу. Уже в сентябре 1912 года она пишет из Кракова Е. Е. Горбуновой-Посадовой: «...Посылаю одну заметку малюсенькую и переделку с немецкого «Солнечный свет и свободное творчество детей». Не знаю, подойдет ли, форма странная. Но только как-то очень задушевно это у Рихарда Хеннингса написано.

С большим интересом читаю отчет о конгрессе немецких учителей в Берлине. На днях пришлю статью по этому поводу (статья «Вопрос о трудовой школе на Берлинском конгрессе немецких учителей» была опубликована в № 7 журнала «Свободное воспитание» за 1912—1913 гг. — *Авт.*). Теперь у меня свободного времени будет больше, хотя нет педагогической литературы. Говорят, есть интересная польская литература по свободному воспитанию...»

Понятно, почему именно книга Рихарда Хеннингса, выпущенная в свет в 1912 году, привлекла ее внимание. Мысли автора о силе и значении творчества в воспитании детей были созвучны ее мыслям. Она делает сокращенный перевод книги для русского читателя, выделяя основные и самые интересные положения автора, которые и сегодня остались жизненными.

С переездом Ленина в Краков город стал центром партийной жизни большевиков. Сюда заезжали все, кто ехал на работу в Россию, приезжали, чтобы рассказать о русских делах. Огромного успеха добились большевики на выборах в IV Государственную думу, куда прошло пять делегатов, членов РСДРП(б).

Сразу после выборов к Ульяновым неожиданно явился Муранов. На вопрос, как он добрался, спокойно ответил, что пересек границу нелегально. Ему и в голову не пришло, что он обладал теперь депутатской неприкосновенностью и мог ехать легально. Матвей Константинович живо рассказывал о выборах в Харькове, о своей работе. Решено было провести в декабре специальное совещание с депутатами Думы.

Первым приехал Малиновский. Надежду Константиновну насторожили его рассказы о своей жизни, о том, как полиция, арестовав его за антивоенную речь, заставила пойти добровольцем на русско-японскую войну. Не понравилось, как он говорил о своей больной жене, которая все боялась чего-то. Были в рассказах Малиновского недомолвки, намеки, проглядывал какой-то тща-

тельно скрываемый другой смысл. Но не доверять ему не было оснований — с работой он справлялся и умел о ней рассказать. Вскоре приехали Петровский и Бадаев, настоящие, закаленные пролетарии, затем Медведев. Он не был депутатом Думы, но много занимался агитационными листками.

На долю Надежды Константиновны выпала огромная работа. Участник совещания Григорий Иванович Петровский рассказывал: «Надежда Константиновна была секретарем совещания. Кроме этой очень большой и ответственной работы, она вместе с другими женщинами взяла на себя трудную задачу обеспечить всех участников совещания обедами. Это делалось ради экономии времени и ради конспирации. Обедая на квартире Ленина, мы избегали встреч со шпионами в ресторанах.

Надежда Константиновна и ее помощницы вели запись всех выступлений на совещании и в это время все были поглощены своей работой... Я часто наблюдал, как в свободную минутку она записывала на листочке бумаги и свои мысли для выступлений. (Больше всего она выступала по организационным вопросам.)

В дни совещания Надежда Константиновна организовывала для нас, депутатов, связь с нелегалами (большевиками, работавшими в России на нелегальном положении). Давала им характеристику, учила нас, как надо информировать нелегалов о материалах совещания, способствовать усвоению ими этих материалов, как научить их информировать, в свою очередь, рабочих и расширять связь с массами...

Мне приходилось наблюдать, как Надежда Константиновна в ходе дискуссии по разным вопросам не соглашалась с мнением Владимира Ильича. Это было очень интересно. Возражать Владимиру Ильичу было очень трудно, так у него было все продумано и логично. Но Надежда Константиновна подмечала «погрешности» в его речи, чрезмерное увлечение чем-нибудь... (речь шла о роли партизанских групп в революции. — *Авт.*). В ответ на это Надежда Константиновна заметила, что в жизни так может и не получиться, что очень уж увлекается Владимир Ильич этими отрядами. Когда Надежда Константиновна выступала со своими замечаниями, Владимир Ильич посмеивался и затылок почесывал. Весь его вид говорил, что и ему иногда попадает.

Надежда Константиновна была очень внимательна ко всем нашим нуждам. Она давала нам адреса явок в Рос-

сии, через которые мы могли писать в ЦК и Ленину; когда мы подбирали нелегальную литературу, указывала, что лучше взять для себя и других товарищей. Уезжая из Кракова, нам всем хотелось купить что-нибудь для семьи, и, несмотря на свою занятость, она помогала нам приобрести подарки женам, детям».

Новый год решили отметить в складчину. Выбрали маленькое кафе на одной из тихих улочек Кракова. У всех было приподнятое настроение, все радостно смотрели в будущее, верили, что приближается новая революция и на этот раз она будет победоносной. По традиции женщины надели светлые платья, и это делало дружеское застолье праздничным. Говорили о родине, пели русские песни. Захотелось потанцевать, но музыки в этом кафе не было. Кто-то из товарищей сказал: «Эх, друзья, вспомним годы молодые» — и достал расческу. Его примеру последовали и остальные мужчины. Расчески обернули папиросной бумагой, и в комнате раздались мелодичные, приглушенные звуки вальса. Григорий Иванович Петровский подошел к Надежде Константиновне: «Разрешите, пани, пригласить вас на вальс». Потом танцевали польку. Всем было хорошо, весело. Каждый запомнил эту встречу Нового года навсегда.

В феврале 1913 года в Кракове Ленин провел еще одно совещание членов ЦК и депутатов, в котором Надежда Константиновна также принимала самое деятельное участие.

Столовались приехавшие, как всегда, у Ульяновых. На этот раз Надежде Константиновне помогла посылка, присланная Марией Александровной, где была рыба, икра. Матери Ленина хотелось «подкормить детей». Елизавета Васильевна хворала, поэтому хозяйничать пришлось Надежде Константиновне. Владимир Ильич был бесконечно благодарен жене за ее заботы, он любил получше, повкуснее угостить товарищей, но в большинстве случаев материальное положение Ульяновых не позволяло сделать этого. Ульяновы всегда делились всем, что имели, а имели они очень немного.

О том, каким было настроение «Ильичей» в те дни, говорит большое письмо Надежды Константиновны Г. Л. Шкловскому в Швейцарию: «Только сегодня могу, дорогой товарищ, ответить на Ваше архипессимистическое письмо, которое я только что перечитала еще раз. Оно написано месяц назад, за этот месяц мы видели очень многих россиян — было совещание ЦК с местными работни-

ками, — и так много хорошего пережито за этот месяц, что Ваше пессимистическое письмо кажется чем-то ужасно далеким. ...У нас связи с каждым днем растут. В Питере теперь весьма серьезная организация, созданная низами. Сначала были митинги по заводам, потом районные организации устроили свой ПК. ПК выпускает листовки, работает... В Москве у нас хорошие связи, в области также и теперь во Владим[ирской] и Костр[омской] губ[ерниях]. Связаны с Харьковской организацией, Екатериносл[авом], Киевом, Нахичеванью, с рядом заводов, с Бакинским городским комитетом (100 чел.) — образовался из трех большевистских групп... А кроме того, все связи носят какой-то другой характер, чем раньше... Нет, дела большевизма так хороши, как никогда».

Надежда Константиновна днями и ночами сидит над письмами. Она понимает, какое значение имеет подробная информация для всех живущих за границей. Ее письма вселяют бодрость, сплачивают, организуют, зовут к активной работе. Письма идут во все концы Европы, их ждут с нетерпением. И Крупская не скупится на подробные, полные фактов послания. Каждая строка ее писем — живая история нашей партии, закалявшейся и мужавшей в боях с царизмом, с оппортунизмом, партии, завоевавшей многомиллионные пролетарские массы России. Крупская в письме от 11 февраля 1913 года делится своей радостью и с Горьким.

«Вот, когда было совещание, мы как пьяные от радости ходили, потому что из докладов выяснилось, что ничего даром не пропало, что рабочая масса, прожив тяжелые годы, подросла, что в самых глухих местах есть свои социал-демократические рабочие организации, хотя не связанные с партийными центрами, но по духу партийные, все время вели работу. Выборы сыграли очень большую роль. Пропало то чувство оторванности, которое угнетало так раньше рабочих. Организация пошла теперь вовсю. Кажется, теперь только стала складываться настоящая рабочая партия».

В связи с подъемом революционного движения, борьбой за демократизацию государственного устройства России большое внимание партийная пропаганда начинает уделять и вопросам организации просвещения, постановки народного образования. Уже полтора десятилетия занималась этими вопросами Надежда Константиновна. Перед созывом всероссийского съезда по народному образованию Крупская в декабре 1913 года опубликовала в

большевистской газете «Пролетарская правда» цикл статей, в которых, по ее словам, стремилась «развить как можно полнее точку зрения социализма на школьный вопрос». Именно Надежде Константиновне поручил Ленин написать проект речи для большевистского депутата Государственной думы на тему «К вопросу о политике министерства народного просвещения». Владимир Ильич внимательно прочел рукопись, внес в нее ряд поправок и передал депутатам. Выступая в Думе 16 мая 1914 года, А. Е. Бадаев использовал материал Надежды Константиновны.

Крупская разоблачает политику самодержавия в области народного просвещения, показывает реакционную сущность правительственного законопроекта о введении всеобщего начального обучения. Одновременно Крупская формулирует требования революционной социал-демократии: отделение школы от церкви, передачу управления школой в ведение демократических органов местного самоуправления и др.

За работой дни шли незаметно, приближалась весна. И в это время Надежда Константиновна стала замечать, что быстро устает, начались сердцебиения. Сначала она и Владимир Ильич относили их за счет переутомления. Но как-то в апреле Надежда Константиновна еле пришла с прогулки из Вольского леса. Обеспокоенный Владимир Ильич настоял, чтобы жена показалась доктору. Диагноз был — базедова болезнь, нервное переутомление. Больной требовался горный воздух, отдых от всяких забот. В одном из конспиративных писем в Гадяч к Лидии Михайловне Книпович Надежда Константиновна, кроме партийной информации, пишет: «Мы хотим на 5 месяцев выбраться на лоно природы, тут нас ничего не привязывает, а насчет *почты* постараемся устроиться так, чтобы было не хуже, чем тут. Летом буду тогда работать, а пока только так канителюсь...» [1]

В конце апреля Ульяновы всей семьей перебрались в маленькое местечко Поронин, и Владимир Ильич сообщает младшей сестре: «На днях переехали мы (отчасти по случаю Надиной болезни — базедовой болезни, которая меня немало тревожит) на лето в горы, в деревню Поронин, в 7 km от Закопане. Это около гор Татр, в 6—8 часах железной дороги от Кракова к югу — сооб-

[1] ЦРАОР, ДП 00, 1913, 3 ч., 1 ЛБ, л. 38.

щение и с Россией и с Европой через Краков. Подальше от России — но ничего не поделаешь.

Наняли дачу (громадную — слишком велика!) на все лето до I.X нового стиля и с большими хлопотами перебрались. У Нади от переезда болезнь, кажется, ухудшилась. Придется, пожалуй, везти ее в Берн лечить...

Место здесь чудесное. Воздух превосходный,— высота около 700 метров. Никакого сравнения с низким местом, немного сырым в Кракове...

Население — польские крестьяне, «гурали» (горные жители), с которыми я объясняюсь на невероятно ломаном языке, из которого знаю пять слов, а остальные коверкаю русские. Надя говорит мало-мало и читает по-польски.

Деревня — типа почти русского. Соломенные крыши, нищета. Босые бабы и дети. Мужики ходят в костюме гуралей — белые суконные штаны и такие же накидки, — полуплащи, полукуртки. Место у нас некурортное (Закопане — курорт) и потому очень спокойное. Надеюсь все же, что при спокойствии и горном воздухе Надя поправится. Жизнь мы здесь повели деревенскую — рано вставать и чуть не с петухами ложиться. Дорога каждый день на почту да на вокзал» [1].

Конечно, партийная работа продолжалась и здесь. Она велась в самых различных направлениях. Придавая огромное значение «Правде», ее распространению, Владимир Ильич как-то попросил Надежду Константиновну подсчитать, где, в каких количествах и какая категория читателей выписывает большевистский орган. Из редакции прислали списки подписчиков, и вот Надежда Константиновна и Елизавета Васильевна засели за работу — подбирать подписчиков по городам и местечкам. Это была очень кропотливая, но увлекательная работа. Неожиданно образовался список подписчиков газеты, живущих в каком-то неизвестном поселке. Крупская из справочника узнала, что в этом местечке расположен большой завод, о котором они, живя в эмиграции, не знали.

Карта получилась очень интересная. Владимир Ильич часами рассматривал ее, она подтверждала, что пролетариат России рос и мужал на глазах.

Здоровье Надежды Константиновны не улучшается. Владимир Ильич советуется с врачами. Багоцкий и другие специалисты рекомендуют операцию. Однако Надежда Константиновна колеблется: она надеется, что горный

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 339.

воздух сотворит чудо и надобность в операции отпадет. Она пишет Марии Александровне: «Я уже поправляюсь. Сердцебиения гораздо меньше. Следуя совету доктора, ем за троих, лакаю молоко, принимаю препарат железа Робена, и вообще все очень хорошо. Володя очень кипятится, особенно его смущают Кохером. Я очень рада, что Дм. Ил. ему написал письмо, что операции не стоит делать и т. п., а то ему наговорят всякой всячины: то ослепнуть можно, то $1^1/_2$ года лежать без движения и т. д. У меня совсем не такая уж сильная степень болезни, и за лето выздоровею...

Я очень рада, что нет толкотни. Работы у меня тоже минимальное количество. Читаю большей частью польские романы, да и то не очень усердно».

Владимир Ильич не скрывает беспокойства, не устает советоваться с врачами. В каждом письме, к кому бы он ни писал в этот период, есть тревожные строчки о болезни Надежды Константиновны. Казалось, ей стало лучше, но так продолжалось недолго. Приступы сердцебиения становятся все более затяжными. Владимир Ильич пишет в Швейцарию Шкловскому: «Дорогой Ш.! Обратите внимание на перемену моего адреса. Приехали сюда в деревню около Закопане для лечения Над. Конст. горным воздухом (здесь ок. 700 метров высоты) от базедовой болезни. Меня пугают: запустите-де, непоправимо будет, отвезите-де *тотчас* к Кохеру в Берн, это-де знаменитость первоклассная... С одной стороны, Кохер — хирург. Хирурги любят резать, а операция здесь, кажись, архиопасна и архисомнительна... С другой стороны, лечат горным воздухом и *покоем,* но у нас «покой» трудно осуществим при нервной жизни. Болезнь же на нервной почве. Лечили 3 недели электричеством. Успех=0... Если можно вообще навести справки серьезного характера в Берне *о* Кохере или *у* Кохера (последнее лучше, конечно, было бы), буду очень Вам обязан. Ежели справки будут говорить *за* поездку в Берн, черкните, когда принимает Кохер, когда он уедет на лето и как придется устраиваться в Берне, в лечебнице (и очень ли дорогой) или иначе» [1].

Шкловский сообщил, что Кохер — светило, его специальность — операции щитовидной железы, и если оперироваться, то у него. В середине июня Ульяновы выехали в Швейцарию. По пути остановились в Вене, где встретились с товарищами, поговорили о делах.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 179.

В эти летние дни Вена предстала перед Ульяновыми во всем своем великолепии. Владимиру Ильичу нравился этот город, он с удовольствием показывал его жене.

К друзьям вернулись поздно вечером. А утром поехали в Шенбрунн — резиденцию императоров, в парках которого можно было отдохнуть. Здесь же неподалеку был старейший в Европе зоопарк. Надежда Константиновна с улыбкой наблюдала за ребятишками. И, опять возвращаясь мыслью к России, думала, что и здесь, как и на родине, миллионам детишек недоступны такие места, как шенбруннский зоопарк.

В Берне Ульяновых встретил Шкловский и уговорил остановиться в его семье. Кохер принял их через неделю. Все в один голос утверждали, что он действительно очень знающий и опытный врач. Друзья по совету доктора Фогта предупредили, чтобы Владимир Ильич попросил поместить Надежду Константиновну не в частную клинику Кохера, где он свободно экспериментирует, а в Университетскую хирургическую клинику, где он гораздо внимательнее и строже относится к своим пациентам.

Две недели готовили Надежду Константиновну к операции. При госпитале был великолепный сад. Ежедневно по утрам приходил сюда Владимир Ильич. До обеда Ульяновы были вместе. Он рассказывал жене хорошие новости, приносил письма от родных и знакомых, фрукты, цветы. 23 июля, в день операции, Владимир Ильич проснулся рано и сразу поехал в клинику. Он знал, что ждать придется долго, но тревога гнала его туда.

Наконец в вестибюле клиники Владимир Ильич увидел сестру, спешившую к нему, — все обошлось хорошо. Владимиру Ильичу на минутку разрешили зайти к больной в палату. Через три дня Владимир Ильич пишет Марии Александровне в Вологду: «Дорогая мамочка! В среду наконец после 2-недельной «подготовки» в клинике Надю оперировали. Операция, видимо, сошла удачно, ибо вчера уже вид был у Нади здоровый довольно, начала пить с охотой. Операция была, по-видимому, довольно трудная, помучили Надю около трех часов — без наркоза, но она перенесла мужественно. В четверг была очень плоха — сильнейший жар и бред, так что я перетрусил изрядно. Но вчера уже явно пошло на поправку, лихорадки нет, пульс лучше и пр.» [1].

Началось постепенное выздоровление. Владимир Ильич

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 343—344.

повеселел и уже не возражал, когда Надежда Константиновна требовала, чтобы он ввел ее в курс партийных дел. Кохер советовал после выхода из клиники поехать в горный санаторий в Беатенберг недели на две, но из Польши слали письмо за письмом, и 4 августа Ульяновы тронулись в обратный путь.

6 августа (24 июля по старому стилю) Ульяновы были в Поронине. 10-го Надежда Константиновна написала в Берн Шкловским: «Дорогие друзья! Доехали мы вполне благополучно. Ехали без остановок. Шея растряслась порядком, но теперь все пришло в норму. Дома застали страшный дождь и кучу новостей. Большинство духоподъемных. Как-нибудь напишу поподробнее».

Вернувшись в Польшу, Надежда Константиновна вместе с Владимиром Ильичем сразу окунулась в работу. Готовилось партийное совещание, которое состоялось в Поронине 23 сентября — 1 октября (6—14 октября) и получило название «летнего совещания».

На совещание под видом туристов приехали почти все члены думской фракции, представители партийных организаций Киева, Урала, Питера, Москвы. Всего собралось 22 человека. Большинство приехавших остановились в пансионе крестьянина Гута Мостового.

Заседали и в пансионе, и на квартире Ульяновых. Владимир Ильич сделал отчетный доклад о работе ЦК и выступил с большим докладом по национальному вопросу, который приобрел особое значение в этот период черносотенного разгула национализма. Учитывая изменившуюся обстановку в стране, совещание поставило вопрос о необходимости созыва съезда партии.

Надежда Константиновна и на этот раз возглавляла секретариат, вела протоколы, скрупулезно сверяла записанные речи. Кроме того, она сделала доклад о пропаганде и агитации, поставив интереснейший и очень важный вопрос о привлечении к революционной борьбе семей рабочих. «Надежда Константиновна настойчиво рекомендовала нам, — пишет Г. И. Петровский, — снабжать рабочие семьи литературой, организовывать политические кружки из работниц и жен рабочих, предложила депутатам приезжать за границу с женами и детьми и поучиться здесь. Все, что говорила она, было особенно близко нам, депутатам-рабочим. В перерывах между заседаниями, разговаривая с группой делегатов или с отдельными товарищами, она особенно обращала внимание на

необходимость переписки с Владимиром Ильичем, с ЦК и с ней лично».

В личных беседах с делегатами конференции Крупская подчеркивала, как часто существует огромный разрыв между революционными взглядами рабочих и мещанскими, узкосемейными взглядами их жен. Она призывала искать в России талантливых, боевых товарищей, способных заложить основы работы среди женщин.

Совещание закончилось, но Ульяновы еще около двух недель прожили в Поронине. Осень стояла ясная, красивая.

Революционное движение в одной стране не может быть оторвано от борьбы трудящихся всех стран. Поэтому так активно выступают Ленин и его соратники на международной арене, стремясь проводить в жизнь марксистские положения, борясь с оппортунизмом. В любой стране Европы завязываются связи. Ленин активно выступает с рефератами, разъясняющими положение в России и в русском социал-демократическом движении. Так было и в Польше. Пребывание Ленина в Польше сыграло огромную роль в становлении марксистского крыла Социал-демократической партии Польши и Литвы. Те, кому посчастливилось общаться с Ульяновыми, на всю жизнь сохранили благодарную память об этих встречах.

Константин Стецкий писал: «У Вигелева (Вигелев — русский революционер, эмигрант. — *Авт.*) я случайно встретился и познакомился с Лениным и его женой Надеждой Константиновной Крупской. Я встречал там этого великого человека три раза, всегда в сопровождении жены... Он представился как товарищ Ульянов. Вид у него был скромный, но необыкновенно привлекательный. Лет около 45, среднего роста, скорее ниже среднего, крепкого телосложения, с большой головой, серьезным выражением лица, которое украшал высокий лоб мыслителя. Обычно он был одет в скромное серое поношенное пальто и на первый взгляд выглядел серьезным, типичным политическим эмигрантом, заброшенным судьбой в чужую среду. В обществе был скорее неразговорчивый, в противоположность очень милой, свободно и охотно вступающей в разговор госпоже Крупской».

Вступив в общество помощи политическим заключенным, Ленин и Крупская проводят там истинно интернационалистическую линию, решительно выступая против всяких попыток ограничить деятельность общества узконациональными рамками. В своих воспоминаниях С. Ба-

гоцкий писал: «Поражала щепетильность, которую проявлял в этом деле Владимир Ильич. Он знал, что союз помощи политическим заключенным оказывает помощь революционерам всех партий, и поэтому никогда не пытался добиться каких-либо преимуществ для большевиков».

Ульяновы внимательно следили за жизнью товарищей и в трудную минуту всегда приходили на помощь, безо всяких просьб. Так, например, Надежда Константиновна писала в Женеву:

«2.II.(1914). Дорогой друг!

Вы в открытке писали, что имеется 100 фр. для каторжан и поселенцев.

Если возможно, пошлите их поселенцу Спандарьяну. Его адрес: Енисейская губ., Канский уезд, Перовская волость, Сурену Спандарьяну. Он страшно нуждается, это бывший ц-к-ст.

Лучше, впрочем, послать деньги на адрес его жены. Тифлис, Вера Ананурский пер., д. 7, Ольге Вячеславне Спандарьян, для Сурена.

Положение семьи безвыходное прямо.

Если возможно, пошлите деньги и известите, пожалуйста, послано ли».

А через два дня новое послание, полное заботы, дружеского участия: «4.II. (1914). Дорогой друг!

Вчера, наконец, приехал Самойлов (Ф. Н. Самойлов — член IV Государственной думы от рабочих Владимирской губ. — *Авт.*). Он очень болен: истощение, нервное расстройство и пр. В России его толком не лечили. Мы всячески уговаривали его приехать за границу и съездить к Салли (знаменитый бернский профессор по внутренним болезням. — *Авт.*). Вот он приехал. Очень просим, сходите немедля к Салли и выясните, когда он может принять его».

Ульяновы долго прожили за границей и хорошо знали, как тяжело оказаться на чужбине без всяких средств к существованию. Тут словами не поможешь. Нужно действовать, и Надежда Константиновна опять пишет Г. Л. Шкловскому очередное письмо — просьбу о помощи: «В Цюрихе сейчас живет один товарищ — латыш Кундзин. Он этой осенью проезжал через Краков. Парень он молодой и способный. Просидел он 8 лет в тюрьме, на каторге, и все время занимался — у него оказались очень хорошие способности к математике... Теперь он уже полгода за границей — и даже работы найти не может. (Он

столяр.) Нервы его, истрепанные каторгой, просто не выдерживают этого эмигрантского крещения, и я боюсь, как бы он не кончил самоубийством... Очень бы надо помочь парню выбиться на дорогу. Напишите поскорее».

Революционные события нарастали. Об этом можно судить хотя бы по тому, что большевики имели уже не только свои газеты во многих промышленных городах, но и журналы. 8 марта 1914 года в Петербурге вышел первый номер журнала «Работница», в создании которого Крупской принадлежит большая заслуга.

Еще в феврале 1914 года, занятая подготовкой к выпуску первого номера журнала, Надежда Константиновна писала Анне Ильиничне в Москву: «Дорогая Аня, насчет женского органа все идет как-то стихийно пока. Насчет денег обещают в Москве устроить вечеринку, не знаю, выйдет ли что. Приложения в газете будут стоить не дешевле, а дороже. Журнал имел бы значение в смысле организационном, с этой стороны он лучше приложений...

Очень меня только заботит, как наладится редакционная часть. У нас тут дело плохо в том отношении, что двое тут, двое в Париже, насчет 5-го члена дело обстоит не так просто. В Париже очень дельная публика. Людмилу (Л. Н. Сталь. — *Авт.*) ты знаешь. Другая — еще более принципиально выдержанный человек, и все, за что берется, делает хорошо (речь идет о И. Ф. Арманд)... Так пиши же подробно про женский орган. Думаю, что ты возьмешься за него вплотную. Дело может выйти большое. У меня, по крайней мере, аппетит что-то стал разыгрываться».

Она прилагает все силы для привлечения в журнал лучших, старейших работников партии. Просит, чтобы создавался широкий корреспондентский актив вокруг журнала. В «Работнице» регулярно печатаются статьи Надежды Константиновны по самым актуальным, злободневным вопросам. Одной из первых статей была «Смертность детей среди петербургских рабочих», помещенная в шестом номере, где Крупская цифрами доказывает, что смертность детей прямо зависит от материального положения семьи.

В чем же видит автор путь спасения детей? В расширении борьбы рабочих за свои права, во включении в эту борьбу женщин-матерей. Только лучший социальный строй спасет детей от голодной смерти.

Революционное движение набирало силу. Из 18 питерских профсоюзов в правлении 14 большинство составляли ленинцы. Росло забастовочное движение. О размахе партийной печати Крупская писала: «Путь Правды» печатался в последнее воскресенье в 29 000 (не хватило), «Сев. Раб. газ.» — 15 000. По воскресеньям в «П. Пр» будет теперь вкладной лист. «Шахтер» выходит в среду. Число городских подписчиков — 910, иногородних — 3626. В Москве будет выходить общепрофесс[иональный] еженедельник. По настоянию професс. союзов, вся редакция правдистская, проф. союзы дали ей наказ итти по стопам «Нашего Пути». Вообще рабочая пресса развивается страшно. Спрос громадный. Правдистская линия побеждает все больше и больше»...

Всю страну всколыхнула забастовка бакинских нефтяников в мае 1914 года. Их поддержали в разных городах. Рабочие Путиловского завода организовали 12-тысячный митинг в поддержку Баку. 7 июля в Петербурге бастовало 130 тысяч рабочих. Строились баррикады. Но 19 июля (1 августа) Германия объявила войну России. 21 июля вступила в войну Франция, 22-го — Бельгия и Англия, 24 июля России объявила войну Австро-Венгрия. Началась первая мировая война. В Польше стало неспокойно — тот район, где жили Ульяновы, входил в состав Австро-Венгрии. Закопанские гурали не понимали, с кем и за что война. Ксендзы разжигали шовинизм, ненависть ко всему русскому, и в частности к эмигрантам.

25 июля к Ленину явился жандармский вахмистр с понятыми — делать обыск. Было видно, что он сам не знает, что он должен найти. Поэтому он безо всякого энтузиазма порылся в столах, в шкафу. Взял старый незаряженный браунинг, несколько тетрадей с рукописями. По секрету сообщил, что на Владимира Ильича получен донос. Он обвиняется в шпионаже и должен быть арестован. Но в Поронине нет тюрьмы, нет военных властей, поэтому пусть Владимир Ильич добровольно приходит в 6 часов утра к поезду, и вахмистр отвезет его в Новый Тарг.

В обстановке начавшегося военного психоза арест был очень опасен: в тюрьме могли убить безо всякого суда и следствия. Живший в Поронине Ганецкий тотчас же отправил телеграмму социал-демократическому депутату Мареку. Сам Владимир Ильич послал телеграфный запрос в краковскую полицию, где был зарегистрирован как политэмигрант.

Всю ночь Ленин и Крупская не сомкнули глаз, думали о возможных последствиях ареста, о том, какие шаги нужно предпринять для освобождения. Рассвет еще только начался, когда они вышли из дому. На пути к станции почти не разговаривали. Жандарм уже ждал. Его удивило внешнее спокойствие Ульяновых, отсутствие слез у русской пани. А Надежда Константиновна, проводив глазами поезд, еле дошла до дому.

Ганецкий съездил в Новый Тарг, с трудом добился свидания с императорско-королевским старостой, рассказал, что Ленин — известный человек и арест его будет опротестован. Он добился для Надежды Константиновны разрешения на свидание. Вечером Крупская и Ганецкий вместе писали письмо в Австрию члену Международного бюро, австрийскому депутату социал-демократу Виктору Адлеру. Надежда Константиновна писала: «Уважаемый товарищ! Мой муж, Владимир Ульянов (Ленин) арестован в Поронине (Галиции) по подозрению в шпионаже. Здесь население очень возбуждено и в каждом иностранце видит шпиона. Само собою разумеется, что при обыске ничего не нашли, но тетради с статистическими выписками об аграрном вопросе в Австрии произвели на здешнего жандарма впечатление. Он арестовал моего мужа и препроводил его в Ней-Маркт. Там его допросили, и нелепость всех подозрений сейчас стала очевидной для гражданских властей, но они не хотели взять на себя ответственности освободить его... арест может продолжаться несколько недель. Во время войны не будет времени быстро разобрать это дело. Поэтому очень прошу Вас, уважаемый товарищ, помочь моему мужу. Вы знаете его лично; он был, как Вы знаете, долгое время членом Международного Бюро и хорошо известен Интернационалу. Я попросила бы Вас отправить настоятельную телеграмму прокурору в Ней-Зандец, что хорошо знаете моего мужа, причем можете уверить, что это — недоразумение. Просите также прокурора, в случае, если бумаги уже переданы военным властям, переотправить последним Вашу телеграмму... Я уверена, что Вы и еще другие австрийские товарищи сделают все возможное, чтобы содействовать освобождению моего мужа».

Свидания разрешили. Теперь каждое утро жители Поронина видели, как Надежда Константиновна шла к шестичасовому поезду. Тревога поднимала ее с постели еще затемно, и она приходила на станцию задолго до прихода поезда. Как-то там, в Новом Тарге? Они с Владими-

ром Ильичем умели смотреть в лицо правде и понимали всю опасность сложившейся ситуации.

Сидя в переполненном вагоне поезда, рядом с крестьянками, ехавшими на базар, Надежда Константиновна прислушивалась к их разговорам. Первые дни война была для этих простых польских женщин чем-то далеким, совершенно непонятным. Но с каждым днем она все больше проникала в их быт и сознание. Все больше сыновей и мужей отнимала у них война, и в разговорах теперь была тревога, скорбь и часто ненависть к «врагам» — русским, англичанам, французам. Поезд приходил в Новый Тарг в семь часов, а свидания разрешали лишь в одиннадцать. Надежда Константиновна не знала, как убить эти бесконечные четыре часа. Ходила на почту, на базар, просто бродила по улицам.

Настроение у Владимира Ильича было неизменно бодрое, он старался поддержать Надежду Константиновну. В юмористических тонах рассказывал о тюремных обитателях. Тюрьма была уголовной, и сидели в ней в основном крестьяне за разные провинности — кто паспорт просрочил, кто с начальством повздорил, кто налог не внес. Владимир Ильич скоро не только наладил свой тюремный режим, но и организовал своеобразную юридическую консультацию. Писал разные заявления, прошения и т. д. В тюрьме он продолжал обдумывать тактику социал-демократов в условиях империалистической войны.

Между тем друзья делали все, чтобы спасти Владимира Ильича. Австрийский социал-демократ Виктор Адлер так рассказал об этом: «Это были первые недели войны, момент, когда все были сильно возбуждены, в особенности в районах военных действий всем мерещились шпионы. Я был озадачен не столько продолжительностью ареста, которого я не опасался, сколько возможностью сокращенного военного судопроизводства. Я немедленно отправился к министру внутренних дел, барону Гейнольду, рассказал ему все, что знал, и охарактеризовал ему личность т. Ленина». Далее Адлер пишет, что старался «подчеркнуть, что тов. Ленин — старый непримиримый враг царизма и что независимо от своего отношения к Австрии он никак не мог заниматься шпионажем в интересах царского правительства... Мне удалось убедить министра, что нечего опасаться рокового недоразумения. Насколько я помню, он еще в моем присутствии вызвал к телефону краковское полицейское управление. Как в этот раз, так и при втором свидании с ним в связи с де-

лом Ленина министр интересовался только тем, действительно ли Ленин подлинный враг царизма, в чем я мог его уверить со спокойной совестью».

13 августа Надежда Константиновна, как всегда, подошла к воротам тюрьмы и предъявила пропуск. Но ее повели не в канцелярию, а непосредственно в тюремное помещение. Она с удивлением смотрела на арестантов, слонявшихся по двору. Ей навстречу шел сияющий Владимир Ильич. Его выпустили.

На базаре они наняли арбу и поехали в Поронин.

На другой день Ульяновы начали хлопотать о переезде в Краков. Все были рады, что Владимир Ильич свободен. В Вену Адлеру Надежда Константиновна отправила 20 августа открытку: «Уважаемый товарищ! Благодарю Вас и тов. д-ра Диаманда за Вашу любезную помощь и вмешательство в это дело. Мой муж уже свободен; абсурдное недоразумение уже выяснено. Еще раз мою благодарность и привет.

Н. Ульянова».

Владимир Ильич делает приписку: «P. S. С своей стороны шлю также сердечную благодарность и привет.

В. Ульянов (Ленин)» [1].

В конце августа Ульяновы перебрались в Краков. Сняли номер в дешевой гостинице недалеко от вокзала. Утром они наблюдали страшную картину. К перрону вокзала подошел поезд с ранеными. За день до этого произошла битва под Красником. И теперь на вокзале стоял стон — родственники встречали воинов. За носилками с тяжелоранеными, обвязанными кровавыми бинтами, бежали матери, жены. Со всех сторон тянулись к солдатам руки помощи, предлагали им пиво, еду.

Жить и работать в Польше, которую захлестнула дикая волна шовинизма, где за каждым русским смотрели настороженные глаза, где начали применяться законы военного времени, становилось невозможно. Для того чтобы развернуть широкую кампанию против империалистической бойни, за социалистическую революцию, необходимо было уехать в нейтральную Швейцарию. Разрешение было получено довольно легко. До швейцарской границы ехали почти неделю. Поезд часами стоял на станциях и полустанках, и путники везде видели одну и ту

[1] Ленинский сборник, II, с. 182.

же картину — к фронту двигались эшелоны с войсками, пушками, боеприпасами, а навстречу им шли скорбные санитарные составы — война перемалывала, уничтожала тысячи молодых жизней простых рабочих и крестьян. И здесь же сновали монахини, представительницы различных женских организаций, которые вели среди солдат оголтелую шовинистическую, ура-патриотическую пропаганду.

Наконец добрались до Вены, где получили необходимое поручительство для въезда в Швейцарию. За Ульяновых поручился Грейлих — старейший социал-демократ Швейцарии. Владимир Ильич ездил в Вене к Адлеру, чтобы поблагодарить за помощь. Пятого сентября Ульяновы переехали швейцарскую границу, направляясь в Берн.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЭМИГРАЦИИ

Ленин и Крупская не решили еще, где будут жить — в Берне или Женеве. Сначала остановились в Берне, и уже на другой день за городом собрались все бернские большевики, чтобы обсудить происходящие события. В лес сходились и съезжались поодиночке. Здесь и была составлена резолюция об отношении к войне как к войне грабительской, империалистической. Поведение вождей II Интернационала, голосовавших за военные кредиты, вошедших в буржуазные правительства, расценивалось как шовинизм и измена делу мирового пролетариата.

Тезисы Ленина о войне легли в основу написанного им в октябре 1914 года манифеста ЦК партии большевиков «Война и российская социал-демократия», где Ленин выдвинул лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую.

Началась напряженная борьба на международной арене против изменников-оппортунистов. Был поставлен вопрос о создании III, подлино коммунистического Интернационала. По совету друзей Ульяновы решили остаться в Берне, так как в Женеву наехало много эмигрантов всех направлений и вариться в этой сутолоке и склоке не хотелось.

Они сняли две меблированные комнаты, хозяйства заводить не стали, так как Елизавета Васильевна очень ослабла и постоянно прихварывала. Надежда Константиновна опять занялась своей обычной работой — налаживанием живых связей с Россией. Теперь это было во сто крат труднее, так как Европа была перерезана фронтами, почта, газеты шли месяцами.

Все социал-демократические партии бурлили. Отношение к войне, как лакмусовая бумажка, выявляло подлинную революционность. Доходили слухи, что оборонцем стал Плеханов. Владимир Ильич отказывался этому верить. И когда объявили, что Георгий Валентинович читает в Лозанне реферат о войне, Владимир Ильич «засел за подготовку к реферату, — пишет Надежда Константинов-

на, — а я старалась уж уберечь его ото всяких дел, сговориться с публикой нашей — кто поедет из Берна и т. д.».

Надежда Константиновна не смогла поехать в Лозанну, поехали все большевики, кто мог. Владимир Ильич опасался, что меньшевики их всех не пустят. Он все еще надеялся, что Плеханов займет правильную позицию, но реферат не оставил сомнений: Плеханов — махровый оборонец. Хотя присутствовало очень много народа, выступить записался один Владимир Ильич. В своей короткой речи (ему дали всего 10 минут) он разгромил оборонческие взгляды Плеханова и развил основные положения манифеста ЦК о войне.

14 октября в том же помещении Владимир Ильич прочел реферат на тему «Пролетариат и война», с этим рефератом он объехал ряд городов. Он очень остро ставил вопросы. Теперь борьба касалась не только русских дел, она носила международный характер.

Необходимо было обсудить задачи партии в условиях войны, и Ленин предлагает созвать конференцию заграничных групп русских социал-демократов. Надежда Константиновна, как всегда, помогает ему. О приезде из России большого количества представителей нечего было и думать.

В эту осень у «Ильичей» было хорошее боевое настроение.

Жили они у самого Бернского леса и в воскресные дни, когда были закрыты библиотеки, ходили с друзьями гулять в прекрасный осенний лес. Владимир Ильич развивал перед ними свои планы завоевания заграничных социал-демократов на сторону большевиков в вопросе о войне.

Конференция заграничных большевистских секций открылась в Берне 14(27) февраля 1915 года, на ней были представлены парижская, цюрихская, лондонская, женевская, бернская, лозаннская и божийская секции. Ленин руководил работой конференции и сделал доклад «Война и задачи партии».

Надежда Константиновна имела мандат от лондонской секции. Работа была очень напряженной. Надежда Константиновна участвовала в политических дискуссиях, вела протоколы, ее рукой написан ряд резолюций. Она же помогала делегатам устроиться в Берне. Вечерами в маленькой квартирке Ульяновых шли горячие, оживленные споры, сюда «на огонек» приходили друзья.

Конференция по всем основным вопросам приняла резолюции, предложенные Лениным, определила конкретные меры для превращения империалистической войны в гражданскую. Конференция требовала, чтобы социал-демократы всех стран голосовали против военных кредитов, вышли из буржуазных министерств, отказались от всяких соглашений с буржуазией, активно разоблачали политику «национального мира». Там, где нельзя бороться легально, конференция призывала создать нелегальные организации. Бернская конференция выработала платформу для сплочения всех действительно революционных интернационалистов всего мира.

Надежда Константиновна была выбрана в комитет заграничных организаций, куда, кроме нее, вошли И. Арманд, Г. Шкловский, В. Каспаров. Деятельность комитета приобретала особое значение в этот тяжелый кризисный период. Комитет должен был объединить все заграничные группы, руководить ими и ведать взаимной информацией. На комитет возлагалась также и новая большая работа — политическая агитация среди пленных, постоянная работа в лагерях, борьба с шовинизмом. На первом же заседании распределили обязанности. Надежде Константиновне поручили собирать литературу, просматривать журнал «В плену», который издавал КЗО, записывать адреса лагерей. Сохранились записи Надежды Константиновны о лекциях, докладах и библиотеках, организованных в лагерях, сохранились автографы ее обращения к военнопленным под заголовком «Будет ли народ жить легче после войны?» и «Письмо старого пропагандиста к пленным» для журнала «В плену». В этом письме Крупская советует каждому пленному задуматься над рядом вопросов: из-за чего теперешняя война? Из каких классов состоит русский народ? Враги ли друг другу рабочие разных стран? Как можно положить конец войнам? В письме 24 вопроса. Она просит военнопленных отозваться на обращение. И ей пересылали письма военнопленных. Эту работу она вела до самого отъезда в Россию.

Надежду Константиновну очень беспокоило здоровье матери. Елизавета Васильевна угасала на глазах. Мать была для Надежды Константиновны верным другом, помощником. У Елизаветы Васильевны не было других интересов, кроме интересов дочери и зятя.

21 марта Елизавета Васильевна скончалась. Она не раз наказывала, чтобы ее после смерти сожгли в крема-

тории. Она не хотела, чтобы ее отпевали в церкви. Незадолго до смерти она сказала дочери: «Верила я в молодости, а как пожила, узнала жизнь, увидела: такие это все пустяки».

Надежда Константиновна беспрестанно думала в эти дни о матери, вспоминала детство, юность. Елизавета Васильевна — умная, талантливая женщина. И жизнь ее не прошла даром, так как в их труде есть частица и ее труда.

Еще в мае 1913 года Елизавета Васильевна получила письмо из России от нотариуса, который уведомлял госпожу Е. В. Крупскую, что ей досталось небольшое наследство от ее покойной двоюродной сестры, одинокой женщины, учительницы.

Прибавились новые хлопоты. Елизавета Васильевна тогда не могла уехать, слишком плохо чувствовала себя. И Надежда Константиновна обратилась к старому другу Книпович:

«Дорогая Леля, уж видно суждено так, в этом году не давать нам ни минуты покоя. Умершая сестра оставила маме 4 тыс. рублей, но чтобы получить их, надо либо самой поехать, либо дать доверенность на имя местного адвоката» [1].

Все хлопоты по наследству Книпович взяла на себя, и вскоре деньги перевели в Краков. Ульяновы положили их в Краковский банк. Эта небольшая сумма давала возможность не беспокоиться о хлебе насущном. Но хлопоты с деньгами на этом не окончились. Позднее, когда началась империалистическая война и Ульяновы срочно выехали в нейтральную Швейцарию, деньги Краковский банк не выдал. Пришлось договариваться с каким-то маклером в Вене. Он сумел получить деньги, перевел их в Швейцарский банк, но взял половину «за услуги». На эту оставшуюся половину Ульяновы жили всю войну, очень экономили, так что небольшую часть денег взяли с собой в Россию в 1917 году. В июле 1917 года в Петербурге во время обыска полиция обнаружила удостоверение о наличии денег в Швейцарском банке, которое и послужило для прессы «доказательством», что Ленин получал деньги за шпионаж от немецкого правительства.

Вслед за конференцией заграничных большевистских организаций состоялась здесь же, в Берне, Международная женская социалистическая конференция, на которую

[1] ЦГАОР, ДП 00, 1913, 8 ч., 1 ЛБ, л. 38.

съехалось 30 делегаток. Ее готовили еще в 1914 году, но смогли провести лишь весной 1915 года. Она открылась 26 марта. Русскую делегацию от ЦК представляли Саблина (Надежда Константиновна), Инесса (И. Ф. Арманд), Елена (Розмирович), Зина (Лилина), Анна (представительница Польши Каменская). Возвращение делегаток обратно на родину было настолько затруднено, что решили ничьих фамилий нигде не называть. Поименный состав конференции не был опубликован, поэтому о речах объявляли просто: выступает делегатка от такой-то страны.

Инициатором созыва конференции и ее председателем была Клара Цеткин. Она заняла позицию уступок пацифистам, так как считала, что если конференция сорвется, то обвинят немецкую делегацию как представительницу побеждающей страны, а срыву конференции были бы рады шовинисты всех стран. «И поэтому, — пишет Надежда Константиновна, — Клара Цеткин шла на уступки пацифистам, что означало выхолащивание революционного содержания резолюций. Наша делегация — делегация ЦК РСДРП — стояла на точке зрения Ильича, изложенной в письме к Коллонтай. Дело не в огульном объединении, дело в объединении для революционной борьбы с шовинизмом, для непримиримой революционной борьбы пролетариата с господствующим классом. Осуждения шовинизма не было в резолюции, выработанной комиссией из немок, англичанок и голландок. Мы выступили со своей особой декларацией... Мы остались одни. Все осуждали нашу «раскольническую» политику. Однако жизнь скоро подтвердила правильность нашей позиции. Добренький пацифизм англичанок и голландок ни на шаг не сдвинул вперед международную акцию. Роль в скорейшем окончании войны сыграла революционная борьба и размежевание с шовинистами».

Русские делегатки по вечерам собирались у Ульяновых, обсуждали все, что происходило на конференции, выслушивали советы Владимира Ильича. Он придавал этой конференции огромное значение и поэтому не мог не принять в ней непосредственного участия.

Борьба продолжалась и в кулуарах, и в частных разговорах делегаток. Большевики использовали любую возможность, чтобы убедить противников и колеблющихся в правильности своих взглядов, перетянуть на свою сторону. Но договориться тогда так и не удалось.

Такие события, как эта конференция, имевшие огромный политический резонанс во всем мире, требовали ко-

лоссального напряжения духовных и физических сил, а ведь была еще и ежедневная партийная переписка, множество других забот и обязанностей.

Крупскую хорошо знали не только русские эмигранты, она была хорошо известна многим социал-демократам Европы. И не случайно ее избрали секретарем эмигрантской кассы, организованной в Швейцарии для оказания помощи политическим эмигрантам. Касса вела культурно-просветительную работу, главным образом среди швейцарцев. Много требовалось инициативы, выдумки, чтобы литературные вечера, концерты, которые устраивала касса, привлекали как можно больше посетителей. Деньги были очень нужны, так как русские эмигранты теперь, в годы войны, испытывали особую нужду, ведь работу им найти было почти невозможно. Деньги, поступавшие в кассу, расходовались также и на помощь товарищам, томившимся в тюрьмах, находившимся в ссылке, на каторге. Надежда Константиновна при составлении программы вечеров неизменно настаивала на их идейной заостренности.

Где бы ни жили Ленин и Крупская, к ним тянулись, вокруг них группировались большевики и все, кто принимал участие в революционной работе. Уже сам их быт, скромный, простой, их отношения, проникнутые взаимной любовью, уважением, единством мыслей и чувств, привлекали сердца людей.

Товарищи любили заходить к ним по вечерам. Все рассаживались вокруг маленького круглого столика. Надежда Константиновна, заняв место на диване, разливала чай. Никого не заботило, что чайник был неказист, а стаканы разные... Так захватывающе интересны были звучавшие здесь беседы, которые касались самых насущных вопросов революционного движения в России.

Но как бы ни была занята Крупская партийной работой, ни на один день не прекращала она и занятий педагогикой. Владимир Ильич пишет Марии Ильиничне 22.12.1915 года: «Мы живем ничего себе, тихо, мирно в сонном Берне. Хороши здесь библиотеки, и я устроился недурно в смысле пользования книгами. Приятно даже почитать — после периода ежедневной газетной работы. Надя имеет здесь еще педагогическую библиотеку и пишет педагогическую работу» [1].

Крупская в своих статьях неизменно вскрывает классо-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 357.

вые корни буржуазной педагогики, ее классовые, политические тенденции. Очень характерна в этом отношении статья «Дух времени» в немецкой народной школе». Надежда Константиновна отмечала тот факт, что, как только была объявлена война, «немецкая школа превратилась в рассадник самого бешеного шовинизма». Она давала анализ двух брошюр, вышедших сразу после начала войны. В этих пропитанных духом милитаризма книжках авторы призывают молодежь бороться за победу немецкого оружия, заявляя, что из всех воюющих народов немецкий народ — лучший народ.

В своей статье Надежда Константиновна первая из педагогов-ученых вскрыла шовинизм и милитаризм немецкой буржуазной педагогики, указала на опасность этого пути. Она предсказала, что в ближайшем будущем немецкую школу ожидает еще большее превращение в орудие реакционнейшей политики и милитаризма.

В это же время Крупская закончила работу над своей большой книгой, которой она отдала несколько лет напряженного труда, — «Народное образование и демократия».

Весной, после смерти Елизаветы Васильевны, Надежда Константиновна почувствовала себя плохо. Сказалось нервное потрясение — врачи нашли рецидив базедовой болезни и посоветовали отправиться в горы. Опять засел Владимир Ильич за газеты (как во Франции) и нашел дешевый пансион вдали от модных курортов в небольшом местечке Зёренберге. Поселились Ульяновы в отеле «Мариенталь», в светлом номере, окна которого выходили на заснеженные вершины Альп. Спали с открытыми настежь окнами, и по утрам их будили яркие солнечные лучи, заливавшие Зёренберг. Оказалось, что и работать в тихом, уединенном Зёренберге было не хуже, чем в Берне или Женеве. Сюда, в горную деревушку, можно было выписать любую книгу и получить ее бесплатно аккуратно, через два дня.

Зёренберг нравится Ульяновым, но душой они еще в Польше, близко-близко от России. Они приглашают к себе друзей. Надежда Константиновна пишет С. Багоцкому: «...у нас тут очень недурно, такие же горки, как в Поронине, есть и более далекие прогулки. Довольно красиво и достаточно пустынно, т. к. Sörenberg — 16 километров от жел. дороги. Мы живем в пансионе, тут человек 30 швейцарцев еще живет, но мы имеем особую столовую и живем, как дома.

Приезжайте-ка, будем очень рады. Я теперь почти совсем здорова, нервы приходят в порядок окончательно, вообще с этой стороны благополучно.

Дождь тут льет, как в Поронине, но работы порядочно, так что скучать некогда...» [1]

Первую половину дня посвящали работе, после обеда шли на прогулку в горы. Крупская пишет: «Ильич очень любил горы, любил под вечер забираться на отроги Ротхорна, когда наверху чудесный вид, а под ногами розовеющий туман, или бродить по Штраттенфлу — такая гора была километрах в двух от нас, «проклятые шаги» — переводили мы. Нельзя было никак взобраться на ее плоскую широкую вершину — гора вся была покрыта какими-то изъеденными весенними ручьями камнями. На Ротхорн взбирались редко, хотя оттуда открывался чудесный вид на Альпы. Ложились спать с петухами, набирали альпийских роз, ягод, все были отчаянными грибниками — грибов белых было уйма, но наряду с ними много всякой другой грибной поросли, и мы так азартно спорили, определяя сорта, что можно было подумать — дело идет о какой-нибудь принципиальной резолюции».

Работа над книгой близилась к концу. В нее был вложен огромный труд, изучено колоссальное количество первоисточников. Одни только выписки из них составили 26 тетрадей. В ходе работы Надежда Константиновна познакомилась с трудами крупнейших педагогов прошлого и с работами современных педагогов Европы и Америки.

Свою книгу Крупская назвала «Народное образование и рабочий класс», правда, впоследствии из-за цензурных препятствий пришлось от этого названия отказаться.

Надежда Константиновна была довольна своей работой, настроение у нее было бодрое, да и чувствовала она себя значительно лучше, сказался продолжительный отдых в горах. Теперь, когда работа над книгой была закончена, встал на повестке дня вопрос: где и кто будет ее издавать. В письме к Марии Ильиничне она пишет: «Я последнее время очень много занималась педагогикой вообще и историей педагогики в частности, так что подкована в этой области недурно. Написала даже целую брошюру: «Народная школа и демократия». Первая ее часть уже готова, называется «Роль производительного труда в деле народного образования». Листов 6—7. Ка-

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 1, ед. хр. 1666, л. 1.

жется мне, вышло довольно интересно. Вот я и хотела попросить тебя поискать издателя».

Владимир Ильич обращается к посредничеству Горького, у которого были большие возможности в издательстве «Парус». В феврале 1916 года из Берна он посылает Алексею Максимовичу рукопись книги Крупской и одновременно отправляет письмо:

«Многоуважаемый Алексей Максимович!

Посылаю Вам заказной бандеролью брошюру моей жены «Народное образование и демократия».

Автор занимается педагогикой давно, более 20 лет. И в брошюре собраны как личные наблюдения, так и материалы о новой школе Европы и Америки. Из оглавления Вы увидите, что дан также, в первой половине, очерк истории демократических взглядов. Это тоже очень важно, ибо обычно взгляды великих демократов прошлого излагают неверно или с неверной точки зрения. Не знаю, в состоянии ли Вы сами урвать время для чтения и интересуетесь ли; §§2 и 12 могли бы служить образцом. Изменения в школе новейшей, империалистской, эпохи очерчены по материалам последних лет и дают очень интересное освещение для демократии в России.

Вы очень обяжете меня, если посодействуете — прямо или косвенно — изданию этой брошюры. Спрос на литературу этой области, верно, сильно возрос теперь в России.

Лучшие приветы и пожелания.
В. Ульянов» [1].

Надежда Константиновна тоже обращается к Горькому:

«Многоуважаемый Алексей Максимович!

Мне хочется написать Вам несколько слов по поводу посылаемой брошюры. Поскольку мне приходилось беседовать на затрагиваемые в брошюре темы с рабочей публикой, я всегда встречала с ее стороны большой интерес к этим вопросам. С другой стороны, в нашей среде приходилось до сих пор наталкиваться на полное равнодушие к этим вопросам, даже то, что говорил по этому вопросу Маркс, как-то слишком мало известно... Конечно, такое отношение обусловливалось пережитым периодом, когда внимание было обращено на другие, более животрепещущие вопросы. Поле всецело было предоставлено кадетской

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 182—183.

и народнической братии. Только в их освещении знакомилась с этими вопросами рабочая и учительская публика. Между тем в Европе под влиянием необычайного технического прогресса вопрос о народном образовании превратился в один из самых животрепещущих. Сейчас, во время войны, например в Германии, идет лихорадочная перестройка школ, приспособление их к потребностям быстро развивающейся жизни, к превращению их из книжной школы, школы учебы, в школу труда. Несомненно, что и у нас скоро этот вопрос встапет на очередь, об этом позаботится конкуренция на мировом рынке. И нельзя, чтобы демократия, которой этот вопрос касается ближе всего, безучастно, бессознательно отнеслась к этому делу.

В других областях есть традиции, в этой области традиций нет еще, к сожалению».

Царская цензура книгу Крупской к печати не допустила, несмотря на все старания Горького и других видных литературных деятелей.

Брошюра вышла в свет под названием «Народное образование и демократия» только в 1917 году в издательстве «Жизнь и знание».

В предисловии к 4-му изданию, вышедшему уже после Октября, Крупская писала, что план этой книги был обсужден вместе с Владимиром Ильичем. А когда работа была закончена, он внимательно ее просмотрел. Она подчеркивает, что Ленин всегда уделял большое внимание делу народного образования.

В своем труде Крупская дает блестящую характеристику выдающимся педагогам-мыслителям XVIII—XIX веков. Давая оценку произведениям Жан-Жака Руссо, она прежде всего обращает внимание на отношение Руссо к роли производительного труда в деле народного образования. Высказывания Руссо о труде как неизбежной обязанности общественного человека Крупская подчеркивает особо.

Она пишет о том огромном влиянии, которое оказали педагогические идеи Руссо на его современников во Франции и Швейцарии. Идеи Руссо, писала Крупская, не потеряли своего значения и теперь, а отношение Руссо к труду как к общественной обязанности каждого гражданина воспринималось рабочей демократией как революционный лозунг. В Швейцарии идеи Руссо, вдохновенно изложенные в «Эмиле», произвели огромное впечатление на крупнейшего педагога-ученого Песталоцци. Анализируя творчество Песталоцци, Крупская подчеркивает, что

«все его произведения согреты горячей любовью к народу».

Крупская считает, что «основная идея Песталоцци, выдвинутая им с такой силой, что центром воспитательной деятельности должен быть производительный труд, совершенно верна, вполне соответствует интересам рабочего класса...

Ошибкой Песталоцци было только то, что он мыслил этот производительный труд в той форме, в какой он существовал в его время: либо в форме работы на предпринимателя, либо в отживающей форме работы на собственное потребление».

Далее Крупская дает резкую характеристику современнику Песталоцци — Эммануилу Фелленбергу, который выдвинул теорию и сделал попытку «на практике доказать, что детский производительный труд совместим с обучением и может при этом окупать стоимость содержания детей».

Крупская подчеркивает, что у Фелленберга через все его учение «красной нитью проходит сословное воспитание», которое противоречило всему демократическому учению Песталоцци.

Большое внимание Крупская уделяет педагогическим и социальным взглядам Роберта Оуэна. Крупскую привлекает в учении известного утописта классовая направленность его взглядов. Она отмечает, что Р. Оуэн хочет изменения в норме общественных отношений, вырабатывает целый план лучшего общественного устройства. Если Ж.-Ж. Руссо, а вслед за ним Песталоцци, Фелленберг, Р. Оуэн пытались доказать необходимость широкого политехнического образования, то во времена французской буржуазной революции Конвент хотел осуществить политехническое образование, но... «Национальное собрание ничего не успело сделать», — констатирует Крупская.

Говоря о взгляде рабочего класса на роль производительного труда в деле народного образования, Крупская отмечает, что «прямым наследником взглядов Беллерса, Руссо, Песталоцци, Оуэна, Лавуазье на роль производительного труда в деле народного образования явился рабочий класс. Он взял все, что было в этих взглядах здорового и жизненного, развил и дополнил их...

Особенно всесторонне разработал этот вопрос Маркс. На той же точке зрения, как Маркс, стоял и Энгельс». Необходимость изменения современного воспитания в указанном направлении (соединение воспитания с материаль-

ным производством) Маркс ставит в тесную связь с необходимостью уничтожения существующего разделения труда в обществе.

Далее Крупская в своей брошюре переходит к характеристике «школы учебы». Ученики, окончившие подобную школу, писала Крупская, «...обнаруживают прямо чудовищную неспособность коротко и связно изложить самую простую мысль, совершенно не умеют ни наблюдать, ни самостоятельно думать».

Выхолащивание живой мысли, отрыв от жизни характеризуют «школу учебы» в XIX столетии.

С развитием капитализма «школа учебы» не может удовлетворить растущий спрос фабриканта на технически грамотного рабочего. Вот тогда-то и начинается процесс превращения «школы учебы» в «школу труда».

Школа приобретает профессиональный характер, когда переходит к подготовке квалифицированных рабочих для крупного производства. К концу XIX века крупнейшие педагоги Европы и Америки заговорили о необходимости превращения «школы учебы» в «школу труда». Крупская отмечает, что, «пока организация школьного дела будет находиться в руках буржуазии, школа труда будет орудием, направленным против интересов рабочего класса. Лишь рабочий класс может сделать «школу труда» «орудием преобразования современного общества».

Нетрудно понять, что педагогическое исследование Крупской вызвало большой интерес как в России, так и за рубежом. Оно положило начало в мировой педагогической литературе систематическому освещению учения К. Маркса и Ф. Энгельса о воспитании и изложению марксистских взглядов на историю возникновения и развития идеи соединения обучения с производительным трудом.

Работа, в которой определена классовая позиция автора, найден новый подход к явлениям педагогики, выдержала несколько изданий, она пользуется заслуженным успехом и у современного читателя, оставаясь настольной книгой педагога-практика.

Осенью 1915 года Ульяновы вернулись в Берн. Комнату наняли удобную, с электричеством. Перевезли книги, вещи.

Владимир Ильич поспешил к друзьям, хотелось поскорее узнать новости, а Надежда Константиновна осталась наводить порядок в их новом пристанище. Неожиданно раздался стук в дверь, и па шее у нее повисла маленькая Людочка Шкловская. Шкловские пришли узнать, как

устроились «Ильичи», не нужна ли помощь. Крупская стала демонстрировать электрическую лампочку их дочке. Людочка прыгала и хлопала в ладоши. Вдруг в комнату ворвалась квартирная хозяйка с перекошенным от ярости лицом. «Вон, сейчас же вон! — вопила она. — Я не позволю днем, днем зажигать электричество!» Ошеломленная Надежда Константиновна и Шкловские не нашли что ответить.

На следующее утро Ульяновы переехали в другой район. Комната здесь была без электричества, но уютная и недорогая, а цена для них имела теперь особое значение. Раньше все-таки выручала в трудные минуты скромная пенсия Елизаветы Васильевны. Сейчас они понемногу расходовали оставленные ею небольшие деньги. Жить на это было крайне трудно. Война породила дороговизну. Из партийной кассы Ульяновы ничего брать не хотели, так как считали, что многим приходится еще хуже. Близкие друзья замечали, что Владимир Ильич и Надежда Константиновна все чаще болеют, осунулись, сверхскромно питаются. Товарищи знали также, что без крайней нужды они не попросят и не примут помощи. А кто определит этот последний предел?!

Да, их материальное положение очень тяжело. Оба они, стремясь оградить друг друга от забот, ищут хоть какую-нибудь работу. Крупская пишет Марии Ильиничне: «...Сейчас пишу тебе по одному специальному поводу. У нас скоро прекращаются все старые источники существования, и вопрос о заработке встает довольно остро. Тут найти что-либо трудно. Обещали мне урок, но дело все как-то тянется, обещали переписку — тоже ни черта. Предприму еще кое-что, но все сие весьма проблематично. Надо думать о литературном заработке. Не хочется мне, чтобы эта сторона дела падала целиком на Володю. Он и так много работает. Вопрос же о заработке его порядком беспокоит».

Жить в столице Швейцарии становилось все труднее. Берн был оторван от политических центров. Связи там завязывались плохо, эмигрантская колония была невелика, да и хорошей библиотеки не было, а Владимиру Ильичу она требовалась — он начал новую большую работу над книгой «Империализм, как высшая стадия капитализма». В середине февраля 1916 года Ульяновы снялись с места и отправились в Цюрих — думали пробыть там несколько недель, поработать в библиотеках, а застряли на целый год.

Оставив вещи на вокзале, пошли нанимать комнату. Их внимание привлекло объявление на доме № 7 по ул. Гейгергассе. Дом был вполне приличный, чистый. Ульяновых устроили и комнаты и цена, а утром хозяйка смущенно сообщила им, что вернулся старый жилец, который оплатил комнату вперед. Однако пусть ее гости не огорчаются, комнату они себе найдут, а питаться будут у нее, фрау Прелог. И Ульяновы действительно столовались здесь около двух месяцев. Поселились они в мрачном старом доме, в семье сапожника Каммерера. Здесь была совсем другая среда — квартира была интернациональной — жили немецкая, итальянская, австрийская семьи, и теперь еще поселились русские.

Ульяновы быстро познакомились и подружились со своими соседями. Особенно нравилась им хозяйка. Настоящая жена рабочего, с высоким пролетарским сознанием. Как-то Надежда Константиновна с восторгом рассказала Владимиру Ильичу: «Собрался сегодня в кухне весь квартирный женский интернационал. Гертруда плачет, волнуется за мужа. А наша фрау Каммерер и заявляет: «Солдатам нужно обратить оружие против своих правительств». — «Так и сказала? — восхитился Владимир Ильич. — Вот что значит пролетарская закваска! А наши социал-министры вотировали военный бюджет».

Фрау Каммерер, приглядываясь к быту постояльцев, заметила, что они очень стеснены в средствах, и однажды предложила: «Фрау Надежда, пойдемте со мной, я покажу вам, где дешевле и лучше покупать. И готовить тоже можно экономнее». И она прочла целую лекцию о дешевой и сытной кухне бедняков.

Живя в Цюрихе, Ульяновы особенно сблизились с левыми швейцарской социал-демократии, которую возглавлял Фриц Платтен. Сын рабочего, пламенный, активный борец, он пользовался большим влиянием в массах. Фриц Платтен остался на всю жизнь другом Ульяновых, через год, уже после Октябрьской революции, он спас жизнь Владимира Ильича, прикрыв его своим телом, когда контрреволюционеры обстреляли в Петрограде машину Ленина. А сейчас Платтен связывает Ульяновых с рабочими Цюриха, помогает сблизиться и с эмигрантской молодежью, которую возглавлял Вилли Мюнценберг.

Р. Б. Харитонова, старый член партии, жена секретаря Цюрихской секции большевиков, вспоминала, что Крупскую хорошо знали в рабочей среде Цюриха, особенно среди той части революционной молодежи, которая ве-

ла борьбу против церковного и буржуазного влияния на детей рабочих.

В 1916 году Ленин работает над книгой «Империализм, как высшая стадия капитализма». Работа эта требовала огромного напряжения.

Надежда Константиновна старалась и тут прийти ему на помощь — она перевела с английского несколько книг об африканских колониях. «Изучение экономики империализма, разбор всех составных частей этого «ящика скоростей», — писала Крупская, — охват всей мировой картины идущего к гибели империализма — этой последней ступени капитализма — дали возможность Ильичу поновому поставить целый ряд политических вопросов, гораздо глубже подойти к вопросу о том, в каких формах будет протекать борьба за социализм вообще и в России в частности».

Летом 1916 года обострилась болезнь Надежды Константиновны, и тогда Ульяновы решили уехать в горы. На этот раз поехали в высокогорное местечко, недалеко от Цюриха, в дом отдыха Чудивизе. Привлекла необыкновенная красота места и дешевизна — за человека в день брали всего 2,5 франка. И, только приехав, выяснили «Ильичи», что дом отдыха «молочный». Ульяновы не были избалованы модными курортами, им понравился Чудивизе, а с молочной диетой примирили малина и ежевика, в изобилии росшие по склонам окрестных гор.

Быстро шло время.

В Чудивизе сложилась традиция — отъезжающих провожали все вместе, с песнями и звоном колокола. Наступило утро, когда колокол прозвонил для Ульяновых.

Вернувшись в Цюрих, они пошли к «старому гнезду» на улице Дистельваге. Фрау Каммерер радушно приняла их. Опять наладился привычный быт. Владимир Ильич целыми днями занимался в библиотеках.

На другой день после приезда Крупская отправилась к Феликсу Кону, чтобы снова начать работу в эмигрантской кассе. Оказалось, что принимать фактически нечего, так как касса была почти пуста. А нуждающихся политэмигрантов стало больше, чем когда бы то ни было. И снова Надежда Константиновна кому-то должна была помочь устроиться, кому-то дать мизерное пособие, ободрить добрым словом, указать «своего» врача, который поможет бесплатно. Иногда, собравшись вместе, члены кассы обсуждали какой-нибудь очередной проект, «как разбогатеть». Одно время увлеклись проектом создания санатория

на самоокупаемости — то есть все делают сами больные, доход же от земледелия идет в общую кассу. Но для организации такого предприятия (в Швейцарии такие санатории существовали) требовался первоначальный капитал, а взять его было негде.

В этот период, когда в России все клокотало, когда приближалась новая революция, жизнь в тихой нейтральной Швейцарии казалась невыносимой. Письма шли месяцами, все «новости» успевали состариться, пока доходили до Цюриха.

Владимира Ильича в это время занимали в первую очередь проблемы демократии, государства, диктатуры пролетариата. Во время прогулок он делился с Надеждой Константиновной своими мыслями. По четвергам библиотеки Цюриха работали только до обеда. Владимир Ильич, возвращаясь в эти дни домой, покупал две плитки шоколада с орехами — любимое лакомство жены. После обеда Ульяновы брали книги, шоколад и шли в горы, на Цюрихберг. У них было излюбленное место, вдали от туристских тропинок, в самой чаще. Там расстилали плед, и каждый углублялся в свою книгу. Иногда, отложив книги, мечтали, думали о России.

Надежда Константиновна по-прежнему продолжала заниматься педагогикой, усердно посещала цюрихские школы и дошкольные учреждения. Как-то, просмотрев ее многочисленные записи и конспекты, Владимир Ильич предложил ей подумать над изданием педагогической энциклопедии и сразу же начал искать издателя. Прежде всего он написал в Россию Марку Тимофеевичу Елизарову.

Для нас это письмо необычайно интересно, так как показывает веру Ленина в литературный и педагогический талант жены. Он писал: «Дорогой Марк Тимофеевич! Из прилагаемого Вы увидите, что Надя планирует издание «Педагогического словаря» или «Педагогической энциклопедии».

Я усиленно поддерживаю этот план, который, помоему, заполнит очень важный пробел в русской педагогической литературе, будет очень полезной работой и даст заработок, *что для нас архиважно.*

Спрос теперь в России, с увеличением числа и круга читателей, именно на *энциклопедии* и подобные издания очень велик и сильно растет. Хорошо составленный «Педагогический словарь» или «Педагогическая энциклопедия» будут настольной книгой и выдержат ряд изданий.

Что Надя сможет выполнить это, я уверен, ибо она много лет занималась педагогикой, писала об ней, готовилась систематически. Цюрих — исключительно удобный центр именно для такой работы. Педагогический музей здесь лучший в мире» [1]. Ленина беспокоил вопрос, как будут освещены педагогические вопросы в такой энциклопедии. Вот почему было важно, чтобы над ней работал педагог-марксист, каким была Надежда Константиновна.

Крупская писала в своем «Письме к издателю, который взялся бы издавать «Педагогический словарь»: «Для двадцатого века чрезвычайно характерным является могущественный, прямо лихорадочный рост педагогических идей и педагогического строительства как в европейских, так и во внеевропейских капиталистических странах. Промышленное развитие предъявляет к населению все новые и новые требования, удовлетворить которые для передовых стран является вопросом жизни или смерти...» Она показывала в этом письме, что надо поднять выше общий культурный уровень народа, вот почему сейчас, даже в период войны, и Германия, и Франция, и Англия занимаются коренным реформированием народной школы. «Очень многие из обсуждаемых сейчас там вопросов, — продолжает Крупская, — в ближайшем будущем встанут на очередь и в России. Педагогические журналы осведомляют о них русский педагогический мир. Но очень и очень широким кадрам учителей совершенно еще неясен удельный вес всех этих ежедневно выплывающих на поверхность общественной жизни вопросов педагогики. Русскому учителю обычно не хватает перспективы, которая дала бы ему возможность учесть относительную важность педагогических вопросов, неясная их связь с потребностями общего культурного развития. А только уяснив себе эту связь, он сможет учесть значение того или иного вопроса для русской действительности». И затем Надежда Константиновна давала план общедоступного «Педагогического словаря», где была бы представлена картина народного образования в различных странах.

Письмо Владимира Ильича было написано 18 или 19 февраля 1917 года, а меньше чем через две недели все изменилось, на повестку дня встали совсем другие вопросы.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 369.

В РОССИЮ!

Второго марта день начался как всегда. Утро Владимир Ильич и Надежда Константиновна провели в библиотеке. Она вернулась пораньше, разогрела обед. В 12 часов 10 минут на лестнице послышались знакомые шаги. После обеда, когда Ульяновы снова собрались уходить, в квартиру буквально ворвался Бронский с криком: «Вы ничего не знаете?! В России революция?!»

Владимир Ильич и Надежда Константиновна набросились на него с расспросами. Потом, проводив гостя, пошли на берег озера, где под навесом тотчас по выходе вывешивались все газеты. Читали и перечитывали телеграммы. Да, в России свершилась революция!

И во все стороны понеслись письма Владимира Ильича — расширять революцию, захватывать новые слои населения, курс на вооружение масс, поднимать их на взятие власти.

Начались дни и ночи беспокойных поисков путей домой, на родину. Оставаться здесь, в Швейцарии, было немыслимо. Один за другим рождались планы и один за другим терпели крах. Страны Антанты отказывались пропустить в Россию русских интернационалистов. Англия оказалась закрытой, там русских не пропускали, даже если они имели все необходимые документы. И надо ехать нелегально, легальных путей нет. Но как? Сон пропал у Владимира Ильича с того момента, когда пришли вести о революции, и вот по ночам строились невероятные планы.

Самое неприятное состояло в том, что по указанию русской полиции в международные военно-контрольные списки были внесены все противники войны. Как царское, так и Временное правительство пропускало в Россию лишь оборонцев. Шестого марта на совещании в Берне Мартов выдвинул идею проехать через Германию в обмен на немецких граждан, интернированных в России. Владимир Ильич ухватился за этот план, но швейцарское

правительство ввиду нейтралитета страны отказалось вести официальные переговоры с Германией. Тогда роль посредника взял на себя лидер Швейцарской социал-демократической партии Роберт Гримм, затем его заменил Фриц Платтен — старый испытанный друг. Он повел дело энергично. О ходе переговоров он ежедневно сообщал Ульяновым. Меньшевики струсили и оставили мысль об отъезде, они были уверены в отрицательном решении Временного правительства.

Наконец Платтен принес выработанные условия, по которым он взялся сопровождать вагон с русскими эмигрантами через Германию, причем все переговоры и сношения с германскими властями должен был вести только он. Вагон пользуется экстерриториальностью, никакого контроля паспортов, досмотра багажа производиться не будет. Никто не должен покидать вагона, не должно быть никаких контактов с немецкими социал-демократами, никаких задержек и остановок в пути.

Все эти недели Ульяновы жили на чемоданах. С нетерпением ждали окончательного результата переговоров. И вот пришло письмо — разрешение получено!

«...Ильич моментально сорвался: «Поедем с первым поездом». До поезда оставалось два часа. За два часа надо было ликвидировать все наше «хозяйство», расплатиться с хозяйкой, отнести книги в библиотеку, уложиться и пр. «Поезжай один, я приеду завтра». Но Ильич настаивал: «Нет, едем вместе». В течение двух часов все было сделано: уложены книги, уничтожены письма, отобрана необходимая одежда, вещи; ликвидированы все дела. Мы уехали с первым поездом в Берн», — писала Надежда Константиновна.

В Берне отъезжающие собирались в Народном доме. Отъезд задерживался. Началась пасха, закрылись многие учреждения. Владимир Ильич неистовствовал: каждый день отсрочки казался ему бесконечным.

Седьмого марта собрались на вокзале. В вагон садилось тридцать взрослых и дети. И вот поплыли мимо окон поезда вокзал, маленький чистый Берн. Поезд все ускорял ход. Надежда Константиновна стояла, задумавшись, у окна, смотрела на проплывающие мимо деревушки, горы, цветущие сады. Владимир Ильич и Платтен собирали подписи под официальным документом. Надежда Константиновна внимательно прочла: «Подписка участников проезда через Германию.

Я подтверждаю:

1) что переговоры, которые велись Платтеном с германским посольством, мне сообщены;

2) что я подчиняюсь всем распоряжениям руководителя поездки Платтена;

3) что мне известно сообщение «Petit Parisien» о том, что русское Временное Правительство проезжающих через Германию угрожает объявить государственными изменниками;

4) что всю политическую ответственность за эту поездку я беру исключительно на себя;

5) что мне поездка моя гарантирована Платтеном только до Стокгольма.

Берн — Цюрих.

9-го Апреля, 1917 г.» [1].

Под этим документом уже стояла подпись «Ленин». Надежда Константиновна еще раз пробежала глазами заявление, взяла ручку, которую протянул ей Владимир Ильич, и четко вывела «Ленина». Владимир Ильич и Фриц Платтен пошли по вагону, собирая подписи.

За окнами темнело. В соседнее купе набилось почти все население вагона. Шел жаркий спор о характере революции. Иногда Надежда Константиновна слышала голос Владимира Ильича. Для него это был не отвлеченный спор. Через несколько дней начнется упорная, жестокая борьба, и он еще и еще раз проверял в дискуссии с товарищами каждую свою мысль, каждое положение, которое уже завтра может стать лозунгом революции, будет поднимать и вести за собой тысячные массы трудящихся.

Наутро они проснулись в Германии. Все неотрывно смотрели в окна. Знакомые немецкие пейзажи. Поражало отсутствие мужчин. В поле, на станциях работали женщины, подростки или старики. Шла война. Но русским эмигрантам немцы хотели показать, что у них всего много. Кормили путешественников обильно, сытно, вкусно. Большинство эмигрантов давно забыли о таких обедах.

Все волновались, думали только о предстоящей встрече с родиной. Да, Ульяновы не были в России десять лет! Как-то там теперь в военной, бурлящей, революционной России? Говорили в основном о мелочах, стараясь не высказать нарастающего нетерпения и тревоги. Тринадцатого апреля (31 марта) поезд прибыл на маленькую станцию

[1] Ленинский сборник, II, с. 405.

Засниц, отсюда паром ходит в Швецию, в Треллеборг. Вагон ставят на паром. Германия позади. Можно выйти на палубу. Теперь они почти дома.

Малюсенький прибрежный Треллеборг казался пустынным. Паром причаливал в 6 часов вечера. Как только спустили трап, на палубу вбежал высокий, светловолосый, голубоглазый швед. «Отто Гримлунд», — представил его политэмигрантам Фриц Платтен.

Ночь перед Стокгольмом никто не спал. Я. С. Ганецкий так описывает ночь на пути в столицу Швеции: «В отдельном купе уселись Владимир Ильич, Надежда Константиновна, Зиновьев, Радек и я. Беседа затянулась до поздней ночи. Владимир Ильич все расспрашивал о последних сведениях из России. Он указывал на предстоящую упорную борьбу пролетариата, на перспективы развивающейся революции, форму, которую она должна принять».

Только под утро вагон задремал. И вдруг на какой-то станции в 8 часов утра нагрянула целая толпа корреспондентов, которые получили сообщение от своих коллег из Мальме, что в Стокгольм выехал Ленин. Но Владимир Ильич отказался делать какое-либо заявление до приезда в город. На вокзале большевиков встретили видные деятели шведской социал-демократии, депутаты риксдага Линдхаген, Карльсон, Штрем, Туре Норман и другие. В беседе с ними Ленин ясно определил отношение большевиков к Февральской революции, он очертил программу действий своей партии — вся власть Советам, мир народам, земля крестьянам.

После обеда осталось какое-то время до отхода поезда. Надежда Константиновна, Владимир Ильич и шведские друзья пошли прогуляться по городу.

В этот день был сделан исторический снимок — Ленин и его спутники в Стокгольме. Надежда Константиновна отстала от мужа, почти затерялась в толпе. Так теперь будет всегда, она старалась не попасть в объектив, скромно отходя в сторону.

Опять вагон. Едут до границы Швеции. Дальше поезд не идет. Пересели на финские повозки — вейки. В Финляндии все уже было свое, милое, русское. Путешественников привели в умиление даже плохонькие русские вагоны третьего класса, переполненные солдатами.

Надежда Константиновна на всю жизнь запомнила этот путь. К ним с Владимиром Ильичем подсел какой-то поручик. Завязалась беседа. Молодой человек был обо-

ронцем. Ленин защищал свою точку зрения. Спор разгорелся. Надежда Константиновна хотела остановить Владимира Ильича — стоит ли тратить силы на этого офицерика, но вдруг заметила, что в проходе стоят несколько солдат и внимательно слушают спор. Лица постепенно набившихся в купе солдат были напряженны и сосредоточенны. Поручик нервничал, он чувствовал, что все симпатии на стороне этого эмигранта, он чувствовал также враждебность солдат. И ушел, не кончив спора. Надежда Константиновна вглядывалась в лица солдат, прислушивалась к разговору. Вот он, русский народ. Как изменились, выросли люди!

Белоостров. На перроне родное лицо Марии Ильиничны, рядом Людмила Сталь, работницы, партийные товарищи. Приветствия, объятия. Людмила убеждала Надежду Константиновну: «Скажите, скажите им несколько слов, они вас знают, ждут». Но Надежда Константиновна только молча качала головой, глаза ее были полны слез.

Вот и Петроград. На перроне почетный караул — моряки-балтийцы. Кругом друзья. Капитан лихо отдал честь и отрапортовал. Владимир Ильич смутился и взял под козырек. Приехали встречать даже Чхеидзе и Скобелев, как представители Петроградского Совета. Чхеидзе пытался произнести речь, но Владимир Ильич не стал его слушать. Перед вокзалом бушевало людское море. Знамена, лозунги. Владимир Ильич поднялся на броневик. «Да здравствует социалистическая мировая революция!» — разнесся его голос по огромной площади. Это был один из счастливейших моментов в жизни Ульяновых.

Надежда Константиновна слушала речь Владимира Ильича, вглядывалась в восторженные, впитывающие каждое его слово лица людей и всей душой чувствовала единение народа и Ленина, их неразрывную связь.

Сначала поехали ко дворцу Кшесинской, где помещались ЦК и Петроградский комитет. Здесь их закружил водоворот — встречи, дискуссии. Владимир Ильич несколько раз выходил на балкон дворца, чтобы обратиться с речью ко все время меняющимся массам рабочих и воинским частям.

Под утро поехали наконец домой к Анне Ильиничне. Из автомобиля приглядывались к городу. Питер не спал: патрули, группы солдат, куда-то идут отряды Красной гвардии. Пора белых ночей еще не наступила, но весеннее небо над городом было светло-серым.

Елизаровы жили на Петроградской стороне, на Широкой улице. Войдя в квартиру, Владимир Ильич спросил, есть ли черный ход. «Что ты, Володя, зачем?» — удивилась Анна Ильинична. «Может пригодиться. Ты думаешь, что Временное правительство примирится с нашим присутствием?!» И он был прав, это показало ближайшее будущее.

Рано утром подошла к дому машина: в Таврическом дворце шло заседание большевиков — членов Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. Вместе поехали туда. Когда вошли в зал, оба сразу увидели сияющие глаза бывшего ученика в школе Лонжюмо Присягина. Владимир Ильич улыбнулся ему. Отовсюду тянулись руки, слышались радостные приветствия.

Ленин выступил со своими историческими Апрельскими тезисами, которые настраивали партию на перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Владимир Ильич охарактеризовал движущие силы новой революции и определил политическую форму организации власти: «Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху» [1].

В первом этаже дворца заседали меньшевики, они прислали своего делегата с просьбой к Ленину повторить доклад.

В большом зале Таврического дворца собрались вместе большевистские и меньшевистские делегаты.

После доклада Ленина, отвечая ему, Гольденберг, который в 1905 году был твердым большевиком, кликушествовал, говорил о том, что Ленин раскалывает революционную социал-демократию. Стало ясно, как далеко разошлись их пути, еще один товарищ потерян, больше того, стал врагом.

Слово попросила Александра Михайловна Коллонтай. Не во всем и не всегда Коллонтай была согласна с Лениным, что они услышат сейчас? Но после первых фраз, сказанных Александрой Михайловной, от сердца отлегло — она пламенно защищала тезисы Ленина.

Публикация тезисов в «Правде» все поставила на свои места — партия шла за Лениным, но многие «колеблю-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 115.

щиеся», «вечно колеблющиеся» испугались. Как ругался Владимир Ильич, показывая статью Каменева «Наши разногласия», где тот отмежевался от тезисов, заявив, что это личное мнение Ленина. Каменева пугало восстание масс, его вполне устраивал добропорядочный европейский парламентаризм.

Четырнадцатого апреля открылась общегородская конференция большевиков, которая целиком поддержала Ленина и его тезисы.

И тогда началась дикая травля Ленина и большевиков буржуазной печатью. Черносотенцы подняли голову.

Крупская сразу с головой окунулась в новую жизнь. Она жадно вглядывалась в окружающих, беседовала с местными работниками, приезжавшими в Питер из разных уголков страны. Часами добиралась она от дворца Кшесинской на Широкую улицу, так захватывали ее уличные митингования, разговоры. Жизнь бурлила. То там, то здесь вспыхивали споры. Спорщики мгновенно обрастали толпой сочувствующих — и уже кипел митинг, выступали ораторы.

«Против нашего дома был какой-то двор, — вспоминала Крупская, — вот откроешь ночью окно и слушаешь горячие споры. Сидит солдат, около него постоянно кто-нибудь — кухарки, горничные соседних домов, какая-то молодежь. В час ночи доносятся отдельные слова: большевики, меньшевики... В три часа — Милюков, большевики... В пять часов — все то же, политика, митингование. Белые ночи питерские у меня всегда связываются в воспоминании с этими ночными митингованиями».

В начале апреля в Петрограде проходил Всероссийский съезд учителей. Учительство почти целиком было под влиянием эсеров, и большинство ораторов оказались ярыми оборонцами. Социал-демократы, а их всего, и большевиков и меньшевиков-интернационалистов, оказалось человек 20, собравшись в маленькой комнате, спорили по вопросу, какой должна быть новая школа.

На съезде выступали виднейшие деятели народного образования. Педагог-кадет Чарнолусский в своей патетической речи прямо заявил, что «реформы должны проводиться сверху, чтобы предупредить возможность их снизу!». Вслед за ним па трибуне появился попечитель Петроградского учебного округа Воронов — в строгом вицмундире, спокойный, самоуверенный, оп призывал

учительство не спешить, выждать, пока установится прочный порядок, который должно обеспечить Учредительное собрание. Его речь покрыли бурные аплодисменты.

Надежда Константиновна, придя домой, сразу села за письменный стол. Она не могла ни о чем другом ни думать, ни говорить. Когда пришел Владимир Ильич, ее статья «К Всероссийскому съезду учителей» была уже готова. Ленин прочел ее. Статья была написана лаконично и вместе с тем взволнованно. Показав, что съезд в основном находится под влиянием буржуазии, так как голос социал-демократов при царизме не доходил до учителей, Крупская писала: «Буржуазия отлично знает, каким могучим орудием господства является школа, и хочет сохранить это орудие в своих руках. Она боится, чтобы не началась снизу та реорганизация всего дела, которая одна только может сделать школу по-настоящему свободной, превратить ее в могучее орудие освобождения народных масс... Мы зовем учительство не к терпению, а к самодеятельности, к творческой революционной работе в области народного образования рука об руку с широкими народными массами». Крупская кончает статью призывом: «Только такая революционная созидательная работа обеспечит свободную школу, которая так необходима народу. За работу, товарищи!»

Статья понравилась Ленину, и он сам передал ее в редакцию «Правды». По его поручению Крупская формулировала необходимые изменения в программе партии по вопросам народного образования. Большевики готовились к VII партийной конференции.

Проект изменений пунктов программы, относящихся к народному образованию, Крупская составила с учетом новых исторических условий, сложившихся после Февральской революции, с учетом той борьбы, которую вела партия большевиков за перерастание революции буржуазно-демократической в социалистическую. В предисловии к брошюре «Материалы по пересмотру партийной программы» Владимир Ильич писал: «Снабженный краткими пояснениями проект изменения пунктов партийной программы, относящихся к народному образованию. Проект этот составлен уже после конференции Н. К. Крупской» [1].

А борьба разгоралась, это чувствовалось во всем. В ответ на заверение Милюкова, что правительство бу-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 137.

дет продолжать войну до победного конца, рабочие вышли на улицу с лозунгами: «Долой войну!», «Долой Милюкова!», «Вся власть Советам!»

Вот как описывает Надежда Константиновна Невский проспект 21 апреля 1917 года: «Из-за Невской заставы шла большая рабочая демонстрация. Ее приветствовала рабочая публика, заполнявшая тротуары. «Идем! — кричала молодая работница другой работнице, стоявшей на тротуаре. — Идем, всю ночь будем ходить!» Навстречу рабочей демонстрации двигалась другая толпа, в котелках и шляпках; их приветствовали котелки и шляпки с тротуара. Ближе к Невской заставе преобладали рабочие, ближе к Морской, около Полицейского моста, было засилье котелков. Среди этой толпы из уст в уста передавался рассказ о том, как Ленин при помощи германского золота подкупил рабочих, которые теперь все за него. «Надо бить Ленина!» — кричала какая-то по-модному одетая девица. «Перебить бы всех этих мерзавцев», — кипятился какой-то котелок. Класс против класса! Рабочий класс был за Ленина».

Наступал Первомай. Впервые Ленин встречал его в обстановке всеобщего подъема, в обстановке революции, среди революционных масс. Впервые он мог открыто выступить на больших митингах, непосредственно обратиться к пролетариату. К сожалению, в этот прекрасный день Надежды Константиновны не было рядом с ним, сказалось пережитое волнение. Она писала позднее: «Мы приехали еще только что из-за границы. Сотни тысяч рабочих, солдат заливали улицы Петрограда. Я тогда лежала, не могла подняться с постели. Ильич выступал в Охте и на Марсовом поле. Первый раз принимал он участие в такой грандиозной демонстрации масс, охваченных революционным настроением.

Он вернулся домой глубоко взволнованный. Рассказывал мало, да и трудно ведь словами передать то, что в тот момент было пережито. Но лицо было взволнованное, изменившееся какое-то. Оно стоит у меня перед глазами» [1].

Обеспокоенное развитием событий, Временное правительство готовилось задушить выступления пролетариата и прежде всего обрушилось на партию большевиков.

Травля Ленина все усиливалась. Тревога за Владимира Ильича не покидала Надежду Константиновну. Тем-

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 60, л. 1.

ные, малограмотные массы поддавались на буржуазную агитацию. Даже простые домохозяйки обсуждали вопрос, что делать с немецким шпионом — Лениным. В эти дни Крупская пишет свою первую статью о Ленине. Пишет ее для широких пролетарских масс. Статья называется «Страничка из истории Российской социал-демократической рабочей партии», в ней Надежда Константиновна просто и доступно обрисовывает революционный путь Ленина, показывает его тесную и долгую связь с борьбой рабочего класса. Она пишет: «Петербургский пролетариат устроил торжественную встречу Ленину, потому что знал его прошлую деятельность, знал, что он приехал бороться. С бешеною злобой обрушилась вся буржуазия, все темные силы на Ленина. Всю свою затаенную ненависть к поднимающимся к власти народным массам вылили они на Ленина. Для них он был олицетворением того перехода власти к рабочим, который грозит всему существующему порядку, всем привилегиям сытых и так недавно еще господствовавших». Статья эта появилась в «Солдатской правде» 13 мая.

Все реже видятся Надежда Константиновна и Владимир Ильич. Когда вечерами он приходит домой, на его лице лежит печать такой усталости и заботы, что она не решается о чем-либо расспрашивать. Но в них живет прежняя потребность поговорить, обсудить все сообща. И Владимир Ильич иногда уговаривает ее пойти погулять. Они бродят по улицам Петербурга, выбирая глухие, нешумные рабочие окраины. Порой к ним присоединяются друзья.

Первое время после приезда на родину Надежда Константиновна работала в секретариате большевистского Центрального Комитета. Однако работа не удовлетворяла ее, привыкшую к большей самостоятельности, к большей активности. Здесь же функции секретаря были ограничены. Хотелось окунуться в живую, непосредственную работу в гуще народных масс. Решено было, что Надежда Константиновна будет баллотироваться в районную думу по спискам большевиков.

Через много лет Надежда Константиновна напишет: «Между тем у меня с секретариатом дело все не налаживалось. Конечно, Ильичу было гораздо труднее работать без личного секретаря, но по российским условиям, чтобы быть тем личным секретарем, каким я была раньше, мне нужно было бывать и в редакции, и на заседаниях ЦК — это было неудобно. Потолковали с Ильичем,

решили — брошу секретарство, уйду в просвещенческую работу. Когда теперь думаю об этом, жалею, что так сделала. Осталась бы при Ильиче, может быть, сняла с него заботу о многих мелочах». Она и тогда думала об этом, но Владимир Ильич считал, что ей нужна большая самостоятельная деятельность.

Выборы в районные думы в Петрограде проходили в июне. Надежда Константиновна отправилась посмотреть, как проводится предвыборная кампания в рабочем районе на Васильевском острове. В скромном платье, с простой прической, спокойная, несуетливая, она, не привлекая ничьего внимания, переходила от одной группы рабочих к другой, прислушивалась, о чем говорят, и с гордостью убеждалась в могучем росте классового самосознания рабочих и работниц. Большинство в этом районе поддерживали линию большевиков.

Надежда Константиновна баллотировалась в думу Выборгского пролетарского района, где избирательная кампания носила особенно острый характер. Здесь против большевиков объединились все — кадеты, эсеры, меньшевики. Они хотели оторвать рабочих от ленинской партии, стремились любыми средствами удержать свое большинство в думе.

Партия Ленина приняла бой. В первый день выборов, 3 июня 1917 года, в «Правде», было напечатано обращение «К рабочим Выборгского района», в котором газета призывала пролетариев быть не только избирателями, но и агитаторами, организаторами масс. На заводах, на улицах, площадях райком партии организовал предвыборные митинги, где с разоблачением политики мелкобуржуазных партий выступали видные деятели большевиков. Молодежь распространяла «Правду», «Работницу» и специальные предвыборные листовки.

Победа большевиков была полной. Из 64 гласных думы 37 мест завоевали большевики.

Первое заседание Выборгской районной думы состоялось 16 июня. В рабочие органы (президиум, секретариат, районную управу и ее отделы) были избраны только большевики. Надежду Константиновну избрали членом управы и председателем культурно-просветительной комиссии. «Работа в Выборгском районе дала мне чрезвычайно много — это была хорошая школа партийной и советской работы», — говорила позднее Крупская.

Работу в думе пришлось фактически начинать заново, так как культурно-просветительных учреждений при ца-

ризме в этом районе почти не было, а те, что были, находились в руках эсеров, деятельность которых не шла дальше красивых речей.

По инициативе Крупской в думе был организован Совет по народному образованию, куда входили представители всех заводов и фабрик района. Надежда Константиновна писала тогда: «Мы, большевики, понимаем под местным самоуправлением самое широкое участие масс в строительстве всего уклада городской жизни. Участие населения в этом строительстве заключается не только в том, что население путем голосования выбирает себе представителей, которые и должны пещись об его нуждах, но и в том, что население все время самым внимательным образом следит за деятельностью этих облеченных его доверием представителей, помогает этой деятельности, самым широким образом участвует в ней».

Для широкого и планомерного развития сети культурно-просветительных учреждений и охвата ими всего населения района управа организовала свои комиссии па заводах, фабриках, в учреждениях, в воинских частях. Такими комиссиями, как правило, руководили большевики. На меднопрокатном заводе Розенкранца во главе комиссии стоял С. С. Лобов, на «Старом Парвиайнене» — К. М. Кривоносов, на Патронном — Г. Н. Пылаев. Депутат Совета от машиностроительного завода Нобеля И. М. Гордиенко попросил Надежду Константиновну поручить ему работу с дошкольниками.

Очень скоро Крупская становится популярнейшей личностью среди жителей Выборгского района. К ней охотно идут со всеми вопросами. Она одну за другой организует комиссии из самих рабочих и работниц. Активно борется район с неграмотностью. К сентябрю 1917 года было открыто 30 школ, куда от каждого завода или фабрики записалось по 150—200 человек. Надежда Константиновна объясняет, что фабриканты добровольно пе дадут помещений под школы, надо их заставить. Рабочие так и делают. Обсуждая на комиссии программу обучения, рабочие ставят вопрос не просто об обучении грамоте, но п о расширении кругозора трудящихся.

Крупская создает специальную коллегию из 35 учителей, она включает в нее наиболее опытных и политически грамотных товарищей. Всю образовательную и воспитательную работу пронизывает политика. Рабочие уже не слушают тех, кто пытается вести буржуазную пропаганду.

Надежда Константиновна привлекает к просвещению масс широко образованных людей и настоящих большевиков. Ей активно помогают Е. П. Шалашина, С. И. Шульга, опытный педагог Д. И. Лещенко. Уже к концу июля, проводя в жизнь муниципальную программу большевиков, как говорила Крупская в одном из своих отчетов, в Выборгском районе работало две школы грамоты в две смены, в них было 7 классов для взрослых рабочих (257 учеников) и 2 класса для подростков (100 человек). Завершить создание сети общеобразовательных школ предполагалось открытием народного университета рабочих Выборгской стороны.

И в августе 1917 года наступил этот торжественный день. В деревянном бараке, прибранном и приведенном в порядок рабочими и работницами, в доме 53 по Выборгской набережной Надежда Константиновна открыла народный университет. Она не скрывала ни своей радости, ни своего волнения. Сбывались далекие мечты. Она вспомнила шутку Владимира Ильича, что, прежде чем осуществлять ее идеи перестройки дела народного просвещения, надо взять власть. С той поры прошло всего десять лет, и русский рабочий, рвущийся к знаниям, получает эти знания в таком объеме, о каком и не слыхивали на «просвещенном» Западе.

Стремясь как можно шире внедрить грамотность среди работающих подростков, Крупская предлагает ввести обучение их без отрыва от производства. Комиссия управы единодушно принимает резолюцию, где говорится: «Обучение в школах должно производиться за счет рабочего времени, а организация всего дела находиться под контролем рабочих». Эта резолюция была написана Крупской.

Но организация школ — это еще не все. Надежда Константиновна и ее помощники создают специальную комиссию, которая занимается библиотеками — учетом книжного фонда, делает доступными для трудящихся имеющиеся книгохранилища. Правда, в районе было всего три библиотеки, и то ими пользовались служащие и учащиеся, рабочие в большинстве не знали об их существовании. Надежда Константиновна нашла время обойти библиотеки, познакомилась с их сотрудниками, количеством читателей, внимательно просмотрела каталоги. Книг популярных, научных там почти не было. Даже отделы художественной литературы были бедны и мало интересны для рабочих. В своем докладе на заседании

районной думы Крупская предложила пополнить фонды библиотек научной литературой, привлечь завкомы, фабкомы, домкомы к работе библиотек, создать «летучие библиотеки» и специальные библиотеки для детей. Ведь тяга к книге у населения огромна. «Брошюры наши в районе... идут нарасхват, — пишет она. — На покупку книг рабочий Выборгского района тратит, пожалуй, гораздо больше, чем, скажем, швейцарский, но пользование библиотеками не вошло еще в обычай».

Кроме того, Надежда Константиновна принимает самое деятельное участие в создании рабочих клубов, которые становятся в ряде случаев центром всей культурно-просветительной работы. Если кратко подытожить просветительную деятельность думы, поражаешься, сколько большевики сумели сделать за несколько месяцев. С июня по октябрь в Выборгском районе уже работало 40 школ и различных курсов для взрослых, 10 школ для подростков, 40 библиотек-читален, 10 клубов для взрослых и 6— для подростков и молодежи.

Но это был лишь один из аспектов деятельности Крупской в период работы в думской управе.

Через несколько дней после выборов Крупскую послали принимать работу Выборгской комиссии помощи солдаткам. Войдя в комнату, Надежда Константиновна обрадовалась: «Нина! Ты?!» Это была Нина Александровна Герд, гимназическая подруга. Сейчас она смотрела на Надежду Константиновну холодно, почти не узнавая. Разговор не получался, их разделила политическая борьба. Нина Александровна, передавая папку за папкой, объясняя, что сделано, что делается, с горечью говорила: «Нам солдатки не верят, что бы мы ни делали, они недовольны; они верят только большевикам. Ну что ж, берите дело в свои руки, может, лучше наладите!»

Поворот, который начался с выходом замуж за Струве, постепенно увел Нину Александровну от социал-демократии. Бывшие подруги простились спокойно, как чужие.

В управу идут работницы, солдатки. Крупская черпает в общении с ними силы, уверенность в победе. Как выросли женщины за годы, прошедшие с первой революции! Перед ней сидит молодая, хорошо одетая женщина и как бы рассуждает вслух: «Вот муж какой год на фронте. Раньше мы с ним дружно жили. Я теперь большевичкой стала. Ночами не сплю, думаю — вдруг он не понял еще, с кем идти?» На щеках ее горят алые пятна. Она

больна. Но не болезнь ее заботит, а то, что она может разойтись с мужем из-за взглядов. Надежда Константиновна успокаивает ее: «Что вы, окопы лучший агитатор, ведь, кроме большевиков, никто мира не предлагает. На фронте много большевиков». — «Так думаете?» — облегченно вздыхает работница и начинает говорить о том, как на их фабрике организовали ясли.

Под руководством Крупской Выборгское отделение комиссии помощи солдаткам превратилось в центр агитационной работы среди женщин. Организовывались собрания солдаток на фабриках, женские районные митинги, члены комиссии обходили квартиры, где жили семьи солдат. Буржуазные и мелкобуржуазные партии тянули женщин на свою сторону. Временное правительство созвало так называемое «демократическое совещание», где от имени женщин выступила некая Новицкая, которая заявила, что женщины — за продолжение войны до победного конца.

Крупская организовала общее собрание солдаток всего Выборгского района, на котором была принята разработанная ею резолюция, где, в частности, говорилось: «Ознакомившись с речью Новицкой, выступившей от имени всех солдаток на демократическом совещании, заявляем, что мы все время шли рука об руку со своими мужьями, братьями и отцами, с рабочим классом, солдатами и крестьянством в их борьбе против капитала, против всяких соглашательств с буржуазией. Мы боролись и продолжаем бороться за переход власти в руки Советов, за отобранье земли у помещиков, за контроль над производством, за немедленный мир...»

Крупская создает широкий женский актив для агитации в воинских частях, расквартированных в их районе. Под видом продавщиц семечек, кваса проникают женщины в казармы, где ведут большевистскую агитацию. Об этой стороне своей деятельности Крупская писала: «Собирала делегаток от солдаток, обсуждали вместе с ними состояние дела в детских домах, организовывали их контроль над детдомами, инструктировали их, вели большую разъяснительную работу».

Огромное значение имела и работа Крупской среди молодежи в незабываемые дни подготовки к Октябрю. Надежда Константиновна связалась с зарождающимися организациями молодежи сразу после приезда из-за границы. Уже в мае 1917 года появляется первая ее статья о молодежи. В статье «Борьба за рабочую молодежь» она

писала, что от первых шагов зависит, «по какому пути пойдет все движение: будет ли организация молодежи в России организацией пролетарской, пойдет ли она об руку с рабочей организацией своей страны и с «Интернационалом молодежи» и будет издавать свой, пролетарский орган, где простым, понятным языком будут обсуждаться все вопросы экономической и политической борьбы, или же организация рабочей молодежи оторвется на время от рабочего движения, станет издавать орган культурно-просветительного характера, с сильно выраженным буржуазным влиянием, где будут обсуждаться различные отвлеченные вопросы».

«Молодежь — наше будущее», — любила говорить Надежда Константиновна, и она вела упорную борьбу за умы и сердца многотысячного отряда юношей и девушек, рвавшихся к активной политической жизни.

Большевики старались повести молодежь по правильному пути. При подготовке к первомайской демонстрации по инициативе юных пролетариев Выборгского района было проведено специальное собрание, которое создало комиссию из 16 человек для агитации в других районах. Решено было выйти на демонстрацию самостоятельной молодежной колонной. Надежда Константиновна выступила на собрании молодежного актива всех районов города. Она передала приветствие от партии большевиков, рассказала о политической обстановке в стране, четко обрисовала задачи союзов молодежи. По всем районам Петрограда в майские дни 1917 года проводились молодежные собрания, на которых шла речь о создании союзов молодежи.

Одно из первых собраний проходило в старинном промышленном Коломенском районе. Ребятам сказали в райкоме партии, что с докладом у них выступит жена Ленина. В райком пришли не только юноши и девушки, но и их родители, старшие братья и сестры, помогавшие ребятам организоваться, вовлекавшие их в борьбу большевиков против Временного правительства. Задолго до назначенного часа в райком вошла женщина средних лет, скромно одетая... «Здесь Социалистической союз молодежи Коломенского района?» — спросила она. И, получив утвердительный ответ, представилась: «Я — Крупская, приехала к вам на собрание». Ребятам не пришло в голову, что жена Ленина носит другую фамилию, поэтому они попросили ее подождать и забыли о ней, волнуясь, что докладчицы все нет. Надежда Константиновна присела на

стул, вынула книгу, но не читала, а внимательно приглядывалась к ребятам, вслушивалась в их разговоры. Все уже были в сборе. Дежурный звонил в Петроградский комитет и получил ответ, что жена Ленина давно уехала. Он влетел в зал: «Ребята, надо пойти по району — не случилось ли чего с докладчицей». Надежда Константиновна поднялась: «Я уже давно пришла». — «Да мы про жену Ленина, она должна у нас выступить». — «А я и есть жена Ленина». Ребята сконфузились, а Надежда Константиновна рассмеялась и ободряюще сказала: «Все это пустяки, давайте начинать».

Это не было официальным докладом. Это была живая беседа о задачах Союза молодежи, о подготовке социалистической революции и об участии в ней молодого поколения. Надежда Константиновна расспрашивала ребят о положении на фабриках и заводах, где они работают. С интересом выслушивала их рассказы о жизни, спрашивала, каким они видят будущее. Много раз мелькала у нее мысль: «Это будет очень интересно Ильичу!» Надежда Константиновна по-прежнему рассказывала Владимиру Ильичу о всех интересных событиях и встречах.

Ребята долго не отпускали ее, просили приезжать к ним хоть два раза в месяц, вести кружок — учить их большевизму. Надежда Константиновна задумалась — времени-то совсем нет, но отказать не было сил. Она махнула рукой. «Хорошо, постараюсь два раза в месяц выкроить для вас время». Гурьбой проводили ее на трамвай, долго махали вслед уходящему вагону.

Теперь дважды в месяц она ездила по воскресеньям к 11 часам в Коломенский район. На трамвае доезжала до Сенной площади и пересаживалась на конку, которая ходила по Екатерингофскому проспекту (ул. Римского-Корсакова). На пересадке ее уже ждали ребята. Она садилась в вагон, они залезали на «империал». Конечно, все делали вид, что совершенно незнакомы друг с другом. Ребята охраняли своего лектора. У сквера на Калинкиной площади Крупская выходила и видела, как у старинного обелиска — верстового столба елизаветинских времен — ее ждет и другая группа учеников. Так в их сопровождении она и входила в полицейский замок, где размещался Коломенский союз молодежи.

Надежда Константиновна с увлечением вела кружок, она видела, как на глазах растут, превращаются в настоящих ленинцев совсем еще юные ребята и девчата.

Позднее Петербургский комитет большевиков поста-

вил Надежду Константиновну во главе специальной группы для работы с молодежью. Будучи членом Выборгской районной управы, Крупская подобрала интересные данные о жизни и работе районного союза молодежи: «Всех членов к 15 июля было 5800, теперь (август. — *Авт.*) число возросло до 6000. Всего внесено по организации до 15 июля членами 1572 руб. 87 коп.». Для членов союза читались лекции по биологии, устраивались экскурсии на живую природу, была организована библиотека, две школы грамоты и т. д.

Надеждой Константиновной написан проект «Устава Союза рабочей молодежи России», опубликованный в «Правде» 20 июня 1917 года.

Работая над проектом Устава, Надежда Константиновна не раз советовалась с Владимиром Ильичем. В проекте она прежде всего ставит общие политические задачи и принципы организации союза. Даны в нем и конкретные, ближайшие цели борьбы молодежи — 6-часовой рабочий день, отмена ночных работ для подростков, повышение зарплаты, представительство в профсоюзах, всеобщее обучение и т. п. Крупская подчеркивает необходимость воспитывать у молодежи пролетарскую сознательность и организованность. «Сознательность и привычка к организации, — писала Крупская, — необходимы рабочей молодежи для того, чтобы она могла с честью выполнить те великие задачи, которые возложат на нее разгорающиеся мировые события».

На своих собраниях молодежь обсуждала статьи Крупской, их ждали, их читали, о них спорили. 2 июля 1917 года Надежда Константиновна делала доклад «О союзе молодежи» на II Петроградской общегородской конференции РСДРП(б). Она раскрыла в докладе методы работы с молодежью, показала, как Петроградский комитет борется за влияние в союзе против соглашателей, обратила внимание на то, как важно революционное воспитание молодежи.

И не случайно, конечно, вопрос о союзах молодежи обсуждался на VI съезде большевистской партии. После съезда Надежда Константиновна собирает молодежный актив, призывает ребят вступать в Красную гвардию для борьбы с контрреволюцией. «Сентябрь — октябрь, — писала она в статье «Петроградский союз рабочей молодежи летом 1917 года», — прошел под знаком нарастающего влияния большевиков, крепла организация, менялось и лицо Союза социалистической рабочей молодежи».

С любовью и восхищением наблюдает Надежда Константиновна за пробуждением всех слоев пролетариата, за тем, как он рвется к сознательной борьбе против эксплуатации.

Несколько позднее, в ноябре 1917 года, Надежда Константиновна писала Горбунову-Посадову: «Многоуважаемый Иван Иванович, много раз собиралась написать Вам по приезде в Россию, но так и не собрались до сего дня. Захватила жизнь и работа. Все время прожила в одном из здешних рабочих районов, Выборгском, и сжилась с ним душой. Знаете, у Толстого в его педагогических статьях есть рассказ, как в школе слушала рассказы из священной истории дворовая девочка: никогда слова не проронила и только губами шевелила и вдруг раз прекрасно рассказала прослушанное. Толстой пишет, что ему стало даже жутко, точно он подсмотрел тайну пробуждающейся души. У Толстого это не этими словами сказано, но все равно смысл такой. Так вот теперь, когда живешь с массой, часто переживаешь такое чувство, точно присутствуешь при тайне одухотворения, очеловечения жизни масс. И мне ужасно жаль, что нет художника настоящего, который мог бы в художественном произведении отразить этот процесс... Близко наблюдая рабочую жизнь, я всегда поражаюсь теперь, какую уйму творчества проявляют рабочие, сколько у них организаторского таланта, энергии, идеализма. Идет неустанная перестройка самих основ жизни: жизнь одухотворяется, очищается, осмысливается. Выковывается своя, высшая, пролетарская мораль. Когда слышишь эти вечные упреки по адресу масс в безграмотности, невежестве и прочем, упреки, делаемые свысока, досадно на слепоту упрекающих. Безграмотность действительно колоссальная, мучительная, вяжет по рукам и ногам, но не мешает эта безграмотность ясно оценивать действительность, совестливо, пытливо вдумываться в каждый жизненный факт. До того обидно бывает. Рабочий — прекрасный организатор, оратор, сознательный работник, а каждый раз, как надо написать самую простую бумажку, воззвание, беги ищи интеллигента. И жажда знания огромная».

Годы, жизненный опыт не сделали Надежду Константиновну холодной, равнодушной. Она не умеет рассчитывать, беречь силы, она отдает всю себя любимому делу, отдает ум, сердце, талант, знания. И ищет сподвижников, зовет их не на мгновенный подвиг, а на многолетний подвиг труда. Сам труд для нее радость, счастье. Потому так

тянутся к ней люди, потому возникшая дружба идет сквозь годы. И ее романтизм не оторван от жизни, нет, это романтизм борьбы, преодоления препятствий. Устремляясь в будущее всеми своими помыслами, она делает все, чтобы изменить и настоящее, облегчить положение трудящихся сейчас.

А война несет все новые и новые бедствия. На Петроград надвигается голод, и Крупская много сил отдает организации в Выборгском районе столовых для детей с бесплатным питанием. К сентябрю таким питанием было обеспечено 500 ребят. Крупская неутомима. Ее трудно застать в управе. Она посещает школы, присутствует на уроках, она организует молодежь, проверяет, как кормят в столовых. Ее можно видеть в разных концах района и утром, и днем, и поздно вечером. Один из членов районной управы, А. П. Иванов, вспоминал: «Однажды, уже глубокой осенью, я встретил ее в воспитательном доме для малюток-подкидышей на Набережной Черной речки. Шел дождь, кругом грязь, никакого транспорта и в помине не было. Я спросил ее, что она здесь делает так поздно, как доберется домой, улицы ведь не освещены, грязно, а придется идти пешком.

— Вот обсуждали, как организовать здесь школу, подготовить помещение к зиме, наладить обучение для детей и подростков, — ответила она. — А до дому доберусь, не беспокойтесь, дело привычное».

Работой с массами Выборгская районная управа отличалась от многих других районных управ.

Для Надежды Константиновны раньше каждое выступление было мучительно. Теперь она выступала почти ежедневно перед рабочими, работницами, в различных комиссиях и учреждениях. Она говорила всегда очень спокойно, не повышая голоса, и каждое положение ее докладов было строго аргументировано, подкреплено цифрами, фактами. Чувствовалась ее глубокая убежденность в правильности пути, по которому идет партия.

В августе 1917 года в Петроградской городской думе проводилось совещание по народному образованию, на котором, кроме представителей всех районных дум, присутствовали и представители Временного правительства — товарищ министра народного просвещения графиня С. В. Панина, председатель комиссии по народному образованию при городской думе А. Я. Гуревич и другие.

Когда председатель огласил состав присутствующих и перешел к порядку дня, Надежда Константиновна взяла

слово и предложила прежде выслушать сообщение министерства просвещения. Графиня Панина начала свой доклад. Она витиевато и возвышенно повествовала о том, что Временное правительство предполагает провести реформу школы и заняться образованием среди взрослых.

После речи Паниной Крупская опять решительно попросила слова для вопроса. «Скажите, графиня (она умышленно назвала Панину не по имени и отчеству, а по титулу), а что из планов уже осуществлено?» Та на минуту смешалась, затем высокомерно вскинула брови: «Но ведь времени прошло слишком мало, идет война, наши планы требуют средств». — «Короче, — подытожила Надежда Константиновна, — не сделано ничего». Панина промолчала. Так же спокойно, лишь задавая конкретные, прямые вопросы, Крупская показала, что и думская городская комиссия тоже ничего не сделала для улучшения постановки народного образования.

Затем стали выступать представители районных управ. Сколько здесь было инициативы, самоотверженности, какая бездна идей, какое понимание интересов, нужд пролетарского населения города! О работе в Выборгском районе рассказала Надежда Константиновна и так закончила выступление: «Вот что сделали министерство, городская дума, а вот что сделали общественность и большевики».

Такие политические сражения выковывали из Надежды Константиновны прекрасного большевистского оратора-агитатора, умевшего говорить с любой аудиторией. Каждый, даже самый маленький, успех в деле просвещения трудящихся масс брался с боя.

События нарастали с молниеносной быстротой. Если демонстрация 10 июня под лозунгами большевиков прошла мирно, то следующая манифестация 18 июня, в которой участвовало 400 тысяч человек, ясно показала Временному правительству, на чьей стороне массы. И правительство пошло ва-банк, оно начало наступление на фронте, а 28-го начался разгром русской армии.

Массы шли к восстанию. 3 июля его решил начать пулеметный полк, стоявший на Выборгской стороне. За два дня перед тем Надежда Константиновна договорилась провести совместное заседание двух культурно-просветительских комиссий — управы и пулеметного полка. Но никто из пулеметчиков на заседание не явился. Надежда Константиновна решила пойти в ЦК узнать обстановку. На Сампсоньевском проспекте она догнала полк.

Солдаты шли стройно, с сосредоточенными лицами, без песен. На тротуарах стояли рабочие. К дворцу Кшесинской подходили полк за полком, рабочие колонны. ЦК решил превратить демонстрацию в мирную манифестацию. На заводы и в полк были посланы агитаторы.

Вернувшись в управу, Крупская в одной из комнат увидела Лашевича (он вел работу в пулеметном полку). Сейчас он лежал на диване и курил. Увидев Надежду Константиновну, он вскочил и в отчаянии воскликнул: «Ну, как, как я буду их агитировать против восстания?!» — «Не против восстания, а против преждевременного выступления!» — «Что я им скажу, ведь сами призываем прогнать Временное правительство!» — «Дорогой товарищ, ведь вы прекрасно знаете, что нужно сказать. В революции поспешность так же вредна, как промедление в нужный момент».

Бастовали заводы и фабрики. Из Кронштадта прибыли матро́сы. Большевики должны были вместе с массами выйти на улицу. 4(17) июля демонстрация была расстреляна, улицы Питера залиты кровью, правительство перешло в наступление.

Большевики вынуждены уйти в подполье. По городу ищейки Временного правительства разыскивают Ленина. В эту ночь он ночевал у Сулимовых. Потом было решено поселить его у одного из рабочих членов Выборгской думы, Каюрова. 6 июля Надежда Константиновна прямо из думы вместе с Каюровым отправилась к Сулимовым за Владимиром Ильичем. За несколько кварталов от дома она оставила Каюрова на бульваре. Владимир Ильич уже ждал ее. Они вышли под руку и, тихо переговариваясь, пошли по улице, на бульваре к ним присоединился Каюров. Позднее он вспоминал: «Мы медленно пошли втроем. Увлекаясь разговором, я изредка, по привычке, незаметно для себя, прибавлял ходу, несмотря на замечания Владимира Ильича о том, что Надежда Константиновна быстро идти не может. Так шли мы, не обращая внимания на прохожих, среди которых, вероятно, немало было таких, которые с наслаждением разорвали бы в клочки ненавистного им Ленина».

Беспокоясь о жене, Владимир Ильич несколько раз предлагал ей вернуться в думу, но она только отрицательно качала головой. Наконец, перейдя Гренадерский мост через Малую Невку, вступили в рабочий Выборгский район. Надежда Константиновна облегченно вздохнула, здесь опасность была уже гораздо меньше.

В этот день юнкера разгромили редакцию «Правды». 7 июля Временное правительство приняло постановление об аресте Ленина, Зиновьева и Каменева. К сожалению, дом Каюрова стал небезопасен. Владимир Ильич перешел к Аллилуеву.

Туда пришла и Надежда Константиновна вместе с Марией Ильиничной. Они застали Ленина за горячим спором с товарищами. Владимир Ильич искал выход, приводил доводы за явку в суд, говорил, что это сразу убьет клевету. «А они убьют тебя», — возражала Мария Ильинична. «Не посмеют». — «Еще как посмеют, при попытке к бегству», — поддержала Маняшу Надежда Константиновна. Но Владимир Ильич стоял на своем. «Пойди скажи Каменеву, что мы с Григорием решили явиться». Спорить было бесполезно. Надежда Константиновна вышла в коридор, сердце колотилось. «Это ошибка, ошибка, нельзя так». Ильич догнал ее. «Давай попрощаемся, может, не увидимся уж». Она обняла его, прижала к себе. Понимала, что надо говорить, убеждать, но слова не шли. Он понимал, чувствовал ее страшное отчаяние. «Не надо, Наденька, мы еще обсудим все сообща». День прошел как в тумане, со страхом ждала криков газетчиков, просматривала газетные тумбы по пути на Широкую.

Вечером в дверь квартиры на Широкой раздался требовательный стук. Пришли с обыском. Полковник спросил: «Где комната Ленина?» У Надежды Константиновны остановилось сердце. «Неужели уже арестован?» Полковник просмотрел книги, взял со стола записки, несколько документов Надежды Константиновны и безразличным, деланным тоном спросил: «А вы не знаете, где сейчас Ленин?» От сердца отлегло. В тон ему, так же безразлично, Надежда Константиновна сказала: «Нет, не знаю». Она не помнила, как прошла эта ночь, в которую никто из Ульяновых не уснул. Марк Тимофеевич успокаивал сестер Владимира Ильича и Надежду Константиновну. Он ни при каких обстоятельствах не терял чувства юмора, ему никогда не изменяли спокойствие и уверенность в успехе дела. Он все делал не спеша, но основательно и скрупулезно. Все сидели за большим обеденным столом вокруг давно остывшего самовара, и Марк Тимофеевич рассказывал о своем детстве, прошедшем в Костроме, о своей неграмотной, но такой мудрой матери. За окнами только начинало рассветать, когда Надежда Константи-

новна уже стала собираться. «Куда?» — спросила Анна Ильинична. «Пойду схожу к Смилге, это ведь рядом, может, он что-нибудь знает». Обратно она летела как на крыльях — Владимир Ильич и Зиновьев скрываются. Так решил Центральный Комитет. Риск слишком велик. Партия решила укрыть вождя в глубоком подполье.

Через день на Широкой опять был обыск. Теперь в квартиру ворвалась целая орава юнкеров. Перевернули все вверх дном. Решили, что Марк Тимофеевич — Ленин. Тот показал им документы. «Это ерунда, на немецкие деньги можно любые документы достать», — ответил поручик. «А вы, мадам, — обратился он к Надежде Константиновне, — тоже не признаете в нем Ленина-Ульянова?» — «Ленин — это мой муж, — спокойно ответила она, — а жена этого господина перед вами. — Анна Ильинична стояла рядом с мужем. — Как же вы ищете, кого не зная сами?» Тот вскипел: «Прошу без разговоров». — «Да о чем с вами можно разговаривать?» — Марк Тимофеевич демонстративно поднял с пола книжку и принялся за чтение. В комнату привели домашнюю работницу — простую деревенскую девушку Аннушку. «Кто, кто это?» — кричали юнкера, показывая на Елизарова. Она не знала, как сказать, и молчала.

Перерыв всю квартиру, юнкера арестовали Надежду Константиновну, Марка Тимофеевича и Аннушку. Крупская попробовала за нее вступиться: «Зачем вы ее-то берете? Неужели не видно, что человек еще города не знает и в политике ничего не понимает?» — «Разберемся».

Арестованных привезли почему-то в генеральный штаб. Рассадили их поодаль друг от друга, возле каждого поставили часового. Прошло полчаса, час. Вдруг у дверей послышались шум, крики. «Где он, этот Ленин?», «Чего возиться, мы сейчас сами его рассудим». В комнату ворвалось десятка два пьяных офицеров и бросились к арестованным. Солдаты растерялись. «Конец», — мелькнула у Надежды Константиновны мысль. Но раздался начальственный окрик: «Назад!» В комнату вошел уже знакомый полковник и, посмотрев на арестованных, сказал: «Это не те люди, которые нам нужны», — и приказал их отпустить.

Временное правительство не успокоилось. По следам Ленина была брошена свора полицейских ищеек. Через несколько дней, возвращаясь с работы, Надежда Константиновна увидела, что у их подъезда стоят часовые, а улица забита обывателями, ждущими результатов обыска.

Она постояла на углу, посмотрела на окна квартиры и пошла назад в думу. Шла, устало передвигая ноги, машинально проделывая давно знакомый путь. На город опускался пасмурный вечер. В думе ни огонька, все разошлись. Сторожиха, ворча, отперла ей дверь. Она прошла в свою комнату, опустилась на стул, потом стала просматривать газеты, купленные по дороге. В дверь заглянул Слуцкий, удивился: «А вы что здесь делаете?» — «То же, что и вы». — «Я-то только что от ареста ушел, а деваться больше некуда». — «Вот и у меня то же самое». Стали думать, где ночевать», не спать же здесь на столах. Вместе пошли по району. Приютила их Маргарита Васильевна Фофанова.

Утром пришла к Крупской в думу Мария Ильинична и рассказала, что с обыском обошлось все благополучно. Никого не арестовали.

Владимир Ильич все это время скрывался у Емельянова, на станции Разлив. И пока Владимир Ильич жил на озере Разлив, Надежда Константиновна ни разу туда не ездила, так как за ней была установлена слежка. Изредка кто-либо из друзей передавал ей записки и поручения Ленина.

Временное правительство, стремясь задушить революцию, свирепствовало. Каждый день приносил «новости» — аресты большевиков, запрещение «Правды», «Окопной правды» и других большевистских изданий, запрещение митингов на фронте, введение смертной казни. Ненависть к Керенскому росла. В один из июльских дней по городу провели разоруженный пулеметный полк, начавший выступление. Нельзя было придумать ничего более действенного для революционизирования солдат. В октябрьские дни этот полк пошел, как один человек, за большевиками.

В полулегальной обстановке проходил VI съезд партии, показавший огромный рост ее рядов, усиление ее влияния и нацеливший партию на вооруженное восстание.

Крупская была делегатом съезда, она приняла активное участие в работе, много времени уделив секции по работе среди молодежи.

В августе на Петроград двинулся новый претендент в Бонапарты — Корнилов. Грудью встали на защиту города рабочие. Это было их кровное дело — отстоять город. «Мне запомнилась, — пишет Крупская, — фигура одного нашего выборгского рабочего — молодого парня. Он рабо-

тал по организации дела ликвидации безграмотности. В числе первых двинулся он на фронт. И вот, помню, вернулся он с фронта и еще с винтовкой на плече примчался в районную думу. В школе грамоты не хватило мелу. Входит парень, лицо его дышит еще оживлением борьбы, сбрасывает винтовку, ставит ее в угол и начинает горячо толковать о меле, о досках. В Выборгском районе мне пришлось каждодневно наблюдать, как тесно увязывалась у рабочих их революционная борьба с борьбой за овладение знанием, культурой».

Происходила активная консолидация сил. Большевики формировали отряды, вооружали рабочих. ЦК работал под руководством Ленина, связь с ним не прерывалась ни на один день, хотя обмануть шпиков становилось все труднее.

Август 1917 года под Петроградом был холодным и дождливым. По утрам в шалаше, где скрывался Владимир Ильич, было очень холодно, над озером висел густой туман. Дальше оставаться в Разливе было невозможно. Да и кольцо слежки, организованной Временным правительством, сжималось. Ходили упорные слухи, что Ленина скрывают рабочие Сестрорецка.

Глухой августовской ночью в сопровождении товарищей Владимир Ильич покидает Разлив. Несколько дней живет в деревне Ялкала, а затем уезжает в Гельсингфорс.

Утром 9 августа Надежда Константиновна, как и все эти дни, шла на работу в думу Выборгского района. Неотвязная мысль тревогой отдавалась в сердце: «Как Ильич? Что с ним?» Впереди в толпе прохожих она заметила Александра Васильевича Шотмана, который должен был организовать нелегальный переезд Ленина в Финляндию. Невольно ускорив шаги, она догнала его. Стало легче — Владимир Ильич благополучно проделал первую часть пути. В этот день работалось очень споро, она не знала усталости. Ильич вне опасности.

Чем бы ни занималась Надежда Константиновна, ее не оставляла мысль о Владимире Ильиче. Она уже привыкла отбирать те факты, что могут ему пригодиться, подмечать настроение масс, запоминать все, что может представить для него интерес.

Вечерами, возвращаясь домой, Надежда Константиновна заходила на квартиру машиниста Ялавы, жившего

в том же районе, чтобы узнать новости о Владимире Ильиче. Иногда Ялава привозил из Гельсингфорса шифрованные письма от Ленина, где Владимир Ильич писал о себе и спрашивал об обстановке в Питере.

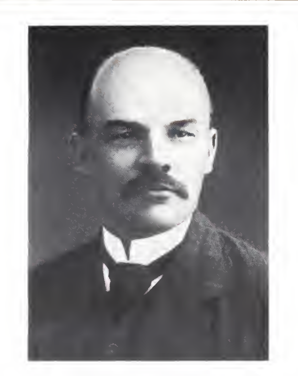
«Письма были короткие, — вспоминала Надежда Константиновна, — с разными простыми поручениями. И после каждого такого письма до жути хотелось повидаться, перекинуться хоть парой слов».

Уезжая в Финляндию, Ленин обещал, что при первой же возможности вызовет ее, но ждать пришлось почти две недели.

Каждый раз, получив письмо, Надежда Константиновна закрывалась в своей маленькой комнатке, зажигала керосиновую лампу и нагревала письмо над отверстием в стекле. Медленно желтела бумага и проступали коричневые буквы. Наконец, в очередном письме она прочла: можно ехать. На листке был нарисован план, как пройти от вокзала до дома, где жил Владимир Ильич, ни у кого не спрашивая дороги, чтобы не привлечь внимания шпиков. Нетерпеливо читая строчку за строчкой, Надежда Константиновна слишком близко поднесла листок к лампе, бумага вспыхнула, и кусочек плана обгорел.

Чтобы перебраться через финскую границу, необходимо было специальное разрешение. На выручку пришел Н. А. Емельянов, укрывавший Ленина в Разливе. В то время Сестрорецк находился в пограничной зоне, и многие жители имели право перехода границы. Достали для Надежды Константиновны паспорт пограничной жительницы Агафьи Атамановой. Только Агафья эта была уже 60-летней старухой. Долго думали, как лучше сделать фотографию. Крупская низко надвинула на лоб белый платок, повязанный так, как повязывали все фабричные работницы, чуть наклонила голову. Товарищи тужили, что нет под руками грима. Во время приготовления к съемке все смеялись, поэтому и на фотографии Надежда Константиновна получилась улыбающейся. Емельянов, увидев фотографию, развел руками — не очень-то такой снимок подходит для старушечьего паспорта, да решил, что сойдет, полицейские на границе не отличаются бдительностью.

В Гельсингфорсе с едой было плохо так же, как и в Питере, и Надежде Константиновне хотелось привезти подарок Владимиру Ильичу. Ни мяса, ни масла достать не удалось. Анна Ильинична каким-то образом раздобыла баночку черной икры. Надежда Константиновна собрала

В. И. Ленин. 1910 год.

Париж. Улица Мари-Роз, 4.

Наводнение в Париже. Январь 1910 года.

Франция. Курорт Порник.

Порник. Веранда Виллы Роз.

Порник. Вилла Роз, где жили Ульяновы.

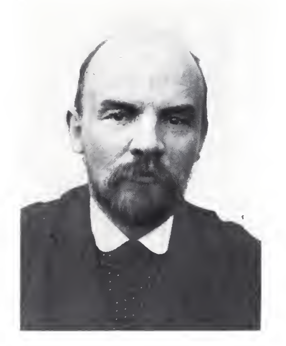

Краков, 1912 год.

Поронин. Белый Дунаец. Дом, в котором В. И. Ленин и Н. К. Крупская жили в 1913—1914 годах.

Н. К. Крупская. 1915—1916 годы.

В. И. Ленин в день выхода из тюрьмы
Нового Тарга. 1914 год.

Новый Тарг. Польша.

Берн. Читальный зал городской библиотеки.

Швейцарские Альпы. Зима 1916 года.

Цюрих,
Шпигельгассе, 14.

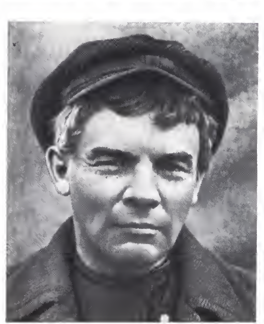
Стокгольм. Вокзал. 1917 год.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская в Стокгольме среди русских политэмигрантов, возвращающихся на родину. 1917 год.

Н. К. Крупская —
Агафья Атаманова.
1917 год.

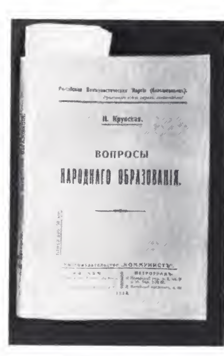

В. И. Ленин
в гриме.
1917 год.

Последняя конспиративная квартира В. И. Ленина у М. В. Фофановой. Октябрь 1917 года.

Петроград. Смольный институт.

Сборник статей Н. К. Крупской «Вопросы народного образования».

Н. К. Крупская среди участников агитпоездки на пароходе «Красная звезда», 1919 год.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская выходят из Дома союзов после заседания I Всероссийского съезда по внешкольному образованию. Москва, 1919 год.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская в своей кремлевской квартире беседуют с американским журналистом Л. Эйром. 1920 год.

В. И. Ленин и Н. К. Крупская среди крестьян села Кашина. 1920 год.

В. И. Ленин, Н. К. Крупская и М. И. Ульянова во время парада Всевобуча на Ходынском поле. 1919 год.

В. И. Ленин, Н. К. Крупская и А. И. Ульянова-Елизарова
в Горках. 1922 год.

свой паек за несколько дней, чтобы не обременять хозяев, у которых жил Владимир Ильич.

План перехода границы был разработан до мельчайших деталей. В темном жакете, в платке, с маленьким узелком в руках пришла Крупская под вечер к Емельяновым. Николай Александрович и Надежда Кондратьевна повели ее к границе. Надежда Константиновна вглядывалась в местность, стараясь запомнить дорогу. Шли через невысокий северный лес, по песчаным дюнам. Все волновались и почти не разговаривали.

Вот и пост. Через маленький мостик идут туда и обратно люди. С одной стороны стоят русские, с другой — финские полицейские. В сумерках фотография на паспорте Крупской не вызвала никаких подозрений, и вот они уже в Финляндии. До станции Олилла, затерянной среди дюн и леса, оставалось еще километров пять. Емельяновы, посадив Надежду Константиновну в вагончик одноколейной дороги, подождали, пока поезд не отошел.

Однако самое трудное было впереди. Выйдя на вокзале в Гельсингфорсе, Надежда Константиновна растерялась в первый момент, хотя всю дорогу повторяла про себя названия улиц в том порядке, как они были изображены на плане у Владимира Ильича. Шумный, огромный вокзал, сотни людей, и нельзя ни к кому обратиться. Тут не может помочь и ее знание четырех языков. Сейчас она полуграмотная старуха работница. Медленно вышла Надежда Константиновна на привокзальную площадь. Так же медленно, затерявшись среди прохожих, пошла по улице, стараясь незаметно читать таблички с названиями переулков. Наконец, вот он, поворот, через несколько десятков метров следующий. Пока все правильно. Но название следующей улицы в письме отгорело, где же повернуть теперь? Надежда Константиновна прошла до конца улицы, перешла на другую сторону и еще раз проделала путь, теперь в обратном направлении. Кажется, надо повернуть здесь, этот переулок должен пересекать улицу, где живет Ленин. Закон конспирации неумолим. Как волнуется сейчас Владимир Ильич, а нельзя выйти, нельзя ее встретить. Найдя нужный дом, Крупская постучала. Хозяйка открыла так быстро, будто стояла за дверью и ждала. Сразу появился в прихожей и Владимир Ильич.

Эмилия Блумквист, хозяйка квартиры, где жил Ленин, писала: «К нам на несколько дней приехала Надежда Константиновна Крупская. Это были самые радостные дни

у Владимира Ильича. Нужно было видеть его сияющие глаза, чтобы представить его настроение».

А сама Надежда Константиновна рассказывала об этом так: «Ильич обрадовался очень. Видно было, как истосковался он, сидя в подполье в момент, когда так важно было быть в центре подготовки к борьбе. Я ему рассказала о всем, что знала».

Долго разговаривали они в тот день. Владимир Ильич показывал Надежде Константиновне главы из книги «Государство и революция», над которой работал все это время, расспрашивал ее о товарищах, о настроении масс. С тревогой вглядывался в ее осунувшееся лицо. Только утром, спохватившись, Надежда Константиновна преподнесла мужу подарок — баночку черной икры. Он пожурил ее за недопустимое расточительство и перед обедом отнес икру хозяйке. Через несколько минут та вошла в их комнату с открытой баночкой и сапожной щеткой и спросила, какие ботинки они хотят почистить. Выросшая в рабочей среде, она никогда не видела черной икры и решила, что это сапожная вакса.

Два дня пролетели незаметно. Пора было Надежде Константиновне возвращаться. Опять повязалась она платочком, Владимир Ильич подал ей жакет и сам стал одеваться. Она удивленно посмотрела на него, ведь нельзя им выходить вместе, но он категорически заявил, что проводит ее хотя бы до первого поворота, в пути решил, что до следующего угла, и в конце концов настоял на том, чтобы проводить ее до последнего поворота, до самого вокзала. Уговорились, что в ближайшее время Надежда Константиновна приедет еще. В дверях вокзала Крупская обернулась и через головы людей на перекрестке увидела знакомую фигуру Владимира Ильича. Всю дорогу, в поезде она, перебирая в памяти события прошедших дней, размышляла о том, как лучше и быстрее выполнить многочисленные поручения Владимира Ильича.

Ленин предупреждал партию, народ, что за спиной Временного правительства готовится контрреволюционный заговор, что буржуазия попытается задушить революцию рукой военного диктатора. Надежда Константиновна передала ЦК указания Ленина. Последующие две недели кардинально изменили расстановку политических сил. Рабочие, возглавляемые большевиками, разгромили корниловский мятеж, в Московском и Петроградском Советах ленинцам теперь принадлежало большинство.

В начале сентября Надежда Константиновна по тому

же паспорту Агафьи Атамановой поехала опять в Гельсингфорс.

Задержавшись в думе, Крупская решила не заходить к Емельяновым и пойти до Олиллы одной. Дорога проходила вдоль берега Финского залива. Кругом ни души. Наконец она подошла к мостику через Ржавую речку, где размещался контрольно-пропускной пункт. Офицер, увидев фигурку озябшей женщины, пропустил ее сразу, едва взглянув на паспорт. Начал накрапывать дождь. В лесу стало почти совсем темно. Узкая тропинка потерялась среди деревьев. Ноги начали вязнуть в песке. Надежда Константиновна подумала, что сбилась с дороги, выругала себя, что не зашла к Емельяновым. Но даже мысли о возвращении не пришло в голову. Она упрямо продолжала идти вперед, с дюны на дюну. Неожиданно облака разорвались и выглянула бледная осенняя луна. И все показалось приветливым и знакомым. Вот кривая карельская березка с тремя одинаковыми сучками. Здесь надо свернуть направо, а со следующего пригорка должна быть видна станция. Только бы не опоздать! Замелькали огоньки Олиллы.

С трудом протиснулась Надежда Константиновна в вагон, битком набитый солдатами и матросами. Всю дорогу пришлось стоять. Но она не замечала усталости. В вагоне шел возбужденный митинг. Говорили только о политике, открыто призывали к восстанию. Крупская вглядывалась во взволнованные лица, в горящие глаза. Старалась запомнить высказывания, ведь для Ильича все это так важно!

Утром Надежда Константиновна вышла из поезда на знакомый перрон. Путь от вокзала до дома, где жил Владимир Ильич, она проделала уверенно и быстро. Правда, на всякий случай шла другими переулками, чтобы проверить, нет ли слежки. Все обошлось как нельзя лучше: ни в Питере, ни в Сестрорецке никто не узнал в Агафье Атамановой жену разыскиваемого повсюду Ленина.

В своих воспоминаниях Надежда Константиновна писала, что, когда она «рассказала Владимиру Ильичу об этих разговорах солдат, лицо его стало задумчивым, и потом уже, о чем бы он ни говорил, эта задумчивость не сходила у него с лица. Видно было, что говорит он об одном, а думает о другом, о восстании, о том, как лучше его подготовить».

Расставаясь в Гельсингфорсе, они знали, что скоро встретятся в Питере. Ленин рвался в гущу борьбы, день восстания приближался.

ОКТЯБРЬ — ПОБЕДА

Подготовка к вооруженному восстанию шла полным ходом. Центральный Комитет предложил Владимиру Ильичу приехать в Петроград, так как нужна была постоянная, действенная связь. Нужно было его непосредственное руководство подготовкой восстания. Конспиративную квартиру предоставила Ленину доверенный товарищ, большевичка Маргарита Васильевна Фофанова. Надежда Константиновна долго обговаривала с ней все условия конспирации, чтобы уберечь Владимира Ильича от ареста. И вот они за несколько дней до его приезда проделали путь, который вскоре предстояло пройти ему. Сначала они проехали до станции Ланская, которая находилась рядом с домом. Но когда вышли из вагона на платформу, то сразу бросилось в глаза, что станция расположена на высоком пригорке и поэтому хорошо видно всех, кто спускается в город. Тогда решили изменить маршрут: Владимир Ильич должен был сойти на предпоследней станции Удельная и пешком добираться до Сердобольской улицы. План дома и ключи от квартиры Надежда Константиновна привезла Ленину в Финляндию во время своего второго приезда. Впоследствии Крупская вспоминала: «Фофанова жила в большом рабочем доме, что делало его недоступным для шпиков. Одно окно выходило в сад, через которое можно было в случае обыска спуститься в сад, находившийся с другой стороны дома. Знали квартиру очень немногие, и без предварительного сговора (ходили только по делу) никто не приходил. Фофанова была членом Выборгской парторганизации, кроме нее, в квартире никого не жило, к ней в то время, как жил Ильич, также никто не приходил, за исключением двух-трех случаев, да и то она старалась пришедших поскорее куда-нибудь сбыть».

Договорились, что Владимир Ильич не подходит к двери и не открывает ее ни на какой звонок, кроме условного стука. Уходя, Надежда Константиновна взяла письмо Вла-

димира Ильича к Питерской городской конференции, где Ленин предупреждал петроградских большевиков, что приближается последний, беспощадный поединок с правительством Керенского.

Десятого октября на совещании ЦК под руководством Ленина была принята резолюция о вооруженном восстании. События развивались с молниеносной быстротой. Зиновьев и Каменев голосовали против резолюции.

Пятнадцатого октября Надежда Константиновна в составе делегации Выборгского района участвовала в совещании Петроградской партийной организации, которое проходило в Смольном, уже превратившемся в штаб подготовки восстания.

Совещание голосовало за восстание. За восстание голосовала и вся делегация Выборгского района.

Хотя было уже поздно, Надежда Константиновна поехала на Сердобольскую. Поднимаясь по лестнице, увидела — перед дверью квартиры Фофановой стоит какой-то человек. «Что это? Обыск? Засада?» Она решительно поднялась на площадку. «Вы к кому?» Человек оглянулся — Надежда Константиновна перевела дух — близкий друг семьи Фофановой. «Понимаете, в квартиру кто-то забрался. Позвонил — мужской голос мне ответил. Звоню еще — ни звука». — «Вам это показалось. Маргариты нет и сегодня не будет, вы лучше завтра к ней зайдите. Я тоже вот поднялась и только теперь вспомнила, что Маргарита на собрании и мне там надо быть». Вместе они вышли из подъезда и направились к трамвайной остановке. «Вы куда поедете?» — спросила Надежда Константиновна и, когда парень ответил, придумала себе путь в другую сторону. К счастью, подошел нужный ему трамвай. Проводив нежелательного гостя, она вернулась к Фофановой.

Шестнадцатого октября в Лесной подрайонной думе состоялось расширенное заседание ЦК, где присутствовали также члены Исполнительной комиссии Петроградского комитета, военной организации Петроградского Совета, профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, железнодорожников, Петроградского окружного комитета. Заседание выбрало Военно-революционный комитет. За немедленное восстание голосовали 19 человек, против — 2, 4 человека воздержались. Каменев опубликовал в полуменьшевистской газете «Новая жизнь» интервью от своего и Зиновьева имени, где выболтал секретное

решение ЦК о восстании. Враг был предупрежден и начал действовать.

К Питеру стягивались войска, объединялись все силы контрреволюции. В ночь на 19 октября на специальном заседании Временное правительство обсуждало меры борьбы с большевиками. Члены правительства требовали жесточайших репрессий против партии Ленина.

Меньшевистско-эсеровский ЦИК решил отсрочить созыв Всероссийского съезда Советов до 25 октября.

Владимир Ильич настаивает на исключении изменников из партии и еще более энергичной подготовке восстания, вооружения масс. Во всех районах города создаются новые отряды Красной гвардии, рабочие учатся владеть оружием. В эти дни Выборгская районная дума превратилась в центр борьбы района. Здесь не только формируются военные отряды, здесь работницы, солдатки обучаются делать перевязки, готовятся быть санитарками.

Надежда Константиновна всегда находится там, где нужна ее помощь, она почти не уходит из думы.

Днем 24 октября (6 ноября), когда она беседовала с женщинами, обсуждая с ними их роль в дни восстания, она увидела в дверях Маргариту Васильевну. «Надежда Константиновна, эту записку Владимир Ильич просил немедленно передать в ЦК».

Крупская поспешила в Смольный. Ленин писал, что дальше медлить нельзя — «...промедление в восстании смерти подобно» [1].

Из Смольного она снова вернулась в свой район. По всем улицам шагали патрули — красногвардейские и юнкеров. То и дело проверяли документы. Центр города ощетинился в сторону рабочих окраин пулеметами, пушками. Кое-где были поставлены баррикады. Рабочие районы кипели. Отряд за отрядом уходил к Смольному.

Временное правительство решает развести мосты, чтобы отрезать центр от окраин, но красногвардейцы занимают их.

Ночью Надежда Константиновна пошла на Сердобольскую улицу.

Свершалось дело их жизни.

Дверь открыла Маргарита Васильевна. «Ушел, ушел в Смольный». Надежда Константиновна обессиленно прислонилась к двери. «Вот записку оставил: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания. *Ильич*». Она

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 435.

не захотела отдохнуть. Еще раз проделала весь путь от Сердобольской в думу.

А восстание разгоралось.

Крупская ходила из комнаты в комнату, везде народ, чувствуется, как идет напряженнейшая жизнь. Вдруг до ее слуха донеслись слова председателя управы Михайлова, обращенные к молоденькому шоферу: «Поедешь в Смольный, найдешь там товарища Подвойского...» Дальше она не слушала. «В Смольный, скорее туда, в центр событий, к Ильичу». С ней вместе отправилась и Женя Егорова — секретарь Выборгского райкома партии. По дороге наскочили на засаду, но вырвались. Вот и Смольный. «Смольный был ярко освещен и весь кипел, — писала Надежда Константиновна. — Со всех концов приходили за указаниями красногвардейцы, представители заводов, солдат. Стучали машинки, звонили телефоны, склонившись над кипами телеграмм, сидели девицы наши, непрерывно заседал на третьем этаже Военно-революционный комитет. На площади перед Смольным шумели броневики, стояла трехдюймовка, были сложены дрова на случай постройки баррикад. У входа стояли пулеметы и орудия, у дверей часовые».

С Владимиром Ильичем поговорить ей не удалось. Он был во главе восстания.

В 10 часов утра 25 октября (7 ноября) Военно-революционный комитет Петроградского Совета опубликовал обращение «К гражданам России», в котором объявлял Временное правительство низложенным. Большевистские отряды занимали одно правительственное учреждение за другим. В 2 часа 35 минут открылось заседание Петроградского Совета. Надежда Константиновна смотрела, как через рукоплещущий зал шел к трибуне Ленин. Лицо его было осунувшимся и усталым, но радостно сияли глаза, походка была твердой и энергичной. «Товарищи! — прозвучал его голос. — Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась» [1].

Казалось, мраморные стены зала не выдержат, рухнут от бури оваций. Но вот Владимир Ильич заговорил опять. Он не упивался победой, отметив, что в истории России началась новая полоса, он выдвинул задачи, которые в ближайшее время должна решить рабоче-крестьянская власть. Крестьяне получат землю, рабочие станут хозяе-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 2.

вами производства, будет создан новый государственный аппарат, во что бы то ни стало надо добиться мира.

Счет шел не на дни, а на часы. Вечером должен был открыться II Всероссийский съезд Советов. Уже съезжались делегаты. Представители всех партий вели среди них агитацию. Ленин волновался — уйдут или не уйдут со съезда левые эсеры, за которыми еще шла большая часть крестьянства. Съезд открылся в 10 часов 40 минут вечера. По своему составу он был очень сложный. Из 649 делегатов лишь 390 были большевиками. Левых эсеров было 160, меньшевиков — 72. Правые эсеры и меньшевики покинули съезд, огласив декларацию протеста против захвата власти большевиками. В часы заседания съезда был взят Зимний дворец. Керенский бежал, остальные министры были арестованы. Заседание съезда закончилось глубокой ночью.

Двадцать шестого октября на вечернем заседании съезд Советов принял ленинские декреты о мире и о земле. Здесь эсеры поддержали большевиков, не могли не поддержать, так как в противном случае от них отошли бы крестьянские массы. Но в вопросе о формировании правительства они были за коалицию всех партий.

Надежда Константиновна наблюдала, как в кулуарах съезда Владимир Ильич пытался доказать лидерам левых эсеров невозможность коалиции с правыми эсерами и меньшевиками. Надежда Константиновна вспоминала о съезде: «Заседание 26 октября... открылось в 9 часов вечера. Я присутствовала на этом заседании. Запомнилось, как делал доклад Ильич, обосновывая декрет о земле, говорил спокойно. Аудитория напряженно слушала. Во время чтения декрета о земле мне бросилось в глаза выражение лица одного из делегатов, сидевшего неподалеку от меня. Это был немолодой уже крестьянского вида человек. Его лицо от волнения стало каким-то прозрачным, точно восковым, глаза светились каким-то особенным блеском».

Победа Октябрьского восстания в Петербурге вызвала отчаянное сопротивление контрреволюции, и борьбу с контрреволюцией возглавил Ленин, избранный Председателем Совета Народных Комиссаров. Первые дни после победы революции они с Надеждой Константиновной виделись мало. Она продолжала работать в думе и жила попрежнему у Анны Ильиничны. Владимир Ильич чаще всего оставался ночевать в Смольном. Обстановка требовала его постоянного присутствия в штабе борьбы. Но именно в эти трудные дни, когда ежедневно, ежечасно

приходилось решать вопросы, от которых часто зависело само существование Советской власти, дорожил Владимир Ильич минутами совместных прогулок, бесед.

В Смольном они поселились в маленькой комнате, разделенной дощатой перегородкой. За перегородкой стояли кровати, простые железные, покрытые солдатскими одеялами. Хозяйства не было никакого. К Владимиру Ильичу для охраны приставили солдата пулеметного полка, размещавшегося в Выборгском районе. Он беззаветно любил Владимира Ильича и Надежду Константиновну. Как мог заботился о них, приносил им еду из столовой. Надежда Константиновна, когда возвращалась из думы раньше, старалась что-нибудь приготовить к ужину, готовила она на спиртовке, и солдат изумленно смотрел на невиданную «печку». Владимир Ильич, застав ее за такими хлопотами, говорил: «Зачем все это? Пойдем лучше погуляем».

Один из работников Наркомпроса, заведующий литературно-художественным отделом Валерьян Полянский, вспоминая о тех днях, рассказывал: «Помню, как-то поздно вечером возвращаясь из Смольного домой, я встретил во дворе около костров Владимира Ильича и Надежду Константиновну. Отдыхали от неимоверного напряжения в те тяжелые дни. Остановился, и разговорились о делах просвещения. Надежда Константиновна в чем-то его убеждает, он не соглашается.

— Товарищ Полянский, никак не могу убедить его.

— Ты ведь знаешь, что я в этих делах ничего не понимаю и у тебя учусь, Надежда, вот разберусь.

Видя утомленные лица их, вдыхая свежий морозный воздух, заметил им:

— Бросьте говорить о делах. Отдыхайте. Смотрите, как хорошо.

Действительно, стоял хороший звездный вечер. Владимир Ильич, по обыкновению наклонив голову и прищурив на меня глаз, живо заговорил:

— Правда, давай подышим».

Сразу после победы Октябрьской революции Надежда Константиновна вошла в комиссию по народному просвещению при Совнаркоме, которую возглавлял Анатолий Васильевич Луначарский. Первое заседание комиссии состоялось 11 ноября в доме бывшего царского министерства просвещения на Фонтанке. В огромном фешенебельном здании было пустынно, чиновники саботировали но-

вую власть. Вышли на работу лишь сторожа, уборщицы, курьеры да несколько машинисток и мелких служащих. Члены комиссии обошли здание, созывая весь этот технический персонал на митинг. Те были потрясены — перед ними выступал министр, им рассказывали о задачах комиссариата просвещения, говорили о народном образовании, ставили принципиальные, серьезные вопросы. Они прослужили в этом министерстве долгие годы, и впервые к ним обращались как к равным ответственные работники. Речь Луначарского была очень доступна по форме и произвела на всех огромное впечатление.

Члены комиссии собрались в одной из комнат, чтобы наметить план работы. Анатолий Васильевич Луначарский осветил значение культурного строительства и показал общее направление просветительской деятельности Советского правительства. Затем выступила Надежда Константиновна. Тихо, спокойно она говорила о подходе к людям, о том, что учителям надо помочь перейти на сторону рабоче-крестьянского правительства, надо привлечь их на свою сторону, использовать их знания. Об этом ее выступлении хорошо написала одна из присутствовавших на первом заседании комиссии, Д. Ю. Элькина: «В словах Надежды Константиновны был отражен опыт мудрого революционера-марксиста, глубокое знание людей, умение подходить к ним с учетом тех особенностей их труда и быта, условий, при которых формировалось их мировоззрение. Выступление Н. К. Крупской вводило нас в сферу деятельности нового, советского государственного аппарата по просвещению. Она говорила о том, что советский государственный аппарат предъявляет новые требования к его сотрудникам — совершенно иные, чем к прежним чиновникам. Она требовала от нас проявления в максимальной степени инициативы и творчества в работе, честного и чуткого подхода к людям, умения поднимать сознание всех советских людей до уровня поставленных перед ними задач — задач построения социалистического общества».

В последних числах ноября состоялось назначение руководителей пятнадцати отделов Наркомпроса. Крупскую назначили заведующей внешкольным отделом, Доре Абрамовне Лазуркиной, опытной большевичке, поручили отдел дошкольного воспитания, Вере Рудольфовне Менжинской — отдел по подготовке преподавательского персонала. Вопросами профессионального образования занимался Ленгник. Лепешинский вскоре после этого заседания был

введен в Наркомпрос и занялся вопросами строительства единой трудовой школы.

15(2) января 1918 года Совет Народных Комиссаров назначил Крупскую, Лебедева-Полянского, Познера, Л. Менжинскую и Рогальского правительственными комиссарами при комиссариате народного просвещения. Так образовалась коллегия Наркомпроса.

Первым декретом Наркомпроса были упразднены учебные округа, директора, инспектора и начальницы в средних учебных заведениях, отменен закон божий. Вскоре из наркомата пришлось уволить за саботаж почти всех старых служащих. Работа постепенно налаживалась. Руководящий состав, члены коллегий, заведующие отделами все силы отдавали делу просвещения. Никто не считался со временем, засиживались допоздна на работе, выступали перед рабочими и работницами, участвовали в многочисленных дискуссиях.

На первых порах Народный комиссариат просвещения столкнулся с теми же трудностями, что и другие наркоматы, — открытая враждебность одних, саботаж и выжидание других. Но здесь во главе его сразу встали люди, имевшие большой опыт педагогической и политико-просветительной работы. Владимир Ильич был уверен, что Надежда Константиновна должна заняться этой работой. Крупская писала: «То, что я несколько месяцев работала в момент назревающей революции в таком революционном районе, как Выборгский, Ильич считал большим плюсом, и когда встал вопрос об «организации аппарата управления», он в своих заметках наметил меня «в товарищи министра при Луначарском». Через несколько дней после взятия власти он встретил Анатолия Васильевича Луначарского в коридоре Смольного, стал говорить с ним о стоящих перед наркоматом задачах и, между прочим, сказал: «Ясно, что очень многое придется совсем перевернуть, перекроить, пустить по новым путям. Я думаю, Вам обязательно нужно серьезно переговорить с Надеждой Константиновной. Она будет Вам помогать. Она много думала над этими вопросами и, мне кажется, наметила правильную линию...»

Надежда Константиновна получила возможность заняться делом, к которому давно готовила себя. Проводить в жизнь то, что задумано в долгие годы подполья, эмиграции, что выстрадано в непрерывной политической борьбе, что завоевано победой революции! Это ли не счастье для коммуниста?! Но вместе с тем как это сложно

и трудно. Ведь здесь нет опыта, не у кого поучиться, не с кого брать пример. Все, что дает буржуазная школа, как правило, — негативный опыт. Ясно, чего не надо делать. И ко всему ужасающая нищета — отсутствие школ, учебников, бумаги, карандашей, многокилометровые расстояния до районных центров, до железной дороги, одна библиотека с жалким фондом зачастую ненужных книг на сотни километров.

Все эти трудности надо преодолеть. И Надежда Константиновна лично знакомится со всеми служащими, подбирает кадры, привлекая в Наркомпрос многих членов партии, кого знала еще в годы эмиграции. Она обращается ко всем, кто может быть полезен, пишет в разные города. Старому знакомому, человеку, который приветствовал ее первые педагогические статьи, Ивану Ивановичу Горбунову-Посадову, она пишет подробное письмо: «...Приходится мне быть правительственным комиссаром по внешкольному образованию. Не очень-то я люблю центральную работу, но личными вкусами руководиться сейчас не приходится и отказываться от этой работы нельзя. Думаю, что Вы не откажетесь помочь мне. Хочется мне сплотить для работы среди масс и особенно подрастающей молодежи (я работала тут среди рабочей молодежи, великолепная, самоотверженная публика) побольше своей публики, которая бы повела дело по-новому, так как этого требует теперь время. Я, по старой памяти, идеализировала учительскую публику, но теперь вижу, что за годы моего отсутствия учительский персонал сильно изменился. Не то что подготовка плоха, а царит какое-то недоброжелательное отношение к рабочим, какое-то высокомерие, боязнь контроля с низов и пр. Совершенно на разных языках говоришь. Не знаю, может, это у нас в Выборгском районе так. Хочется создать свободную народную школу, но для этого нужно сплотить сначала передовую молодую публику.

Напишите мне, пожалуйста, что делается у вас в Москве в области создания массовой свободной школы, пришлите «Свободное воспитание», если оно выходит, и укажите публику, к которой можно обратиться за содействием, советом и пр...»

Используя свои тесные связи с рабочими Выборгского района, Крупская создала вокруг внешкольного отдела широкий рабочий актив. В ее кабинете всегда было шумно и людно. Часто она сидела, склонившись над бумагами, а рядом обсуждались текущие дела, и товарищи то и дело

обращались к ней с вопросами. Она отрывалась от письма, инструкции, документа, внимательно выслушивала и давала ответ. Иногда сама включалась в дискуссию. Ей, так же как и Владимиру Ильичу, была в высшей степени присуща способность учиться у масс, впитывать от окружающих знания. Сообща была выработана «Грамота гражданина» — своеобразный курс, им должен был овладеть каждый рабочий, чтоб принять участие в работе всех органов, которыми обрастали Советы, и в деятельности самих Советов.

Только поздно вечером возвращалась Надежда Константиновна в Смольный, и здесь продолжался труд. В коридорах и кабинетах в любое время суток находилась масса народа. Ее останавливали друзья, с которыми иногда она не виделась уже много лет. Они рассказывали о положении на местах, о борьбе за укрепление пролетарской диктатуры.

Приближался новый, 1918 год. В Выборгском районе готовились к торжественной его встрече, связав ее с проводами товарищей на фронт. Надежда Константиновна предложила Владимиру Ильичу провести новогодний вечер среди рабочих.

До бывшего Михайловского юнкерского училища добирались чуть ли не час. Машина то и дело застревала среди сугробов снега, не убиравшихся уже два месяца.

Ленин сказал небольшую речь, он изложил в ней мысли, занимавшие его постоянно, — о том, как через Советы рабочие должны изменить всю свою жизнь. Он объяснял, как надо вести на фронте пропаганду среди солдат. Большое удовольствие получили Ульяновы от концерта. Молодежь пела, плясала. Ставились короткие сатирические сценки. В разгар всеобщего веселья, далеко за полночь, Ульяновы незаметно ушли. В машине Владимир Ильич говорил, что он будто живой воды напился.

Родные и друзья, товарищи по партии понимали, что и Владимир Ильич и Надежда Константиновна работают на износ, им необходима была хоть маленькая передышка. На семейном совете решили, что Надежда Константиновна, Владимир Ильич и Мария Ильинична поедут на несколько дней в Финляндию в дом отдыха.

Там Ульяновы много гуляли. Вечерами Мария Ильинична играла Шопена, Чайковского. Даже в те минуты, когда Владимир Ильич слушал музыку, на лице его лежала тень забот.

Надежда Константиновна видела, что отдых не полу-

чается. Все мысли Владимира Ильича там, в Питере, в больших и неотложных делах.

«Жить на отдыхе» долго нельзя было, прошло четыре дня, надо было ехать в Питер, — писала позднее Надежда Константиновна. — Осталась почему-то в памяти зимняя дорога, поездка через финские сосновые леса, чудесное утро и озабоченность задумчивого лица Ильича. Он думал о предстоящей борьбе». В ближайшие дни решался вопрос об Учредительном собрании. Надо было попытаться или развенчать иллюзии масс вокруг него, или заставить собрание служить диктатуре пролетариата. Известно, что Учредительное собрание оказалось насквозь реакционным и было распущено. Массы отнеслись к этому равнодушно, так как собрание не пользовалось никаким авторитетом.

Вплотную перед партией и правительством встает вопрос о мире. Немцы наступают. Но республика старается проводить в жизнь свои планы и в хозяйственном и в культурном развитии.

Огромна роль Надежды Константиновны в создании новой школы, в политическом просвещении масс. Одна за другой в газетах и журналах появляются ее статьи по важнейшим и острейшим проблемам народного образования. Она пишет о реформе средней школы, о таком кардинальном шаге Советского правительства, как отделение церкви от государства и школы от церкви, делает обзор высказываний Маркса о народном просвещении, о рабочем контроле за образованием, призывает учителя осознать свое место в строительстве нового государства.

В целом ряде статей Крупская показывает, что налаживание дела народного образования — это забота не только одного Наркомпроса, в это должны включаться и другие народные комиссариаты, Советы, все общественные организации.

Она неутомимо разоблачает ревизионистов, тех, кто хочет подменить марксистские положения о школе буржуазными, отвлеченными рассуждениями о демократизации. Она клеймит всех буржуазных «реформаторов», которые хотят лишь подлатать старую систему воспитания молодежи, боясь влияния на нее нового марксистского учения. В своей статье «К. Каутский о соединении обучения с производительным трудом» Крупская пишет: «С чувством негодования и горечи смотрим мы, так

много научившиеся у Каутского, как топчет он в грязь свое доброе имя. Прикрываясь тогой верного ученика Карла Маркса, так много сделавший для популяризации его идей, он старается теперь своими немощными старческими руками задержать движение колеса истории и уверяет пролетариат, что не время еще экспроприировать экспроприирующих, что лучшее, что может сделать сейчас пролетариат, — это вновь вдеть голову в ярмо капитала. Как зло насмеялась над стариком судьба, вынув из него душу революционера и оставив жить в момент, когда идет исполинская ломка старого строя! Пожалеем беднягу!»

Ежедневно перед Крупской проходят десятки людей. Она умеет поддержать уставших, убедить колеблющихся, увлечь за собой молодых и старых. Но она ни на йоту никогда не поступается большевистской принципиальностью, умеет быть и резкой и беспощадной с теми, кто мешает работать, кто вреден и враждебен новому строю.

Обстановка в стране становилась все более тяжелой. Советскому государству грозила опасность. Немцы требовали аннексионистского мира. Владимир Ильич считал необходимым принять их условия, был нужен мир во что бы то ни стало. Каждый день промедления с заключением мира грозил военной катастрофой. Троцкий, возглавлявший советскую делегацию в Брест-Литовске, срывал переговоры. В ЦК Ленина поддерживало меньшинство. «Левые коммунисты» договорились даже до того, что лучше гибель Советской власти, чем позорный мир. 11(24) января при голосовании вопроса о мире в ЦК 9 человек голосовало за предложение Троцкого: мира не заключаем, армию демобилизуем; против — 7 человек. Два месяца длилась тяжелейшая внутрипартийная борьба, и, только когда немцы стали брать город за городом и 23 февраля прислали ультиматум, дав 18 часов для ответа, соотношение сил изменилось. Точка зрения Ленина победила. На VII съезде партии за Владимиром Ильичем шло подавляющее большинство делегатов.

В начале марта было принято решение о переезде правительства из Петрограда в Москву. Последние дни в Питере были для Надежды Константиновны трудными. Не только потому, что надо было подготовить отдел к переезду, не только потому, что приходилось работать с огромным напряжением. Трудно было расставаться с городом. Она любила Петроград, с ним были связаны детство, юность, создание партии, встреча с Владимиром Ильичем.

МОСКВА

Переезд Советского правительства из Петрограда в Москву совершился в ночь с 10 на 11 марта 1918 года. Ульяновы поселились в двухкомнатном номере гостиницы «Националь». 12 марта Владимир Ильич и Надежда Константиновна в сопровождении Я. М. Свердлова и В. Д. Бонч-Бруевича поехали в Кремль смотреть помещения Совнаркома и свою будущую квартиру. В здании Судебных установлений, где должен был разместиться Совнарком, пусто — чиновники покинули его, в большинстве случаев даже не сдав дела. Поднялись на третий этаж, и Владимир Ильич, заметив, что высота потолков больше шести метров, то есть третий этаж соответствует шестому в обычных постройках, с беспокойством спросил Бонч-Бруевича, регулярно ли работает лифт: у многих товарищей больное сердце, им будет трудно ходить пешком.

Кабинет Председателя Совнаркома уже был оборудован, в соседних комнатах устраивались работники секретариата, канцелярии и управления делами, а в квартире, которая готовилась для Ульяновых, шел ремонт. Владимир Ильич был доволен, что квартира примыкает к Совнаркому, но Надежда Константиновна грустно покачала головой: «Удобно, ни сна, ни отдыха, никаких перерывов, сплошная работа!»

Особняк на Остоженке, который выделили внешкольному отделу, принадлежал раньше какой-то богатой купчихе. Дом был построен с размахом. Канцелярия разместилась в огромном двухсветном зале с лепным потолком. Кабинет Крупской был раньше кабинетом хозяйки дома, книжные шкафы помещались на уровне второго этажа, и вокруг шел резной балкон с изящной витой лестницей. Библиотечный отдел разместился в бывшей спальне купчихи, и сотрудники никак не могли привыкнуть к панелям из лимонного дерева и сиреневой шелковой обивке мебели.

Все пришлось начинать заново. Нужно было обжи-

вать особняк. Надо было привлекать для работы в различных отделах и комиссиях новых людей, создавать вокруг внешкольного отдела широкий общественный актив.

Надежда Константиновна настолько не привыкла к отдельному кабинету, к секретарям, к нормальным условиям, что претензии отдельных молодых работников ее первое время обескураживали. Как-то в ее рабочий кабинет ворвался молодой товарищ. «Я не могу так работать, это безобразие!» — закричал он от дверей. Крупская оторвалась от разговора с Зинаидой Павловной Кржижановской, прищурила близорукие глаза: «Что случилось?» — «Какая же это работа, когда у меня нет даже письменного стола!» Короткая пауза. «Возьмите мой, пожалуйста, а я как-нибудь устроюсь», — вдруг сказала Надежда Константиновна. Товарищ умолк и стал медленно наливаться краской. Зинаида Павловна на басовых нотах с расстановкой сказала: «Надежда! Как ты можешь, — ведь ты за-ве-ду-ю-щая!» Молодой сотрудник вылетел из кабинета, а Надежда Константиновна смущенно объяснила Кржижановской: «Ты знаешь, Зина, это я непроизвольно. Ведь нужен ему стол?»

По инициативе Надежды Константиновны образуются различные курсы для местных работников. В апреле 1918 года в «Известиях» было помещено следующее объявление:

«Подотдел народных университетов внешкольного отдела Комиссариата по народному просвещению настоящим приглашает лиц, желающих работать в области народных университетов, высших крестьянских школ, в качестве консультантов, экспертов, авторов книг, членов комиссий по разработке программ и руководств различных курсов, народных чтений, лекций, практических работ и т. п. — пожаловать для личных переговоров или сообщить письменно в подотдел народных университетов: Москва, Остоженка, 53 (угол Крымской площади), тел. 2-99-38. Прием ежедневно от 12 до 2 час.».

В первый период после переезда в Москву центр тяжести работы Надежды Константиновны — школы для взрослых; в стране, свершившей революцию, огромное число рабочих и крестьян не умеют ни читать, ни писать. Но уже в эти дни она думает о рабочих клубах, о библиотеках, о политехническом обучении. Ее работоспособность поразительна. До позднего вечера она в Наркомпросе — текущие неотложные дела, дома творческая работа.

У них с Владимиром Ильичем за долгие годы эмиграции выработался свой распорядок дня. Ленин работал до глубокой ночи. Ему была нужна тишина. Часов в 11 Надежда Константиновна ложилась спать. Зато вставала она в 5—6 часов утра и до работы, в светлые утренние часы, успевала написать иногда несколько статей, ответить на ряд писем. Завтракать садились все вместе: Надежда Константиновна, Владимир Ильич и Мария Ильинична.

Быт в Кремле налаживался. Квартира была удобной и уютной: четыре небольшие комнаты. Спальня Владимира Ильича и Надежды Константиновны, рабочая комната Крупской, комната Марии Ильиничны и столовая. Часто ночами их будили телефонные звонки, приходили срочные телеграммы. Положение молодой Страны Советов все осложнялось. Шла гражданская война, надвигался голод. В Москве началась спекуляция хлебом. Владимир Ильич вел беспощадную борьбу со спекулянтами.

Редко Ульяновы бывали теперь вместе. Как-то решили поехать на Воробьевы горы. В Москве Ленина мало знали в лицо, и можно было спокойно ходить и ездить по городу, беседовать с людьми. Во время этой прогулки они разговорились с каким-то крестьянином. Надежда Константиновна подошла к нему, спросила, как дела, как с хлебом. «Что же, жить неплохо теперь, хлеба у нас много, ну и торговать хорошо», — степенно заговорил мужик. И вдруг из его слов обнаружилась такая зверная кулацкая сущность, что у Крупской дух захватило. «В Москве голодно, боятся — совсем хлеба скоро не будет. Хорошо сейчас за хлеб платят, большие деньги дают. Надо только торговать уметь. У меня вот семьи такие есть, хлеб им ношу, без хлопот деньги получаю...»

К ним подошел Владимир Ильич и стоял, молча прислушиваясь к разговору. Кулак назвал несколько адресов. «Где это?» — спросила Надежда Константиновна. Тот удивился: «Городская, а не знаешь?» — «Я не московская, из Питера». — «Вона! Это откуда Ленин приехал? Мешает он нам, крестьянам. И не поймешь его никак. Для своей жены собирает по деревням швейные машинки, у моей дочери отобрали. Говорят, весь Кремль машинками завален». Сколько было тупой ненависти в его словах, конечно, он не мог представить себе Ленина, не отбирающего чего-то в свою пользу.

И Надежде Константиновне в Наркомпросе тоже приходится не только бороться за новую школу, не только

организовывать работу со взрослыми, но и прежде всего внедрять новое отношение к учащимся в сознание учителей. Медленно, очень медленно поворачивался учитель лицом к новой, марксистской педагогике. Условия на местах были трудные. Многим казалось, что Советская власть ненадолго, и они выжидали.

Лето 1918 года было невероятно тяжелым. Кулачье поднимало восстания, прятало хлеб. Начали наступление немцы, во Владивостоке высадились японцы и американцы, подняли мятеж чехословаки. Зрели многочисленные белогвардейские заговоры. Левые эсеры 6 июля подняли мятеж в Москве. Правые эсеры, разбившись на боевые группы, ступили на путь террора.

30 августа Владимир Ильич получил телеграмму, что в 10 часов утра убит председатель Петроградской ЧК Урицкий. Туда выехал Дзержинский. В этот день Владимир Ильич должен был дважды выступать по путевкам Московского комитета партии — в Басманном и Москворецком районах. У Надежды Константиновны после обеда продолжалось заседание съезда по народному образованию во 2-м МГУ (сейчас педагогический институт имени Ленина).

Заседание окончилось, Крупскую окружили учителя, и так все вместе пошли к выходу. У подъезда стоял автомобиль, и Надежда Константиновна предложила знакомой учительнице: «Садитесь, мы вас подвезем». За рулем сидел незнакомый шофер. «Товарищ, мы сначала поедем в Замоскворечье, а потом в Кремль». Тот кивнул и дал газ, машина рванула вперед.

Надежда Константиновна удивилась, увидев, что они мчатся к Кремлю, однако не успела ничего сказать. У ворот машина остановилась, шофер открыл дверцу и каким-то странным голосом сказал учительнице: «Здесь вам придется выйти». Надежда Константиновна изумилась, но что-то в лице шофера помешало ей настаивать на поездке в Замоскворечье. У подъезда здания правительства их встретил шофер Владимира Ильича Степан Казимирович Гиль. «Надежда Константиновна, на заводе Михельсона...», но она уже все поняла: «Жив Ильич, скажите только — жив?»

Крупская шла по коридору, путь казался бесконечным.

Дверь квартиры распахнута, в прихожей снуют люди, на вешалке чьи-то пальто. Первым она увидела Свердло-

ва, ее поразило выражение его лица. «Почему у него такое лицо? Неужели конец?» — мелькнула мысль. «Пройти надо было маленькую комнатушку, но этот путь мне показался целой вечностью. Я вошла в нашу спальню. Ильичева кровать была выдвинута на середину комнаты, и он лежал на ней бледный, без кровинки в лице. Он увидел меня и тихим голосом сказал минуту спустя: «Ты приехала, устала. Поди ляг». Слова были несуразны, глаза говорили совсем другое: «Конец». Я вышла из комнаты, чтобы его не волновать, и стала у двери так, чтобы мне его было видно, а ему меня не было видно».

Один за другим собрались врачи — первую помощь Владимиру Ильичу оказали Виноградов и Вера Михайловна Величкина (Бонч-Бруевич), теперь его осматривали профессора — Розанов, Минц. Положение было тяжелое, пули прошли очень близко от жизненно важных артерий, одна пробила легкое. Врачи опасались, что задет пищевод, и запретили раненому пить, а его из-за большой потери крови мучила жажда. Врачи уехали. Из комнаты Ленина вышла медицинская сестра: «Надежда Константиновна, больной просит вас подойти». Она вошла в комнату. Владимир Ильич чуть-чуть улыбнулся, помолчал. Тихо попросил: «Вот что, принеси-ка мне стакан чаю». Так хотелось выполнить его просьбу, но вдруг действительно прострелен пищевод и глоток воды может принести непоправимую беду?! Ласково наклонилась к постели, положила руку на лоб: «Ты знаешь, ведь врачи запретили тебе пить». Поняв, что хитрость не удалась, Владимир Ильич закрыл глаза: «Ну иди».

И опять час за часом сидит Надежда Константиновна в коридоре, у двери в спальню.

Утром Владимиру Ильичу стало немного лучше. Врачи, собравшись на консилиум, решили, что пищевод не затронут, кровоизлияние в плевру рассосется, надо сделать повязку, чтобы не двигалась левая рука. Владимир Николаевич Розанов ободряюще сказал Надежде Константиновне: «Не беспокойтесь, у Владимира Ильича здоровое сердце, он выживет».

Еще целую неделю Владимир Ильич мужественно боролся с последствиями ранения. Теперь Надежда Константиновна каждую свободную минуту проводила у его постели. Он повеселел, да и врачи теперь уже были уверены в выздоровлении. Как только ему стало немного лучше, он начал рваться на работу, просил разрешить ему пойти в Совнарком.

Вечерами, сидя у его постели, Надежда Константиновна пересказывала ему важнейшие новости, рассказывала о своей работе в Наркомпросе. Врачи настаивали на загородном отдыхе, и сотрудники управления делами Совнаркома подыскали такое место отдыха — имение бывшего градоначальника Москвы Рейнбота в 30 километрах от города. Прекрасным осенним днем Ульяновы поехали впервые в Горки. Дорога вилась по подмосковным полям и перелескам. День был теплый, и ехали в открытой машине. Еще один поворот, и над рекой Пахрой на пригорке встал типичный помещичий дом с колоннами, со всех сторон окруженный парком. Вековые деревья сияли желто-красной листвой.

У крыльца их встретила охрана с огромным букетом цветов. Ульяновы были смущены, долго потом не могли привыкнуть к постоянному присутствию людей, охраняющих жизнь Владимира Ильича, к большому дому. «Обстановка была непривычная, — читаем в воспоминаниях Надежды Константиновны. — Мы привыкли жить в скромных квартирках, в дешевеньких комнатах и дешевых заграничных пансионах и не знали, куда сунуться в покоях Рейнбота. Выбрали самую маленькую комнату, в которой Ильич потом, спустя 6 лет, и умер; в ней и поселились. Но маленькая комната имела три больших зеркальных окна и три трюмо. Лишь постепенно привыкли мы к этому дому. Охрана тоже не сразу освоила его. Был такой случай. Шел уже конец сентября, становилось очень холодно. Рядом с комнатой, где мы поселились, в большой комнате красовались два камина. К каминам мы привыкли в Лондоне, там это в большинстве квартир — единственное отопление. «Затопите-ка камин», — попросил Ильич. Принесли дров, поискали трубы, их не было. Ну, подумала охрана, у каминов, должно быть, не полагаются трубы. Затопили. Но камины-то, оказалось, были для украшения, а не для топки. Загорелся чердак, стали заливать водой, провалился потолок. Потом Горки стали постоянным летним пристанищем Ильича и постепенно были «освоены», приспособлены к деловому отдыху. Полюбил Ильич балконы, большие окна».

А в эти сентябрьские дни они гуляли по парку, беседовали с крестьянами деревни Горки, завели друзей среди окрестных ребятишек.

Владимир Ильич окреп. Ему в этом помогали добрые вести с фронтов — части Красной Армии освободили Казань, Вольск, Хвалынск, Симбирск, Самару, Грозный,

Уральск. 9 ноября 1918 года началась революция в Германии.

Работа на фронте просвещения ширилась. Надежда Константиновна руководит съездами и совещаниями учителей, дошкольных работников, политпросветчиков. Она ежедневно по утрам пишет статьи для газет и журналов. Неутомимо разъясняет политику партии, мобилизует и организует все силы для работы в массах. Но тяжелое нервное потрясение, связанное с ранением Владимира Ильича, и работа без отдыха подорвали силы Надежды Константиновны. Начался приступ базедовой болезни.

Большой друг Ленина и Крупской Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич рассказывал: «Надя плоха, все хуже и хуже...» — грустно и тихо сказал Владимир Ильич в ответ на мой вопрос, почему он так мрачно смотрит. И он, точно застыдившись этой человеческой слабости, тотчас же углубился в просмотр мной ему принесенных, уже расшифрованных и простых телеграмм, полученных с разных концов России, с фронтов и от революционных комитетов.

— Надежде Константиновне необходим длительный отдых и обязательно вне Москвы, — сказал я Владимиру Ильичу.

— «Длительный отдых»! Пойдите уговорите ее. Она и слышать не хочет...

— Уговорить ее можете только вы один... И это надо сделать...

Владимир Ильич серьезно, искоса посмотрел на меня. Я понял, что эта моя настойчивость пришлась ему по душе и, так как я знал всю серьезность положения болезни Надежды Константиновны, то с радостью стал советовать Владимиру Ильичу перевезти Надежду Константиновну в одну из лесных школ в Сокольники».

Владимир Ильич выбрал время и сам поехал в Сокольники, посмотрел школу, комнаты, поговорил с директором. Ему понравилось все.

У Надежды Константиновны завелось много друзей среди ребят. В этой детской, непосредственной компании Надежда Константиновна поздоровела, нервы начали приходить в норму. И Владимир Ильич, и Маняша часто навещали ее и тоже скоро завели друзей среди детишек.

Приближался Новый год. В один из приездов Владимир Ильич предложил ей организовать для ребятишек

елку. Гостинцы они с Маняшей привезут, а игрушки пусть детишки сами сделают. Так и договорились. Теперь вечерами в комнате Надежды Константиновны работала «мастерская» — клеили цепи из разноцветной бумаги, делали игрушки.

Наступил долгожданный день. Елка стояла посреди небольшого зальца. Ждали дорогих гостей. Время шло, а они все не появлялись. Надежда Константиновна стала волноваться. Наконец кто-то крикнул: «Машина, машина!» В прихожую вошли Владимир Ильич, Мария Ильинична, шофер Гиль и товарищ из охраны, в руках последнего был большой бидон — главный подарок — молоко. Дети весело прыгали вокруг, Владимир Ильич улыбался, но Надежда Константиновна сразу поняла — что-то случилось. Отозвав его в сторону, она спросила: «Почему задержались?» Владимир Ильич замялся, но лгать ей он не умел. Пришлось рассказать, что напали бандиты, отняли машину.

Дети запомнили на всю жизнь этот веселый праздник — игры, песни, подарки и веселое, оживленное лицо Владимира Ильича. А когда ребятишки угомонились, легли спать, Владимир Ильич и Мария Ильинична подробно рассказали о происшествии.

Начало 1919 года Надежда Константиновна посвятила подготовке I Всероссийского съезда по внешкольному образованию. В условиях гражданской войны, голода, разрухи надо было собрать в Москве тех, кто трудился на ниве народного просвещения. В своей статье «Всероссийский съезд по внешкольному образованию» Крупская писала, что сейчас нет ни одного советского или партийного органа, который так или иначе не вел бы внешкольной работы, так как эта работа важна и неоглядна. Здесь и школы ликвидации неграмотности, и театры, и избы-читальни, и библиотеки, и популярные издания, лекции. При нехватке людей создается межведомственный параллелизм, который еще более распыляет силы. Крупская пишет, что съезд должен скоординировать работу, наметить перспективы деятельности всех учреждений, занимающихся внешкольной работой, дать конкретный план на будущее, подвести итоги проделанного пути.

Съезд открылся 6 мая 1919 года в Колонном зале Дома союзов. На него приехало более 700 делегатов. Приглашали, правда, гораздо больше, но многие делегаты по моби-

лизации ушли на фронт. Среди делегатов было много беспартийных.

Придавая этому съезду огромное значение, Владимир Ильич выступил на его открытии с приветственной речью «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства». Он показал, что подлинная демократия — демократия большинства, демократия пролетариата может быть осуществлена лишь Советской властью.

Надежда Константиновна выступила на съезде с докладом «Текущий момент и внешкольное образование». Она говорила о значении внешкольной работы, о тесном слиянии политического и профессионально-технического образования, о том, что к знаниям тянутся самые широкие, глубинные слои населения. Но «в деле внешкольного образования мы сделали еще слишком мало. Мы еще работаем в одиночку. Не вовлекли еще в нужной мере в работу массу... Нам необходимо наладить работу как можно скорее, потому что все существование Советской республики зависит от того, сумеем ли мы вовремя сорганизоваться».

Две недели длился съезд. Делегаты рассматривали его как семинар, как школу, которая должна помочь им в их практической деятельности. Надежда Константиновна внимательно слушала выступления, делала записи, многих делегатов приглашала в Наркомпрос для личной беседы. Съезд принял важнейшие резолюции — о школах для взрослых, о пролетарском университете, о работе среди рабочей и крестьянской молодежи, об организации лекционного дела, о народных домах, клубах, библиотеках. «Одним словом, — писала Крупская, — съезд пришел к заключению, что весь громадный внешкольный аппарат должен служить целям углубленной коммунистической пропаганды, имеющей целью открыть массам глаза на все явления, происходящие в природе, и на структуру современного общества и его развитие».

Съезд выработал специальное общее положение «Об организации дела народного образования в Российской республике». Во всех документах, резолюциях, принятых съездом, немалая доля труда Надежды Константиновны Крупской.

Крупнейшим событием в мировой истории явилось создание III Коммунистического Интернационала. 2 марта 1919 года в Митрофаньевском зале здания правительства

открылась международная коммунистическая конференция, которая вошла в историю как I конгресс III Коммунистического Интернационала — его создание было оформлено 4 марта.

Приехали представители 30 стран — было всего 52 делегата с решающим и совещательным голосами. Надежда Константиновна получила гостевой билет. Среди гостей конгресса было много товарищей, приехавших с мест. Как-то в перерыве Ульяновы встретили Серафиму Ильиничну Гопнер, она тогда работала на Украине. Она увидела, как похудела, изменилась Надежда Константиновна, и стала звать ее с собой, на Украину. «Там у нас и сытно и тепло уже сейчас. Сделаем все, чтобы она хорошо отдохнула». Реакция Ленина была мгновенной, но несколько неожиданной для Гопнер. «Нет, нет, невозможно, — не задумываясь, горячо возразил Владимир Ильич. — На Украине хоть и сытно, но неспокойно. Да и мне без Нади будет трудновато. — И опять повторил: — Нет, нет, уж лучше не надо...»

— Было ясно, — добавляет Серафима Ильинична, — что Владимир Ильич огорчился даже мыслью о разлуке с женой».

И все-таки через несколько недель Надежда Константиновна стала поговаривать о большой поездке в провинцию.

В конце апреля 1919 года начался перелом на Восточном фронте. Красная Армия отнимала у белых город за городом. Каждая победа приносила огромную радость и требовала также большой работы. Надо было проводить политическую работу с населением освобожденных районов.

Когда пришла телеграмма об освобождении Уфы, Надежде Константиновне захотелось самой поехать в эти отвоеванные у контрреволюции районы. Поэтому, как только было принято решение оборудовать специальный агитационный пароход «Красная звезда», который должен был поплыть по Волге и Каме, Надежда Константиновна сразу решила — еду! Владимир Ильич возражал, так как она плохо себя чувствовала. Но в конце концов он уступил, только взял с нее слово, что она постарается не утомляться и будет аккуратно писать ему и посылать телеграммы.

Как-то вечером он принес из кабинета карту Поволжья, и они внимательно проверили весь маршрут, обсудили, где будет пароход останавливаться, сколько сто-

ять, с кем надо поговорить, куда зайти, в какие организации.

«Красная звезда» была прекрасно оснащена — кино, типография, радио, большой запас литературы. В агитколлектив входили представители различных наркоматов, люди испытанные, прошедшие хорошую школу воспитания масс. От Наркомпроса ехали Крупская и библиотечный работник Цикуленко.

27 июня члены агитколлектива на поезде отправились в Нижний Новгород. Владимир Ильич проводил Надежду Константиновну на Курский вокзал.

Утром приехали в Нижний Новгород. Пароход уже ждал их в Доскинском затоне, рядом стояла яркая, нарядная баржа. Ее выкрасили в алый цвет, к бортам прикрепили агитплакат. На барже разместились кинематограф, книжный склад и магазин.

Целый день москвичи возились с устройством, знакомились друг с другом. Вечером Надежда Константиновна долго сидела на палубе, смотрела, как медленно опускалось в волжскую воду огромное малиновое солнце. Было тихо. Изредка раздавались гудки буксиров. Ночь была теплой, не душной. Пароход чуть заметно покачивался на воде. Где-то звучала протяжная русская песня. Таким покоем, привольем веяло от окружающей природы... Как часто на чужбине они с Владимиром Ильичем мечтали поехать на Волгу!

В Нижнем пароход стоял семь дней, семь дней, заполненных митингами, совещаниями, беседами с самыми различными людьми. 29-го утром поехали в Нижегородский кремль, где во Дворце свободы происходило собрание ответственных работников. Здесь собралось около ста пятидесяти ответственных работников, среди которых было много рабочих, выдвинутых на партийную и профсоюзную работу революцией. Собрание продолжалось около часу. Затем поехали в Сормово. В Народном доме было набито битком, в зале помещалось человек 700, пришло же около тысячи.

Слушали выступления москвичей с напряженным вниманием. Надежда Константиновна говорила о задачах школ политграмоты, о внешкольной работе, о привлечении к этой работе широкого актива, о рабочем контроле за школой. После окончания митинга зал встал и все запели «Интернационал».

Когда москвичи вернулись на «Красную звезду», несмотря на поздний час, в затоне оказалось много наро-

да — на барже показывали кинофильм. Даже здесь, в крупном промышленном городе, кинематограф был редкостью и привлек массу зрителей. Среди взрослых сновали вездесущие ребятишки. Только ночью все затихло. Надежда Константиновна долго не ложилась. Она делала записи в дневнике, который решила вести во время поездки, намечала план на следующий день. В каюту постучали: «Надежда Константиновна, давно все спят, и вам пора отдохнуть».

На другой день Надежда Константиновна занималась только наркомпросовскими делами — была в губернском Нижегородском отделе народного образования, вечером на заседании городского Совета, посвященном этому вопросу. Внимательно слушала Крупская доклад о внешкольной работе, чувствовалось, что пути здесь определены правильно — главное внимание рабочим районам, — но не хватает людей, денег, литературы...

Первого июля Надежде Константиновне, как и другим москвичам, пришлось выступать дважды — на митинге рабочих водного транспорта, а затем на общегородском митинге. Она была восхищена речами матросов, рабочих. «Как хорошо у нас в России научились говорить», — пишет Крупская в своем дневнике. На общегородском митинге собралось полторы тысячи человек. У входа москвичей встретила и приветствовала делегация молодежи со знаменем. Сидя в президиуме, Надежда Константиновна получила записку: женский совет просил ее остаться на прощальный вечер — на фронт уезжали 45 санитарок — бывших работниц, прошедших специальные курсы. Разве могла Надежда Константиновна отказаться?

Только два месяца, рассказывала Крупской женорганизатор А. И. Гулевич, ведется работа, а в дело втянуты уже сотни женщин. Агитаторы ходят по фабрикам, мастерским, проводят собрания, ведут индивидуальные беседы.

Окружив Надежду Константиновну, женщины попросили: «Расскажите нам о Ленине». И она говорила им о его жизни и борьбе. Для молодых женщин-работниц многое было открытием. Надежда Константиновна ощущала, как впитывают они каждое ее слово. В затон к пароходу ее провожала целая толпа.

Женщины, забитые и отсталые женщины, которые раньше редко задумывались о чем-либо, выходящем за порог их лачуги, теперь горячо и страстно говорили о яслях, о профсоюзах, о помощи фронту, о разгроме контрре-

волюции. И опять до поздней ночи готовилась Надежда Константиновна к следующему дню — предстояло общегородское собрание учителей.

Собралось около четырехсот учителей школ обеих ступеней. Крупская сделала доклад об общей постановке дела народного образования в России, особенно подробно остановилась на вопросе о трудовой школе. Начались выступления учителей, и сразу стало ясно, что основная масса учительства выжидает, стоит в стороне от общей борьбы или идет за правыми эсерами. Только двое учителей высказались за поддержку политики Советского правительства и за трудовую школу. Остальные плакались па тяжелое материальное положение, на обилие всяких новшеств в обучении, которых они не понимали и не принимали. Вот на трибуне один из членов бывшего Всероссийского учительского союза. Он откровенно заявляет, что школа не должна менять своего классового характера. Конечно, надо облегчить попадание в школу второй ступени наиболее способным ученикам из пролетариата, но думать, что сын рабочего или крестьянина проучится в школе первой ступени пять лет, — утопия. Кончил оратор требованием усиленных пайков, повышенных ставок, двойных отпусков.

В своем заключительном слове Надежда Константиновна говорила, что положение учительства будет улучшено, но пусть оно готовится, и серьезно готовится, к тому, что дети рабочих и крестьян будут не только кончать школу первой, но и школу второй ступени, все без исключения.

Долго вечером сидела Надежда Константиновна на палубе. На плечи навалилась усталость. Трудно, трудно будет повернуть всю интеллигенцию лицом к пролетарской массе, изжить пренебрежительное отношение к «сиволапому мужику». Трудно будет старому учительству врастать в новую жизнь, надо растить новые кадры.

На другой день с утра Крупская пошла в Сормовский отдел народного образования. Сормово — пролетарский район, здесь живут десятки тысяч рабочих семей, здесь можно создать огромный рабочий актив, а отдел народного образования размещается в крохотной избушке и работает в полном отрыве от масс. В районе два народных дома, но используются они только для спектаклей. Открыто всего четыре маленькие библиотеки, а 30 тысяч книг лежат без движения, так как негде их поместить.

Крупской с гордостью показали рабочий клуб, который

находился в уютном старинном особняке. Здесь была чайная, небольшая читальня, имелись шашки, шахматы. Заведующий клубом вел Надежду Константиновну из комнаты в комнату и сокрушался, что она пришла днем и не может убедиться, что клуб по вечерам бывает полон.

Она посетила и отделение городского университета, и общеобразовательные курсы, и открытый внешкольным отделом «Пролеткульт», где были художественная, музыкальная и драматическая студии. Но рабочих всюду было мало. И она с укором сказала заведующему отделом народного образования, рабочему-коммунисту: «Вот от вас я этого не ожидала. Уж вы-то должны были привлечь к участию в этой работе широчайшие слои населения. А так для кого же это?» Тот смущенно ответил: «Трудно, не идут». — «Неправда, не считают своим все это, потому и не идут, — заметила Крупская. — Что же вы не умеете поговорить с теми, с кем вместе брали власть? Перестраивайтесь, перестраивайтесь скорее, время не ждет».

Как и предвидел Владимир Ильич, времени для отдыха не было ни минуты. Даже питалась Надежда Константиновна урывками, как придется.

Не успела она вернуться из Сормова, как нужно было ехать в другой рабочий район — Канавино, где ее ждали с докладом для молодежи «Роль коммунистической молодежи в строительстве новой жизни». Послушать Крупскую пришли и молодежь и взрослые. Надежда Константиновна записала в дневнике: «После беседы подходит ко мне женщина, уже не молодая, в черном платке, с симпатичным, добрым лицом. Стала благодарить за доклад. «Очень хорошо все сказали, я уж поплакала на лекции-то». — «Чего же плакали?» — спрашиваю. «Сын у меня девятнадцати лет, ну, коммунист, ушел на фронт, убили... Знаю, за правое дело, а жалко». Она утерла глаза кончиком платка. Потом, когда я уже уезжала и молодежь провожала меня, она опять подошла ко мне: «Младший сын, тринадцать лет ему, прибежал, говорит: «Мама, я все понял». Понимает уже, тоже коммунист».

Надежда Константиновна посетила специальную партийную школу. В саду у здания школы собрались 100 курсантов и все преподаватели. Приветствуя молодежь, Крупская вглядывалась в воодушевленные лица, горящие энтузиазмом глаза. Вот слово взял молоденький красноармеец. «Мы клянемся, — рвался ввысь молодой звонкий голос, — отдать жизнь за Советскую Республику!» Потом все дружно пели «Интернационал» и «Варшавянку».

А вечером у Крупской состоялась еще одна встреча с молодежью — со слушателями специальных курсов по дошкольному воспитанию, работающих в Нижнем. Из восьмидесяти слушателей пятнадцать процентов работниц. Долго она беседовала с ними, все вместе провожали ее на пароход.

В тот же вечер «Красная звезда» тронулась в путь. Надежда Константиновна стояла у перил. Узкая полоска воды между бортом и пристанью постепенно расширялась. Все дальше уходила пристань, и открывалась панорама Нижнего Новгорода, которую венчали стены и башни старинного кремля. Только под утро, когда на небе уже разгоралась заря, на пароходе все затихло.

Первая остановка была в большом селе Работки. Выйдя утром из каюты, Надежда Константиновна увидела, что толпы взрослых и ребят (разве они могли пропустить такое событие!) уже осаждают баржу, получают газеты, брошюры.

Познакомились москвичи с партийной ячейкой села — в ней всего шесть человек, но народ твердый, активный, каждый занимает общественную должность. Волостной отдел народного образования возглавлял совсем молодой парень, бывший актер. Работать ему было трудно — ни из губернии, ни из уезда, ни из района никто не приезжает, не поступает никаких указаний. Крупская предложила ему вместе подумать о первых шагах. «Вот у вас есть Народный дом, а почему вы используете его лишь как сцену? Организуйте лекции, консультации по политическим и хозяйственным вопросам. Может быть, для первого раза громкую читку газет».

В библиотеке Надежда Константиновна просмотрела аккуратно заполненные формуляры. «Как же у вас так получилось? — обратилась она к молоденькой библиотекарше. — Взрослым сказки, а ребятам «Дьявола» Толстого? Ведь ваше дело не просто выдавать что придется, а пропагандировать книгу, формировать читательский вкус».

В школе Крупскую порадовал учитель-естественник — ребята у него даже с микроскопом работают, тогда как микроскопа и в Москве в большинстве школ еще не видели. Учителям приходится трудно. Ребята в школе второй ступени от 14 до 19 лет. «Прямо мне сказали, — рассказывала учительница, — хотим изучать политэкономию и историю культуры». А где я литературу возьму? Вот нашла, что могла. Читаю им. Зиму все хорошо учатся,

а после пасхи лишь малыши остаются, подростки на заработки уходят».

Весть о том, что приехала жена Ленина, мгновенно облетела село. На улице Надежду Константиновну остановили четыре женщины из Владимирской губернии, истощенные, измученные. В деревне голодно, и они едут за хлебом в другую губернию. Местные кулаки их знают, у одной из них муж в продотряде, поэтому им хлеба не продают. Прямо говорят: «Лучше скоту скормим».

Так открывалась перед Надеждой Константиновной жизнь послереволюционной деревни. Один из участников поездки, член партии с 1912 года Виктор Петрович Вознесенский, описывает одну из деревенских встреч. Они с Надеждой Константиновной сошли на берег, крутой и глинистый. Вверх вилась узкая тропка, теряясь за прибрежным холмом. Крупской трудно было идти, она старалась, чтобы молодежь, ее сопровождающая, этого не замечала. «Давайте передохнем», — предложила Надежда Константиновна, когда они наконец добрались до верху.

«Садимся на зеленую травку, — пишет Вознесенский. — Прямо перед нами деревня Пещеры, довольно большая, но неприглядная. До нее сажен 150. Смотрим вниз: сверху хорошо видна широкая гладь реки, а за нею леса, леса... И где-то между ними матовое серебро озер. Пароход и баржа стоят внизу, и очень хорошо, рельефно видны сверху: белый пароход и ярко-красная баржа. Надежда Константиновна задумчиво смотрит изпод руки на реку и заречные дали.

— Вы были когда-нибудь за границей? — спрашивает она меня и покусывает сухой стебелек травы.

— Нет, не был никогда и нигде.

— А я вот смотрю на эти дали, — и Надежда Константиновна кивает головой в заречную сторону, — насколько они лучше всех Швейцарий. Ну, пора идти. Пойдемте!

Мы встаем и идем в деревню. Там уже сражается с маленькой собачонкой Саша Лемберг. Он снял шлепанец и грозит ей, а та тявкает, но отступает. Саша здоровается с женщиной, которая трясет какие-то мешки:

— Посылайте ребят к нам на пароход и сами приходите. Кино будем показывать!

— Так мы вам и отпустим ребят, — говорит женщина. — Прошлый год белые тоже захватили наших ребят на пароход да и увезли. До сих пор и слуху нет.

Во второй избе у окна сидит седобородый дед...

Саша подходит к окну:

— Ты, дед, не знаешь, как просвещаются?

— А что мне ваше просвещение, — отвечает дед, — с вашим просвещением мы второй год сидим без керосина.

Завязывается разговор. Заходим в избу. Говорим о семье, о детях. Четыре сына служат в Красной Армии.

— А ты что, замужняя аль вдова? — спрашивает дед Надежду Константиновну.

— Замужняя, — отвечаю за нее. — Ее муж-то знаешь кто? Ленин!

— О! — быстро поворачивается от окна старик. — Не врешь? Самый большой большак — муж? А что же он сам-то не поехал с тобой?

— Да некогда, — спокойно отвечает Надежда Константиновна.

— Да, делов много у него, — произносит дед. — А что же, он говорит, дальше будет? А?..

— Да говорит, что побьем Колчака, а там войну кончим и будем хозяйство по-новому строить, — задумчиво отвечает Надежда Константиновна.

— Да, — подтверждает дед, — вот и Петруха из Красной Армии пишет то же самое. «Побьем, — говорит, — и будем обживаться».

Надежда Константиновна продолжает тихую беседу со стариком. Ее простота и добросердечие окончательно покоряют деда, он поднимается, надевает какие-то опорки и говорит:

— Пожалуй, пойду на ваш пароход, схожу и в кино. А сейчас похожу народ покличу с деревни. Меня-то послухают.

Мы прощаемся. Мимо окна бежит сам Лемберг.

— Эй ты, товарищ голы пятки! — кричит дед. — Жди в гости!

Дед не надул. И сам пришел, и народ привел. Многие пришли с ребятами. Мужики и по пароходу ходили, и выставку оглядели, и «кину смотрели».

Большое напряжение первых дней в Нижнем и первых встреч в деревнях не замедлило сказаться. Надежда Константиновна слегла. Она виновато улыбалась на выговор судового врача: «Не умею я работать вполсилы». Но пришлось подчиниться его предписаниям, глотать лекарства и отдыхать. Три дня отлеживалась она в каюте, а в Чебоксарах опять поехала в город, целый день присутствовала на заседании исполкома, была в отделе народного образования, посетила курсы для учителей по

сельскому хозяйству и по внешкольному образованию. Она с гордостью записала в дневнике: «В Чебоксарах ведется работа среди женщин. Много уделяется внимания детям и делу народного образования, как это бывает почти всегда, когда во главе исполкома стоят рабочие».

Она сделала доклад учителям и рада была отметить, что большинство из них «стоят на платформе Советской власти». И, несмотря на усталость, она не удержалась и поехала вместе с другими ораторами на большой рабочий митинг в Марьинский Посад.

В Казани Надежду Константиновну ждали письма от Владимира Ильича, Марии Ильиничны, из Наркомпроса. Ото всей переписки Ленина и Крупской только и сохранились эти несколько писем и телеграмм времен ее поездки на «Красной звезде». Бережно хранила Надежда Константиновна два письма Владимира Ильича и только через несколько лет, подчиняясь решению ЦК о том, что все ленинские документы должны храниться в архиве института Ленина, передала туда два пожелтевших листка.

Ленин писал ей в Казань: «Дорогая Надюшка! Очень рад был получить от тебя весть. Я уже дал одну телеграмму в Казань и, не получив на нее ответа, послал другую в Нижний, откуда сегодня ответили, что *«Красная звезда»* 8.VII должна быть в Казани и простоит там не менее суток. Я запросил в этой телеграмме, нельзя ли на *«Красной звезде»* дать каюту для Горького. Он приедет сюда завтра, и я очень хотел бы вытащить его из Питера, где он изнервничался и раскис. Надеюсь, ты и другие товарищи будете рады ехать с Горьким. Он — парень очень милый; капризничает немного, но это ведь мелочь.

Письма о помощи, которые к тебе иногда приходят, я читаю и стараюсь сделать, что́ можно...

Крепко обнимаю, прошу писать и телеграфировать чаще.

Твой *В. Ульянов*

NB: Слушайся доктора: ешь и спи больше, тогда к зиме будешь вполне работоспособна» [1].

Зинаида Павловна спрашивает ее, не собирается ли она вернуться, где обещанная ко Дню советской пропаганды статья, и информирует о текущих делах. В своем ответном письме Надежда Константиновна пишет: «Дорогая Зинуша, спасибо за письмо, которое получила только

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 373—374.

вчера. Я с головой окунулась в работу, много новых впечатлений. Сейчас невозможно вернуться, пароход, вероятно, поедет на Южный фронт, вниз по Волге, и теперь уехать никак нельзя. Уж вы махните на меня рукой, и то подумайте, что торчала я десять лет за границей, а потом два года в центре и хочется мне окунуться до страсти в самую гущу провинциальной жизни. Мы близко ее видим. Одно плохо — житье на пароходе тяжелое. Перебрасываемся с пункта в пункт ночью, а днем стоим и бегаем высуня язык по учреждениям и собраниям. Жарища ужасная. Так как кроме нас едет еще 180 человек, то стон стоит на пароходе чуть не до 2—3 часов. Балуют меня всячески, но я ухитрилась слечь, сегодня только отошла немного. Треплют на пароходе, ляжешь — а тут шлют записку от рабочих водного транспорта: «пусть скажет хоть два слова, а не может сказать, пусть покажет хоть свою личность». Ну, приходится идти говорить. У меня совершенно вылетело, что я должна написать для журнала, и ничего не пишу, только записываю впечатления. Я была на многих учительских собраниях и курсах, ничего себе. Даже с делом единой трудовой школы обстоит не так плохо. Пришлось встретить одного внешкольника в (Козьмодемьянске), который страшно меня пленил. Очень интересно рассказывал о формах вынесения внешкольного образования на улицу в деревне. Между прочим, в Козьмодемьянском уезде внешкольникам вменяется знакомство со всеми декретами, каковые они должны разъяснять на местах. Это недурно вообще бы ввести. Везде по Советам раскиданы питерские рабочие, являющиеся обыкновенно наиболее деятельными проводниками в жизнь принципов Советской власти. Но в общем на местах безлюдье, с мест снимать работников не следует, а то совсем завянет там работа.

Чувствуется большая оторванность от Москвы, иногда даже скучно с непривычки. Это пустяки, конечно.

Ну, бывайте здоровы все.

Да, я ведь не знаю, когда назначен День советской пропаганды.

Целую крепко.

Н. К.».

В день прибытия «Красной звезды» местные газеты сообщили, что вечером Крупская выступает в университете на митинге интеллигенции.

Актовый зал одного из старейших российских универ-

ситетов был переполнен, люди сидели на подоконниках, стояли у стен и в проходах. Собралось семьсот человек — учителя, студенты, рабочие, партийные работники, мелькали платочки крестьянок, окладистые мужицкие бороды. Митинг затянулся надолго. Выступали горячо, страстно. Наконец, когда стали расходиться, человек сто тесным кольцом окружили Надежду Константиновну и забросали ее вопросами, просьбами передать привет Владимиру Ильичу. Уже сидя в машине, Крупская продолжала отвечать на вопросы, пожимала тянувшиеся со всех концов руки.

Второй день был полон неприятных открытий. Обнаружилось, что в огромном университетском городе действуют лишь бывшие частные библиотеки, а 300 тысяч томов реквизированных городских и губернских библиотечных книг свалены в Рабочем дворце — нет помещения, чтобы организовать библиотеку-читальню. Другая неприятность встретила Надежду Константиновну на четырехмесячных курсах по внешкольному образованию. Программа оказалась бессвязной, а лекции читали случайные люди.

Крупская нашла время объехать ряд школ, детских общежитий и выяснила, что их помещения заняты военным комиссариатом, а казармы стоят пустые. Порадовало лишь то, что школьное дело было поставлено неплохо и учителя были опытные и в основном правильно понимавшие задачи момента.

Вечером на пароходе при подведении итогов дня и составлении плана на следующий день пришлось поспорить с руководителем агитколлектива В. М. Молотовым. Когда Надежда Константиновна сказала, что утром собирается в уезд, он ответил: «Я вас не пущу. Прошу вас, Надежда Константиновна, ведь есть предел человеческим силам. Пусть поедет кто-нибудь другой». — «Вы не можете не пустить меня, это архиважно. И не будем спорить, я все равно поеду». Он убеждал, просил, Крупская осталась непреклонной.

Вячеслав Михайлович апеллировал к Владимиру Ильичу, жалуясь на ее работу без отдыха и перерывов, и перед самым отходом парохода из Казани Надежда Константиновна получила еще одно взволнованное и обеспокоенное письмо.

«15/VII

Дорогая Надюшка! Пользуюсь поездкой Крестинского в Пермь, чтобы написать тебе. Авось догонит.

Вчера получил телеграмму Молотова из Казани и от-

ветил ему так, что ты должна была получить до отхода из Казани, назначенного, как мне сказали, в 3 часа ночи.

От Молотова узнал, что приступ болезни сердца у тебя все же был. Значит, ты работаешь *не в меру*. Надо строже соблюдать правила и слушаться врача хорошенько.

Иначе не будешь работоспособна к зиме! Не забывай этого!

О делах в Народном комиссариате просвещения телеграфировал тебе уже.

На фронтах восточных — блестяще. Сегодня узнал о взятии Екатеринбурга. На юге — перелом, но еще нет серьезной перемены к лучшему. Надеемся, будет.

Горького не уговорил поехать, хотя уговаривал усердно.

Вчера и 3-го дня были в Горках с Митей (он здесь дня 4) и Аней. Липы цветут. Отдохнули хорошо.

Крепко обнимаю и целую. Прошу больше отдыхать, меньше работать.

Твой *В. Ульянов»* [1].

Надежда Константиновна не изменила своего решения поехать в уезд, так она и сказала Молотову: «Жалобы вам не помогут. Вы должны понять — когда-то еще я доберусь до такой глубинки! Хочу все видеть сама!»

На следующее утро Надежда Константиновна отправилась в уезд, погода была ясная. Ехали в открытой машине вдоль берега Волги.

Сначала заехали на учительские курсы по школьному и внешкольному образованию, размещавшиеся в бывшем имении. В большом светлом доме жили и учились 250 учителей и учительниц. Дом содержался в образцовом порядке, вечерами слушатели курсов работали в огороде и саду. Здесь все было на самообслуживании. Крупской понравились лекции, сами учащиеся.

Затем посетили курсы для татарских учителей, где училось триста человек.

Все уездные учителя летом обязательно проходили через курсы, и это положительно сказывалось на их подготовке. Об этом Крупская сделала специальную запись в своем путевом дневнике.

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 377.

И опять в путь. Струится за кормой вода, медленно уплывают берега. Сидя в тени на палубе, Надежда Константиновна заполняет страницы дневника, пишет письма. От большого села Богородского на правом берегу Волги повернули к северу по Каме. Берега сдвинулись, теперь с парохода можно наблюдать деревенскую жизнь. Страдная пора — сенокос. Деревеньки словно вымерли. Только старики да малые ребята копаются в огородах.

На Каме первая остановка в Лаишеве, затем в Рыбной слободе. Затем Чистополь — уездный нарядный городок с 35 тысячами жителей. Отсюда Надежда Константиновна написала З. П. Кржижановской: «...Вот мы сейчас стоим в Чистополе. Для школы кое-что сделано. Народный дом превращен в театр, и они гордятся этим театром; школы для взрослых — ни одной; библиотеки ниже всякой критики, а город полон безграмотными; рабочие где-то на отлете и ничего для них не делается. Все впечатления наводят на вывод: мы непростительно оторваны от провинциальной работы, нам надо посвятить главное время не переорганизациям, не разработке всяких деталей, а инструктированию провинции...

Из поездки я много выношу для себя: смотрю, как работают другие комиссариаты и как инструктируют. И многое видишь другими глазами. Все же не надейтесь на мой скорый приезд. Подумай, Зинуша, я после стольких лет эмиграции добралась, наконец, до провинции. Ведь эмиграция накладывает определенный тяжелый отпечаток на душу, и надо стереть его живыми впечатлениями жизни, иначе не перестанешь многому быть чуждым...»

И она неутомимо вглядывается в окружающую жизнь. Учится и учит. Она ничего не написала Зинаиде Павловне о том, каким тяжелым был «митинг интеллигенции» в Чистополе. Собралось около тысячи человек. Она спокойно, хоть и ощущала затаенную враждебность, сделала доклад «Интеллигенция и Советская власть». Аплодисменты были жидкими и неуверенными. После короткой заминки поднялся человек в пенсне, несвежей рубашке, с какой-то зеленой бородкой. Отрекомендовался как деятель высшей школы, представитель научной педагогики. Начав с того, что докладчица, конечно, права в вопросе о трудовой школе, он заговорил о жестокости ЧК, о несправедливых арестах, о том, что он не может свободно высказать свое мнение в печати. Его поддержало несколько учителей явно правоэсеровского толка.

«Пришлось, — читаем в дневнике, — в заключитель-

ном слове говорить о буржуазной свободе печати, о том, почему у нас нет свободы печати, почему приходится подавлять сопротивление буржуазии и белогвардейцев при помощи чрезвычаек и т. п. К. посерел, обыватель замолчал, а кое-кто из учителей стал оправдываться».

Усталая возвращалась Надежда Константиновна на пароход, на сердце легла тяжесть. Сколько еще врагов, шкурников, тех, кто затаился и выжидает, чья возьмет. Неожиданно в дверь каюты постучали: «Надежда Константиновна, сейчас на берегу будет еще один митинг. Вы пойдете?» — «А кто там собрался?» — «Красноармейцы, подошел пароход, и на нем две с половиной тысячи бойцов». Надежда Константиновна вышла на палубу. Берег был усыпан людьми — стояли строгими рядами красноармейцы, а вокруг рабочие с местных предприятий. Один за другим поднимались на высокие мостки ораторы. Красноармейцы клялись не жалеть жизни за Советскую власть. «Казалось, тихий вечер, — пишет Крупская, — вся обстановка, все создает какую-то великую, крепкую духовную связь между ораторами и толпой. Могуче грянул «Интернационал», а потом «Варшавянка». Видно, что сибиряки. Долго не забудется этот митинг».

Медленно движется «Красная звезда» от города к городу, от села к селу. Места, недавно отбитые у белых. Горе, разорение, разрушенные дома, школы, сожженные библиотеки, могилы только что похороненных жертв белого террора. Надежда Константиновна с горечью отмечает, что учителя еще часто уходят с белыми, но те, кто остается, становятся настоящими борцами за правое дело, за политику партии. Елабуга, Бондюжский завод, Николо-Березовка, Камбаровский завод, Сарапул... Встречи, митинги, беседы, совещания...

Как приятно бывает увидеть во главе масс старого партийца, человека, которого знаешь и которому веришь всей душой. В Николо-Березовке, например, сельский исполком возглавлял член партии с 1908 года, позднее делегат IX съезда РКП(б) С. В. Борисов. После митинга они долго беседовали с Надеждой Константиновной. Поседевший, с лицом, изрезанным морщинами, озабоченно вздыхая, Борисов говорил: «Беляков прогнали. Теперь хозяйство налаживаем. И очень меня заботит культурно-просветительная работа. Нет у нас еще ни клуба, ни народного дома. И библиотеки не умеем использовать, ладно хоть школ и учителей достаточно. И вот что скажу, Константиновна, очень большое значение имеет ваш при-

езд. Теперь вон по всей волости крестьяне приговоры составляют, чтобы почаще из центра к нам приезжали. Очень это важно...»

В Сарапуле вечером у дверей ее каюты вдруг раздался звон шпор и густой командирский голос: «Мне бы хотелось поговорить с Надеждой Константиновной». Это был легендарный комдив Азин. Крупская услышала неожиданное: «Азин, по убеждению народоволец». Он казался совсем молодым, но ему было уже 34 года, и он был человеком-легендой, любимцем всей восточной армии. Он заслужил любовь красноармейцев беззаветной храбростью и наивным «солдатским коммунизмом». Надежда Константиновна говорила с героем мягко и ласково, хотя иногда с трудом сдерживала улыбку, слушая его рассуждения о «немецкой» войне (так он называл империалистическую войну). А иногда в каких-то его словах вдруг прорывались жестокость и озлобление. И думалось ей, что такому человеку еще нужно многому учиться, чтобы стать настоящим коммунистом. Меньше чем через год герой-комдив был зверски замучен белыми.

Воткинский завод. Белые ушли отсюда в середине июня. От 40 тысяч населения осталась только половина. Город давно не получал газет, радио не существует, жители живут слухами и рассказами очевидцев. Здесь каратели зверствовали вовсю. Перестреляли подростков — членов молодежного клуба. Пороли всех подряд: мужчин, женщин, стариков, детей. Надежда Константиновна слушала эти жуткие рассказы, вглядывалась в лица людей, ждущих помощи, совета. И все чаще ее посещала мысль — остаться на Урале, поработать в самой гуще народной жизни.

И Надежда Константиновна написала письмо Владимиру Ильичу, спрашивая, как он посмотрит, если она некоторое время поживет и поработает на Урале. Колебалась, отправить ли его, все-таки опустила и стала ждать ответа.

Пароход прибыл в Пермь. Даже в этом крупном городе не получали газет, здесь ходили фантастические слухи о том, что Москва сгорела, что Питер взят белыми, и другие небылицы. Слово москвичей было необходимо. А Надежда Константиновна опять слегла. Снова подвело сердце. Сказалось сильное физическое и нервное переутомление. К ней в каюту все время приходили товарищи — поговорить, спросить совета, рассказать о чем-то интересном.

Однажды пришел незнакомый военный — высокого роста, с алым бантом на груди. «Попов,— густым басом представился он. — Агитатор 1-й батареи, хочу попросить вас выступить у нас в полку». — «Я не совсем здорова, боюсь, что для большой аудитории сил не хватит», — ответила Крупская. Но тот говорил так убедительно, что она не выдержала, согласилась.

На другое утро Попов зашел за Надеждой Константиновной. У пристани стояла извозчичья пролетка. Сохранились кинокадры — Надежда Константиновна едет с Поповым в пролетке. Она улыбается и что-то оживленно говорит. По дороге она с изумлением узнала, что большевистский агитатор до революции был попом, но попом строптивым. За то, что защищал Льва Толстого, в монастыре картошку чистил. А узнав о революции, оставил попадью с четырьмя детьми и пошел к большевикам. Перед Надеждой Константиновной открылась большая и прекрасная душа человека искреннего и ищущего.

Крупская так описывала последний митинг, который она провела во время этой поездки: «Выступать пришлось не перед батальоном, не перед двумя-тремястами людей, как я думала. Пришло 6 тысяч, все красноармейцы города. Вряд ли кто слышал то, что я говорила, но митинг был ужасно интересный. Недавний поп был незаурядным оратором. Хоть и употреблял он поповские сравнения вроде того, что «большевики подобно апостолам пошли в народ, чтобы понести им свет истины», но говорил в общем дельно, и ясно было, какое громадное значение имело его выступление. «А как насчет крещения?» — задал вопрос один красноармеец. «Насчет крещения? Подробно говорить надо бы часа два, а коротко сказать — один обман». Масса молча слушала: кому же и знать лучше, как бывшему попу? И ясно было, какое громадное агитационное значение имели речи этого попа-агитатора. Запомнилось еще выступление одного красного командира. «Страна наша непобедима на предмет пространственности и квадратности», — говорил он. Потом, когда я рассказывала об этом выступлении Владимиру Ильичу, он говорил о том, что, неправильная по форме, эта мысль глубоко верна. Не была бы так скоро разбита Венгерская советская республика, если бы она не была так мала, а то самое большее 60 верст от границы находится Будапешт».

Стоя на высокой импровизированной трибуне (на козлы положили сбитые вместе доски), Надежда Константи-

новна увидела вдруг знакомое лицо — Крестинский. Он помахал ей рукой. Закончив выступление и ответив на вопросы, Крупская подошла к нему. Крестинский, поздоровавшись, сказал: «Дорогая Надежда Константиновна, я получил в Вятке телеграмму от Владимира Ильича. Он настаивает на вашем немедленном возвращении в Москву и поручил мне привезти вас». Она рассмеялась: «Это что же, насилие?» — «Ну, надеюсь, до этого не дойдет и вы поедете добровольно». — «Что же делать, надо возвращаться, — задумчиво протянула Надежда Константиновна. — Видно, и вправду пора. Сделано много, чувствую я себя плохо».

На «Красной звезде» огорчились ее отъезду, но все понимали, что силы Надежды Константиновны на исходе. В Москву она с Крестинским отправилась на пароходе. Остановились только в Казани, где пересели на пароход «Карл Маркс», да в Нижнем провели митинг. На обратном пути Крупская обрабатывала свои записи, обдумывала прожитое, перебирала в памяти увиденное.

В Москве Владимир Ильич не скрывает своей радости: «Наконец-то, и как ты могла придумать такое? Остаться на Урале?! Прости, но я был потрясен». К нему присоединилась Маняша. «Мы ждем, дни считаем, из Наркомпроса звонят по десять раз в день, а она что придумала?!» Маленькая семья Ульяновых вновь вместе. Надежда Константиновна в дороге немного отдохнула и теперь вдохновенно, по старой гимназической привычке «в лицах» рассказывает мужу и Марии Ильиничне о своих встречах, перемежая рассказ юмористическими зарисовками. Владимир Ильич внимательно слушает, задает вопросы и уже в который раз восхищается острой наблюдательностью Надюши, ее огромным политическим чутьем. И снова окунулась Крупская в наркомпросовскую работу. Одна за другой появляются в различных журналах и газетах ее статьи.

Еще труднее, чем создать перелом в войне, было создать перелом в мировоззрении масс, воспитать новое, коммунистическое сознание. В своей статье «Социально-политическая работа в школах-клубах для подростков» Надежда Константиновна писала:

«...Но коллективистическая психология пока охватила только передовые тысячи, десятки тысяч передовых рабочих. Массы еще крепко держит в своих омертвелых лапах умирающее старое. В массах преобладают еще старые взгляды, старые понятия, и только неуклонная ра-

бота над переустройством жизни вытеснит старые понятия и чувства. А пока наряду с величайшим геройством, с величайшей самоотверженностью передовых рядов рабочего класса в более отсталых классах и слоях мы видим бешеный взрыв спекуляции, хищничества, мародерства. Как огонь костра вспыхивает ярким пламенем перед тем, как окончательно потухнуть, так и эта отчаянная спекуляция, воровство, грабительство — все это последняя вспышка умирающей психологии. Новое поколение вырастет уже при других условиях, и его психология будет насквозь проникнута коллективизмом. Общественные чувства будут заглушать проявление эгоизма».

В своей работе Крупская широко использует материал, накопленный во время поездки на «Красной звезде», приводит неотвлеченные примеры, что особенно заметно в статье «Проект школы на Бондюжском химическом заводе».

Труд, труд ежечасный был законом для Ульяновых. И оба они работали, забывая о сне, еде, отдыхе. Но была в их жизни традиция, от которой не отступали никогда,— день рождения Владимира Ильича проводить вдвоем, пусть несколько часов, но одни. В этот день Владимир Ильич утром нашел на письменном столе подарки, в семье старались соблюдать традицию — отмечать день рождения каждого скромными знаками внимания. Огромный том немецко-русского словаря — такого, какой ему давно хотелось иметь, на титуле которого прочел надпись: «Дорогому Володе от горячо любящей его Маняши. 23/IV—20 гг.», а рядом в изящной вазочке благоухает весенней свежестью букет подснежников — от Надежды Константиновны.

В открытую форточку вливается бодрящий, прозрачный воздух. Девять часов утра. Температура немного выше нуля, но кажется, что на улице гораздо теплее, так как лучи яркого солнца заливают площади и улицы Кремля. Давно решено, что утром поедут они с Надеждой Константиновной за город. Это тоже традиция.

Завтрак проходит, как всегда, в оживленной беседе, только сегодня никто не спешит, даже вечно торопящаяся Мария Ильинична позволяет себе задержаться несколько минут.

Гиль уже ждет в машине у подъезда. Стены Кремля покрыты серебрящимся на солнце инеем и кажутся особенно нарядными и величественными. Москва проснулась. Привычно вглядывается Владимир Ильич во встречных

прохожих. Озабоченны, еще плохо одеты. Улицы весной всегда кажутся чище и наряднее, а зима была жестокой. Москва голодала и мерзла. Но врагов бьем. Справимся с внешней и внутренней контрреволюцией, победим и разруху и голод.

За городом весна чувствуется еще больше, снег почернел, много проталин, днем зажурчат ручьи.

Они вышли из машины и углубились в лес. Во время совместных прогулок Надежда Константиновна не прерывала молчания, чтобы не спугнуть размышлений Ильича, знала, что он непременно сам скажет обо всем, что его томило и волновало. «...на прогулке, во время разговоров на простые житейские темы, — вспоминала Крупская,— он неустанно думал о том деле, которому отдал всю жизнь, все свои силы, каждую минуту своей жизни... Весенний воздух, начинающий пушиться лес, разбухшие почки — все это создавало особое настроение, устремляло мысль вперед, в будущее хотелось заглянуть».

Возможно, именно об этом дне Крупская писала впоследствии: «Сначала он говорил о разных текущих делах, но когда мы глубже зашли в лес, он замолчал, а потом стал говорить — в связи с одним изобретением — о том, как новые изобретения в области науки и техники сделают оборону нашей страны такой мощной, что всякое нападение на нее станет невозможным. Потом разговор перешел на тему о том, что, когда власть в руках буржуазии, она направляет ее на угнетение трудящихся, что, когда власть в руках сознательного, организованного пролетариата, он направит ее на уничтожение всякой эксплуатации, положит конец всяким войнам. Ильич говорил все тише и тише, почти шепотом, как у него бывало, когда он говорил о своих мечтах, о самом заветном».

Хорошо в весеннем лесу, но пора возвращаться в Москву. Надежда Константиновна просит завезти ее в Наркомпрос.

Сколько дел может накопиться за несколько часов: и документы и письма! Войдя в приемную, она увидела: сидят несколько человек. Разве может она отправить их назад, отказать в приеме. Течет неторопливая беседа. Надежда Константиновна внимательно слушает, что-то записывает в блокноте.

К обеду в маленькой столовой собралась вся семья, все оживлены, веселы. Но когда речь зашла о торжественном вечере, организованном Московским комитетом партии,

Владимир Ильич категорически заявил, что может приехать только на художественную часть. Надежда Константиновна и Мария Ильинична должны были одни поехать к открытию.

Ленин еще председательствовал на заседании, а в большом переполненном зале Московского комитета партии все было готово к открытию коммунистического вечера, посвященного 50-летию вождя революции.

Бурной радостью встретили Надежду Константиновну. Друзья поздравляли, дарили цветы. Радостно улыбаясь, Крупская смущенно отвечала: «Полно, полно, ведь это не мой юбилей». Спасла энергичная Зинаида Павловна Кржижановская: решительно раздвигая толпу, она отвела Надежду Константиновну и Марию Ильиничну на предназначенные им места.

Начались выступления. Надежда Константиновна разволновалась. Впервые вот так, открыто говорили о великом подвиге ленинской жизни, о том, чем обязана ему партия и вся страна. Выступают соратники, товарищи по борьбе.

Слово предоставляется Горькому. Надежда Константиновна видит, что Алексей Максимович смущен и взволнован. Вот он поднялся на трибуну, откашлялся, и в зале потекли неторопливые, проникновенные слова: «...И на ваше счастье, на счастье всей страны существует этот человек. Очень надо ценить его, больше надо любить, очень надо помочь ему в его великой, в его всемирной, в его планетарной работе. Да, в лице его русская история создала почти чудесное. ...И лучшее, чем можем почтить его огромную работу, и лучшее, чем вы поблагодарите его за все, что он сделал не только для России, но и для всего человечества, — это честный труд, это напряженный труд, это любовь к труду...»

Да, труд! Надежда Константиновна задумалась. И вдруг она услышала слова Ольминского, обращенные к ней: «...Потом, когда я немножко познакомился с Владимиром Ильичем и Надеждой Константиновной, которую, я считаю, нужно упомянуть, так как во все трудные минуты его жизни (взрыв аплодисментов потрясает своды зала), не только трудные, но и хорошие минуты жизни, она всю работу, так сказать черновую, исполняла, она оставляла ему, так сказать, самую чистую работу, а все конспиративные сношения, шифровки, транспорт, сношения с Россией, все вела сама, и поэтому, когда мы говорим, что Ленин великий организатор, то я добавлю, что

Ленин с помощью Надежды Константиновны — великий организатор». Ольминский говорил о том, что партия благодарна ей за ее труд, что без нее Владимир Ильич не смог бы работать так плодотворно и много. Весь зал встал и повернулся в ее сторону, разразилась буря аплодисментов.

Много хороших, искренних слов было сказано в этот вечер. Наконец приехал Владимир Ильич. Президиум обратился к нему с просьбой сказать несколько слов. Его речь была отнюдь не юбилейной, он целиком посвятил ее насущным задачам партии большевиков. Затем начался концерт.

Надежда Константиновна никогда не задумывалась о том, какое место занимает она в партии. Она отдавала ей жизнь и не ждала за это наград. Но не только партия в лице старых, испытанных борцов, знавших ее лично, признавала ее заслуги. Ее знали и любили миллионы людей. К ней приезжали, ей писали письма.

Имя Крупской широко известно далеко за пределами нашей страны.

Один из английских корреспондентов, приехав в Москву, на вопрос сотрудника НКИД, с кем он хотел бы встретиться, заявил, что ему очень хочется поговорить с «миссис Лениной». И вот он входит в особняк, который занимал Наркомпрос. Везде много народа. Самого различного — женщины-работницы, крестьяне, интеллигенты. Все озабочены и деловиты. Гостя представляют секретарю Крупской, и она скрывается за дверью кабинета Надежды Константиновны. Возвращается и приглашает корреспондента войти. Он уже приготовил блокнот, вечное перо. От стола ему навстречу поднимается немолодая женщина. Протянув ему руку, она по-английски говорит: «Слушаю вас, прошу садиться». Корреспондент с трудом задает вопрос, он старается запечатлеть в памяти необычно скромную внешность жены русского премьер-министра. Англичанин с трудом входит в беседу. Он должен признать, что госпожа Крупская красиво и правильно говорит по-английски. «Мы жили в Лондоне, — спокойно отвечает она на его комплимент. — Так что же вы уже увидели в России и что интересует вас в нашем наркомате?»

Перед корреспондентом была полная достоинства, умная, эрудированная представительница партии, правящей в России.

Корреспондент откланялся, и Надежда Константиновна очень скоро забыла о нем. Он сам напомнил о себе.

Однажды, приехав к обеду из Наркомпроса, Надежда Константиновна получила от Владимира Ильича английскую газету. Все подробно описал англичанин: и внешний облик Крупской, и ее кабинет. Рассказал, как и о чем они говорили, и сквозь строчки невольно читалось его удивление этой не укладывающейся в рамки мещанских понятий первой леди России. Слушая статью, Надежда Константиновна смеялась: «Мещанин остается мещанином. Так он ничего и не понял. Жаль потраченного на него времени». Характерно, что самые реакционные издания и самые враждебные по отношению к Советской власти авторы писали о Крупской с уважением, отдавая дань ее заслугам и самоотверженности. В 1924 году в берлинском издательстве «Наши проблемы» вышла книга некоего журналиста Георгия Попова «Стремящимся в Россию». Автор, полурусский-полунемец, посетил Советскую Россию дважды — в 1922 году и в 1923 году — как корреспондент американского газетного синдиката «Hearst-Press» и немецкой «Frankfurter Zeitung». Рассказывая о встречах с видными деятелями партии и государства, Попов пишет о Крупской: «Мне ее характеризовали следующим образом: «Крупская прилежная работница, добрая, скромная женщина, всем существом своим ушедшая в работу, словом — «народница». «Народница» — это прозвание пристало ей как нельзя больше. Ничего в ней нет от «представительности» супруги первого министра, первого сановника Республики».

Попов добился разрешения встретиться с Надеждой Константиновной. К тому времени Наркомпрос размещался в здании на Сретенском бульваре. Подробно описывает автор и обстановку, и публику, и служащих, наполняющих здание. Он разглядывал агитационные плакаты, висящие в приемной, «как вдруг открылась дверь, и вошла пожилая женщина, вся в черном, и несколько минут говорила по телефону. Она держала себя весьма спокойно и уверенно и производила впечатление почтенной бабушки... Когда она удалилась, мне сказали, что это и есть супруга Ленина. Несколько минут спустя я уже сидел перед нею и чувствовал себя так, как если бы я с ней был знаком много лет. На близком расстоянии она казалась гораздо моложе; когда же речь касалась близких ее сердцу предметов, в глазах вспыхивал молодой огонек. Серьезная и вдумчивая, немного застенчивая, в общем симпатичная. При личном общении с ней чувствуешь действительно, что этой женщине все внешнее и «репрезента-

тивное» не по душе. У нее другие интересы». И далее автор пишет, с какой радостью рассказывала Надежда Константиновна об успехах в деле просвещения масс, о новых школах, о том, что делает Советская власть для трудящихся.

Уэллс не понял Ленина, а проницательный Б. Шоу не смог до конца понять Надежду Константиновну. Шоу приехал в Горки летом 1931 года в сопровождении американской политиканствующей миллионерши леди Астор. Крупская и Мария Ильинична встретили их радушно. На стол поставили свежий мед, ягоды, купленные в совхозе. Стол накрыли на балконе, откуда открывался великолепный вид на зеленый тенистый парк. Леди Астор ахала и закатывала от восторга глаза. Шоу неодобрительно на нее поглядывал. Он привез в подарок Надежде Константиновне огромную коробку шоколадных конфет и последнее издание своих произведений. Разговор налаживался с трудом, как это бывает, когда встречаются люди совершенно незнакомые. Тем более если это представители двух разных мировоззрений. Переходили от одной темы к другой. То о спектаклях в Москве и Лондоне, то о воспитании. Разговор шел по-английски. И вдруг... Надежде Константиновне показалось, что она не поняла. Шоу повторил: «Как вас обеспечил Владимир Ильич?» Как-то не пришло в голову, что этот умный человек может задать столь нелепый вопрос. Поэтому она на всякий случай предложила перейти на французский язык. «Мне кажется, я неточно поняла вас, по-французски я говорю лучше». Но и на французском языке она услышала тот же вопрос: «Как вас обеспечил ваш муж?» Надежда Константиновне улыбнулась: «Никак не обеспечил». («Слово-то какое — обеспечил, уж к Володе совершенно не подходит», — мелькнуло в голове.) «Никак?! — на лицах Шоу и Астор откровенное недоверие и изумление. — Но вы уже не так молоды». — «Я не считаю себя старухой». Писатель смутился: «Нет, нет, Я хотел...», но, не закончив своей мысли, обратился к Астор и совершенно в своем саркастическом тоне прибавил: «Запиши — в Стране Советов тоже нельзя говорить с женщиной о ее возрасте». И, обратившись к Крупской, погасив улыбку, продолжал: «Я хотел только сказать, что в жизни человека неизбежно наступает такой момент, когда надо думать об обеспечении себя в старости». Надежда Константиновна посмотрела на Маняшу, которая низко склонилась над чашкой чаю. Все равно было заметно, как вздрагивают от

смеха ее плечи. Не хотелось спорить, оборвать разговор — невежливо. «В Европе — да. Но у нас эту заботу берет на себя государство. Зачем же мне думать об этом?» — «Социальное обеспечение? — скептически протянул Шоу. — Я изучал этот вопрос у нас в Англии, и у вас об этом тоже много говорят». Леди Астор не теряла надежды выяснить вопрос до конца и бесцеремонно перебила Шоу: «Но у вас в Союзе не отменено авторское право. Труды Ленина печатаются на многих языках мира. Авторские права завещаны вам?» Лицо Надежды Константиновны стало непроницаемым. «Труды Ленина принадлежат народу, Советскому государству», — прозвучал ответ. Желая прекратить разговор, писатель быстро повернулся к Астор и сказал: «Ты понимаешь? Это умный ответ на глупый вопрос!» Но американка не сдавалась, она не понимала, не хотела и не могла понять: «У вас после смерти мужа жене дают пенсию. Вы ее получаете?» — «Нет, я работаю и обеспечиваю (Надежда Константиновна невольно подчеркнула это слово) себя сама, зачем же мне эта пенсия?» — «Как зачем?» — Астор всплеснула руками и таким многозначительным взглядом окинула платье, туфли Надежды Константиновны, скромную сервировку и сверхскромное угощение, что продолжения разговора не потребовалось. «Отказаться от пенсии и так жить!» — этого понять было невозможно.

Терпение Надежды Константиновны стало иссякать, и, чтобы прервать наступившее неловкое молчание и както закончить беседу, она взяла со столика том своих «Воспоминаний о В. И. Ленине» и протянула его Шоу. Тот приложил руку к сердцу и галантно поблагодарил: «Я очень рад, я тронут, я благодарен. Воспоминания о Ленине, написанные Вами, должны быть увлекательными». Если бы он остановился и не произнес этой салонной фразы: «Но из воспоминаний жены о муже нельзя узнать правду». Та пропасть, которая разделяла два мира, зазияла во всю ширь. Эта фраза была уместна в лондонских гостиных, возможно, там она воспринималась как острота, но здесь, в Горках, где жил и умер Ленин, в его семье... Только необыкновенное самообладание Крупской не позволило ей показать, как это ее покоробило. Голос ее был все так же мягок и ровен, когда она ответила: «Ленин и я — мы члены партии, в первую очередь члены партии. Этим определяется все. И в книге я рассказываю о нашей общей борьбе». Шоу и Астор раскланя-

лись. Машина отъехала от дома. Надежда Константиновна и Мария Ильинична взглянули друг на друга и расхохотались. «Знала я, что ничего из этой встречи не выйдет, хоть и очень он умный человек», — сказал Крупская.

До конца жизни Крупской ее имя, ее жизнь и деятельность будут привлекать внимание мировой общественности. И одна за другой будут появляться в печати разных стран статьи, посвященные Надежде Константиновне. И сейчас в ее комнате лежит среди документов и различных материалов пожелтевшая от времени газета из Америки «Питтсбург Пресс» за 30 декабря 1934 года. Газету переслали через Советское бюро Международного комитета горняков. На четвертой странице Крупской посвящена большая статья Ричарда Халибертона. Вот что он пишет для американских читателей: «Москва. СССР. За столом в маленьком, но очень удобном кабинете сидит первая леди России. Это гражданка Крупская, вдова Ленина. Ее имя — одно из тех имен, которые знает каждый русский. Нет женщины, которая столько бы сделала, сколько она. Когда я вошел в кабинет (она одна из комиссаров — заместитель министра образования), она сидела, облокотившись на стол, так, как будто она была невероятно усталой, черный платок накинут на плечи, белоснежные волосы вокруг сильного, но доброго лица собраны в небрежный пучок. Ее утомленные веки были полуопущены. Я увидел женщину, на долю которой выпало много переживаний, которая боролась, боролась всю свою жизнь, за самое лучшее, за мечту... Когда она улыбалась, усталое лицо ее оживлялось, а когда она заговорила, можно было сбросить ей 40 лет. Она говорила быстро и энергично. Ясность ее мысли, сила характера сразу же захватили меня, как они захватывают каждого, кто сталкивается с этой чудесной пожилой леди. Теперь я понимаю, почему как оратор и как руководитель она представляла собой одну из самых мощных сил революции. И даже теперь она часто выступает на собраниях и по радио, и все ее выступления слушает вся Россия. Мне разрешили поговорить с миссис Лениной около часа (к счастью, она говорит по-английски). Теперь она занимается образованием и эмансипацией женщин. В этом уважаемая гражданка Крупская и ее министерство совершили переворот».

Встречи, интервью, статьи... Многое из этого впереди. А сейчас, в двадцатом, они сидят в столовой и смеются, читая рассуждения англичанина, который так много смот-

рел, но так мало увидел в России, в стране, постоянно удивляющей мир своей титанической борьбой с прошлым во имя будущего.

В ноябре 1920 года открывалось Всероссийское совещание политпросветов губернских и уездных отделов народного образования. Задолго началась подготовка к этому большому событию. В отделе, руководимом Крупской, «толчея непротолоченная» еще усилилась, так как за инструкциями стали приезжать представители с мест. И в разгар подготовки Надежда Константиновна заболела. Врачи требовали, чтобы она соблюдала строжайший постельный режим. Она волновалась и тайком от родных и врачей звонила по телефону или вызывала к себе в Кремль того или иного работника. Д. Ю. Элькина рассказывает:

«Однажды она вызвала меня к себе и таинственно сказала, что Ильич запрещает ей вести деловые разговоры, а сейчас его нет и до его прихода мы успеем о многом переговорить. Я начала записывать все, что поручала нам сделать Надежда Константиновна до своего выздоровления, и была поражена, какую она провела работу, как тщательно обдумала каждую деталь не только своего выступления, но и других докладчиков, которые должны были выступать на съезде.

— Вот с этим товарищем, — говорила она, называя фамилию, имя, отчество и наркомат, где тот работал, — надо поговорить так, чтобы он понял особенность нашей аудитории. Он любит статистику, как бы за цифрами не забыл живого дела. А этот, — снова фамилия и т. д., — очень увлечен картиной жизни Советской страны, какой она будет через десять-двадцать лет. Попросите его осветить явления настоящего, и не только положительные, но и отрицательные, и навести на мысль наших политпросветчиков о том, как им бороться с такими явлениями. Нельзя бороться со злом, закрывая на него глаза.

Хотя Надежда Константиновна торопилась, а я усердно записывала ее поручения, время быстро промелькнуло, и мы так увлеклись, что не заметили, как вошел Владимир Ильич. Когда Надежда Константиновна его увидела, она, как провинившаяся школьница, смутилась и стала уверять его, что делами мы не занимались и она совсем-совсем не устала. Владимир Ильич засмеялся и погрозил ей пальцем...»

Совещание открылось 1 ноября в Большой аудитории Дома съездов Наркомпроса. Зал, вмещавший несколько сот человек, был заполнен до отказа. 3 ноября на совещании выступил Ленин, на другой день Надежда Константиновна сделала доклад «Очередной план работы Главполитпросвета». В аудитории установилась такая тишина, что каждое слово, произнесенное тихим голосом Крупской, было слышно делегатам. Один из избачей-делегатов сказал о ее докладе: «Тише всех говорила Надежда Константиновна, но ее голос был самым громким: она точно подслушала те вопросы, с которыми я приехал сюда, и ответила на них».

А через несколько дней после совещания политпросветчиков Владимир Ильич пришел домой оживленный; он пригласил жену поехать в село Кашино на открытие сельской электростанции. В Волоколамском районе только за 1919 год крестьяне построили несколько маленьких станций.

Четырнадцатого ноября, во второй половине дня, поехали в Кашино. «В селе настроение было праздничное. На улице было много народу, чисто, тепло одетого, множество ребят. Нас провели в избу, где струнный оркестр играл «Интернационал». Ильича посадили в красный угол, стали угощать. Потом снимались мы с ребятами. Открытие было торжественное. Уже смеркалось, на улице около большого электрического фонаря было устроено возвышение. Выступал Ильич. Выступал крестьянин Родионов. «Загорелся свет неестественный», — говорил он. Потом из Кашино поехали в село Ярополец. Помню, как дорогой рассказывали севшие с нами в машину агроном и какие-то рабочие о планах дальнейшей стройки. Волновались говорившие, волновался Ильич. В Яропольце нас провели в клуб... Крестьяне говорили об электрификации, но больше всего о культуре. «Школа у нас плоха, — говорил один крестьянин. — Мои ребята вон третий год в школу бегают, а чтобы умнее стали — не видать что-то».

Уже поздно ночью Ульяновы вернулись в Москву.

1920 год был очень напряженным для Надежды Константиновны. Документы послереволюционных лет говорят о тесном сотрудничестве Владимира Ильича и Надежды Константиновны в разработке ряда декретов и постановлений — о централизации библиотечного дела, о производственной пропаганде, о создании Главполитпросвета, о Пролеткульте, о реорганизации Наркомпроса, о политехницизме.

Вскоре после IX съезда партии Крупская пишет брошюру «Об общеобразовательных и профессионально-технических задачах внешкольного дела». Как один из редакторов журнала «Коммунистка», она постоянно выступает на его страницах со статьями по женскому вопросу «Война и деторождение», «Брачное и семейное право в Советской республике», «Работницы в Советском строительстве» и др. Крупская публикует статьи и в других изданиях. В журнале «Коммунистический интернационал» идет ее статья «Об итогах политпросветработы за три года Советской власти». В еженедельнике «Правда» печатается ее подробная рецензия на первое американское издание книги Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир». Позже, в 1923 году, эта книга выйдет в русском издании с ее предисловием.

Конец 20-го — начало 21-го года были труднейшим периодом в истории партии и Советского государства. В обстановке заканчивающейся гражданской войны, голода, разрухи, деклассирования части рабочего класса, экономического кризиса начался серьезный политический кризис. Недовольное продразверсткой крестьянство в ряде губерний было поднято контрреволюционерами на восстания. В начале марта вспыхнул мятеж в Кронштадте с лозунгом: «Советы без партий, без коммунистов». Политический кризис отразился и на партии. В конце того года Троцкий навязал партии новую дискуссию о профсоюзах. Он вел дело на раскол.

Одна за другой возникали антипартийные группировки: «рабочая оппозиция», «буферная бухаринская группа» и т. д. И все они в конечном итоге добивались одного — умаления руководящей роли партии в Советском государстве.

Если Троцкий говорил о том, что профсоюзы должны «огосударствливаться», то есть взять на себя функции управления производством, то «рабочая оппозиция» предлагала свести государство на нет и функции разных отделов ВСНХ передать профсоюзам, а управление народным хозяйством — всероссийскому съезду производителей.

Партия бурлила, во всех организациях шли собрания. Большинство коммунистов поддержали Ленина против Троцкого.

X съезд партии открылся в Кремле 8 марта 1921 года. На съезде Владимир Ильич поставил вопрос о новой

экономической политике, о новой форме взаимоотношений с крестьянством.

Ленину и его последователям трудно было отстаивать единство партии, новый политический курс против тех, кто, сознательно или не сознавая ошибочности своих теорий, пытался свернуть партию с коммунистического пути. Но позиция Ленина победила. Съезд принял решение о переходе к продналогу, то есть принял новую экономическую политику.

Крупская говорила на съезде о политпросветработе. В своем выступлении она подчеркивала сугубую партийность такой организации, как Главполитпросвет, и всех ее мероприятий. Она говорила: «...партия не может не рассматривать органы Главполитпросвета, как свои органы. Это в былое время буржуазия скрывала, лицемерила и говорила, что она проводит просвещение беспартийное. Пролетариату не к чему лицемерить, он может открыто говорить, что его органы просвещения должны стать органами коммунистическими. Работой политпросвета мы можем оказать большую услугу партии».

Она говорила также и о том, что не могут профсоюзы и Союз молодежи вести отдельно просвещенческую и политическую пропаганду, отрывать ее от партийной пропаганды. Выступление Надежды Константиновны на X съезде партии — прекрасный образец ленинской партийности и принципиальности.

Съезд закончился полной победой Ленина и ленинцев. Он наметил пути перехода от капитализма к социализму, методы строительства социализма. Съезд подчеркнул необходимость тесного союза пролетариата и крестьянства, решающую роль партии в руководстве государственной, хозяйственной и культурной жизнью страны. Осудив троцкизм, «рабочую оппозицию», бухаринскую группу, съезд призывал хранить единство партии и вести всемерную борьбу с фракционностью.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА

В 1921 году стали проявляться первые симптомы тяжелой болезни Ленина. И конечно, первой это заметила Надежда Константиновна. Все чаще наблюдала она, как не мог Владимир Ильич уснуть всю ночь, не мог никакими лекарствами снять головную боль. Врачи советовали отдохнуть, но отдых не получался — слишком много стояло серьезнейших проблем, требовавших быстрого решения.

Кончался 1921 год. Тяжелый это был год, но страна выстояла. Тяжелым он был и для Надежды Константиновны. Простой перечень дел и событий, в которых Надежда Константиновна принимала самое живое, самое непосредственное участие, говорит о невероятной ее загруженности, о чрезвычайном напряжении всех сил. Много времени и сил отняла профсоюзная дискуссия. Крупская выступала на многих собраниях. Продолжалась и начавшаяся еще в 1920 году дискуссия о школьном образовании. Сторонникам политехнизации школы пришлось выдержать не один бой с теми, кто выступал за монотехническое образование. В том же 1921 году были опубликованы директивы ЦК РКП(б) о работе Наркомпроса и статья Ленина по этому вопросу, прошел съезд заведующих губернскими отделами народного образования, была создана научно-педагогическая секция Государственного ученого совета, в стране появились первые школы фабрично-заводского ученичества. Именно в 1921 году обсуждается вопрос о формах детского движения в советских условиях и об отношении к скаутизму.

Не прекращается и работа Надежды Константиновны в журнале «Коммунистка». Она по-прежнему редактор журнала и выступает в нем со статьями. В «Коммунистке» публикуется ее статья «Проблема коммунистического воспитания», где Крупская рассматривает вопрос о единой трудовой школе как ячейке, которая дает человеку знания и готовит его к труду, воспитывает в нем умение

трудиться коллективно, и самое важное — умение организоваться для труда, ибо одна из важнейших проблем коммунизма — «подготовка молодых поколений к коммунистическому производству».

Диапазон интересов Крупской, вопросов, на которые она считает необходимым откликнуться, весьма и весьма велик. Достаточно сказать, что наряду с проблемами партийной работы и работы в области просвещения она занята и такой проблемой, как система Тейлора и организация работы советских учреждений. На эту тему была напечатана ее статья в журнале «Красная новь».

31 декабря Надежда Константиновна и Мария Ильинична готовятся к встрече Нового года. Правда, настроение не очень праздничное. Это чувствуется, хотя они обе умеют держать себя в руках. То и дело они смотрят на часы, кажется, что стрелки замерли неподвижно. Владимир Ильич совсем рядом — у него в кабинете заседает Политбюро. Наконец, в комнату входит Владимир Ильич. Он старается скрыть, что расстроен. ЦК дал ему отпуск па шесть недель, без права приезжать в Москву из Горок. По телефону разрешено говорить не больше часа в день. Большинство ЦК настаивает на соблюдении режима — только так можно победить болезнь.

Сразу в начале января Ульяновы уехали в Горки, где прожили до 17 января. Надежда Константиновна каждый день приезжала в Москву, в Наркомпрос. Она оставалась ночевать в московской квартире только в том случае, если какое-нибудь заседание оканчивалось особенно поздно.

Однако в Горках пришлось жить недолго: чекисты раскрывали один заговор за другим. Вокруг Горок было задержано несколько подозрительных лиц.

С 17 января по 1 марта Владимир Ильич жил в лесной сторожке близ деревни Костино. Отсюда ежедневно ездить в Москву было трудно, и Надежда Константиновне могла оставаться в Костине лишь в субботний вечер и воскресенье.

Всю неделю ее не покидало беспокойство за мужа — как-то он там? Каждый раз в машине по пути в Костино она не находила себе места, казалось, что дорога бесконечна. Но вот за поворотом показывалась знакомая фигура Владимира Ильича, и сразу становилось легче. Иногда остаток пути они шли пешком. Он засыпал ее вопросами, она обстоятельно отвечала, сообщала новости, передавала приветы, а сама вглядывалась в его лицо: по-

свежел, настроение боевое. Им не хватало воскресенья, чтобы обсудить все, что хотелось бы.

Затем Ленина, как вспоминала Крупская, «устроили в Корзинкине [1], в старом помещичьем доме... Я тоже на недельку приехала к Ильичу. Кстати, надо было просмотреть имеющуюся литературу по антирелигиозному вопросу».

Как это часто бывало в их жизни, они и сейчас работали над близкими темами. Крупская писала об антирелигиозном воспитании, а Владимир Ильич работал над статьей «О значении воинствующего материализма».

Через несколько дней после переезда в Корзинкино из Москвы сюда переслали большую посылку из Америки. Известный писатель Эптон Синклер прислал Надежде Константиновне целую серию своих романов и социологических книг. В приложенном к посылке письме Синклер писал, что с большим уважением относится к культурно-просветительной деятельности Крупской, и рассказывал о той борьбе с религией, которую он ведет с помощью своих книг.

По утрам Владимир Ильич и Надежда Константиновна много и напряженно работали. Вечерами просто читали. Днем же гуляли в лесу. «На прогулках, — вспоминает Надежда Константиновна, — мы толковали о Древсе и Синклере, о том, как поверхностно ставится у нас антирелигиозная пропаганда, сколько в ней вульгаризации, как неглубоко она увязана с естествознанием, как мало вскрываются социальные корни религии, как мало удовлетворяет она запросам рабочих, так колоссально выросшим за годы революции. Но однажды у Ильича вечером сделался первый припадок кровоизлияния, он почувствовал дурноту. Мы скоро перебрались в город, у меня вылетела из головы вся антирелигиозная пропаганда, а Синклеру я так и не ответила на письмо. Поднялась тревога за здоровье Ильича».

Наступило время, которое позднее Крупская характеризовала как хождение по краю обрыва. Ленин еще работал в Совнаркоме, писал статьи, участвовал в подготовке к XI съезду партии, но перерывы в работе становились все длиннее.

Почти все лето 1922 года Ульяновы провели в Горках. Теперь Надежда Константиновна ни на минуту не

---

[1] Корзинкино — близ села Троице-Лыкова Московского уезда, где Ленин жил с 6 по 25 марта 1922 года

отходила от мужа. Она следила за тщательнейшим выполнением всех врачебных предписаний, старалась создать в доме атмосферу бодрости, уверенности, что все обойдется. Ночами она писала статьи, готовила доклады, она по-прежнему руководила всей работой Главполитпросвета.

К осени в здоровье Ленина наметилось улучшение. И бодростью веет от письма Крупской к дочери Инессы Арманд Варе: «Милая моя девочка, получила оба твои письма, за них крепко тебя целую... Ну, почему же тебе нельзя будет бывать у нас? Напротив, в этом году мы будем жить более «семейно» и «открыто», так как В. И. больше 8 часов в день заниматься нельзя и, кроме того, надо будет отдыхать два раза в неделю. Поэтому он всегда будет рад гостям. Он очень беспокоился, когда я рассказала ему, что ты больна, писал специальное письмо Жиделеву о тебе и о Лидии Александровне, прося его позаботиться о вас. Сейчас В. И. считается выздоровевшим и с понедельника (сегодня суббота 30 сент., я именинница сегодня) берется за дела... Вообще все уж вошло в норму, Ферстер (врач) уехал к себе в Германию, тот доктор, что жил здесь, перебрался в город, вчера ходили на тягу (без ружья, но с корзиной для грибов), видели одного вальдшнепа, 4 брусничины, десяток старых грибов и очень красивые осенние листья. Собака у нас, понимаешь, замечательная, держит великолепно стойку и, когда раз пропала, то прямо направилась в местный Совет, откуда ее нам и препроводили» [1].

Ильичу лучше! Скоро он приступит к работе. Эта мысль помогает жить, трудиться.

Она не может дать себе послабления ни на час. Только труд, неустанный, напряженный, помогает ей. 1 января 1922 года датируется предисловие к брошюре Надежды Константиновны «РКСМ и бойскаутизм». В комсомоле, в Наркомпросе продолжается обсуждение проблем создания детской организации. Отдельные группы, отряды уже существуют. В мае 1922 года образована единая организация юных пионеров.

При непосредственном участии Крупской в 1922 году создаются два новых журнала: «Коммунистическое просвещение» и «На путях к новой школе», редактором этого последнего Крупская оставалась долгие годы. В 1922 году она 67 раз выступала в печати. Это статьи о воспитании, о новых программах, такая проблемная статья, как «Про-

[1] ЦПА ИМЛ, при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 2, д. 206, л. 11 об.

летарская революция и Пролеткульт», брошюра «Организация самообразования», рецензии на местные и зарубежные педагогические журналы и издания — Надежда Константиновна пристально следит за ними и тотчас же откликается на все новое, интересное. Она пишет предисловие к русскому изданию книги Я. Корчака «Как любить детей».

Мимо ее внимания не проходит ни один учебник, ни одна школьная программа. Она разрабатывает основные принципы новых школьных программ.

Много времени и сил уходит на подготовку III съезда политпросветов, делегаты которого слушают ее выступление. Выступает она и на съезде заведующих губернскими отделами народного образования, и на Всероссийском съезде по образованию рабочих подростков.

В октябре проходил V съезд комсомола. И уже с конца сентября в кабинете Надежды Константиновны двери не закрываются — по традиции комсомольцы идут к ней. И она, молодея, обсуждает с ними повестку дня, намечает, что показать приезжим делегатам. И готовит свой доклад.

Петр Васильевич Руднев, присутствовавший на открытии съезда, так вспоминает об ее участии в съезде коммунистической молодежи:

«Впервые я увидел ее на открытии V съезда комсомола 11 октября 1922 года. Заседание уже началось, когда к председателю подошла скромно одетая женщина (это была Н. К. Крупская) и передала ему небольшой конверт. Через несколько минут съезд услышал слова последнего обращения В. И. Ленина к советской молодежи: «Уверен, что молодежь сумеет развиваться так успешно, чтобы ко времени назревания следующего момента мировой революции оказаться вполне на высоте задачи» [1]. На этом же заседании среди ряда приветствий съезду было и приветствие Надежды Константиновны от Главполитпросвета. «...Опыт пяти лет революции, — говорила она, — показывает нам, что у нас не хватает организованного умения и знаний», что молодежь, которая «уже почувствовала необходимость овладеть знаниями... проявит тот же героизм, который она проявляет в борьбе с буржуазией русской и иностранной». Ее короткая, простая, несколько суровая речь была полна внутреннего оптимизма, веры и тепла. И казалось, что ты уже давно знаешь этого человека, близкого, родного.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 219.

На съезде Надежда Константиновна выступила также с докладами в двух секциях: в одной — «Советская система народного образования и РКСМ» и в другой — «Самообразование молодежи».

Ни один деятель нашей партии не принимал такого активного, глубокого и систематического участия в работе комсомола, как Надежда Константиновна».

На декабрь намечался съезд политпросветработников, и, конечно, у Крупской была масса работы. А дома... Она видела, что болезнь Владимира Ильича начинает новую атаку. И она старалась найти побольше возможности, чтобы дать ему отдохнуть. В один из октябрьских вечеров решили пойти в Художественный театр, который оба любили.

Ульяновы умышленно вошли в зал, когда там уже погас свет, чтобы никто не обратил на них внимания. Шел спектакль по роману Диккенса «Сверчок на печи». В полутьме ложи Надежда Константиновна видела, как постепенно «заскучал» Владимир Ильич. Тогда она сказала: «Пойдем домой, что-то сердце шалит». Это был их последний поход в театр.

В середине декабря состояние здоровья Владимира Ильича ухудшилось. Он получил внеочередной отпуск, но уехать в Горки не удалось. В ночь на 16 декабря Ленину стало плохо. Наутро он попросил ее записать кое-что под его диктовку. Она молча села к столу, достала ручку, бумагу. Владимир Ильич начал диктовать письмо своим заместителям. Он всегда диктовал с трудом, не мог приспособиться к тому, что кто-то записывает его мысли. Надежда Константиновна так хорошо знала его, и поэтому ей писать было легче, чем секретарям. Владимир Ильич передавал дела своим заместителям, значит, он чувствовал, что на этот раз положение серьезно.

Приехали врачи, и Надежда Константиновна, чтобы чем-то занять себя, начала перебирать письма. Вот весточка от старого друга — Н. Е. Меркулова. Еще в 90-е годы на его квартире собирался руководимый Лениным кружок. Она тут же ответила Меркулову:

«Дорогой товарищ, я теперь почти совершенно потеряла способность писать письма. На своем веку я их написала не одну тысячу, а теперь нужны совершенно исключительные обстоятельства, чтобы я ответила на письмо. Живешь, как на вулкане, треплешься по 12—14 часов в сутки, и силешек здорово убавилось, вот ответы на письма и остаются обычно в области пожеланий. Но Ва-

ше письмо пришло в момент, когда работа не клеится, а поэтому берусь за перо.

Да, с того времени, как мы с Вами встречались, целая жизнь прошла, да притом еще жизнь в такую эпоху, когда месяц можно за год считать... Я много лет была секретарем партии, с 1917 года работаю по просвещению. Дело знаю и люблю. Удовлетворяет ли оно меня? Право, не знаю. Делать его надо — делаю в меру сил и разумения.

Сейчас работать приходится свирепо, рассчитывая каждую минуту. Ведь теперь идет дело о том, чтобы подвести базу под завоевания революции, иначе все жертвы будут зря. Возможности широчайшие, и их надо в полной мере использовать. Как мы строим жизнь? По-российски: неумело, но в ходе работы учимся понемногу. Растраты времени и энергии чудовищные еще, но понемногу дело двигается.

...Старые мы все стали уж. Вот и Владимир Ильич переработался, прямо надо сказать — надорвался на работе и много хворает.

Мне чудно было читать Ваше письмо: как можно стоять в стороне от работы, потому что люди не нравятся. Люди — продукт условий, откуда же им стать идеальными, только в борьбе могут стать они другими — жизнь здорово меняет людей. Приходится работать с теми людьми, которые есть под руками, а искусство организации в том и состоит, чтобы из каждого человека взять то хорошее, что он может дать, поставить его в такие условия, чтобы это хорошее могло развиться. Думаю, что, если бы искать идеальных людей, пришлось бы руки сложить всем...»

Она не складывает руки. На IV конгрессе Коминтерна ее слушают коммунисты разных стран. Она выступает с докладом о деятельности компартий в области просвещения и воспитания масс.

А тем временем в квартиру Ульяновых ездят врачи, там собираются консилиумы. «Полный покой — таково непременное условие выздоровления, — говорят врачи. — Никаких встреч, деловых обсуждений». Можно запретить деловые разговоры, деловые встречи, но нельзя запретить думать. Мозг Владимира Ильича работает по-прежнему четко и напряженно.

Двадцать третьего декабря Владимир Ильич попросил у врачей разрешения продиктовать несколько строк машинистке, сказав, что он не сможет заснуть, если не запишет своей мысли. Так начало создаваться «Письмо к

съезду». На запечатанных сургучной печатью конвертах, в которых хранились по желанию Владимира Ильича копии документов, он просил отмечать, что вскрыть может лишь В. И. Ленин, а после его смерти Надежда Константиновна.

Друзья старались поддержать Надежду Константиновну. Она получала много писем. Нередко друзья жалели Ульяновых, писали о том, что вся жизнь их прошла в борьбе и лишениях. Она совершенно искренне ответила старому другу О. К. Витмер: «Почему Вы меня жалеете? Мне совсем не плохо жить. Напротив, я очень счастлива, что мне пришлось пережить революцию, очень люблю свою теперешнюю работу, мне очень хорошо жилось в личном отношении. А если бывают тяжелые минуты, то у кого их нет. Жизнь кипела все годы и била через край. Нет, мне жаловаться не приходится. И если бы начинать жить сначала, я немногое хотела бы изменить в ней, так, мелочи».

Владимир Ильич и Надежда Константиновна, как всегда, обсуждают острейшие вопросы современности, дела Наркомпроса, статьи Надежды Константиновны.

Через много лет Крупская писала о последней статье «База культуры», которую они обсуждали сообща: «...глубокая вера в творческую силу масс была очень характерной для Владимира Ильича. Сначала он собрался сам написать об этом статью, потом, когда почувствовал, что силы у него уходят окончательно, сказал, чтобы я написала, а он припишет. Я написала статейку «База культуры»; он посмотрел, сказал, что ладно, хотел какое-то место исправить и продиктовать приписку, но это было в начале марта 1923 г. — перед новым припадком. Так и не успел Ильич сделать приписку. Эта приписка должна была быть обращением к массам, к рабочим и крестьянам, о том, чтобы они сами брались за дело своего просвещения».

Раньше, чем сказали врачи, Надежда Константиновна поняла, что приближается новый приступ. С 10 марта Владимир Ильич больше не мог говорить.

Невыносимо тяжело ей было идти 17 апреля на открытие XII съезда партии. Первый съезд без Ленина. Но ведь это неправда! Мысль его в каждой резолюции, в каждом решении съезда! Делегаты, несмотря на многолюдье, заметили ее сразу. У всех был один тревожный вопрос: «Как Ильич?» Только она не могла сказать им ничего утешительного.

На первом заседании съезд принял приветствие Ленину.

Надежда Константиновна огромным усилием воли заставляла себя сосредоточенно слушать доклады и выступления.

Отметив, что нэп дает почву для уклонов в партии, съезд предупредил, что решительная борьба будет идти против тех, кто попытается нарушить единство партии, сбить ее с ленинского пути.

Съезд возложил на партию главную ответственность за хозяйственную работу, и, что было особенно важно, съезд подчеркнул правильность и незыблемость ленинской линии по вопросу о монополии внешней торговли.

Надежда Константиновна и Мария Ильинична, возвращаясь со съезда, пытались передавать лишь хорошие новости. Хотя по напряженному взгляду Владимира Ильича, по его нетерпеливому вопросу «что?», которым он их встречал, они видели, что он о многом догадывается, догадывается о той борьбе, которая идет на съезде, о новом выступлении Троцкого.

Постепенно силы возвращались к Владимиру Ильичу, и в мае Ульяновы переехали в Горки. Надежда Константиновна мужественно борется за здоровье, за жизнь Владимира Ильича. Изучив специальное пособие, она занимается с ним восстановлением речи, помогает ему учиться писать левой рукой.

Ее нагрузка в Наркомпросе, как всегда, велика. И Надежда Константиновна встает как можно раньше, чтобы успеть сделать все необходимое до того, как проснется Владимир Ильич.

В конце мая в Москве проходил II Всероссийский съезд по ликвидации неграмотности, на котором Крупская выступила с докладом «Место ликвидации безграмотности в политпросветработе».

В болезни Владимира Ильича были свои приливы и отливы. И Надежда Константиновна живет мыслью о его выздоровлении.

В июле, отвечая Луначарскому на его письмо и подарок — только что вышедшую из печати его книгу «Проблемы народного образования», Надежда Константиновна пишет:

«Дорогой Анатолий Васильевич!

Я все собиралась звонить Вам, но сейчас я вся ушла в

домашние дела и все время у меня занято. За последние две недели выздоровление Владимира Ильича пошло на улучшение, и теперь такая стадия, когда явился большой спрос на меня. Доктора находят, что выздоровление идет очень быстро, и то, что достигается неделями и месяцами, достигнуто, например, в последнюю неделю. Я к числу оптимистов не принадлежу, но, конечно, и я скажу, что улучшение идет. Дорогой Анатолий Васильевич, я была очень тронута присланной Вами книжкой Ваших статей, Вашим добрым отношением, хотя оценка моих сил там и не соответствует действительности».

А дальше все ее письмо заполнено деловыми советами.

Какое бы письмо Надежды Константиновны за 1923 год мы ни взяли, в каждом неизменно будут строки о Владимире Ильиче.

Особенно трогательными и откровенными были письма Надежды Константиновны к дочерям Инессы Арманд — Варе и Инне. До конца жизни Крупская будет очень дружна с ними, с ними, так хорошо знавшими и любившими Владимира Ильича, она будет охотно говорить о нем, вспоминать его. А сейчас она пишет из Горок Варе: «Не знаю, что писать. У нас дела ничего себе, хотя временами кажется, что только обманываешь себя. Во всяком случае, все движется гораздо медленнее, чем хотелось бы. Конечно, там видно будет... Ездим за грибами в далекий лес на автомобиле, читаем газетки. Сестер отменили окончательно. Доктора сведены до минимума. Живем ничего себе, по существу, если бы не думать, и то стараюсь этим делом как можно меньше заниматься» [1].

В тот же день — 13 сентября — она пишет отдельное письмо Инне Арманд, жившей тогда в Германии: «Получила ли ты письмо с карточкой В. У нас поправка продолжается, хотя все это идет чертовски медленно. У В. выдержка громадная, старается скрыть от всех, как ему тяжело. Вообще, как далеко пойдет поправка — никто сказать не может, может и полное восстановление быть. Приходится одно — запастись терпеньем. Ездим в далекий лес на автомобиле, читаем газетки, по саду ездим...» [2].

«Надо запастись терпеньем. — Надежда Константиновна как-то сказала это и Владимиру Ильичу. — Будем рассматривать болезнь как тюремное заключение». В ком-

---

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 2, д. 206, л. 7.
[2] Там же, л. 9.

нате в это время находилась медицинская сестра. Услышав слова Надежды Константиновны, она возмущенно развела руками: «Зачем так говорить, какая это тюрьма». Но Владимир Ильич понял и улыбнулся: надо переносить болезнь как тюрьму, как временное и насильственное отстранение от работы. И крепиться.

Он очень внимательно сам просматривал все газеты, требовал, чтобы от него не скрывали новостей, расспрашивал о друзьях. «Слушал Владимир Ильич очень внимательно, задавая иногда вопросы, — пишет Крупская. — Газета облегчала отгадывание вопросов Владимира Ильича. Отгадывать было возможно потому, что, когда жизнь прожита вместе, знаешь, что какие ассоциации у человека вызывает. Говоришь, например, о Калмыковой и знаешь, что вопросительная интонация слова «что» после этого означает вопрос о Потресове, о его теперешней политической позиции. Так сложилась у нас своеобразная возможность разговаривать».

Понятно, почему с Надеждой Константиновной хотел он быть в эти трудные дни. Ей ничего не надо было объяснять, повторять дважды.

Только раз в неделю, после обеда, ездила Крупская в город. И вот 18 октября они с Владимиром Ильичем подошли к машине. Она думала, что он провожает ее, но Ленин решительно сел рядом с Гилем и махнул рукой — «поехали». Уже несколько раз шла речь о поездке в Москву, хотя врачи и родные убеждали Владимира Ильича не делать этого. Сейчас спорить было бесполезно. Лицо его было непреклонно. Надежда Константиновна вдруг ясно поняла его состояние — смелый и мужественный, он отдает отчет в тяжести своей болезни, едет прощаться с Москвой. Они проехали по улицам и площадям города, по Кремлю, медленно прошел Владимир Ильич по комнатам квартиры, просил оставить его одного в рабочем кабинете. Потом вместе они отобрали в библиотеке несколько книг. На другой день вернулись в Горки...

Читают по утрам свежие газеты, просматривают журналы, иногда Надежда Константиновна читает Владимиру Ильичу вслух повести, романы, стихи. Когда Владимир Ильич отдыхал, Крупская писала свои статьи по самым различным проблемам, стараясь оперативно решать текущие наркомпросовские дела... Ничем она не показывает, как тяжело даются ей спокойствие, внешняя уравновешенность, оптимизм.

Но иногда даже эту мужественную женщину охваты-

вало отчаяние, и как стон выливается письмо к Инне Арманд (28 октября 1923 года): «...Сейчас у нас осень, парк опустел, стало в нем скучно. Летом народ толкался, теперь никого нет, и В. тоскует здорово, особенно на прогулках. Каждый день какое-нибудь у него завоевание, но все завоевания микроскопические, и все как-то продолжает висеть между жизнью и смертью. Врачи говорят — все данные, что выздоровеет...» [1]

Вечером 21 января 1924 года Владимир Ильич потерял сознание и наступил последний час.

Надежда Константиновна неподвижно сидела у постели Владимира Ильича и держала его руку в своих руках. Рука была суха и очень горяча. Вокруг хлопотали врачи, переговаривались то по-русски, то по-немецки. До ее сознания не доходили их слова. Но вдруг наступила тишина, и она услышала, как профессор Ферстер тихонько сказал: «Ende». «Конец?» Нет, нет, жизнь не может кончиться вот так, сейчас!

Надежда Константиновна молча сидела и держала руку Владимира Ильича. Вбежала Мария Ильинична, обняла ее за плечи и тоже застыла, глядя в лицо брата. Постепенно черная весть достигла деревни Горки, и крестьяне стали собираться у крыльца дома.

Тело Владимира Ильича положили в зале второго этажа. Лицо его спокойно и поэтому для нее неузнаваемо. Час, второй, третий она смотрела в это лицо. Она не замечала, как мимо нее проходили люди, сменялся почетный караул.

Днем 22 января в Большом театре состоялось заседание XI Всероссийского съезда Советов. Заседание открыл Калинин: «...Товарищи, прошу встать. Товарищи, я должен сообщить вам тяжелую весть. *(Зал настороженно замер.)* Здоровье Владимира Ильича в последнее время шло на значительное улучшение. Но вчерашний день произошел с ним удар, и Владимир Ильич умер. *(Наступила пауза. Калинин говорить не мог. В зале раздались рыдания. Наконец, овладев собой, Михаил Иванович продолжал.)* Я прочту вам бюллетень, подписанный врачами. *(Читает.)*

Товарищи, нет слов, какие нужно было бы сказать сейчас. Я думаю, самая главная и основная задача, стоящая перед нами, — это сохранить завоевания, главным творцом которых был Владимир Ильич...»

---

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 2, д. 206, л. 10.

В этот день весь мир облетело сообщение правительства СССР о смерти Председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ленина.

Утром 23 января у горкинского дома собрались крестьяне окрестных деревень. Приехал воинский караул. Гроб с телом Владимира Ильича подняли на руки ближайшие соратники. Надежде Константиновне и сестрам Владимира Ильича предложили доехать до железной дороги на машине. Они отказались. Медленно, поддерживая друг друга, шли три удивительные женщины — несгибаемые коммунистки, самые близкие и родные Владимиру Ильичу.

Вдоль дороги стояли женщины, дети, старики. Был страшный мороз, но, когда гроб равнялся с людьми, мужчины снимали шапки и с непокрытыми головами провожали его.

Гроб с телом Ленина был установлен в Колонном зале Дома союзов.

Дни и ночи к Дому союзов двигалась бесконечная человеческая лента. Шли москвичи, шли приехавшие с Волги, с Урала, из Сибири. Все, кто проходил в эти дни через Колонный зал, неизменно видели Надежду Константиновну. Она не плакала.

Наступило 27 января 1924 года. В 16.00 по московскому времени на Красной площади страна хоронила Владимира Ильича Ленина-Ульянова. Загудели все фабрики, все заводы Москвы и страны. Последний прощальный салют вождю... На пять минут застыла жизнь в стране: остановились поезда в пути, замерли станки. Московские воинские части салютовали Ленину 25 артиллерийскими залпами.

Надежда Константиновна в сопровождении близких вернулась в кремлевскую квартиру. Первый раз она переступила порог их квартиры одна...

Еще накануне похорон, 26 января, открылся II Всесоюзный съезд Советов. Его первое заседание было посвящено памяти вождя. Никто из делегатов и подумать не мог, что увидит на трибуне Крупскую, услышит ее такие проникновенные, такие искренние слова. «Товарищи, за эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь, и вот что я хочу сказать Вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным, — тихо говорила Крупская, обра-

щаясь к людям Страны Советов. — Никогда этого он не говорил сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную минуту. Я говорю об этом потому, что это чувство он получил в наследие от русского героического революционного движения».

О том впечатлении, которое произвело на всех выступление Крупской, много лет спустя писал старейший член Компартии, польский революционер Феликс Янович Коп: «Когда я увидел Вас на трибуне II съезда Советов, когда я услышал Ваш призыв высоко держать знамя Ленина, я понял Вашу роль в партии с момента ее основания, понял, какой силой воли надо было обладать, чтобы выполнить этот долг перед партией».

БЕЗ ЛЕНИНА — С ЛЕНИНЫМ

Давно Надежда Константиновна не помнила такой московской зимы: термометр неизменно показывал не меньше 25° мороза, со стороны Москвы-реки дул ледяной ветер, малиновый диск солнца едва проглядывал через серо-белесую мглу. Сегодня она совсем одна. Мария Ильинична на весь день ушла в редакцию, а ей категорически запретила выходить, обещала проверять по телефону. Да и врачи не разрешают работать: опять усилилось сердцебиение. Начались частые головокружения. В квартире тишина, даже телефон молчит: не хотят беспокоить — знают, что плохо ей.

Часы в столовой глухо отбили пять ударов. Тихо прикрыв дверь, она села к столу.

Привычно перевернула календарь — 28 января. Вот уже седьмой день, как перестало биться сердце Ильича. Почти машинально она стала перебирать пачки писем, скопившиеся за эти дни. И вдруг обратила внимание на такой знакомый почерк. Ну да, это от Алексея Максимовича, вот ему надо поскорее ответить, он так любил Владимира Ильича. Она медленно писала, словно беседовала с Горьким: «Дорогой Алексей Максимович, похоронили мы вчера Владимира Ильича. Он был до самой смерти таким, каким и раньше, — человеком громадной воли, владевшим собой, смеявшимся и шутившим еще накануне смерти, нежно заботившимся о других. Например, в воскресенье вечером у Владимира Ильича был глазной врач, проф. Авербах. Уже попрощавшись, он через некоторое время опять пришел посмотреть, кормят ли его. Около газеты, которую мы читали каждый день, у нас шла беседа. Раз он очень взволновался, когда прочитал в газете о том, что Вы больны. Все спрашивал взволнованно: «Что? Что?»

По вечерам я читала ему книги, которые он отбирал из пачек, приходивших из города. Он отобрал Вашу книжку «Мои университеты». Сначала он попросил

прочесть ему о Короленко, а потом «Мои университеты».

Наконец-то хлопнула входная дверь, вернулась Мария Ильинична. Они долго еще сидели в этот вечер. Мария Ильинична отогревалась чаем и рассказывала о последних новостях. Вдруг спохватилась: в редакции очень хотят, чтобы Надежда Константиновна два слова написала в «Правду» об увековечении памяти Владимира Ильича, а то их совсем завалили письмами, предлагают самые грандиозные проекты.

Крупская знала, чувствовала, что сможет сказать людям, как хотела бы она увековечить память Ленина.

Утром 30 января вся страна читала:

«Товарищи рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки!

Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т. д. — всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим. Помните, как много еще нищеты, неустройства в нашей стране. Хотите почтить имя Владимира Ильича — устраивайте ясли, детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов и т. д.; и самое главное — давайте во всем проводить в жизнь его заветы».

Дни шли за днями, но боль утраты оставалась такой же острой. Трудно было входить в опустевшую квартиру, садиться за стол, видеть перед собой незанятое место Владимира Ильича. «Без Ленина...» — для нее это понятие не существовало, так как, уйдя из жизни, Владимир Ильич навсегда остался в жизни страны, народа, партии, в ее жизни.

Огромная требовательность к себе, чувство долга перед партией и народом помогли Надежде Константиновне перенести эту ужасную утрату, вернуться в строй, к людям, к работе.

Отныне вся ее жизнь подчинена одной задаче — «хоть немного помочь осуществлению того, что хотел В[ладимир] И[льич]...», и она рада, когда что-то выходит.

Деятельность Крупской в 1924 году становится еще более напряженной. Зарегистрировано 140 ее выступлений и статей, не считая писем.

Надежда Константиновна выступает с докладом об общественном воспитании работниц на III Международ-

ной конференции женщин-коммунисток, с речью о партийной этике на Пленуме ЦКК РКП(б), делает доклад о работе с ленинским призывом. В течение 1924 года проходит ряд всероссийских и всесоюзных съездов — по ликвидации неграмотности, библиотечному делу, дошкольному воспитанию, съезд клубных работников, съезд совпартшкол. В повестке дня каждого из них стоят доклады Крупской.

В это же время идет подготовка к всесоюзному учительскому съезду, создаются «Учительская газета», журналы «Народный учитель», «Изба-читальня», начинает развертывать работу организованный в 1923 году журнал «Красный библиотекарь». Во всех этих делах Крупская принимает живейшее участие.

Партия во главе с ЦК готовилась к XIII съезду. В связи с резким расслоением в деревне встал вопрос об усилении работы в деревне, о четкой линии, проводимой по отношению к крестьянину — бедняку, середняку и кулаку. Положение было очень серьезным. Январский Пленум ЦК поручил Крупской сделать на съезде содоклад о культурной работе в деревне.

Она прекрасно знала положение на местах, так как получала огромное количество писем; к ней в Наркомпрос приезжали избачи, учителя. В беседах с ними она проверяла каждое положение своего будущего доклада. Дома она опять садилась за труды Ленина, советовалась с ним, перечитывала все статьи, где Ленин говорил о кооперативном плане, о положении в деревне, о будущем крестьянства.

В апреле 1924 года Крупская выступает в газете «Правда» со статьей «О работе в деревне». «Сейчас вопрос о работе в деревне — один из самых важных, самых насущных вопросов... Кулак сильнее и середняка-крестьянина и крестьянина маломощного, и поэтому бороться с кулаком крестьяне могут, только объединив свои силы».

Единственный путь, который может вывести деревню из нищеты, — это путь кооперирования. Надежда Константиновна возвращается к этой теме неоднократно. «О культурной работе в деревне», «Лицом к деревне», «Культурно-просветительная работа среди крестьянок», «Расслоение деревни», «Пионеры в деревне», «К вопросу о работе культотделов» — это лишь небольшая часть статей, посвященных положению в деревне.

Крупская обращается к женщинам, к молодежи села,

к пионерам с горячим призывом бороться ежедневно, ежечасно с темнотой, бескультурьем деревенской жизни, налаживать новый быт.

О своей жизни она рассказывает Варе Арманд в письме от 12 июня 1924 года. «Я живу по-прежнему; была на своей излюбленной Прохоровке, на Голутвинской мануфактуре, на фабрике Ливерса — околачивалась там, даже младенца октябрила. Очень я люблю на фабриках бывать. Ну и у молодежи была, старалась — на рабфаке Покровского, 1-м МГУ, у тимирязевцев, доклады по работе в деревне делала. Еще по ликвидации безграмотности. Поеду еще в Тверь, Ярославль, Иваново-Вознесенск.

На отдых не поеду, но дня три в неделю буду проводить в Горках, была уже на прошлой неделе, еду сегодня. Там писать лучше.

Маняша все прихварывает. Сегодня напускают на меня тоже докторов, но я согласна только пить какую угодно мерзопакость, но режиму ихнему подчиняться не стану, наперед говорю...

Я сейчас специализировалась на работе в деревне, и меня запрятывают во всякие комиссии по работе в деревне, работы все прибывает».

Да, работы все прибывает...

Деревня просыпалась от вековой спячки, женщины и молодежь потянулись к знаниям, к общественной жизни. Деревенской женщине был нужен свой журнал, где она могла бы рассказать о жизни своего села, о себе, узнать, как строят новую жизнь в других деревнях и селах, прочитать полезные советы.

И Крупская примет самое непосредственное участие в создании нового женского журнала — «Крестьянка». И будет она оставаться его бессменным корреспондентом до конца своей жизни.

Из месяца в месяц, год за годом появляются ее статьи по самым различным вопросам. В ее личной библиотеке в Кремле и по сей день хранится огромное количество журналов, около 8 тысяч номеров, в том числе и комплекты «Крестьянки» с 1924 по 1938 год. Крупская успела получить и первый, январский номер журнала за 1939 год. Она внимательно просматривала все номера, делала пометки на обложках, отмечала публикации своих статей. Тематика ее статей очень обширна. Крупская откликалась на все важнейшие события в нашей стране и за рубежом. Если перелистать номера журнала за 1924 год, то мы увидим, что статьи Крупской публикова-

лись почти в каждом номере. В январе 1924 года в «Крестьянке» было опубликовано «Обращение к товарищам крестьянкам», написанное Надеждой Константиновной в трагические дни после смерти Владимира Ильича. В своем обращении к женщинам сел и деревень Надежда Константиновна писала: «Товарищи крестьянки, поднимайтесь к сознательной жизни, учитесь перестраивать жизнь так, чтобы всем вам хорошо жилось, организуйтесь, сплачивайтесь около Красного знамени коммунизма».

Почти каждый год в январском номере журнала появлялась статья Надежды Константиновны, посвященная жизни и деятельности В. И. Ленина, каждый раз освещающая новый аспект его героического жизненного пути. Надежда Константиновна подчеркивала, что во всех успехах, в поступательном движении страны социализма рабочие и крестьяне видят осуществление заветов Ленина: «В каждую трудную минуту, которую переживает страна, вспоминается Ленин — непримиримый борец за дело трудящихся, при каждой новой победе вспоминают его: «Вот Ильич бы поглядел», вспоминают его глубокое убеждение в победе социализма, осуществляемого руками миллионных масс. Никогда не забудут Ленина трудящиеся». И еще одну годовщину каждый год отмечала Крупская статьей в журнале — славную победу Великого Октября. В канун 21-й годовщины в журнале помещена ее статья под названием «Еще выше поднимем знамя коммунизма». В небольшой по объему статье Крупская четко и ясно обрисовывает путь, пройденный советскими крестьянами, гордится успехами социалистической деревни: «Большинство трудящихся в России были крестьяне, — пишет Крупская. — Их эксплуатировали помещики, угнетало царское правительство, они были бессильны, темны, бесправны. Партия с самого начала втягивала крестьян в общую борьбу трудящихся. Она учила их поновому организовать хозяйство... Но для этого надо было рабочим завоевать власть, стать силой, чтобы перестроить все хозяйство по-новому. Крестьянскому вопросу партия все время уделяла большое внимание. Владимир Ильич с первых шагов своей деятельности придавал большое значение крестьянскому вопросу».

Большие надежды возлагала Крупская на женщину-крестьянку. Верила, что она поможет построить новую жизнь в своей деревне, в своем селе, поможет наладить работу в колхозе, примет самое активное участие в организации детских садов и яслей. И главное, к чему при-

зывала крестьянок Крупская, — учиться, ликвидировать неграмотность: «Вооруженная знаниями колхозница-общественница, колхозница-ударница, колхозница-стахановка, станет еще большей силой в деле строительства социализма, она полностью оправдает надежды, которые возлагались на нее Лениным...» — эти слова взяты из обращения Надежды Константиновны к читательницам «Крестьянки» в день 8 Марта.

Трудно хотя бы даже просто перечислить проблемы, которых касалась Крупская в своих статьях. Тут и вопросы культурного строительства на селе, и ликвидация неграмотности, и раскрепощение женщин в национальных республиках, и воспитание подрастающего поколения. Многочисленные отклики на статьи Надежды Константиновны постоянно шли в редакции журналов, в Наркомпрос, в ее кремлевскую квартиру.

В одной из своих статей о Ленине Крупская подчеркивала, что он всегда мечтал писать для трудящихся, для простых рабочих и крестьян, писать ярко и откровенно, не сюсюкать, не замазывать трудностей. Писать доходчиво и образно, но не подделываясь под простонародный говор, красивым, литературным русским языком. Именно таким был стиль самой Надежды Константиновны. Зная четыре иностранных языка, она почти не употребляла иностранных слов, не щеголяла эрудицией. Однако ее читатели всегда чувствовали, что она говорит о проблемах всесторонне изученных, продуманных, прочувствованных, что ее все это волнует так же, как и тех, к кому она обращается.

После революции Надежда Константиновна не закрылась в стенах своего кабинета. Она много выезжает в разные области и города, выступает перед самыми различными аудиториями, но всего дороже ей непосредственные встречи и разговоры с работницами и крестьянками, с педагогами и учащимися, с работниками Советов. И она счастлива, если удается побыть с людьми в привычной для них неофициальной обстановке. Нерасторжимо она была связана с народом всей своей жизнью.

Искренней и горячей любовью к ней проникнуты бесхитростные письма женщин-крестьянок и работниц.

В феврале 1929 года Надежде Константиновне исполнилось 60 лет. Журнал «Крестьянка» не только поместил о ней специальную статью, но и сделал подборку из колоссального количества писем, которые шли в редакцию журнала в эти дни. Можно было поместить лишь тысяч-

ную часть. Среди корреспонденций были и телеграммы, и бесхитростные стихи. Из деревни Давыдковской Тульской области ей писали: «Дорогая Надежда Константиновна! Тебе исполнилось 60 лет. Время унесло твою молодость; жизнь, полная борьбы и труда, унесла твое здоровье. Все свои силы и жизнь ты отдала на борьбу за улучшение жизни крестьянок. Мы, делегатки, шлем тебе сердечный привет и желаем здоровья и сил. Мы, делегатки, будем исполнять заветы нашего учителя и пойдем твоей дорогой. *Цимбаева»*.

Делегатки женского собрания с Украины писали: «Горячий привет нашему неустанному борцу! Вам исполнилось 60 лет. Но вы такая же, как и в расцвете лет. Тысячи тружениц льнут к Вам и просят Ваших дорогих советов, и Вы успеваете отвечать им. Спасибо Вам, любимая Надежда Константиновна, за Вашу библиотеку, которую Вы нам прислали, за Ваши дорогие письма, которые Вы нам посылали. Спасибо Вам за Ваше доброе сердце, которое расположено ко всем рабочим и работницам, крестьянам и крестьянкам.

О, если бы мы, женщины, могли отменить Вам эти 60 лет, а на место их возвратить 16! Но этого, к сожалению, мы не можем сделать. Пожелаем же Надежде Константиновне прожить много лет».

В мае 1924 года в Москве открылся XIII съезд РКП(б). Для Надежды Константиновны, как и для Владимира Ильича, партийный съезд всегда был большим событием, большим праздником. Возмущенная провокационной кампанией Троцкого, его упорным навязыванием партии уже не первой дискуссии, Крупская знала, что огромное большинство партийцев дадут дружный отпор троцкизму. Тяжело было сознавать, что так распоясаться Троцкому помогло и то обстоятельство, что не было уже Владимира Ильича в живых.

После смерти Ленина начался ленинский призыв в партию, в нее шли наиболее сознательные рабочие от станка. В результате призыва в ряды партии влилось 240 тысяч передовых представителей рабочего класса. И когда открылся XIII съезд партии, ее ряды насчитывали около 736 тысяч членов. Партия выросла со времени XII съезда почти вдвое. Съезд одобрил политику ЦК в борьбе с троцкизмом и утвердил резолюцию XIII конференции РКП(б), в которой троцкизм характеризовался как мелкобуржуазный уклон. Огромное значение съезд придавал марксистско-ленинскому воспитанию членов

партии и обязал всю партийно-просветительную работу увязать «с основными этапами истории нашей партии в связи с исключительным значением в ней руководящих идей тов. Ленина» [1].

Все решения съезда были направлены на развертывание социалистического строительства, на укрепление союза рабочих и крестьян, на повышение руководящей роли партии.

По делегациям было прочтено «Письмо к съезду» Владимира Ильича Ленина, известное под названием «Завещание». Это письмо после смерти Владимира Ильича Крупская передала в ЦК партии. Обращаясь к делегатам съезда, Ленин говорил о необходимости сохранения единства партии, говорил о создании устойчивого ЦК, способного предотвратить раскол партии. Ленин подчеркнул, что позиция, занятая Троцким, «небольшевистская».

На съезде широко обсуждался вопрос о положении в деревне. С докладом по этому вопросу выступил Калинин. Крупская выступила с содокладом «О культурной работе в деревне». В тезисах выступления она писала: «Сейчас деревня стоит на распутье, переживает переломный момент, сейчас складывается ее новое лицо. От того, каким будет это лицо, зависят дальнейшие судьбы Советской власти и нашей партии; поэтому работа в деревне в данный момент является одной из самых важных, ударных работ».

В докладе Крупская подчеркнула мысль Ленина, неоднократно высказываемую им в последних речах, о том, что продвижение по пути строительства социализма возможно лишь на базе культурного подъема деревни.

Доклад Крупской нашел широкий отклик среди крестьянства. Она получает письма из самых глухих деревень и сел, от крестьян, от молодежи.

На XIII съезде Крупская была избрана в ЦКК, и теперь работы у нее прибавилось. Это было серьезное и большое поручение партии.

Приближалась седьмая годовщина Великого Октября — первый раз этот праздник страна встретила без Ленина. Тяжело было Надежде Константиновне в эти дни, да и самочувствие резко ухудшилось. Но 7 ноября она была на Красной площади.

Вскоре после праздника в очередной пачке писем На-

[1] КПСС в резолюциях..., ч. 2, с. 21.

дежда Константиновна нашла письмо крестьянского собрания.

«Дорогая Надежда Константиновна!

Граждане деревни Акинькино Судисловской волости Волоколамского уезда, стремясь дать своим детям образование, на очень ограниченные крестьянские средства, своими силами построили школу. И вот 8 ноября 1924 года мы праздновали два великих для нас праздника, это: 7-ю годовщину Октябрьской революции и открытие новой школы. В этот день мы не можем не вспоминать тебя, Надежда Константиновна, как лучшего друга Ильича, ушедшего от нас к 7-й годовщине, и как человека, много поработавшего для народного образования, и мы на нашем торжественном собрании избрали тебя почетным председателем его. Кланяемся тебе, Надежда Константиновна, и желаем полного успеха в твоей работе, чтобы у нас в Советской России и во всем Советском Союзе росли и крепли грамотность и образование» [1].

Письмо обрадовало Крупскую: в нем она нашла подтверждение своим мыслям — школа должна стать главным культурным очагом на селе.

В июле 1924 года состоялся VI съезд комсомола. Не случайно именно Крупскую просили делегаты рассказать, что она считает главным в жизни молодого ленинца, что определяет личную жизнь человека нового общественного строя. Тогда среди некоторой части молодежи шли споры о том, может ли комсомолец иметь семью, как сочетать общественную жизнь с личной, Крупская, обращаясь к делегатам съезда, говорила:

«Мы живем в такую эпоху, когда мы уже ясно понимаем, что личная жизнь не может отделяться от общественной жизни. Это в прежние времена, может быть, было неясно, что такой разрыв между личной и общественной жизнью ведет к тому, что рано или поздно человек изменяет делу коммунизма. Мы должны стремиться к тому, чтобы нашу личную жизнь связать с делом борьбы, с делом строительства коммунизма.

Это, конечно, не значит, что мы должны отказаться от личной жизни. Партия коммунизма — не секта, и поэтому нельзя проповедовать такой аскетизм...

Надо уметь сливать свою жизнь с общественной жизнью... благодаря такому слиянию, благодаря тому, что общее дело всех трудящихся становится личным де-

---

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 1, д. 727, л. 55.

лом, — благодаря этому личная жизнь обогащается. Она не становится беднее, она дает такие яркие и глубокие переживания, которых никогда не давала мещанская семейная жизнь. Вот уметь слить свою жизнь с работой на пользу коммунизма, с работой, с борьбой трудящихся за строительство коммунизма — это одна из задач, которая перед нами стоит. Вы — молодежь, вы только что начинаете строить свою жизнь, и вы можете построить ее так, чтобы не было разрыва между личной жизнью и жизнью общественной».

В августе 1926 года врачи в принудительном порядке заставили ее уехать на отдых, советовали ехать куда-нибудь в глушь, подальше от суеты. Она действительно забралась в захолустье. Поселилась у сестры И. И. Радченко в деревне Городня Тверской губернии.

Она пишет из этой деревни Варе Арманд: «...Я тут прямо процветаю. Очень тут хорошо. Тишина тут чудесная. Кругом версты на $1^1/_2$ — бор, грибы всякие, черника, брусника. Хозяева очень хорошие: Мария Ивановна — хозяйничает на всех, трое 17-летних ребят, один 14-летний, один девяти и потом моя знакомая Алиса Ивановна (Радченко. — *Авт.)*. Ребята хорошие, простые очень. Вообще тут просто очень — и так я этому рада. Ребята пропадают целый день на Волге. Я сначала чинно гуляла и читала. Читается тут очень хорошо. Прочла ряд книжек по экономике, а теперь загуляла. Во-первых, попала я, как оказывается, в весьма знаменитую волость: тут когда-то, в 70-х годах, были знаменитые народнические сыроваренные артели. В одной из них работала Софья Перовская. Были еще кузнечные артели. Благодаря этому население тут легко пошло на кооперацию — кооперировано почти сплошь. Была я сегодня в одном селе — там и школа, и сыроварня, и ЕПО (единое потреб. общество), и ячейка комсомольская, и делегатки, и делегатская швейная, и ККОВ (комитет крест. общ. взаимопомощи), идет сейчас там землеустройство. Стройка — тверская: избы красивые, деревни сухие, деревьями усаженные, газету «Тверскую правду» каждый двор получает. Только школа в очень плохом здании, а в избе-читальне сыроварня летом. Народ удивительно развитой, бывалый, все директивы знает до точности. Подрядили меня уже выступать тут в трех местах.

Это одно. А другое — тут торфоразработки («торфуши») — строится электрическая станция, ботаническая станция тут же. За десять дней, что я тут проживу, мно-

го повидаю и узнаю. В этом году, одним словом, получился у меня заправский отдых.

Тут, если бы взяться, много бы сделать можно. Както увлекательно очень.

И вот что еще. Последнее время такое настроение было — лежать бы только, а теперь опять куда-то застремилась, всюду захотелось идти, с людьми новыми быть, работать вовсю».

Вечная труженица, не умела Надежда Константиновна отдыхать.

КРУПСКАЯ — ПЕРВЫЙ БИОГРАФ ЛЕНИНА

Уже в скорбные январские дни 1924 года Надежда Константиновна поняла, что ей предстоит выполнить важнейшую миссию — рассказать грядущим поколениям о жизни и борьбе великого Ленина. Партия и народ ждали от нее этого, так как никто не знал Владимира Ильича лучше, чем она, прошедшая с ним рука об руку три десятилетия.

В конце января принимается Надежда Константиновна за работу, начинает готовить брошюру «Заветы Ленина в области просвещения». В письме к Варе Арманд от 28-го она сообщает:

«Я взялась составлять из его сочинений популярную брошюру, — сборник самого важного и существенного, что он сказал, — и взялась уже за работу. Кажется мне, что сборник у меня выйдет. Потом буду помогать разбирать материалы в Институте Ленина, писать о пережитом. Сейчас больше всего хочется думать о Владимире Ильиче, об его работе, читать его».

В 1924 году эта брошюра вышла четырьмя изданиями, а в 1925 году — еще тремя.

Надежда Константиновна сочла своим долгом написать специально для ленинского призыва популярную биографию Ленина. Едва оправившись после болезни, она приступила к работе. Ею были написаны следующие главы, охватывающие период 1870—1905 годов: работа в Питере, на воле и в тюрьме; работа в ссылке и в Пскове: «Искра». К сожалению, эта книга не была закончена Крупской, ее рукопись сейчас находится в Центральном партийном архиве. Во всей Лениниане, пожалуй, не найдется более точного и более прекрасного определения образа Ленина, как человека и вождя, который дала Надежда Константиновна во вступительной части своей работы: «...Освободить трудящихся от гнета самодержавия, помочь им построить новую, светлую жизнь — такова стала отныне цель жизни Владимира Ильича. И всю

жизнь, до последнего вздоха, он оставался верен этой цели, не отступал от нее в самые трудные времена. Про него можно сказать словами его любимого стихотворения: «Он знал одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть». Эта великая цель, которая всегда стояла у него перед глазами, воспитала в нем величайшую скромность. У него не было тщеславия, честолюбия, тем более не было чванства, не знал он личных обид...» [1] Это определение Ленина как человека единой цели, который никогда не знал сомнений в правильности избранного пути, не знал колебаний, даже в самые трудные периоды истории партии был уверен в конечной победе, этот образ Владимира Ильича, данный Крупской в одной из первых ее работ о Ленине, прошел через все ее последующие статьи, книги, виден во всех ее высказываниях.

Во время лечения в Кисловодске осенью 1924 года она окончательно оформила первые страницы своих воспоминаний о Ленине.

С этого времени и до последних дней Надежда Константиновна работает над этой книгой.

Ее воспоминания — образец добросовестной, скрупулезной работы. Она не надеется только на свою память. Она поднимает документы, периодическую печать, работает в архивах, расспрашивает людей, знавших Ленина.

В архиве Института марксизма-ленинизма хранятся составленные Крупской специальные хронологические таблицы, отражающие жизнь и деятельность Ленина не только по годам, но и за каждый месяц. Не раз Крупская подчеркивала, что биографию Ленина можно писать, лишь учитывая тот исторический фон, на котором протекали события. Созданные ею таблицы представляют собой склеенные из больших листов (очевидно, взятых из канцелярских книг) полотнища, которые имеют следующие графы: международное положение, внутреннее положение, положение внутри партии, международное рабочее движение и деятельность Ленина. Сначала отрывки из книги публикуются на страницах «Правды», затем появляется первая ласточка — тоненькая, всего в 62 страницы, книжечка, где рассказывается о жизни и деятельности Владимира Ильича с 1893 по 1902 год. В 1926 году выходит выпуск, рассказывающий уже о событиях до 1905 года. К 1931 году Крупская довела свои воспоминания до 1917 года.

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 2, д. 52, л. 9.

Н. К. Крупская в Горках. 1923 год.

Н. К. Крупская и К. Цеткин в президиуме III Всероссийской конференции по дошкольному воспитанию. Москва, 1926 год.

Н. К. Крупская среди делегаток XV съезда ВКП(б) в Кремле. 1927 год.

Н. К. Крупская
в кабинете
Главполитпросвета.
Москва, 1927 год.

Н. К. Крупская с членами общества «Долой неграмотность». 1927 год.

Н. К. Крупская с детьми. 1929 год.

Н. К. Крупская в своем кабинете беседует с женщинами. 1928 год.

Н. К. Крупская и А. В. Луначарский среди участников пленума ЦК ВЛКСМ. Москва, 1925 год.

Сочинения детей Магнитогорска, хранящиеся в комнате Н. К. Крупской в Кремле.

Н. К. Крупская среди отдыхающих. Железноводск, 1929 год.

Н. К. Крупская, М. И. Ульянова и Д. И. Ульянов. Горки, 1935—1936 годы.

Н. К. Крупская и М. И. Ульянова среди работниц «Трехгорной мануфактуры» и фабрики «Интернационал», приветствовавших XV съезд ВКП(б). Кремль, 1927 год.

Н. К. Крупская
в доме отдыха
«Мухолатка».
1936 год.

Н. К. Крупская в своем кабинете. 1937 год.

Н. К. Крупская среди детей в доме отдыха «Архангельское». 1936—1937 годы.

Н. К. Крупская. 1937 год.

Письмо Федора Гладкова к Н. К. Крупской.

3-е издание Сочинений В. И. Ленина с закладками и пометками Н. К. Крупской.

Комната Н. К. Крупской в кремлевской квартире.

Н. К. Крупская. 1936 год.

Н. К. Крупская. 1938 год.

Приступая к работе над книгой о Ленине и о партии, Крупская считала, что она еще мало писала на эту тему, ей хотелось посоветоваться с широкой рабочей аудиторией, которой эта книга предназначалась. Узнать, какие она вызывает вопросы, что надо будет раскрыть подробнее. Что вызовет недоумение. Поэтому, как только была написана первая глава, весной 1924 года, Надежда Константиновна обратилась к ряду своих сотрудников, занимавшихся с рабочими на различных фабриках и заводах, с просьбой прочесть рабочим первые главы и непременно записать их вопросы. Один из кружков на обувной фабрике «Буревестник» вела А. Г. Кравченко, она рассказывает, что рабочие приняли близко к сердцу каждую фразу, написанную Крупской. Сначала они стеснялись делать замечания и задавать вопросы. Пришлось им объяснить, как волнуется Надежда Константиновна, с каким нетерпением ждет их оценки. В архиве, к великому сожалению, сохранился список вопросов, заданных лишь на одном из чтений. Но уже этот небольшой перечень показывает, что рабочая масса хотела подробно знать все о соратниках и противниках Владимира Ильича, о создании партии, о тех рабочих, которые составили ядро «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Участники кружка просили поподробнее объяснить, что такое легальный марксизм, рассказать о статье Ленина, которая вошла в сборник, издаваемый совместно с легальными марксистами, о первых листовках, написанных Владимиром Ильичем; спрашивали, в чем заключалась первая маевка 1891 года. Были и такие вопросы: «Чем существовал тогда Владимир Ильич?», «Кто такой Струве?» и т. д. (ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 112, оп. 2, д. 52, л. 46 об.). Надежда Константиновна внимательно изучила эти вопросы, она выспрашивала руководителей кружков о непосредственной реакции рабочих на отдельные положения. И как только была написана дальнейшая глава, она посылает ее Кравченко с такой записочкой: «Дорогая А. Г., шлю продолжение: 1903—1905 гг. Мне особенно интересно, как отнесутся к главам «Искра» и 1903—1905 год».

Поучителен сам метод работы Надежды Константиновны. Она составляет список лиц, которые могут помнить что-то о конкретном событии, городе, времени. Сохранились подробные записи Надежды Константиновны, с кем и по какому вопросу должен состояться разговор. Уже для того, чтобы составить такой список, надо было

быть в курсе всех партийных дел, надо знать каждый день жизни Ильича. И впоследствии эту ценность воспоминаний Крупской будут отмечать все рецензенты. Приступая к рассказу о жизни в Кракове, Надежда Константиновна намечает следующий план бесед, кого и о чем надо спросить: «...**Крыленко:** где он жил в Польше, когда к нему приезжала Инесса, когда приехал в Краков после этого? Был ли на допросе Малиновского? Был ли на какой-либо конференции?..

Муранова: Когда он к нам приехал первый раз? Когда приехал вместе с запоздавшим товарищем? Кто это был? От кого он слышал о провокации? **Сталина** спросить: Его ли письмо, опубликованное в сборнике «Из эпохи Звезды и Правды». Был ли он один раз в Кракове только? С какого по какое время работал в «Правде»?» [1]

Первый выпуск воспоминаний вызвал многочисленные отклики. Она получала письма со всех концов страны. Друзья делали свои замечания. Иногда ее упрекали в некоторой сухости воспоминаний. Они с Владимиром Ильичем считали, что нельзя выносить на общий суд внутреннюю, личную жизнь. И никогда не вмешивались в личную жизнь других. А теперь в книге разве можно рассказать о всех их радостях и горестях, о том, что пережито вместе за три десятка лет! И она пишет в основном об их работе, о деле, которому были отданы годы.

В ответном письме старому другу — М. М. Эссен Надежда Константиновна пишет:

«Вы пишете, что досадно, что воспоминания слишком скупы. Это говорят многие. Может быть, это происходит потому, что писать воспоминания эти мне очень трудно. У меня двойственное чувство. С одной стороны, мне кажется, что писать их надо, а с другой — мне кажется, что Ильич был бы недоволен тем, что я пишу их. Потому, думаю, и пишется скупо. Да и мешает мне моя жизнь! Я буквально с утра до позднего вечера без всяких перерывов занята просвещенческой своей работой, не могу никак из нее вырваться. Думаю использовать в этом году отпуск для писания воспоминаний».

Но далеко не всех устраивали ее воспоминания. Были люди, которые сочли себя обиженными. Те, кто боролся против Ленина в годы эмиграции и поверил в правильность его политики после победы Октября, считали, что

---

[1] ЦПА при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 2, д. 19, л. 14.

ни к чему вспоминать их ошибки, они пытались приукрасить, затушевать свою позицию в тяжелейшие годы борьбы Ленина за партию. Так, на ее воспоминания откликнулся оскорбленный Л. Е. Гальперин (Конягин). Ему показалось, что Надежда Константиновна подчеркнула его колебания (хотя он позднее, после 1904 года, стал классическим примиренцем). В своем письме Гальперин даже сказал, что не был близок с Владимиром Ильичем и товарищеский, дружеский разговор, о котором пишет Крупская, вряд ли был возможен. Ее ответ — образец партийной принципиальности, твердости, непримиримости и вместе с тем это живая картина обстановки в Женеве после II съезда партии.

«...Иногда мне кажется, что мне, может быть, не следовало бы писать свои воспоминания — они часто обижают людей.

Но, с другой стороны, теперешняя молодежь, да и не молодежь только, совершенно не знают того, что происходило до 1905 года, да и настоящего облика Владимира Ильича они не знают. Конечно, много времени с тех пор утекло и ошибки возможны, но я пишу только то, что почему-либо врезалось в память. У меня плохая память на даты, я плохо помню фамилии, но зрительная память у меня довольно сильная; вспоминая какое-нибудь событие, я прежде всего вспоминаю, где кто стоял, у кого какое выражение лица было и т. д. Благодаря зрительной памяти мне удалось восстанавливать такие мелочи, которые выясняли и некоторые даты. И вот разговор мой с Вами я помню весьма отчетливо. Мы сидели днем перед непокрытым столом в кухне нашего Сешероновского дома. (Сешерон — предместье Женевы, где жили тогда Ульяновы. — *Авт.)* Я сидела лицом к плите. Вы — под прямым углом, спиной к двери. Я отлично помню, какое у Вас было выражение лица. Ваши слова были, конечно, не официальным предложением, а простым выражением настроения. Вы пишете, что у Вас с Владимиром Ильичем никакой близости не было. Это верно. Владимир Ильич очень мало с кем был близок, если под близостью считать известную интимность, но мы оба с ним считали Вас близким товарищем. Поэтому разговор на подобную тему вполне мог иметь место. Совершенно зря считать Владимира Ильича чуждым самых естественных чувств. Он был до чрезвычайности привязан и к Засулич, и к Аксельроду, и к Потресову, и к Мартову, и особенно к Плеханову. И поэтому разрыв с ними был

для него чрезвычайно тяжел. Не пойму, что тут худого, и разве разрыв с людьми, с которыми много и так глубоко связывало, может тяжело переживаться только жалким, несчастным интеллигентиком? Не так это, Лев Ефимович. Конечно, это не мешало нисколько смеяться, шутить и проч. Я прекрасно знаю, как чувствовал себя тогда Владимир Ильич. А главное, не видать тогда еще было, из-за чего идет драка, — и это было хуже всего. Николай Александрович Алексеев (Лондонский), с которым Владимир Ильич тогда переписывался, рассказал мне, что в одном из своих писем Владимир Ильич писал ему: «Период нравственного изнеможения, которое я испытывал после съезда, кончился», что как нельзя лучше подтверждает мое описание.

Заседание Лиги (заграничная Лига русской революционной демократии, которую меньшевики собрали в октябре 1903 года в Женеве. — *Авт.*) Вы вспоминаете неточно: это был сплошной скандал, насчет лояльности меньшевиков и проч. говорить прямо-таки чудно... Все было рассчитано на то, чтобы нервы Плеханова не выдержали. Какая уж тут лояльность.

Давно это было все. Вот, когда Вы приехали, не помню. Помню только, как я старательно агитировала Вас при первом нашем знакомстве в парке Ариадна...»

Читая это письмо, отчетливо видишь, как тесно была связана жизнь Ульяновых с общественным, как она была пропитана духом борьбы за победу рабочего класса. Отношения к человеку нельзя было оторвать от его политической позиции. И незаживающими ранами стал разрыв с теми, кого долгие годы знали и любили как друзей-единомышленников.

Да, Крупская пишет свои воспоминания аргументированно и строго. Она рассылает через Институт Ленина рукопись целому ряду товарищей. Она учитывает их замечания, благодарна за встречные рассказы и воспоминания. Но всякая попытка «подчистить» ее воспоминания, придать им другую окраску независимо от того, кто пытается «поправить» книгу, встречает с ее стороны резкий и достойный отпор.

И она ничего не изменяла и не подчищала. Каждая строка ее книги — это строка жизни, часть ее сердца. Она не может не вызвать ответного душевного отклика. Пожалуй, наиболее характерны письма Алексея Максимовича Горького, который пишет Крупской из далекой Италии: «...сейчас кончил читать Ваши воспоминания о

Вл[адимире] Ильиче, — такая простая, милая и грустная книга. Захотелось отсюда, издали пожать Вам руку и — уж право, не знаю, — сказать Вам спасибо, что ли, за эту книгу? Вообще — сказать что-то, поделиться волнением, которое вызвали Ваши воспоминания».

Ее обрадовали эти строки. Она смущенно читала строки и другого горьковского письма, посвященные непосредственно ей: «А по поводу того, что мне «что-то не понравилось» — говорю Вам со всей искренностью: это — неверно...

Нет, дорогая Н. К., Вы не могли «не понравиться» мне, потому что у меня есть к Вам совершенно определенное чувство искреннего уважения и симпатии. Таких, как Вы, стойких людей — немного. Ну, что же я буду говорить Вам лестные слова. Вы и сами хорошо знаете, как труден и великолепен был путь Ваш, как много потрудились Вы в деле революции».

И она тут же отвечает ему:

«Дорогой Алексей Максимович,

не могу Вам сказать, как рада была Вашему письму, Знаете, Владимир Ильич очень любил Вас, и потому мне Ваш отзыв особенно дорог. У меня странное чувство бывает, когда я пишу свои воспоминания. С одной стороны, мне кажется, что я должна рассказать рабочим, молодежи все, что помню об Ильиче, а иногда у меня шевелится такое чувство, что Ильич, может быть, был бы недоволен моими воспоминаниями, он так мало говорил о себе. Когда Вы приехали, мне ужасно хотелось поговорить с Вами об Ильиче, попросту, по-бабьи пореветь в Вашем присутствии, в присутствии человека, с которым Ильич говорил о себе больше, чем с кем-либо. Да постеснялась, по правде сказать, да и показалось мне, что чего-то Вам во мне не понравилось.

И вот, читая Ваше письмо, я чувствовала, что у меня камень какой-то с души свалился. Особенно рада была тому, что мои воспоминания вызвали у Вас ряд Ваших воспоминаний об Ильиче. Я их много раз перечитывала. И все вспоминалось мне — я раз уже писала Вам об этом, — как Ильич в последний месяц своей жизни отыскал книгу, где Вы писали о нем, и велел мне вслух читать Вашу статью. Стоит у меня перед глазами лицо Ильича, как он слушал и смотрел в окно куда-то вдаль — итоги жизни подводил и о Вас думал. Посылаю Вам книжку, которую я писала эту зиму: «Что говорил Ленин о колхозниках», — я много раз ее переделывала, посыла-

ла на проработку в одну коммуну Рязанской губернии, в женактив в одну деревню Калужского округа, а сейчас не имею мужества ее перечесть; может, что не так написала».

Она глубоко уважала Горького-писателя, ей был близок и дорог Горький-человек.

В сентябре 1930 года она пишет Горькому:

«Дорогой Алексей Максимович.

после Вашего письма о моих воспоминаниях об Ильиче потянуло меня продолжать их, но в сутолоке повседневной работы трудно это делать. Работы невообразимая уйма, людей до черта не хватает, все аппараты у нас стоят дыбом, нервничают все здорово, снизу насчет всякий учебы напирают до невероятности, интереснейших вещей без конца — и ни на минуту не удается оторваться от жизни. Знаете, было такое стихотворение: «в устах живых ищу уста, давно немые, в глазах — огонь давно угаснувших очей». И вот вся эта ключом кипящая жизнь для меня переплетается с воспоминаниями об Ильиче, все себе представляю, как бы он реагировал на тот или иной факт, как бы посмотрел, что бы сказал. Зашла как-то делегация рабочих из Ивановской области — ко мне часто приходят рабочие — так, поговорить просто о чем-нибудь, посоветоваться, о чем-нибудь рассказать, и хорошо мы с ними разговорились. Уходят, прощаются, один из них говорит: «Давно хотелось нам с тобой поговорить, только никак не могли мы думать, что у нас с тобой такой рабочий разговор выйдет». И вот я вижу, как я это рассказала бы Ильичу и как он был бы рад.

Свой отпуск использую так: забралась в Горки и пишу о второй эмиграции, как в Париже годы реакции жили, как потом, когда рабочее движение на подъем пошло и мы перебрались в Краков, как там связи с Россией росли и работа стала русская, потом о годах эмиграции во время войны. Начерно еще написала, надо будет еще с целым рядом товарищей поговорить, проверить себя, многое дополнить надо. Так, скелет еще только написан, много ненужного тоже есть, кажись. Но все же уж скоро будет готово. Только память у меня плохая, слишком уж много впечатлений жизненных было, переживалось многое очень остро, да и не столько об Ильиче я пишу, сколько об обстановке, его окружавшей. Это тоже надо, но Вы правы — Ильич был, как рыба в чешуе, весь в словах. Сегодня получила Ваши воспоминания об Ильиче — хорошие. Живой у Вас Ильич. О Лондонском съезде очень

хорошо. Правда все. Каждая фраза Ваших воспоминаний вызывает ряд аналогичных. И потом Вы любили Ильича. Кто не любил бы, тот не мог бы так написать...»

К Надежде Константиновне часто обращались с просьбой рассказать о себе, включить новые страницы в свою книгу. Но и на этот счет у нее было свое твердое, раз и навсегда сложившееся мнение. Отвечая одному из рецензентов — Д. Шабанову, Надежда Константиновна пишет: «О себе, я думаю, мне писать в «воспоминаниях» надо было как можно меньше. Это обычный недостаток всех воспоминаний, что люди пишут в них больше всего о себе, мне хотелось не о себе писать, а об Ильиче, хотелось показать ту обстановку, в которой ему приходилось жить и работать. И что же мне писать о себе? Я крепко любила Ильича; то, что его волновало, волновало и меня; я старалась в меру своих сил и уменья помогать ему в работе, но я ведь рядовой работник. Чего тут писать?»

Воспоминания Крупской привлекают внимание широких читательских масс не только в СССР. Еще при жизни Надежды Константиновны книга была переведена на различные языки мира и издана в одиннадцати странах. Ее с интересом читают люди самых различных взглядов, возрастов, профессий. Пресса активно печатает рецензии на книгу.

Так газета французских коммунистов «Юманите» писала: «...Буржуазная публика нашла эту книгу пресной и скучной, так как в ней не было романтических приключений, ничего для любителей сенсаций. Находившаяся в центре революционного движения в России, Н. К. Крупская высказывает свое личное мнение по ряду вопросов. В этой книге читатель видит, как Ленин противопоставляет героизму борцов-одиночек героизм борьбы рабочего класса... Эта книга — драгоценнейший документ для тех, кто не знает России и не может читать его сочинения, публикуемые в СССР».

«Юманите» вторит немецкий журнал «Фрайхайт»: «Чтобы представить образ гениальнейшего вождя всех народов, надо прочесть не толстые пустые тома, а маленькую книжечку, выпущенную издательством «Литература и Политика». Спутница жизни Ленина дает в ней квинтэссенцию жизни гиганта. Его труд в истории русского рабочего движения, его место по отношению к старым теоретикам марксизма» [1].

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 36, л. 2—3.

Надежда Константиновна считала свою книгу лишь одной из первых мемуарных книг о Ленине. Она озабочена и тем, чтобы о Ленине, об истории партии писали участники борьбы, все должны внести свою лепту в объективное освещение героической борьбы российского пролетариата и его ленинской партии. В предисловии к сборнику своих воспоминаний в марте 1929 года Крупская писала: «Прошло уже больше пяти лет со дня смерти Ильича. Первое время товарищи писали свои воспоминания об Ильиче, теперь мало кто пишет, а между тем у многих есть еще многое что рассказать.

Я подумала, что надо переиздать и свои воспоминания. Может быть, эта книжечка возбудит у товарищей, работавших с Ильичем и еще оставшихся в живых, желание взяться за перо и рассказать все то, что может полнее осветить его работу и ту обстановку, в которой она происходила» [1].

Год за годом создает Надежда Константиновна свою Лениниану — она пишет многочисленные статьи на темы: «Ленин и партия», «Роль Ленина в организации Октябрьской революции», «Ленин — редактор и организатор партийной печати», «Ленин о коммунистической морали», «Облик Ленина как человека» и многие, многие другие.

Очень много и часто выступает Надежда Константиновна. Выступает перед рабочими, учителями, пионерами. Она не умеет отказываться от выступлений, как не умеет отказываться от работы, и все, что связано с Лениным, приобретает для нее особый смысл.

В Кремле, в библиотеке Надежды Константиновны, имеется целый раздел книг о Ленине. Она получала и собирала все, что писалось о Владимире Ильиче, прочитывала, рецензировала, делала свои пометки. Один штрих, восклицательный или вопросительный знак, поставленный на полях, раскрывает ее отношение к написанному.

Бережно хранила она и газетные статьи, и маленькие брошюры, и специальные сборники.

Она высший авторитет для всех, кто писал о Ленине. К ней обращаются как к первоисточнику, на ее суд присылают многочисленные книги, статьи, художественные произведения. Лениниана началась выпуском большого фолианта — «У великой могилы», который должен был включать все, что было опубликовано в газетах в первую неделю после смерти Ленина. Один из редакторов сбор-

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 36, л. 2—3.

ника просит Надежду Константиновну просмотреть весь материал, чтобы отобрать необходимое.

И она читает... Сотни, тысячи страниц воспоминаний, статей, рассказов, стихов и песен о Ленине.

Многое вызывало у нее протест, она неустанно боролась против всего, что искажало образ Владимира Ильича. Ей одинаково были ненавистны и слащаво-мещанский тон некоторых воспоминаний, и попытка канонизировать Ленина, оторвать его от живой действительности, от масс.

«О Владимире Ильиче очень много пишут теперь, — говорит Крупская. — В этих воспоминаниях Владимира Ильича часто изображают каким-то аскетом, добродетельным филистером-семьянином. Как-то искажается его образ. Не такой он был. Он был человеком, которому ничто человеческое не чуждо. Любил он жизнь во всей ее многогранности, жадно впитывал ее в себя.

Расписывают нашу жизнь как полную лишений. Неверно это. Нужды, когда не знаешь, на что купить хлеба, мы не знали. Разве так жили товарищи-эмигранты? Бывали такие, которые по два года ни заработка не имели, ни из России денег не получали, форменно голодали. У нас этого не было. Жили просто, это правда. Но разве радость жизни в том, чтобы сытно и роскошно жить? Владимир Ильич умел брать от жизни ее радости. Любил он очень природу. Я не говорю уже о Сибири, но и в эмиграции мы уходили постоянно куда-нибудь за город подышать полной грудью, забирались далеко-далеко и возвращались домой опьяневшие от воздуха, движения, впечатлений. Образ жизни, который мы вели, значительно отличался от образа жизни других эмигрантов. Публика любила бесконечные разговоры, перебалтыванье за стаканом чаю, в клубах дыма. Владимир Ильич от такого перебалтыванья ужасно уставал и всегда ладил уйти на прогулку».

По временам ее охватывает гнев — попадается заведомая ложь, мелкие, ничтожные люди хотят использовать имя Ленина для своей выгоды, спрятаться за его авторитет. На подобных страницах она пишет: «Нет, этого не было и не могло быть», или: «Автор сочиняет, печатать этого нельзя», а иногда так: «Владимир Ильич не мог этого говорить, так как его мнение было другим».

Начинают появляться книги о Ленине и в других странах. В июне 1924 года она получила брошюру о Ленине на польском языке. Автор просил ее высказать свое мнение, так как он собирался продолжать работу.

Через два года пришла и еще одна польская книга — подарок вдовы Юлиана Мархлевского, умершего в 1925 году.

Читать, продумывать все, что пишут о Ленине, ей было необходимо, бесконечно дорого. Крупская пишет подробные, постраничные замечания на все, что ей присылают из Института Маркса — Ленина. И если вдуматься, вчитаться в эти замечания, можно увидеть, как непрестанно она оттеняет главное в Ленине — политическая борьба, острота мышления, многообразие интересов, жизнелюбие. Так, 1 июня 1929 года она пишет в отзыве на биографию Ленина: «Кроме того, самое главное — борьба Ильича с момента его приезда в 1917 г. вся выпадает. Правда, мало воспоминаний существует пока об этом периоде, но все же, все же нельзя пройти молча мимо этого периода жизни Ильича. Вообще и в предыдущем периоде вопросы борьбы за партию — все содержание жизни Ильича — как-то выпадают. Это получается не Ильич живой, борец и мыслитель, а добродетельный папаша какой-то».

20 июня 1930 года она пишет в другом письме помощнику директора Института Ленина — В. Г. Сорину: «...В данной биографии на первый план выступает Ленин как писатель, участник разных партийных конференций, затушевывается его роль как мыслителя, как стратега, как организатора, как вождя масс».

Крупская внимательно следила за тем, как воссоздается образ Ленина в искусстве — в картинах, кинофильмах, в спектаклях. Она была непременным участником создания мемориальных музеев Ленина, а Центральный музей Ленина в Москве был буквально ее вторым домом.

Она пишет старому партийцу Д. И. Лещенко: «Дорогой Дмитрий Ильич!

Как живете-можете? Что-то давно от Вас никаких вестей нет.

Я в этом году без конца вожусь со всякими делишками. В числе дел — связь с музеем Ленина, который вышел очень хорошим. Хочется сделать все возможное, чтобы укрепить его...

Не сохранилось ли у Вас самого каких-нибудь фотоснимков или записочек Ильича? Хоть и жалко отдавать, но надо. В музей ходит масса народу, и какое сильное впечатление производит музей» [1].

---

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 2, ед. хр. 239, л. 13.

Дома, на письменном столе Надежды Константиновны лежит маленький альбомчик с фотографиями, на обложке которого наклеено одно слово — «Ильич». Разговаривая с посетителями или работая, она время от времени открывала страницы альбома и подолгу рассматривала фотографии. На столе она поставила и один из любимейших снимков — в Кашино, в 1920 году. У Ильича тут такой довольный, счастливый вид.

Альбомчик они сделали вместе с Варей Арманд. Та хотела чем-то утешить Надежду Константиновну после смерти Владимира Ильича и, увидев на столе несколько снимков Ленина, которые Крупская вырезала из газет и журналов, предложила сделать альбом. И с тех пор всегда он лежал у Крупской на столе.

Постепенно стали появляться картины, скульптуры, изображавшие Владимира Ильича. Она была строгим критиком, она требовала, чтобы художник передавал внутреннее состояние, настроение Ленина в тот или иной изображаемый момент. И искренне радовалась, если художнику это удавалось. Так, ей понравились некоторые зарисовки с натуры, сделанные скульптором Андреевым, портрет «Ленина в Горках» художника Михайловского.

Однажды ей позвонил по телефону режиссер Михаил Ильич Ромм и попросил о свидании: «Мы хотим поговорить с Вами, Надежда Константиновна. Приступаем к съемкам художественного фильма «Ленин в Октябре», и без Вашей консультации нам не обойтись». Она помедлила с ответом: «Ильич на экране! Как это возможно?!», потом ответила: «Хорошо, я жду вас завтра». Опустила трубку на рычаг, посидела несколько минут неподвижно, с закрытыми глазами. Потом пошла в комнату Марии Ильиничны. «Завтра к нам сюда приедет группа киноработников. О Володе будут снимать художественный фильм. Ты можешь это представить? Сумеют ли показать все правдиво, и кто будет играть Володю. Как звучит: «играть Володю». До глубокой ночи не могла она уснуть. Думала. Вспоминала.

Крупская встретила кинематографистов приветливо и спокойно. Ей представили коренастого молодого человека с большим выпуклым лбом и ясными глазами. «Щукин», — коротко сказал он и крепко пожал ее руку. «Совсем, совсем не похож на Володю. Как же он будет играть?» — мелькнуло в голове, но, увидев напряженный вопросительный взгляд артиста, она улыбнулась.

Надежда Константиновна выслушала рассказ о фильме, просмотрела сценарий, сделала несколько замечаний. Группу интересовало все: детали поведения Ленина в тот или иной момент, манера говорить, слушать. Надежда Константиновна отвечала спокойно, обстоятельно и все больше чувствовала, что нельзя словами передать, написать неповторимый образ Владимира Ильича. Наконец, она сказала: «Детали внешнего поведения, облика человека, конечно, важны, но вы никогда не найдете правильного ключа к раскрытию образа, если не поймете внутреннего состояния человека, внутренней логики его поведения. А для этого вы должны изучать произведения Владимира Ильича, вникнуть в каждую страницу партийной истории. Тогда детали найдутся сами». Надежда Константиновна показала гостям всю квартиру. Наконец, повела их на кухню: «Собирались мы обычно здесь». Когда стали рассаживаться, улыбнулась Щукину: «Нет, нет, вы садитесь сюда, спиной к шкафу. Володя любил это место». Стараясь не смутить Бориса Васильевича, «не замечала», что он не может пить чай — руки дрожат и спазма сжала горло от волнения.

Уже поднимаясь, чтобы откланяться, Ромм спросил: «Надежда Константиновна, вы придете смотреть наш фильм?» — «Вероятно, приду, но не сразу. Трудно мне, вы должны понять, но я ото всей души желаю вам успеха».

Почти одновременно с фильмами «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» на сценах двух театров — Театра имени Вахтангова и Театра Революции — были поставлены две пьесы, посвященные революции, — «Правда» А. Корнейчука и «Человек с ружьем» Н. Погодина. Роль Ленина у вахтанговцев исполнял Борис Щукин, а в Театре Революции Максим Штраух. Только через три недели после премьеры, 23 ноября 1937 года, пошла Надежда Константиновна в Театр Революции.

Со стороны казалось, что она абсолютно спокойна. А она с бьющимся сердцем ждала появления Штрауха. Все создатели спектакля со страхом и надеждой ждали решающей сцены. У всех была одна мысль: «Что скажет Крупская?» И вот быстрой походкой на сцену вышел «Ленин». Зал грохнул аплодисментами. Все встали. А старая, седая женщина в ложе отпрянула от барьера, закрыла лицо руками. Все внутри восставало против появления его на сцене. Но постепенно она успокаивалась. Горячее дыхание зала, любовь зрителей к Владимиру Ильичу, жи-

вое восприятие публики согревало душу. Она медленно опустила руки и стала смотреть на сцену.

Позднее Николай Васильевич Петров писал: «Как бы великолепно ни играл актер, как бы ни был он похож на близкого тебе человека, но, право, есть что-то страшное в таких сценических опытах, и то, что для постороннего человека может быть прекрасным, для тебя может быть оскорбительным. А ведь сейчас на сцену вышел Ленин, созданный Штраухом, и из ложи зрительного зала на него смотрит Надежда Константиновна. Мы великолепно понимали всю серьезность и ответственность момента и, мне думается, даже не протестовали бы, если бы она повернулась к нам и сказала: «Не надо это показывать». Но она молча и сосредоточенно смотрела на сцену.

Спектакль окончен. Зрители вызывают и вызывают исполнителей. Стоя на авансцене и раскланиваясь, актеры смотрят в центральную ложу. Надежда Константиновна сидит, низко опустив голову, крепко сцепив пальцы рук. Но вот она обратилась к Петрову: «Если можно, я хотела бы поговорить с исполнителями, когда они разгримируются». Робко и смущенно обступили ее участники спектакля. Она удивлялась тому, как меняет грим внешность — Максим Максимович совсем не похож на Ленина, а на сцене получается близко к ленинским портретам. «Мне понравилась ваша игра, — она как бы размышляла вслух, — но почему вы так быстро ходите, так резко жестикулируете? Владимир Ильич был очень пластичен. И никогда особенно не жестикулировал. Это хроника вас, очевидно, путает, но тут просто несовершенство техники».

Она заговорила о роли театра в общественной жизни, о его месте в деле коммунистического воспитания масс. И вдруг, прервав себя на полуслове, обернулась к Штрауху: «Да, откуда у вас этот снисходительный жест — когда вы, прощаясь с рабочим, свысока протягиваете ему руку? Нет, Ильич здоровался и прощался попросту. Он никогда никому не давал понять, что между ним и собеседником есть какое-то расстояние. Отвыкните от этого жеста. Он чужд Ленину». Разговор затягивался, принимал все более дружественный, товарищеский тон.

Уже поздно вечером приехала она в Кремль, домой. Без сил присела в прихожей на сундук. Трудно. Почти так же трудно, как ходить в Мавзолей.

И разве для нее нужны какие-нибудь памятники, чтобы помнить и знать Ильича? Он называл ее своим «са-

мым первым и самым строгим критиком», он прочитывал ей каждую свою работу, каждую статью. Она тоже советовалась с ним по всем вопросам, над которыми работала. Теперь его нет в живых. Но он по-прежнему ее опора, ее главный советчик и друг. Она неизменно обращается к нему в тяжелые часы сомнений, когда только его мудрость может помочь найти правильное решение. Она до конца дней своих не научилась говорить о Владимире Ильиче как о мертвом, в прошедшем времени, и в беседах с людьми, в выступлениях говорит: «Ильич утверждает», «Владимир Ильич верит в рабочий класс». Она собирает все издания трудов Владимира Ильича, прочитывает их, делает пометки. Долгими вечерами при свете настольной лампы сидит она над книгами Ленина. Каждое новое издание — огромная радость и как будто новая встреча. Идут годы, а слова, мысли Ленина не тускнеют. Она часто возвращается к его работам. Подчеркивая для себя отдельные фразы, делая выписки, она как бы беседует с Владимиром Ильичем, получает его поддержку, одобрение.

В кремлевской квартире стоит на диванной полке третье Собрание сочинений Ленина. Сколько здесь закладок, пометок.

Расшифровка этих пометок, их детальное изучение может многое дать для раскрытия системы работы Надежды Константиновны, для показа того, как надо изучать произведения Ленина и использовать их в повседневной агитации и пропаганде. А сама Крупская писала однажды: «При Ильиче я жила, что называется, за чужим «засадом», обо всем важном, волнующем можно было с ним в любую минуту потолковать, обсудить. Теперь пришлось очень много решать самостоятельно.

Жизнь бешено мчится вперед, развиваясь в сложнейших противоречиях. Нельзя оставаться настоящим партийцем, не учась все время, не вдумываясь во все, что кругом делается. Мне пришлось заново учиться, усиленно перечитывать Ленина, учиться связывать в тесный узел прошлое, учиться жить без Ильича с Ильичем» [1].

---

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, ед. хр. 36, л. 14.

НА ФРОНТАХ КУЛЬТУРНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Чем бы ни занималась Надежда Константиновна, какой бы вопрос ни решала, где бы ни выступала, она всегда исходила из задач партии, интересы которой были для нее превыше всего. Партийный и государственный подход к любому вопросу — характерная черта Крупской. Несмотря на болезни, несмотря на возраст, она до последнего дня жила интересами партии и народа, оставалась активным членом партии, большим государственным деятелем.

Крупская была делегатом пятнадцати съездов партии из семнадцати, прошедших при ее жизни. На многих партийных съездах и конференциях она выступала с речами, и всегда эти выступления отличались принципиальностью, жизненностью. Она смело заявляла о недостатках и ошибках, выдвигала новые вопросы и задачи.

На XIII и XIV съездах партии Крупскую избирают членом Центральной контрольной комиссии, а на XV, XVI, XVII съездах — членом Центрального Комитета.

После Октябрьской революции на ее плечи легли большие государственные обязанности — она заместитель народного комиссара просвещения, член ВЦИК и ЦИК СССР всех созывов, депутат Московского Совета, депутат Верховного Совета СССР, член Президиума Верховного Совета СССР.

Важнейшей государственной задачей считала Крупская приобщение женщин к активной производственной и общественной деятельности. Так называемым женским вопросом Крупская занималась с первых шагов своей революционной деятельности.

Первая брошюра, написанная ею еще в Шушенском, была посвящена судьбе женщины-работницы. К этой теме Надежда Константиновна возвращалась неоднократно. Октябрьская революция дала возможность осуществить на

практике разработанные Крупской положения об освобождении трудящейся женщины, о вовлечении ее в строительство социализма.

Крупская посвящает женскому вопросу немало статей и выступлений. В них она говорит о том, как Ленин относился к раскрепощению женщины-работницы, женщины-крестьянки.

Крупская видела, как с каждым годом менялась жизнь страны, менялась и жизнь женщины, ее положение на работе и в семье. Она с радостью говорила о том, что в нашей стране одержана победа на фронте раскрепощения женщин.

Огромное, даже политическое значение придавала Крупская созданию детских садов в деревне.

«...Детский сад дает возможность подойти к замужней крестьянке, найти живой провод от ее личных интересов к общественным. Задача дошкольного работника — сорганизовать крестьянок на работе около детсада, дать крестьянке возможность почувствовать себя общественным работником. Это — трудная работа, требующая много внимания, много упорства. Но, завоевав крестьянку для работы при детсаде, мы завоевываем ее для женотдела, для сознательной общественной работы. Мы вырываем ее из лап мохнатого одиночества. Через крестьянку-мать мы находим верный путь для борьбы с деревенской темнотой, косностью...»

Четвертого марта 1925 года Крупская через «Правду» обращается с призывом ко всем рабочим, ко всем трудящимся помочь женщине-крестьянке в воспитании детей, помочь ей строить новую жизнь. Необходимо помочь в устройстве яслей, детских садов, школ, потом помочь крестьянке научиться грамоте, читать книжку и газету, «надо помочь ей в ее работе в сельсовете, крестьянском комитете взаимопомощи, в школьном совете, в кооперации. Надо осветить ей окружающую жизнь... А потом надо рассказать крестьянке, каких людей хотим мы воспитать из детей, как хотим сделать их счастливыми».

Крупской писали сотни женщин, они рассказывали о своей работе, о своей жизни. И она видела, как в корне меняется сознание женщины, как она вовлекается в строительство социалистического общества.

В 1936 году во время очередного посещения «Трехгорки» Крупская узнала, что работницы предложили на праздничные дни брать в семьи детей из детских домов. На их призыв откликнулись многие женщины-работницы

московских фабрик и заводов. Выступая на совещании жен хозяйственников и инженерно-технических работников, Крупская рассказала об этом факте, отметив в нем свидетельство небывалого роста сознания женщины.

Услышав о просьбе шахтерок Донбасса дать совет, как разводиться с мужьями-прогульщиками, Надежда Константиновна посмеялась от души. Но вскоре написала письмо женам шахтеров. Она приветствовала их стремление своими силами улучшать бытовые условия, бороться за создание новой семьи. Крупская писала женам шахтеров, что они должны стать помощницами мужей в их сознательном отношении к труду, воспитывать детей в коммунистическом духе.

Она писала о том, что если и мать и дети будут стыдиться прогулов отца, захотят увидеть в его лице ударника, то это, несомненно, окажет большое влияние на главу семьи, поможет ему подтянуться и почувствовать себя участником великой стройки. Так, с этого письма завязалась у Крупской переписка с шахтерками Донбасса, с работницами Подмосковного угольного бассейна.

Часто ее приглашали приехать на завод, на фабрику, в колхоз. Старались порадовать своими успехами, звали к себе в гости как родную.

Колхозницы из Омской области писали ей: «Может быть, ты к нам приедешь, у нас такой чистый пшеничный хлеб».

Иногда вместе с письмами приходили фотографии. Они радовали Надежду Константиновну не меньше, чем письма.

В 20-х числах февраля 1934 года, к своему 65-летию, Надежда Константиновна получила от женщин завода «Светлана» поздравление и большой альбом, в котором было много фотографий, отражавших их успехи в труде, в борьбе за новый быт. Сбылась мечта, высказанная Крупской в первой книге «Женщина-работница»: женщины заняли почетное место в рядах строителей нового общества.

Крупская была дружна со многими выдающимися женщинами-революционерками: с Кларой Цеткин и Розой Люксембург, с Инессой Арманд, Верой Засулич, Брониславой Мархлевской.

Особенная дружба связывала ее с Кларой Цеткин. У них было много общего: долгие годы борьбы и подпо-

лья, вся жизнь с партией, вся жизнь, отданная народу. Они часто виделись, когда Клара Цеткин приехала в Советский Союз из фашистской Германии. Хорошо запомнила Крупская, как провожали они в августе 1932 года Клару, совсем больную, но такую решительную и непреклонную, в Берлин, в логово фашистской Германии. Клара Цеткин была старейшим депутатом рейхстага, и ей принадлежало право открыть первое его заседание. Когда через несколько дней Крупская прочитала обличающее фашистов выступление Клары, она снова восхитилась мужеством этой женщины — стойкого борца за дело рабочего класса Германии. Надежда Константиновна с волнением ждала ее возвращения.

С первых дней создания Международной организации помощи революционерам (МОПР) Крупская — активный член общества. И к ней обращаются за помощью и поддержкой из многих стран мира. В архиве Крупской сохранилось письмо, адресованное ей Исполкомом МОПРа и подписанное старым товарищем по подпольной борьбе П. Лепешинским. Ее просят принять участие в газете МОПРа.

Часто приходят из-за рубежа печальные вести: об арестах, убийствах закаленных, испытанных борцов. Но идут им на смену молодые, новое поколение борцов за светлое будущее. Однажды — это было в 1932 году — Надежде Константиновне позвонила Бронислава Мархлевская и посоветовала прочитать «Письма на волю», написанные из тюрьмы польской революционеркой Верой Хоружей. 29 августа 1932 года в «Правде» была напечатана рецензия Крупской на эту книгу. «Нам, революционным марксистам, — писала Крупская, — которые в молодые годы сидели в царских тюрьмах, близки и понятны эти письма. Близка ничем непоколебимая уверенность в победе дела, за которое борешься; близка и понятна жажда вырваться на волю и целиком отдаться работе; стремление в тюрьме использовать каждую минуту для того, чтобы поучиться, подковаться получше для работы; понятна та внутренняя собранность, которая владела сидящим в тюрьме...»

Крупская невольно вспоминала печальные дни своего одиночного заключения в питерской тюрьме.

«Пожелаем польской комсомолке и ее товарищам поскорей вырваться на волю и примкнуть ко все шире развертывающейся борьбе. И пусть она знает, ее письма — «вдышка» борцам за социализм, за мировую революцию».

Весь мир затаив дыхание следил за невиданной бит-

вой болгарского коммуниста Г. Димитрова с машиной фашистского «правосудия». Читали и перечитывали его выступления, разоблачающие фашизм. Протест миллионов вырвал Димитрова из застенка, а СССР признал его своим гражданином. Приезд Димитрова в Москву зимой 1934 года совпал с 65-летием Надежды Константиновны. Долго она отказывалась от всякого торжества по этому поводу и все-таки приехала в Общество старых большевиков.

Выступали члены ленинской гвардии, товарищи по подпольной работе: Е. Ярославский, Г. Кржижановский, Н. Семашко, Ф. Кон, Н. Мещеряков. В своем ответном слове Надежда Константиновна сказала: «...Я не очень люблю, по правде сказать, юбилеев, но захотелось повидать старых товарищей по работе. Позвонили мне, что будут пионеры, а с пионерами у нас дружба, будет молодежь, а с комсомолом у нас тоже дружба. Я изменила свое намерение и вот явилась на свой юбилей..»

И вдруг совсем неожиданно на сцене появился Георгий Димитров. Весь зал встал и приветствовал замечательных борцов за дело рабочего класса.

На сцену поднялись пионеры и повязали Димитрову и Крупской красные пионерские галстуки. Слова попросил Димитров: «Товарищи, два дня тому назад я не мог и предполагать, что как раз сегодня, в день 65-летия нашей любимой Надежды Константиновны Крупской, буду иметь великое счастье здесь, в этой хорошей семье стариков и пионеров вместе, лично приветствовать т. Крупскую.

Я приветствую в лице т. Крупской одного из старейших великих большевиков нашего великого общего отечества, Советского Союза. Я приветствую в лице Надежды Константиновны великую сотрудницу нашего великого, незабываемого учителя и вождя Владимира Ильича Ленина».

Успехи культурной революции в СССР неразрывно связаны с именем Надежды Константиновны Крупской. Это был трудный фронт. Все приходилось начинать сначала — ликвидацию неграмотности, просвещение масс, перестройку школы, борьбу за политехнизацию школы, за всеобщее обучение.

Придя в Наркомпрос, Надежда Константиновна возглавила отдел по внешкольной работе.

В 1920 году внешкольный отдел Наркомпроса в соответствии с той работой, которую ему приходилось вести, был преобразован в политпросветотдел, а потом в Главный политико-просветительный комитет республики, объединявший всю политико-просветительную и культурную работу среди взрослого населения, которую вели различные организации и ведомства. Крупская была первым и бессменным председателем Главполитпросвета.

Крупская считала, что работа политпросветов должна быть в первую голову направлена на изучение масс и их запросов, на правильную постановку пропаганды в массах идей коммунизма, на организацию инициативы и активности масс в деле их культурного подъема. «Изучение масс необходимо для каждого политпросветчика... Оно должно покоиться на марксистском подходе к этому изучению... Надо внимательно изучать конкретные условия, в которых живут и работают трудящиеся массы, надо изучать экономику края, его историю, его нац. состав, культурный уровень и только на основе такого изучения строить план политпросветработы. Политпросветчик ни на минуту не должен забывать о том, что задача политпросветов воспитывать в массах революционное миросозерцание». Она всегда подчеркивала и в своих устных и письменных выступлениях, что политпросветработа — работа политическая, связанная со всей жизнью нашей страны, с жизнью масс. Особое значение придавала Надежда Константиновна творческой активности масс в решении важнейших задач строительства социализма, в том числе и культурного строительства. В беседах и на совещаниях она постоянно говорила, что политпросветчик должен помочь массам осознать те изменения в хозяйственной и политической жизни, которые происходят в нашей стране, должен уметь организовывать массы на активное проведение в жизнь решений партии и правительства, быть всегда впереди масс, вести их вперед.

Тяга народных масс к знаниям, к свету была огромной. Трудность заключалась в том, как посадить миллионы взрослых мужчин и женщин за парту, где взять учителей, учебные пособия, как наладить работу библиотек, чтобы снабдить книгами возможно большее число людей.

Луначарский был, безусловно, прав, когда говорил, что «нигде, быть может, разница между возможностями и

идеалами, между возможностями и потребностями страны не рисуется с таким трагизмом».

Воля, энтузиазм тех, кто стремится к культуре, и тех, кто несет массам эту культуру, знания, побеждают все трудности, сметают все преграды.

Выступая в 1926 году на сессии ВЦИК, Крупская посвящает свою речь вопросу о всеобщем начальном образовании. Она говорит о приближении культурной революции, об огромной тяге населения к знаниям, культуре. В 1926 году в «Учительской газете» Крупская помещает статью «Перед лицом культурной революции». Она с радостью констатирует тот факт, что население все больше и больше выписывает газет и журналов, создаются повсеместно красные уголки, а в деревнях — избы-читальни, сельскохозяйственные кружки, и каждая книга, попавшая в деревню, буквально зачитывается до дыр.

И Крупская обращается к советской интеллигенции с призывом принять активное участие в работе комитетов ликвидации безграмотности, специальных курсов по подготовке учительских кадров первой ступени. Она пишет листовки, призывы, выступает перед молодежью, педагогами.

Научить миллионы людей читать и писать, ликвидировать неграмотность — такова первоочередная задача. Страшное наследство оставила царская Россия — миллионы неграмотных.

В письме к И. А. Арманд в Берлин от 12 августа 1928 года Крупская пишет: «Вот вчера была на открытии кирпичного завода (около Лобни в Московском уезде). Завод по последнему слову науки. Но до того резок контраст культуры и дикости, что мать ты моя! И когда мы свою первобытность изживем, аллах ведает. Каждую минуту вспоминаешь, что Ильич писал в последних своих статьях о необходимости самой черной культурнической работы.

Сегодня у нас на Красной площади красота невероятная — спартакиада. Варя с Андреем (дети Инессы Арманд. — *Авт.*) пошли, я из окон поглядела — красиво, но когда же вся жизнь-то станет такой организованной и красивой!»

Надежда Константиновна часто вспоминала о том, что Владимир Ильич ликвидацию безграмотности связывал с необходимостью подъема всей культуры в целом. Причем слово «всей» в его конспекте было подчеркнуто трижды.

Развивая эти мысли Ленина, Крупская говорила, что дело не только в создании достаточного количества пунктов ликвидации неграмотности, но и в том, чтобы в области дошкольного и в области школьного, внешкольного, профессионального, партийного образования развернуть колоссальную работу, придать ей государственный размах «...и тут нужна огромная организационная работа. Надо в прессе поднять большую кампанию. Нужно объединение всех сил на местах. Особенно внимательно надо относиться к замечаниям рабочих и работниц, к их бытовым запросам. Нельзя ограничиваться тем, что мы издадим постановления и на этом покончим».

Она прилагает много усилий, чтобы превратить библиотеки, избы-читальни, клубы в подлинные очаги культуры, чтобы их работники стали активными проводниками ленинских идей, поборниками всего нового в общественной жизни города и села.

Так одновременно с ликвидацией неграмотности идет политическое и культурное просвещение масс.

Под непосредственным руководством Надежды Константиновны разрабатываются декреты и инструкции по вопросу о ликвидации неграмотности. Она пишет брошюры: «Долой неграмотность», «Всем крестьянам», «Для чего нужна грамота», «Ликвидация неграмотности» и десятки других.

Отдавая все силы, все знания делу, она требовала того же и от молодых сотрудников. Не поучая, не приказывая, терпеливо учила она молодых сотрудников внешкольного отдела методике педагогической пропаганды, организации работы по ликвидации неграмотности.

Главным очагом культуры на селе наряду со школой в то время были избы-читальни, и Надежда Константиновна повседневно занимается собиранием и пропагандой опыта лучших избачей.

В библиотеке Крупской есть даже специальный раздел «Изба-читальня». В избах-читальнях видит Надежда Константиновна центр борьбы против кулачества, поповщины, центр борьбы за завоевание деревенской массы. Крупская стала инициатором Всесоюзного конкурса на лучшую избу-читальню, объявленного в 1924 году через газету «Правда».

Спустя пять лет в целом ряде губерний проходили съезды избачей. В своем письме к избачам Тульской губернии Крупская призывала их помнить завет Ленина — обращать усиленное внимание именно на культурную ра-

боту среди крестьянства, вырвать его из тьмы безграмотности и невежества, укреплять его союз с рабочим классом, с партией. Изба-читальня, по мнению Крупской, должна быть центром культурного очага на селе и одновременно центром пропаганды колхозного строительства. Надежду Константиновну волновало не только количество книг в избе-читальне, тематика вечеров, размах работы. Ее живо интересовали личные судьбы избачей. Многие из них стали ее хорошими знакомыми, переписывались с ней годами, бывали регулярно у нее в Главполитпросвете. Так, И. М. Шульпин рассказывает, что при каждой встрече Крупская интересовалась его бытом, нуждами. Узнав, что он часто ходит пешком в далекие районы, помогла достать редкий в те годы велосипед.

Вслед за избами-читальнями по всей стране создается широкая сеть сельских и деревенских клубов. Еще одно дорогое и близкое для Надежды Константиновны дело. В письме членам правления клуба имени Первого мая Горишено-Плавенского сельсовета на Украине Надежда Константиновна писала, что очень важно сколотить вокруг клуба широкий актив, разветвленную сеть различных кружков, заинтересовать их работой как можно больше людей. Она считает, что крестьянин любой деревни должен использовать книгу как орудие труда, как орудие производства и это поможет росту производительности труда, переустройству крестьянского хозяйства на новый лад.

В 20-х годах в Ленинграде был создан Институт внешкольного образования, готовивший работников культуры по разным специальностям со сроком обучения от 6 месяцев до полутора лет. Вскоре по предложению и при поддержке Крупской институт был преобразован в вуз с 4-летним сроком обучения. Крупская большой интерес проявляла к работе института, и руководители вуза не раз обращались к ней за советами. Надежда Константиновна рекомендовала институту быть ближе к массам, связывать учебу студентов с широкой работой среди населения. И когда во второй половине 20-х годов развернулось массовое движение за повышение культурного уровня трудящихся (культпоходы, работа культармейцев), Надежда Константиновна сумела привлечь и преподавателей и студентов к самому активному участию в этом важном движении.

В 1925/26 и 1926/27 учебных годах Крупская сама читает курс основ политпросветработы в Академии ком-

мунистического воспитания в Москве. В письме к Инне Арманд (1926 год) Надежда Константиновна рассказывает о своем новом увлечении: «...я в этом году веду в вузе одном курс «Основы политпросветработы». Берет это у меня уйму времени. Аудитория большая — 240 штук. Приходится на это дело тратить 4 часа еженедельно (публику делят на 2 аудитории). Жрет много времени подготовка. Да потом я записываю лекции, и они выходят выпусками. Первые два выпуска уже вышли. О чем я говорю в этих лекциях? О Советской власти и ее влиянии на повышение уровня культуры, о роли индустриализации в этом повышении, о том, какое место занимают массы в учении марксизма-ленинизма, о том, как эти массы надо изучать, как изучать ту конкретную обстановку, в которой массы живут, о пропаганде и агитации, об организации масс и т. д. и т. п. ... Мы все — и я, и ребята — весьма увлечены сим курсом. Молодежь чудесная, рабочая и крестьянская, энтузиастически настроенная, над которой стоит поработать...

Другое мое увлечение — организация учета просветительной работы на основе краеведческой... Приходится выступать на эти темы во всех падежах — и на съезде библиотекарей, и на конференции методбюро, и у краеведов. Надо только для всего этого работать очень много, а занятно страсть. И, знаешь, это ужасно сближает центр и места. Когда человек видит, что ты его Рязань, его Скопинский уезд не хуже его самого знаешь, он сразу к тебе нежность чувствует. Только время... время...

А на фоне этих основных увлечений куча других занятных дел. Вот сегодня утром обдумывали поход на профсоюзы, чтобы добиться у них разрешения по утрам устраивать в клубах для дошкольников детсады, а то и средства есть, и все, а помещений нет.

Вчера торчала несколько часов в радиопередаче. У нас теперь радио большое дело делает. По радио ставятся крестьянская газета, рабочая газета, пионерская, ведется широкая пропаганда. Я специально впилась в радио. Добилась сначала реорганизации крестьянской газеты, потом рабочей».

Культурное строительство в целом немыслимо без организации широкой сети библиотек, городских и сельских. Крупская уже в первые годы Советской власти считает необходимым привлечь внимание общественности к библиотекам, поднять активность библиотекарей.

«Надо, чтобы пришли на помощь библиотекам и биб-

лиотекарям все культурные силы страны — научные работники, все те, чьи знания могут помочь работе библиотеки. Надо, чтобы пришел на помощь комсомол, вся советская общественность. Только тогда можно будет организовать как следует библиотечное дело. Повышающийся культурный уровень масс будет — чем дальше, тем больше — делать эту задачу особо настоятельной. Давайте же работать по-ударному на этом важнейшем участке культурного фронта».

При живейшем участии Крупской возникали в стране различные новые формы привлечения масс к культурному строительству: всесоюзные походы, конкурсы, смотры. Был проведен поход за ликвидацию неграмотности, библиотечный поход. Главная роль в организации, проведении этих походов принадлежала комсомолу, с которым у Надежды Константиновны была давнишняя дружба. Надежда Константиновна постоянно выступает на страницах центральных газет, по радио, посвящая огромное количество статей библиотечному делу, неоднократно выступает она и на совещаниях и курсах библиотечных работников, учит библиотекарей работать с читателем, пропагандировать книгу, оперативно откликаться на важнейшие события в жизни страны. В 1933 году она обращается к работникам библиотечного фронта по радио.

В комнате Крупской, в ее книжном шкафу стоят номера журнала «Красный библиотекарь» с ее статьями по библиотечному делу (она была инициатором его создания, одно время редактировала журнал). В них она рассказывает о том, что говорил Ленин о библиотеках, о книгах, пишет об опыте пропаганды книги, рекомендует, что читать по тому или иному вопросу. В разделе «Библиотеки и библиотечное дело» личной библиотеки Надежды Константиновны более ста книг. Многочисленные пометки на полях книг говорят о том, что Крупская глубоко изучала эту литературу.

По инициативе Крупской в 1931 и 1935 годах организуются конкурсы на лучшую сельскую библиотеку. В связи с этим она публикует ряд статей: «Конкурс на лучшую сельскую библиотеку», «Помощь со стороны рабочих сельским библиотекам», «Пионерам о конкурсе на лучшую сельскую библиотеку», «Переписка писателей с читателями сельских библиотек». Крупская пишет в одной из статей: «...мы недооцениваем роль книги в культурной революции... роль книги как орудия самообразования велика... Вы все знаете, какое громаднейшее значение

придавал тов. Ленин библиотеке. Я помню заседания в разных комиссиях Совнаркома, где он тщательно расспрашивал, как это дело поставлено, организовано... Библиотекарь должен уметь рекомендовать наиболее подходящую книгу читателю».

Большое внимание уделяла Надежда Константиновна работе детских библиотек. Выступая на Всероссийской конференции детских библиотекарей в сентябре 1928 года, Крупская говорила: «Детскому библиотекарю надо быть не только сознательным естественником, общественником, но надо хорошо знать ребенка... Я когда-то в детстве была страстной любительницей чтения. Детские книги дали мне страшно много. Поэтому вопрос о детских библиотеках, их правильной организации мне близок».

Через «Пионерскую правду» Крупская обращается к пионерам и школьникам городов с призывом помочь детским библиотекам на селе. И тысячи городских ребят взяли шефство над библиотеками отдаленных сел и деревень, собрали для них много книг. Она же ставит вопрос об организации школьных библиотек. В своей статье «О школьных библиотеках», опубликованной в газете «Известия» от 21 сентября 1936 года, Крупская пишет, что школьных библиотек у нас еще мало, всего 512 на всю РСФСР, а тяга ребят к чтению огромна. Она рассказывает о том, как иногда сами ребята организуют библиотеки; так, в одном маленьком городке Белоруссии ребята создали пришкольную библиотеку, собрали сами книги, выбрали библиотекаря, и только потом центральная библиотека города устроила детское отделение. Крупская подчеркивает, что нужно поддерживать повсеместно такое начинание. Она говорит также о необходимости создания не только детских библиотек, но и о создании прекрасной детской популярной литературы. Она призывает советских писателей писать для детей о жизни нашей Родины, о жизни других стран, о революции.

ПЕРВЫЙ ПЕДАГОГ-МАРКСИСТ

«...Если Надежда Константиновна является одной из основательниц нашей партии, одной из членов теснейшего кружка, помогавшего Ленину в этом гигантском деле, то по отношению к марксистской педагогике она является единственным основателем...

...Прежде всего не все знают и ценят как следует, что Надежда Константиновна была педагогом-теоретиком задолго до революции, что в ее лице мы имеем первого педагогического «спеца» нашей партии.

Та деятельность, которую она развернула в Наркомпросе, была бы совершенно немыслима и непонятна, если бы она была в революционном порядке мобилизована на педагогическую работу, подобно многим из нас, после Октября. На самом деле, то, что очень многим обывателям казалось «революционным увлечением», было лишь попытками воплотить в жизнь старые, давно сложившиеся и глубоко продуманные идеи Надежды Константиновны, которые она высказывала по частям иногда в изданиях еще 1910—1911 годов», — писал видный советский историк М. Н. Покровский о Н. К. Крупской.

Задолго до революции Н. К. Крупская начала разрабатывать научно-теоретические основы, связанные с созданием новой системы народного образования и воспитанием нового человека, человека-борца, строителя еще невиданного в истории человечества общества, свободного от эксплуатации. Она писала: «Надо было готовиться к моменту, когда власть перейдет в руки рабочего класса, надо было подготовить фронт просвещения».

И она готовится... Только за десять предреволюционных лет ею было написано более 33 статей, которые публиковались в нелегальной и легальной прессе в России и за рубежом. В эпоху бесправия, тяжелые годы реакции Крупская смело и открыто критикует буржуазную школу, гневно обличает порядки, существующие в царской школе, доводившие детей иногда до самоубийства... Она пони-

мала, что школьные реформы не спасут старую школу, тут нужна перестройка всего общества. Она прекрасно видела, что без кардинального изменения всего существующего строя царской России немыслимо разрешить ни одного вопроса воспитания и обучения подрастающего поколения, широкого просвещения народных масс.

После победы Октября Надежда Константиновна возглавляла внешкольный отдел Наркомпроса, стояла во главе Главполитпросвета. Чрезвычайно велика ее роль в создании новой школы, велик и ее вклад в советскую педагогику.

Увлеченная размахом работы, ее перспективами, Надежда Константиновна писала старому товарищу Александре Михайловне Калмыковой:

«...В Наркомпросе очень много работы — сейчас она особенно важна, а мы очень плохо огранизованы там, и потому работа идет с громадной растратой времени и сил. Да и охват наркомпросовской работы велик. Ко всему этому примыкает работа с молодежью и пионерами. А тут я ввязалась еще в работу в деревне. Вот и мечусь с караула на караул».

Ее творческая и организационная работа имела колоссальное значение для становления всей системы советского народного образования.

Действительный член Академии педагогических наук Н. К. Гончаров так охарактеризовал роль Крупской в создании марксистской педагогики:

«Руководствуясь марксистско-ленинской теорией, Крупская внесла крупный вклад в разработку таких важных проблем педагогики, как понимание сущности воспитания как общественного явления; предмет, методология и методы педагогики как науки; школа и общество, школа и жизнь; определение целей и задач коммунистического воспитания, содержание образования, связь умственного образования с трудовым воспитанием и политехническим образованием; проблемы краеведения; организационные формы обучения; этическое и эстетическое воспитание; физическое развитие; проблемы детского коллектива; школьное самоуправление; взаимоотношения личности и коллектива; основы содержания и организационные формы детского коммунистического движения; формирование научного мировоззрения и атеистическое воспитание; воспитание патриотизма и интернационализма; проблемы дошкольного воспитания и самообразования взрослых; о взаимоотношениях школы и семьи,

педагогической пропаганде, о роли и месте учителя, о его подготовке». Уже этот перечень вопросов, разработанных Надеждой Константиновной, показывает, что в данном издании их невозможно осветить даже бегло. Это дело специальных исследований. Авторы смогут остановиться только на некоторых проблемах.

Необходимо подчеркнуть еще раз, что Крупская была первым педагогом-марксистом. Она впитала лучшие традиции русской педагогической мысли. Характерной же чертой ее методологии был марксистский анализ взаимозависимости экономики, политики и культуры. Ее педагогические работы советского периода отражают задачи, поставленные партией на каждом конкретном этапе развития Советского государства, с учетом и перспектив этого развития.

В статье «Общество педагогов-марксистов» (1930 г.) Крупская писала: «Просвещенцы-марксисты, педагоги-марксисты в настоящий переломный момент не могут просто плыть по течению. Каждый из них чувствует, что ему нужно поглубже продумать все вопросы текущего культурного строительства, вопросы марксистской педагогики, вопросы организации дела народного образования под углом зрения революционной, марксистско-ленинской теории, чтобы вместе с массой начать более твердыми, уверенными руками строить культурную базу социализма».

Еще до революции Надежда Константиновна разрабатывает основы трудовой, политехнической школы, школы, которая давала бы не только общеобразовательные знания, но и знакомила ребят с современным производством, прививала им определенные трудовые навыки. Увязывая создание политехнической школы с научно-технической революцией, она борется против примитивного понимания такой школы как ремесленнической.

Но для создания такой школы нужны были кадры новых учителей.

Шли последние дни 1924 года.

Надежда Константиновна готовилась к большому событию — в январе 1925 года в Москве созывался I Всесоюзный учительский съезд. По всей стране, в больших городах и в далеких аулах, в маленьких школах-интернатах Заполярья учителя готовились к этому съезду, как к большому празднику.

Надежда Константиновна должна была сделать на нем доклад.

10 января 1925 года накануне открытия съезда «Правда» опубликовала статью Надежды Константиновны «Всесоюзный учительский съезд», в которой она говорила о задачах новой школы, о задачах учителя.

Крупская писала, что после революции пришлось строить новую школу, которая бы служила интересам трудящихся. «Эта школа, — говорила Крупская, — должна была быть тесно спаяна с жизнью, идти с ней нога в ногу, помогать трудящимся строить жизнь на началах социализма».

Доклад Надежды Константиновны «Советская школа» был сделан на заседании съезда 15 января. Надежда Константиновна напомнила делегатам слова Владимира Ильича на I Всероссийском съезде по народному образованию в 1918 году о том, что советская школа теперь поставлена на службу народу... Она говорила, а перед глазами стоял как живой Ильич, звучали его слова, обращенные тогда к учителям о необходимости приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей будущей трудовой школы, которая лишь одна сумеет оградить нас в будущем от всяких мировых столкновений и боен, подобно той, что продолжается уже пятый год.

Эти слова Владимира Ильича она сейчас повторила делегатам. Она говорила о тяжелых испытаниях, которые выпали на долю учителя, и объясняла, почему крестьянство настороженно относилось к школе. Недоверие к школе автоматически переходило и на учителя, и последнему нужно было преодолеть эту неприязнь, чтобы привлечь крестьянских детей в школу. И теперь мы видим, продолжала Крупская, что «лед недоверия начал таять». Возросло доверие населения к учителю, увеличился наплыв в школу. «В процессе этой общественной работы учитель сам очень многому научился, горизонт его расширился, и ему стало ясно, что Советская власть — это власть трудящихся, это его власть. Учителю стало ясно, что Коммунистическая партия, авангард рабочего класса, ведет рабочий класс и все слои трудящихся, всю страну по правильному пути. Это убеждение учитель принес с собою на этот съезд, именно поэтому этот съезд имеет такое громадное значение, потому что он является показателем смычки между учительством и Советской властью. Этот съезд показывает готовность учителя работать

под руководством Коммунистической партии». Эти слова были встречены дружными аплодисментами.

Большое место в докладе Крупской занял вопрос о новых школьных программах. Ни одна школьная программа не проходила мимо внимания Крупской. Много школьных программ с пометками и исправлениями, сделанными Крупской, хранятся в ее архиве в кремлевской квартире. Касаясь работы над созданием школьных программ, Крупская говорила учителям — делегатам съезда: «Нельзя всех знаний сообщать, какие только есть, потому что знаний этих необъятное количество. Но из всей суммы имеющихся знаний надо отобрать самые нужные, самые существенные. Программа ГУСа представляет собой попытку отобрать то, что является ценным с точки зрения трудящихся слоев населения, то, что является ценным с точки зрения современности, то, что нужно подрастающему поколению для того, чтобы реорганизовать всю жизнь на новых началах».

Политическое значение съезда было чрезвычайно велико. Итоги его Крупская подвела в статье «Первый Всесоюзный учительский съезд».

«Мы знали уже давно, что учитель становится общественником, но только состоявшийся съезд выявил полностью, как вырос учитель. Это не старый, сентиментальный, немного далекий от жизни сельский учитель, это доподлинный общественник, стоящий в гуще жизни, организатор, самостоятельно мыслящий человек, говорящий своими собственными словами, продумывающий окружающее. В беседах с учителями так и мелькают слова «марксизм», «исторический материализм», «люмпенпролетариат» и т. п.».

Педагогические сочинения Крупской легли в основу принципов нашей школьной революции, вспоминал Луначарский. Уже в те времена, в самом начале зарождения советской педагогической науки, она имела что сказать педагогам, ее статьи, выступления направляли течение педагогической мысли в правильное русло, помогали формированию советского педагога. Крупская возглавляла научно-педагогическую секцию ГУСа — Государственного ученого совета. Она сумела привлечь к работе в секциях ГУСа многих крупных ученых, педагогов, таких, как Н. И. Вавилов, Д. Н. Прянишников, В. Н. Образцов, Н. В. Чехов, М. М. Пистрак, А. Г. Калашников, М. В. Крупенина и др. Удалось втянуть в работу и лучшую часть беспартийной педагогической интеллигенции.

В те годы вся работа в секции сопровождалась поисками новых путей развития школы, выработки новой школьной программы.

Программы, созданные Государственным ученым советом под председательством Надежды Константиновны, учитывали, что школьники не только должны получать определенный запас знаний, но и познакомиться с основами коммунистического мировоззрения. Луначарский писал о роли произведений Крупской и, в частности, ее книги «Народное образование и демократия»:

«Книга Надежды Константиновны, трактовавшая о старой школе, учебе и о том, куда должна идти новая школа, выдвинувшая политехнический и трудовой принцип, и была той основой, из которой мы исходили при составлении программ во всей нашей работе, как в деле создания новых идей о школе, так и в деле их практического осуществления, в деле практической педагогической работы, реального педагогического процесса в тысячах и тысячах школ новой республики».

Надежда Константиновна сама участвовала в разработке школьных программ по отдельным предметам, делала свои замечания и указания и непременно перечитывала программы перед изданием. Так, программа средней школы по географии (Учпедгиз, 1935) вся испещрена ее пометками и замечаниями. Надежда Константиновна особенно подробно и тщательно редактирует программу по физической географии СССР для 7-го класса: вычеркивает ненужное, вписывает необходимые названия городов, рек, уточняет определения, цифры, делает редакционно-стилистическую правку. На проекте программы первой ступени фабрично-заводской семилетки (Учпедгиз, 1931) также немало замечаний и пометок Крупской. Здесь многие абзацы и разделы подчеркнуты и на полях написаны оценивающие замечания и советы.

Около пятидесяти статей — рецензий на школьные программы написано Крупской. Наряду с отзывами на программы по русскому языку и литературе для школы второй ступени мы видим замечания к проекту программ ФЗС по математике, физике и труду. Уже одно это рецензирование дает наглядное представление о широте педагогического кругозора Крупской. Без ее внимания не остаются и проекты программ по музыке, для детского сада, по русскому языку для нерусских школ взрослых.

В отзыве на программу по музыке, изданную для украинских школ, Крупская подчеркивает главное — от-

сутствие украинских песен, в программе не отражена история народа в музыке, мало говорится о связи музыкальных форм с содержанием и т. д.

Надежда Константиновна считала, что учебные программы — обязательный государственный документ, что они должны предоставлять учителям возможность, не нарушая системы знаний по основам науки, связывать обучение с современностью, использовать местный материал. Она считала, что это вливает живую струю в обучение, приближает его к жизни.

Мимо внимания Крупской не проходил ни один школьный учебник. Все выходившие учебники посылались ей на отзыв. Огромное количество рецензий было написано Крупской на учебники тех лет. Здесь и отзывы на «Букварь», на журнал «Ближе к природе», рецензия на «Хрестоматию по истории педагогики».

Крупская добивалась, чтобы школьные учебники способствовали формированию у подрастающего поколения подлинно научного марксистско-ленинского мировоззрения, были доступны и интересны. Она писала: «Надо, чтобы не по внешности, а по духу учебники наши стали советскими, надо, чтобы они стали орудием в перестройке нашей школы в ту школу, построение которой требует программа нашей партии».

Многие авторы учебников получили от Надежды Константиновны помощь, советы и поддержку.

В кремлевской библиотеке Крупской особенно большой раздел составляет педагогическая литература: это, по существу, самостоятельная библиотека, состоящая из 58 разделов и насчитывающая около 6 тысяч книг. Здесь литература по политехническому образованию, педагогике, по вопросам внешкольного образования, учебники для обучения неграмотных. Надежда Константиновна пристально следила за всей литературой по педагогике, как советской, так и зарубежной.

Многие книги ее библиотеки стоят с пожелтевшими закладками. В книге А. Г. Калашникова «Наука и школа для труда» сделано 32 закладки, отчеркивания имеются почти на каждой странице. В книге сохранилось начало рецензии, написанной Крупской. По всей вероятности, она не была дописана и поэтому не была опубликована.

За помощью и советом к ней обращаются редакции педагогических журналов, «Учительская газета», видные ученые-педагоги. Крупный советский ученый, известный

географ Н. Н. Баранский, по учебникам которого училось не одно поколение школьников, пишет ей в марте 1935 года и просит дать в журнал «География в школе» статью на любую тему: «Ведь надо же прямо сказать — Вы знаете, что я на льстеца менее всего похож, — что Вы в вопросах педагогики единственный у нас человек, знающий дело по существу из жизненного опыта и самостоятельных размышлений, а не из книжек и каких-нибудь «скоропалительных» теорий.

Особенно желательно было бы получить от Вас статью о воспитательном значении географии, или о том, какой должен был бы быть, по вашему мнению, учебник географии, или какие книжки Вы считали бы наиболее интересными, о том, как Владимир Ильич относился к географическому образованию, было бы исключительно ценно получить от Вас замечание о журнале, чего ему, по Вашему мнению, не хватает и т. д.».

В библиотеке Крупской собрано 800 учебников по всем предметам, многие из которых стали теперь уникальными. По ним можно проследить развитие нашей педагогической науки, то огромное влияние, которое оказала Надежда Константиновна на совершенствование учебной литературы, на улучшение методов преподавания различных предметов в школе.

В 1931 году Крупская избирается почетным членом Академии наук СССР, а в 1936 году ей присваивается ученая степень доктора педагогических наук.

Тесная связь с педагогами, с учащимися проходит красной нитью через всю деятельность Крупской.

Были школы, с которыми у нее устанавливалась многолетняя дружба и переписка не прерывалась годами.

Она была инициатором переписки с ребятами Ермолинской школы Вяземского района Смоленской области. «Дорогие ребята! — пишет Крупская. — Читала и слышала про вашу школу. То, что я слышала о ней, мне понравилось. Когда мне хвалят какую-нибудь школу, я стараюсь вспомнить свои детские годы и примериться, хорошо ли бы я себя почувствовала в той школе, которую хвалят. Во многих школах, которые другие хвалят, мне представляется неинтересно, а вот в вашей школе, я думаю, мне понравилось бы. Мне хотелось бы знать о ней поподробнее, напишите мне о том, как учитесь, что читаете, как работаете в школе и дома, дружно ли живете. Мне многие ребята пишут. Я отвечаю, только не очень аккуратно, потому что очень занята. Мне один

мальчик восьмилетний раз строгий выговор дал: «На письма надо отвечать, а ты не отвечаешь, стыдно так делать». Он прав. На письма надо отвечать, да вот месяцами минутки свободной нет. От вас, ребята, буду ждать письма. Теперь лето, и вам не до писем, конечно. Но потом как-нибудь напишите. Всего вам хорошего, товарищи, мои милые. Хотелось бы, чтобы выросли вы хорошими ленинцами.

Н. Крупская

Да, забыла. У меня просьба к вам. Мне надо написать статью, как у нас дети организованы в школах. Напишите мне, есть ли у вас учком, звенья и вообще как вы сообща налаживаете свою жизнь и работу в школе».

Каждое такое письмо Крупской детям — человеческий документ большой силы. Она говорит с детьми с глубоким уважением, без сюсюканья, серьезно вникая в их рабочие дела. Делится с ними своими мыслями, воспоминаниями, обращается к ним за помощью и советом. И ребята чувствуют сердечность ее отношения, понимают, что письмо написано с большой заинтересованностью их жизнью, учебой, запросами.

В следующем письме в Ермолино Крупская рассказывает о себе, о своем детстве, о том, как они с Ильичем жили в сибирской ссылке.

Директор Ермолинской школы П. П. Мазуров присылает ей свои книги (они и сейчас хранятся в библиотеке в Кремле). Приезжая в Москву, он непременно приходит к Крупской в Наркомпрос. Она в курсе всего, что делается в школе. Он рассказывал Надежде Константиновне, что каждое ее письмо — праздник для ребят. Ребята старательно переписывали ее письма красивыми буквами на больших листах бумаги и вывешивали на стене.

Все великие педагоги утверждают, что воспитание ребенка начинается с первых дней после его рождения. Поэтому и к самому маленькому ребенку нужно подходить серьезно. Характерно в этом отношении ленинское понимание детей.

Владимир Ильич всю жизнь боролся за счастье людей, за счастье детей. У него было совсем особенное отношение к ребенку, доверительное и доброе. «Владимир Ильич относился всерьез к занятиям ребят, — вспоминала Надежда Константиновна, — к тому, что они говорят и делают. У него не было и тени того пренебрежительного отноше-

ния к детям, того невнимания к ним, которое так часто бывает у взрослых. И потому ребята очень любили его. Он терпеть не мог манеру превращения детей в игрушку, заставлять их повторять слова, смысл которых им непонятен, терпеть не мог бессмысленного баловства. Он уважал права детей. В детях видел он будущее». В детях видела будущее, прекрасное будущее нового общества и Надежда Константиновна.

Впоследствии в своей автобиографии, написанной специально для юных пионеров, Крупская говорила: «Я всегда очень жалела, что у меня не было ребят. Теперь не жалею. Теперь их у меня много — комсомольцы и юные пионеры. Все они — ленинцы, хотят быть ленинцами». Ей очень хотелось, чтобы наши советские ребята жили счастливо, чтобы они все учились, росли здоровыми. В устных и письменных выступлениях Крупская подчеркивала необходимость правильной организации режима учебы и отдыха детей, максимальной обеспеченности ребят. Но прежде всего она заботилась о том, чтобы наши дети росли настоящими гражданами Республики Советов, большевиками-ленинцами, призывала воспитывать в ребенке дух коллективизма, интернационализма, патриотизма. «Хорошие у нас ребята растут, но много надо еще заботы о них, чтобы вырастить из них людей сознательных, способных довести до конца дело, за которое боролся всю свою жизнь Ленин...» — писала она рабочим паровозостроительного завода города Мурома.

Бесконечно занятая государственной и партийной работой, Надежда Константиновна неизменно откликается на каждое письмо, каждую просьбу ребят. Они пишут ей часто, выражая свою любовь, просят рассказать о ее жизненном пути. Одно из писем пришло из Ленинского района Северо-Двинской губернии, из деревни Тахта. Ребята писали:

«Здравствуйте, дорогая Надежда Константиновна. Мы все любим и уважаем В. И. Ленина. Почти в каждой избе висит портрет Ленина. Но теперь его нет и мы переносим любовь на тебя. Наша артель обязуется тебе описать нашу местность. Деревня Тахта расположена по обоим берегам реки Яреньки. Она впадает в реку Вычегду. При впаде стоит Яренск. Вокруг деревни поля, болота, а дальше непроходимый лес. Деревня тянется на 2 километра. Дома прикрепляются к улице. Климат нашей местности холодный. Зима длится 5—6 месяцев; холод достигает до 35—40°. В густых лесах водятся звери (хищники и пушные)

и птицы. Зимой по деревне рыскают волки, их истребляют всеми силами, но истребить не могут. До свидания, Надежда Константиновна! С нетерпением ждем ответа на вопрос: какова местность, где ты провела раннее детство?» [1]

Однажды, это было накануне 21 января 1925 года, она вернулась домой позже обычного: пришлось задержаться в Наркомпросе. Дома ее ждало письмо, которое она впоследствии хранила у себя и перечитывала, когда было особенно трудно.

Накануне первой годовщины со дня смерти Владимира Ильича Ленина ей написали ребята-школьники из Тобольской губернии.

«Дорогая наша тетенька Надежда Константиновна, мы вместе с Вами переживаем ту минуту, которая наступает 21 января. Просим Вас, чтобы Вы стойко перенесли эту минуту, которая является для Вас потерей великого дорогого друга и нашего учителя — отца В. И. Ленина. Просим Вас от группы пиоперов, которая носит его имя, чтобы Вы сходили на могилу и передали наши слова, что мы вспоминаем заветы нашего дорогого учителя В. И. Ленина, которые он указал нам, и почтим его память, и будем стойко стоять за его заветы. И просим Вас, Надежда Константиновна, чтобы Вы также не оставляли нас в деревне и направляли нас по той дороге, по которой указал нам Ильич.

Еще раз просим Вас, тетенька Надежда Константиновна, чтобы Вы стойко перенесли эту тяжелую минуту. С приветствием к Вам отряд юных ленинцев. Село Емуржилы Амурского района Тюменского округа Тобольской губернии» [2].

Крупская не оставляла без внимания ни одного письма. Она читала все письма и немедленно отвечала или сама, или поручала секретарю.

Часто Надежду Константиновну просили прислать ее фотографию и очень часто просили прислать книг «самых разных» и как можно больше.

Адресуя секретарю для исполнения письма с просьбой прислать разноцветных картинок, Надежда Константиновна нередко пишет: «Надо послать побольше».

Детям она часто отвечала на открытках. В ее конторке всегда был большой запас красивых открыток с видами Москвы, фоторепродукциями, с забавными рисунками

[1] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 1, д. 731, л. 106.
[2] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 12, оп. 1, д. 739, л. 33.

зверюшек. Хотелось ей сделать детям приятное, не просто ответить, но послать хоть такой, маленький подарок. Ведь где-нибудь в глухомани, в далекой Якутии или в кишлаке Таджикистана, ребятам даже такой подарок из Москвы доставит радость...

Ей пишут не только дети, но и родители. Иногда жалуются на трудных детей, прося помощи и совета. Надежда Константиновна вникает в каждую ситуацию, стремясь из письма понять, что угнетает маленького человека, что заставляет его идти наперекор взрослым. Она никак не может согласиться с теми папами и мамами, у которых «опускаются руки», кто пытается отдать ребенка в специальные школы для «трудных» подростков или даже в детские колонии. Некоторые письма вызывают у Надежды Константиновны внутренний протест. Ей непонятно, как это мать не может найти дорогу к сердцу своего ребенка, помочь ему.

Не доверяя педагогическому такту и душевной чуткости одной такой мамы-учительницы, Надежда Константиновна пишет ей взволнованное письмо: «Вы хотите отдать его в исправительную школу. Он учится в VII классе, дайте ему доучиться и выбрать дело по душе...

Пусть он сам напишет мне, что́ его интересует, увлекает, кем бы он хотел быть. Пусть напишет, входит ли он в пионерорганизацию или какой-нибудь кружок, ведет ли какую-нибудь общественную работу, какую. Письмо пусть напишет мне, никому не показывая, может, сговоримся с ним как-нибудь. А Вы не нервничайте лишку. Жму руку. *Н. Крупская».*

В письме к отцу очень одаренного ребенка, обратившемуся за советом, Надежда Константиновна пишет: «Уважаемый товарищ, Вы правы — Вам надо особо бережно отнестись к своему сыну... Не повторяйте ему, что он особо талантливый мальчик. Не заниматься с ним усиленно, не давать перескакивать через классы, пусть учится с ребятами своего возраста. Что надо делать? Во-первых, окружить его товарищеской средой, втянуть в общественную работу — помогать отстающим товарищам в учебе, читать вслух взрослым малограмотным, вовлечь в самостоятельную работу — писать дневники, простенькие сочинения, придумывать задачи из окружающей жизни. Давать побольше поручений, где бы он мог применить свои знания.

Опыт показал, что родители перегружают своих талантливых детей формальными знаниями и с годами та-

лантливость их стирается, а в худшем случае ребята заболевают.

Надо будить новые интересы, втягивать в физический производительный труд. Мне всегда хочется защищать «талантливых», «особо одаренных» ребят от родителей, которые, гордясь ребятами, забывают, что надо сделать так, чтобы жизнь ребят была содержательнее, полнее, не было бы духовного одиночества, самомнения. Ребята имеют ведь право на счастье».

Большое внимание в воспитании детей уделяет Надежда Константиновпа семейным отношениям. Новые формы социалистической семьи дают возможность воспитывать детей по-новому, по-коммунистически. Крупская считала, что только коллективное воспитание, то есть когда ребенок с ранних лет живет в детском коллективе, дает возможность привить ему общественное начало, поможет ему жить и работать, строить новую жизнь.

«Впечатления детства, — писала Крупская, — оставляют след на всю жизнь. Детские переживания влияют на весь дальнейший уклад, на всю дальнейшую работу человека, хотя зачастую они и остаются в области подсознательной. Человек может забыть о них, но они, помимо его воли, часто определяют его поступки».

Она посвящает вопросам дошкольного воспитания целый ряд статей, активно участвует во всех съездах и конференциях по дошкольному воспитанию.

Одной из проблем, которую Надежда Константиновна всегда держала в поле зрения, было внешкольное воспитание детей.

Она писала о том, что важно постоянно следить за внеклассным чтением школьников, организовывать игру для малышей. Он внимательно следила за всей выходившей в те годы литературой для детей. Немало рецензий она написала на детские книги. Пытаясь дать правильное направление молодым поэтам и писателям, помочь им воспитывать в детях коллективизм и интернационализм, она очень сурово, а подчас резко критикует некоторых авторов.

Что хотела Надежда Константиновна от книжки детской, что ждала от автора? Прежде всего любви к детям, умения рассказать ребенку в художественной форме об окружающем мире, помочь познать этот мир. «У нас чрезвычайно мало простых, серьезных по содержанию, нешаблонных книг для детей, книг, говорящих в живых образах

об окружающей жизни, подводящих ребят к пониманию совершающегося кругом».

Надежда Константиновна собирала детские книги для своей библиотеки по разделам: «Детские игры», «Летние площадки», «Детские клубы», «Техника — детям», то есть специальная литература.

Очень ей хотелось, чтобы для детей была написана и издана «Детская энциклопедия». Буквально за несколько дней до смерти она писала в Детиздат: «Детская энциклопедия» дело очень нужное, она может помочь, если будет правильная установка, культурному росту подростков».

Она очень любила встречаться с детьми. Когда, просматривая запись приема, видела, что сегодня будут какие-нибудь детские делегации, она, улыбаясь, говорила: «А у нас сегодня «пионерчики» будут».

Надежда Константиновна старалась привлечь пионеров, молодежь к активному участию в жизни страны. В 20-е годы партия ставит задачу — в кратчайшие сроки ликвидировать неграмотность. Крупская обращается к ребятам со статьей: «Юный ленинец, борись с неграмотностью» («Правда» от 25 декабря 1924 года). В бумагах Надежды Константиновны хранилась интересная листовка, изданная «Пионерской правдой» в 1928 году. Она явилась ответом на письмо Крупской, опубликованное в газете, где Крупская критиковала работу пионерских отрядов, которые забыли, что следует каждый шаг своей работы увязывать с общественными интересами. На листовке многочисленные пометки и правка Крупской. Она зачеркивает плохие карикатуры с примитивными стихами, которые предполагалось поместить. Правит и свое письмо, чтобы сделать его проще, доходчивей.

Надежда Константиновна внимательно следит за детской и молодежной печатью. В 1934 году она выписывает газеты «Колхозные ребята», «Пионерская правда», «Комсомольская правда», журналы «Вожатый», «Интернационал молодежи», «Коммунистическая молодежь», «Молодая гвардия», «Красное студенчество», «Пионер», «Юный коммунист» и др. Она нередко выступает на страницах молодежных и детских газет и журналов.

Крупская всегда была внимательна к просьбам ребят. Как-то, получив письмо от пионеров Булушзенского района, она обратилась в райсовет:

«Уважаемый товарищ.

Направляю Вам письмо пионеров жакта № 1713. Ребята хотят организовать свой досуг, необходимо всемерно поддержать их в этом. Очень просила бы помочь ребятам получить помещение для их работы».

Выступая на пионерском активе столицы в Ленинские дни 1937 года, Крупская рассказала пионерам о том, как учился Владимир Ильич, как читал книги, помогал товарищам, развивал свою волю, добиваясь огромной трудоспособности, о том, как работал взрослый Владимир Ильич, отдавая все силы делу партии, делу народа.

В своих многочисленных обращениях к пионерам, в письмах Надежда Константиновна призывает их быть активными строителями социализма, готовиться к общественной жизни.

Много сил и внимания Крупская уделяла вопросу ликвидации беспризорности. Выступая на открытии Московской конференции по борьбе с детской беспризорностью, состоявшейся в 1924 году, Крупская обращалась ко всем советским и партийным органам с просьбой — помочь ликвидировать беспризорность. На обращение Крупской откликнулись сотни организаций и учреждений, женщины-домохозяйки, комсомольцы, студенты, рабочая молодежь. Она получала огромное количество писем с предложениями о помощи детям-беспризорникам.

Крупская интересуется организацией детских домов, школ для детей-сирот. Выступая на страницах журнала «На путях к новой школе», она делится с преподавателями и организаторами детских домов своими мыслями, каким она хочет видеть советский детский дом: он «...должен быть учреждением, дающим ребятам возможность всестороннего физического развития, дающим детям серьезный запас знаний, умение прилагать их к жизни, дающим привычку, умение коллективно жить и работать, дающим понимание жизни и умение занять в ней место полезного члена общества».

Надежда Константиновна посетила не один детский дом, беседовала с учителями, воспитателями и детьми, внимательно следила за литературой, в которой освещались вопросы воспитания детей, оставшихся без родителей.

Жизненность ее утверждений, глубокое понимание психики ребенка, оказавшегося вне семейной среды, педагогические раздумья и наставления и сегодня могут служить примером для воспитателей детских домов, образцом

того, как нужно подходить к ребенку, как нужно завоевывать его уважение и воспитывать характер нового советского гражданина.

Она мгновенно разоблачает внешнюю показуху. Как-то Надежда Константиновна получила письмо и стопку фотографий от заведующей детским отделением якутской библиотеки. В ответном письме Крупская пишет, что снимки не понравились — дети одинаково хорошо одеты. Возникло сомнение — или эти дети привезены специально для фотографирования, или, что еще хуже, посещать эту библиотеку могут далеко не все дети. Ведь она хорошо знает, что многие ребята не имеют еще самого необходимого.

20 апреля 1930 года Крупская обращается к общественности Москвы через газету «Рабочая Москва» со статьей «Открытое письмо Моссовету», где она с сожалением говорит о том, что летом не все дети будут вывезены за город и даже далеко не все смогут поехать в Нескучный сад или на Ленинские горы. *«Необходимо организовать ближние детские экскурсии...* Надо организовать прогулки ребят с помощью добровольцев — дежурных из пионервожатых, из делегаток, из членов совсодов [1], из членов жилтовариществ, которые сопровождали бы ребят на прогулку в ближайший лес, за город. Надо, чтобы дети не болтались по улицам, а уходили за город на два, на три часа побегать, попеть, поиграть», — пишет Крупская. Она предлагает горсовету обеспечить бесплатный проезд детям за город. И далее спрашивает: *«Что думает на этот счет Моссовет?*

Что думают на этот счет врачи, учителя, рабочие и работницы, ЦБ ДКО, члены Совета?

Как бы тут обойтись без бюрократической канители?

Разрешить вопрос ко Дню 1 Мая.

Мыслимо это или немыслимо?»

Особые отношения были у Крупской с комсомолом. Еще в 1917 году она вела большую работу в Петроградском союзе молодежи. Ее статьи в «Правде», опубликованные весной и летом 1917 года, помогли выработать организационные и политические основы союзов по всей стране. Ее советами пользовались и члены Оргбюро по созыву I съезда комсомола.

Она принимала самое активное участие в работе II,

[1] Совсод — совет содействия.

IV, V, VI, VII съездов РЛКСМ и VIII и IX съездов ВЛКСМ. На каждом съезде она выступала перед комсомольцами. Ее выступления имели огромный резонанс среди молодежи, учителей, работников культурного фронта. Прямо и откровенно она говорила делегатам IV съезда РЛКСМ: «...Мы все знаем, что Россия страна дикая, что у нас такое количество безграмотных, как нигде. У нас очень плохие школы».

Крупская обращается к комсомольцам-делегатам с просьбой помочь Советской Республике на фронте просвещения, помочь так же самоотверженно, как они помогали отстаивать на фронтах гражданской войны Советскую Республику. Она горячо и страстно говорила о том, что нельзя никак допустить, чтобы обучение детей рабочих и крестьян взяли в руки выходцы из мелкобуржуазных и буржуазных слоев.

«Это то же самое, — говорила Крупская, — что мы отдадим детей рабочих и крестьян в чужие руки». Заканчивая свое выступление, она еще и еще раз призывала молодежь отдать все силы подрастающему поколению, дать детям те знания, которые так необходимы для строительства новой жизни.

В своих выступлениях, статьях, докладах Крупская очень часто приводила высказывания Ленина, те главные моменты, на которых останавливался Владимир Ильич, обращаясь к молодежи. Не однажды она цитировала прекрасные слова Ленина, обращенные к делегатам III съезда комсомола. «Быть членами Союза молодежи, значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста»[1].

Глубоко верили Ленин и Крупская в огромные возможности быстрого и успешного развития нашей страны при самом активном непосредственном участии молодежи. В годы гражданской войны и интервенции советская молодежь проявила беспримерный героизм, отстаивая завоевания Великого Октября. В период восстановления разрушенного войной народного хозяйства молодежь вместе с коммунистами оказалась в первых рядах. Для строительства социализма, для восстановления промышленности и сельского хозяйства нужны были квалифицированные

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 315—316.

кадры, и молодежь должна была взять на себя задачу учебы и строительства одновременно.

В приветствии V съезду РКСМ Крупская говорила: «...Нам необходимо овладеть знаниями, для того чтобы правильно использовать все те богатства бесчисленные, которые находятся в России. Молодежь уже почувствовала необходимость овладеть знаниями... Я надеюсь, что и на этом пути молодежь проявит тот же героизм, который она проявляет в борьбе с буржуазией русской и иностранной».

С первых дней создания комсомола у Крупской установились деловые и дружеские связи с его Центральным Комитетом. К ней приходили за советом, за помощью. Она активно участвовала в работе съездов комсомола, привлекала комсомол к решению многих дел. Когда в 1927 году стало ясно, что с ликвидацией неграмотности страна еще не справилась, что вопрос всесторонне обсуждался в Главполитпросвете, Крупская говорила, что надо поднять массы рабочих и крестьян, помочь им организоваться для овладения грамотой. И на вопрос, какая организация может оказаться наиболее подвижной, способной возглавить движение масс, Надежда Константиновна сразу ответила: «Комсомол! С него надо начинать». Так комсомол стал во главе похода за ликвидацию неграмотности.

Культпоход, библиотечный поход, политехнизация школы — на многих фронтах культурной революции в первых рядах шел комсомол.

Работники ЦК комсомола, пионерской организации, начиная что-то новое, шли посоветоваться с Надеждой Константиновной.

В свою очередь, Надежда Константиновна часто говорила: «Поеду к комсомольцам, поговорить с ними, отвести душу». «Это означало, — вспоминает бывшая сотрудница Наркомпроса Л. М. Потапова, — что собирается Надежда Константиновна в ЦК ВЛКСМ. И всегда после ее бесед мы видели конкретные результаты помощи библиотекам со стороны комсомола».

Большое внимание уделяла Надежда Константиновна проблеме новой советской семьи, моральному облику комсомольца.

В 20-х годах совершенно серьезно среди молодежи дискутировались вопросы: может ли комсомолец жениться, иметь детей, может ли молодая коммунистка любить и

иметь семью? Проповедовался аскетизм. Крупская резко выступила против такого партийного аскетизма на VI съезде РЛКСМ. Она говорила: «Дело не в том, что надо отказаться от мужа и детей, а в том, чтобы из детей воспитать борцов за коммунизм, сделать так, чтобы и мужа сделать таким же борцом. Надо уметь сливать свою жизнь с общественной жизнью. Это не аскетизм. Напротив, благодаря такому слиянию, благодаря тому, что общее дело всех трудящихся становится личным делом, — благодаря этому, личная жизнь обогащается. Она не становится беднее, она дает такие яркие и глубокие переживания, которых никогда не давала мещанская семейная жизнь...»

Еще в 1925 году Надежда Константиновна написала брошюру «Воспитание молодежи в ленинском духе», где широко и глубоко освещены проблемы нравственного воспитания молодого человека нового общества.

Проблеме воспитания советского молодого человека Крупская отводит большое место в своем выступлении на VII съезде РКСМ.

Роль комсомола в организации пионердвижения, роль пионервожатых, работа с пионерами — все эти вопросы в поле внимания Крупской.

«Наше пионердвижение представляет собой совершенно особое движение, невозможное ни в какой другой стране по своему размаху и по своему влиянию на молодежь».

Не раз на эту тему писала, выступала на совещаниях и слетах. На конференции пионервожатых ее выступление перешло в оживленную дискуссию, главным вопросом был — кто может быть хорошим пионервожатым? Говорили о важности образования, о роли возраста, о спортивной подготовке и т. д. А Крупская, выслушав всех, сказала: «...вожатым насильно не заставишь быть. Для этого нужно иметь жилку такую, любить работать с ребятами».

В письме к студентам, написанном в августе 1938 года, Надежда Константиновна писала: «Каждому студенту, каждому комсомольцу надо бороться за науку, ломать, когда надо, старые традиции, отстаивать то, в чем убежден, работать так, как работали Маркс, Энгельс, Ленин, научиться изучать каждое явление в его развитии, во всех связях и опосредствованиях. В день двадцатилетия Ленинского комсомола шлю горячий привет бывшим и теперешним студентам-комсомольцам, шлю горячий привет всему советскому студенчеству».

Советское правительство высоко оценило деятель-

ность Крупской. За выдающиеся заслуги в области просвещения масс и за многогранную государственную, партийную и общественную деятельность Надежда Константиновна была награждена орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

В грамоте ВЦИК о награждении Надежды Константиновны орденом Трудового Красного Знамени так характеризуется ее деятельность:

«Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета отмечает, что Ваша чрезвычайно многообразная творческая работа в области политического и культурного просвещения трудящихся масс на протяжении десяти лет дала значительные результаты. При Вашем руководящем участии создан новый тип советской трудовой школы, организован Главполитпросвет, Вами даны основные творческие идеи в области внешкольного образования и внешкольного воспитания; Ваши громадные заслуги в деле антирелигиозного воспитания, неустанное внимание, уделяемое пионерскому и комсомольскому движению, — вот необъятное поле Вашей деятельности за последнее десятилетие.

Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, исполняя горячие пожелания рабочих и крестьянских масс, в заседании своем от 11 марта 1929 года постановил: наградить Вас орденом Красного Знамени».

ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

Знакомясь с деятельностью Крупской в послереволюционный период, не перестаешь удивляться объему ее работы, многоплановости и широте ее интересов. На ее плечи легли большие партийные и государственные обязанности, много внимания уделяла она становлению движения детей, молодежи, коммунистическому воспитанию женщин. Это все помимо работы в Наркомпросе.

В каждом деле, которым занималась Крупская, видела она часть общепартийного дела. Любой вопрос образования, просвещения, воспитания она связывала с задачами революционного преобразования общества, с задачами формирования нового человека. Она была и теоретиком и практиком, организатором, деятелем.

Крупскую как ученого-педагога хорошо знают и высоко ценят в нашей стране и за рубежом. Она очень много и плодотворно пишет: начиная с 1901 года, когда впервые рабочие прочитали ее книгу «Женщина-работница», и вплоть до самой смерти выходят ее многочисленные статьи, брошюры. Из года в год она публикуется в газетах: «Правда», «Известия», «Комсомольская правда». Ее статьи занимают центральное место в таких журналах, как «Красный библиотекарь», «На путях к новой школе», «Работница», «Крестьянка», печатаются в десятках других периодических изданий. Если взять только краткий перечень статей, опубликованных в 1933 году, то сразу станет ясно, какой огромный круг вопросов сумела охватить Крупская: «Выше знамя борьбы за качество учебы», «Вопросы культработы среди народностей», «В Стране Советов и работницы и крестьянки строят социализм», «Второй съезд партии» ,«Реконструкция Наркомпроса и библиотечный фронт», «Библиотека должна войти в быт», «Роль колхозов в раскрепощении женщин», «К борьбе за культурно организованную жизнь, за жизнь просвещенную и светлую», «О детской книжке», «Ленин и Горький», «Петроградский союз рабочей молодежи летом 1917 года»,

«Маркс о коммунистическом воспитании подрастающего поколения», «Ленин умер, но дело его живет».

Каждый день Крупской заполнен заседаниями, приемом посетителей, ответами на многочисленные письма, работой над воспоминаниями, статьями, рецензиями.

В письменном столе Крупской в кремлевской квартире сохранились карточки, где ее рукой аккуратно записано, сколько в каком месяце проведено совещаний, сделано докладов, на какое количество писем отвечено.

Мы приводим данные лишь одной карточки, хотя все они интересны и значительны. Работа с 15 мая по 15 июня 1934 года. Кроме подписей бумаг, отзывов на представляемые проекты и свидания с разного рода работниками, бесед с членами правления, различных писем по ходу дела:

Статьи (11)

1. Известия 23/V. № 119. Об общеобразовательном минимуме.

2. «Коммуна». Приветствие знатным людям ЦЧО — мету.

3. Литерат. газета № 65, 24/V. Библиотечный фронт к писательскому съезду.

4. Через Кан. Приветствие Сталинградскому съезду библиотекарей.

5. З. К. П. 10/VI, № 132. Приветствие к 15-летию Ленинградского института «Политпросвет».

6. «Сталинец». 10/VI, № 6. Рабочим читательской конференции.

7. Литерат. газ. 10/VI, № 73. Библиотека и писатели.

8. «Совхозная газета», 29/II, № 148.

«Бюллетень Наркомпроса № 21, 24/VI». Сельским библиотекарям.

9. «Раб. Москва». 12/VI, № 12. Библиотека на заводе. Ленинградская правда.

10. «Заочный ж. Киж.». Политотделы и библиотека.

11. Через Мастикову и Куропаткину. Приветствие съезду знатных людей Зап. обл.

7 статей+4 приветствия

Выступления:

15/V — на конференции педмедтехникумов (стенограмма выправлена, пошла в журнал Педкадров).

21/V — на конференции совпартшкол.

7/VI — в Совнаркоме о школах взрослых.

10/VI — на конференции читателей в Сталинском районе.
11/VI — на заседании по самообразованию.
14/VI — на заседании ЭКОСО (о мероприятиях, нужных по библиотечному делу).

Заседания:

19/V — совещание бибколлекторов.
20/V — конференция совпартшкол.
21/V — заседание замов.
25/V — беседа с делегацией колхозниц из Донбасса.
25/V — совещание с едущими в командировку.
26/V — заседание ПБ.
27/V — доклады комиссии на общ. б-к Политехмузея и Наркомтяжпрома.
7/VI — доклад о библиотеке историч. музея.
9/VI — заседание ПБ.
10/VI — заседание комиссии Кривова по шк. взрослых.
Просмотр писем 135+15=150.

Прием иностранцев: Д-р Мэри Дэбней Девис из Вашингтона, Мисс Уинтрингхэм из Лондона с Михаэлис (через Бэла Илеш).

Подводя общий итог работы за 1934 год, Надежда Константиновна приводила цифры, которые изумляют каждого: 90 выступлений, 90 статей, проведено 178 заседаний, просмотрено 2525 писем и отвечено на них. Эта работа охватывает только 10 месяцев, так как в том году она месяц пролежала в больнице, а затем месяц отдыхала.

Надо при этом помнить, что Надежде Константиновне было уже 65 лет, что сердце нередко «бунтует», наваливается усталость, но ее лучший лекарь — работа, работа во имя победы ленинских идей.

Как-то во время заседания лекторской группы ЦК партии возник разговор о том, кто из руководящих работников и лекторов Центрального Комитета сколько прочел лекций, сколько опубликовал статей. И оказалось, что на первом месте как по числу публичных выступлений, так и по количеству написанных статей была Крупская.

«Ну знаете, Надежда Константиновна, нам за вами не угнаться, — сказал Ярославский. — У вас ленинская работоспособность и методичность в работе. Ведь тренировка какая...»

«Да, это верно, — ответила Надежда Константиновна. — Мы с Ильичем много работали над тем, чтобы наш

труд с каждым днем становился все более производительным. Ведь не только рабочим надо заботиться о поднятии производительности труда. Надо об этом заботиться каждому работнику госаппарата, каждому партийному работнику».

Всюду успеть, выполнить все можно было только при строжайшем распределении рабочего времени.

Трудовой день Надежды Константиновны начинался в 5—6 часов утра. В эти утренние часы ей хорошо работалось. Она по вечерам приносила из Наркомпроса документы, которые надо было срочно рассмотреть, письма.

Бессменный секретарь Крупской на протяжении 20 лет — Вера Соломоновна Дридзо рассказывала:

— Обычно я приходила к ней домой к девяти часам утра. К этому времени на ее письменном столе уже был приготовлен отработанный материал, и она отдавала мне готовую статью, отзыв на программы, ответы на письма, замечания на материалы, переданные ей накануне... Все это было тщательно продумано, написано столь характерным для Надежды Константиновны мелким, четким «учительским» почерком.

Перед самым отъездом в Наркомпрос Надежда Константиновна набрасывала примерный план работы на день, у нее была расписана каждая минута.

— Сослуживцев и близких Крупской поражала и восхищала ее необыкновенная работоспособность, собранность и дисциплинированность, — рассказывает бывшая сотрудница Наркомпроса Э. М. Цимхэс. — В конце рабочего дня я передавала ей рукописи, и уже назавтра с утра она отдавала мне отзывы на них.

Умению правильно распределять время, планировать работу Надежда Константиновна учила и своих сотрудников. «Помню, вызовет к себе, — вспоминает бывшая сотрудница внешкольного отдела Л. М. Потапова, — и возьмет свой блокнот, и скажет: «План работы у меня на сегодня вот такой. А что вы собираетесь делать?» И поневоле будешь планировать свою работу, выполнять поручения так, чтобы вызвать одобрение и улыбку в ее умных и добрых глазах».

Крупская часто вызывала к себе сотрудников, терпеливо учила, как нужно разумно организовывать свое рабочее время, советовала составлять ежедневный план.

Никогда не стесняя инициативы сотрудников, она всегда высказывала свое мнение, иногда и очень жестко критиковала. Она постоянно побуждала людей мыслить само-

стоятельно, действовать смело и ответственно, решать все вопросы оперативно. Вот что она однажды говорила одному из организаторов Ростовского рабочего университета, Г. И. Будному, который сообщил ей о намечаемых новых мероприятиях: «Мы ничего советовать вам не можем. Дело это новое, наметили вы, по-видимому, в общем, правильно, но важно, как это практически выйдет. Вот когда осуществите свои планы, мы с вами и посмотрим. Хорошо выйдет — похвалим, плохо — поругаем... Без этого нельзя, ответственность за вами. А вы не смущайтесь, сами посмотрите, как лучше сделать: вам на месте виднее».

К ней за советом, за помощью приезжали политпросветчики из разных мест, с разной подготовкой, молодые, начинающие работники и опытные преподаватели. Для каждого она умела найти нужное слово, дельный совет, каждого она умела успокоить.

Заместитель директора Ленинградского института политпросветработы рассказывала о своих встречах с Крупской: «...Когда я уходила от нее, я всегда была полна чувства торжественности, благодарности, бесконечного уважения и сознания того, как прост и доступен этот большой, умный, замечательный человек. Внимательное и уважительное отношение Надежды Константиновны к посетителю всегда вдохновляло, вливало новую энергию, любовь к своей работе. Движения ее были неторопливы, она казалась усталой, видно было, что она больна. И тем не менее она всегда была внимательна, приветлива, доброжелательна. Все полученные ею заранее программы, материалы уже бывали ею просмотрены, иногда на полях были ее пометки, но чаще она устно высказывала свое мнение: только записывай. Всю политико-просветительную работу, в том числе и библиотечную, она считала делом глубоко творческим, требующим инициативы, политической зрелости и умелого подхода к массам».

У себя во внешкольном отделе Наркомпроса Крупская время от времени собирала сотрудников, чтобы обсудить тот или иной вопрос. Иногда разгорались жаркие споры. Если мнения были разноречивые, она ставила вопрос на голосование, хотя формально могла этого не делать и решить вопрос единолично. Чаще коллектив соглашался с Крупской, а иногда и нет. И вот тут-то Надежда Константиновна шла за большинством, хотя и оговаривала, что жизнь еще покажет, кто прав, и время проверит правильность принятого решения.

Надежда Константиновна всегда стремилась узнать

глубже людей, с которыми приходилось работать. Учила товарищей принципиальности, учила работать по-ленински.

«Учиться у жизни, у людей не всякий умеет. Ильич умел», — вспоминала Крупская. Умела и она. И люди чувствовали ее искренность, прямоту и сердечную доброту.

Хотя сотрудники знали, что у Надежды Константиновны масса дел, и берегли ее время, много раз случалось все-таки, что, кроме нее, никто не мог правильно решить тот или иной вопрос, помочь дельным советом. В 1936 году к ней с очень серьезной просьбой обратилась директор НИИ библиотековедения Елизавета Владимировна Сеглин. Дело заключалось в том, что институту, которым руководила Сеглин, было предъявлено обвинение в разглашении государственной тайны. Началось тщательное обследование института, хотя материалы, опубликованные институтом, из-за которых и началось расследование, неоднократно публиковались в изданиях Центрального управления народнохозяйственного учета, да и в других изданиях. «Время было трудное, — вспоминала директор института, — и не хотелось мне по этому поводу тревожить Надежду Константиновну. Но она сама вызвала меня к себе. Как всегда, встретила с ласковой улыбкой. Я коротко рассказала о том, что делается в институте. Она выслушала внимательно, но, когда я протянула ей пресловутую книгу, не взяла ее, а задержала мою руку и сказала: «Не беспокойтесь, деточка, я прочла книжку, в ней нет ничего плохого». Это было сказано так тепло и убедительно, что у меня сразу посветлело на душе.

Мне было известно, что комиссия придерживается другого мнения, приготовлен уже соответствующий приказ Наркомпроса. Услышав об этом, Надежда Константиновна помрачнела: «Разве есть такой приказ?..»

Я поняла, что все это делается помимо ее воли, и сразу перевела речь на другую тему.

Обследование же вскоре прекратилось, не последовало никакого приказа. По-видимому, Надежда Константиновна вмешалась в это дело».

Авторитет Крупской был настолько велик, ей так верили, ее так глубоко уважали, поэтому нет ничего удивительного в том, что к ней обращались не только сотрудники Наркомпроса, не только лично знавшие ее, но и люди, никогда не видавшие ее, из самых различных районов нашей необъятной страны.

И товарищи по работе вспоминали, сколько головотяп-

ства удавалось устранить благодаря ее своевременному вмешательству и сколько умных работников, прекрасных людей она помогала сохранить на работе и защитить от несправедливых обвинений.

Однажды ей сообщили, что одного очень толкового и активного библиотечного работника пытались оклеветать. Против нее была начата целая клеветническая кампания. «Когда Надежда Константиновна узнала об этой травле, то вызвала товарища в Москву. Потом уже эта женщина рассказывала, как трудно было ей решиться прийти к Надежде Константиновне: она боялась, что расплачется, ничего не сумеет объяснить. Но вышло совсем иначе: она вошла в кабинет, Надежда Константиновна встала навстречу, протянула ей руку, усадила рядом с собой и первая начала разговор. Она стала рассказывать о В. И. Ленине, о себе, о том, какие в их жизни были тяжелые периоды и как они выходили из них. Такое начало встречи сразу успокоило товарища, ей легко и просто удалось все рассказать, и, что и ее самое удивило, ей перестало казаться теперь страшным все, что с нею произошло. У нее появилась уверенность, что она справится со своей бедой, сумеет доказать свою правоту, вспоминает старый библиотечный работник.

Когда женщина вернулась домой, вероятно, не без вмешательства Крупской клеветник уже был смещен.

Одна из сотрудниц Наркомпроса, Мария Аркадьевпа Смушкова, вспоминала о той атмосфере сердечности и доброты, которая установилась во внешкольном отделе, которым руководила Крупская.

«Сотрудников тогда во внешкольном отделе было не так уж мало, но она хорошо всех знала — знала не только как они работают, но и то, как они живут вне работы. Ее чуткость по отношению ко мне глубоко меня потрясла еще в самом начале совместной работы. Как-то раз в конце 1919 года я пришла утром крайне расстроенная: муж и двухлетняя дочь одновременно заболели «испанкой», как называли тогда тяжелую форму гриппа. Уходя на работу, я оставила их в нетопленой квартире, без всякой еды. Естественно, что на работе я была расстроена. Надежда Константиновна, которая вызвала меня к себе для выяснения какого-то вопроса, сразу заметила мое состояние.

— Что с вами, дитя мое? — спросила она.

Вопрос застал врасплох, я не сумела сдержаться и расплакалась. Она не отпустила меня, пока не добилась

подробного рассказа, как мы живем, как питаемся и т. п. Прошло несколько дней. Меня вызвали в канцелярию внешкольного отдела и сообщили, что мне с семьей дают комнату на четвертом этаже в здании Наркомпроса. Надежда Константиновна добилась этого сама, без всякой просьбы с моей стороны». И к ней шли с горем и радостью потому, что знали, как близко к сердцу принимает Надежда Константиновна чужую беду, как она искренне радуется человеческому счастью.

«Мы любим ее за то, что она прекрасный товарищ, за ее исключительную чуткость и ее доброту»,— писал Анатолий Васильевич Луначарский.

Сотрудники Наркомпроса обращались к Крупской по всем вопросам: тут и общественное, и сугубо личное, совсем сокровенное. И ни одна просьба не оставалась без внимания. Молодая работница как-то пожаловалась ей:

— У меня такое несчастье, очень маленькие дети...

Надежда Константиновна от души рассмеялась:

— Какое же это несчастье! Наоборот, это должно доставлять такую радость!..

Молодая мать, смущаясь, рассказала, что дети у нее близнецы, им не хватает немного до трех лет и в детский сад их не берут, а дома оставлять не с кем, хоть работу бросай. Надежда Константиновна успокоила ее и написала на заявлении работницы: «Прошу принять детей-близнецов в детский сад».

Однажды Надежда Константиновна обратила внимание, что инструктор библиотечного коллектора Р. В. Григорьева ходит в дождливую погоду в плохих ботинках. Решила выручить ее, подарить свою вторую пару. На следующий день, придя на работу, Надежда Константиновна вызвала Раису Викторовну, вынула ботинки и сказала:

— Это у меня лишняя пара. Садитесь, меряйте...

Надежда Константиновна очень часто выступала на собраниях, заседаниях перед самой различной аудиторией.

Товарищи ее рассказывали, как тщательно она обдумывала каждую деталь своего выступления. Во время выступлений Крупской всегда стояла чуткая тишина.

«Очень обыкновенные слова говорила Надежда Константиновна, говорила спокойно, без всякого внешнего эффекта, но каждое из этих слов свидетельствовало о том, что она хорошо знает действительность, знает о всех трудностях в нашей работе. Ее слова свидетельствовали также

и о глубокой убежденности в силе взявшего в свои руки власть рабочего класса, в возможности общими силами преодолеть все препятствия на пути строительства новой жизни.

— Не бойтесь трудностей, — говорила Надежда Константиновна, — смело, открыто рассказывайте о них рабочим собраниям, и с помощью рабочих всегда будет найден выход из положения.

Что еще было особенного в ее словах? Каждому казалось, что она говорит именно для него, отвечает на его вопросы, рассеивает его сомнения. И в то же время слова Надежды Константиновны сплачивали всех присутствующих в единый коллектив».

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

В начале февраля 1939 года Надежда Константиновна, разбирая утреннюю почту, увидела письмо из Ленинграда от Ольги Яковлевой, с которой она вместе учительствовала в вечерне-воскресной школе за Невской заставой.

Ну вот и Оля об этом же пишет! Вот чудаки, решили все-таки устроить торжественный юбилей в честь ее 70-летия. Да и в Наркомпросе что-то затевается, какие-то корреспонденты появились, о чем-то совещаются.

Через несколько дней Крупская писала в Ленинград:

«Дорогая, милая Олечка, чувствую себя ужасно виноватой, что не ответила до сих пор на твое предыдущее письмо. Но эту зиму у меня невероятное количество работы, а сил уж немного, прихожу вечером домой, глаза перестают видеть, приходится выкраивать каждую минуту по утрам. Ну вот. То, что я не писала, вовсе не значит, что я это время не думала о тебе, дорогая моя.

Насчет музея народного образования. Мне очень хотелось бы, чтобы музей отразил по-настоящему пройденный за годы существования Советской власти путь, чтобы настоящее было крепко увязано с прошлым. У меня осталось исключительно светлое воспоминание от нашей последней встречи, от твоих рассказов о рабфаках, поэтому мне казалось, что необходимо, чтобы музей по народному образованию покрепче связался с тобой. Я не знаю, что из этого музея вышло. Что они прислали человека поговорить с тобой, это хорошо, но, если он все свел к собиранию сведений обо мне, это никуда не годится. Я терпеть не могу юбилеев. Хотела бы свести связанные с ним разговоры до минимума. Если будут приставать к тебе с этим, пошли их ко всем чертям.

Сейчас культработа быстро пошла опять на подъем, работа стала ставиться серьезнее, лучше. Это воодушевляет очень».

22 февраля прибыла делегация от сотрудников Научно-исследовательского института библиотековедения. Делегаты прошли в кабинет к Надежде Константиновне и упросили ее выступить на научной конференции. Делегаты вынуждены были открыть свой секрет — конференцию приурочили к юбилею Надежды Константиновны. Она улыбнулась их невольной хитрости, но пришлось согласиться.

Беседа затянулась надолго: говорили о подготовке к XVIII съезду партии, об институтских делах, о новинках литературы.

23 февраля 1939 года утром, как обычно, Надежда Константиновна разбирала свежую корреспонденцию. Раскрыла бандероль — вот и первый подарок к дню рождения — новая книга «Педагогика» Б. Есипова и Н. Гончарова.

Надежда Константиновна поставила книгу в книжный шкаф. Просмотрела остальные письма и решила ответить ребятам школы слепых. Она писала в город Грязовец Вологодской области: «Дорогие мои, вы просите написать вам, какие песни я больше всего люблю, хотите разучить их. Самая моя любимая песня — «Интернационал». Также любила я очень песню «Красная Армия» («Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон» и т. д.), во время гражданской войны ее распевали в Кремле красноармейцы, и мы с Ильичем очень любили ее слушать.

Горячий вам привет, дорогие ребята».

Закончив писать, Надежда Константиновна посмотрела на часы и заторопилась. С утра она должна выступать на заседании Совнаркома РСФСР. На повестке дня вопрос чрезвычайной важности: о третьем пятилетнем плане в области народного образования.

Выступая на заседании, Крупская говорила о культурном росте населения, о больших сдвигах в области культуры на селе, подчеркивала необходимость развернутого строительства клубов, сельских библиотек, в которых так нуждается колхозная молодежь, стремящаяся к новой, культурной жизни.

Только к вечеру она вернулась домой. Это был последний рабочий день в ее жизни. Она так и не перевернула листок настольного календаря.

В этот же вечер Надежда Константиновна собралась за город. Последние годы она часто ездила в Архангельское, в дом отдыха старых большевиков. Там, среди

товарищей и друзей, ей хорошо отдыхалось... А завтра выходной день, надо немного отдохнуть, что-то последнее время сердце пошаливает, стала быстро уставать...

На другой день с утра к ней в дом отдыха приехали старые, испытанные друзья. Первыми приехали Кржижановские — беспокойная, милая Зинуша с Глебом.

Вскоре приехали Вера Рудольфовна Менжинская, Феликс Кон и Дмитрий Ильич Ульянов. Сели завтракать. Начались поздравления, вспоминали прошлое, шутили, смеялись...

Потом решили все вместе сфотографироваться. Ведь не так часто друзьям приходится собираться. Все шло хорошо... Но к вечеру Надежда Константиновна вдруг почувствовала себя очень плохо. От страшной боли она временами теряла сознание. Вызвали доктора. Доктор предложил перевезти больную в Москву, в больницу, установив предварительно диагноз — воспаление брюшины. Через несколько часов ее доставили в кремлевскую больницу.

К концу дня ей стало хуже, около нее постоянно дежурили врачи и сестры. На другой день, 25 февраля, она находилась в очень тяжелом состоянии. И только к вечеру пришла в сознание.

26 февраля 1939 года вся страна отмечала 70-летие Надежды Константиновны Крупской. Все центральные газеты опубликовали приветствие ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР:

«Товарищу Надежде Константиновне Крупской Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР в день Вашего семидесятилетия шлет Вам, старому большевику и другу Ленина, свой горячий привет.

Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР желают Вам здоровья и многих лет дальнейшей плодотворной работы для великого дела коммунизма, на пользу нашей партии и трудящихся Советского Союза».

В Кремль на имя Крупской шел поток телеграмм и поздравительных писем от сотен организаций, от товарищей, от друзей...

В ночь на 27 февраля положение Надежды Константиновны резко ухудшилось, она почти не приходила в сознание. Несмотря на все меры, принятые крупнейшими специалистами, ничего нельзя было изменить. Болезнь быстро прогрессировала, и в 6 часов 15 минут Надежда Константиновна скончалась.

28 февраля газеты Советского Союза вышли с траурной полосой. ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров сообщали всей стране о кончине Надежды Константиновны: «Смерть тов. Крупской, отдавшей всю свою жизнь делу коммунизма, является большой потерей для партии и трудящихся Союза ССР».

В «Правде» были помещены соболезнования от МК и МГК, от ЛК и ЛГК, от ЦК Компартии КП(б) Украины и Совнаркома, от Президиума ВЦСПС, от ЦК ВЛКСМ, от Московского военного округа, от избирателей города Серпухова.

Незадолго до смерти Надежда Константиновна, выступая перед своими избирателями, сказала: «На мою долю выпало великое счастье видеть, как наша страна из страны темной, из страны бедной, из страны, затоптанной царизмом, помещиками и капиталистами, превратилась в страну социализма... Жизнь наша стала счастливой, светлой. Об этом мы можем с полным правом говорить, но надо идти все вперед и вперед...»

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н. К. КРУПСКОЙ

1869, 14 (26) февраля — родилась в Петербурге в революционно-демократической семье.

1887 — окончила 8-й педагогический класс гимназии.

1889—1890 — занималась на Бестужевских высших женских курсах.

1890 — установила связь с социал-демократической группой М. И. Бруснева.

1891—1896 — работала в вечерне-воскресной школе в с. Смоленском за Невской заставой.

1894, февраль — встреча с В. И. Ульяновым.

1895 — создание «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

1895, декабрь — после ареста В. И. Ульянова и других членов союза Крупская вместе с оставшимися на свободе товарищами ведет работу по восстановлению союза.

1896, 12(24) августа — 12(24) марта 1897 — арест и заключение.

1898, 7(19) мая — приезд в Шушенское.

10 (22) июля — В. И. Ленин и Н. К. Крупская вступили в брак.

1899 — Крупская написала брошюру «Женщина-работница».

1900—1901, март — отбывание ссылки в Уфе, работа в местной социал-демократической организации.

1901—1905 — первая эмиграция, работа в редакции газеты «Искра», в редакциях газет «Вперед», «Пролетарий».

1901 — в «Самарской газете» появились первые статьи Н. К. Крупской: «Общественная сторона педагогических вопросов» и «Школа и жизнь».

1903, июль — участие в работе II съезда РСДРП. После съезда Крупская — секретарь заграничного отдела Центрального Комитета партии.

1905, май — участие в работе III съезда РСДРП.

1905, 18 ноября (1 декабря) — возвращение из эмиграции в Петербург. Работа в секретариате ЦК РСДРП.

1905, декабрь — Крупская — делегат первой конференции РСДРП в Таммерфорсе.

1906, апрель — май — делегат IV (Объединительного съезда РСДРП.

1907, декабрь — 1917, апрель — вторая эмиграция.

1907—1910 — секретарь большевистского центра и член хозяйственной комиссии расширенной редакции газеты «Пролетарий», затем секретарь большевистской «Рабочей газеты».

1911 — участие в организации партийной школы в Лонжюмо, преподавание в ней. Помогает В. И. Ленину готовить VI (Пражскую) конференцию партии. В 1909—1912 гг. пишет статьи по вопросам педагогики, публикует в журнале «Свободное воспитание».

1912—1914 — выступление в «Правде» с рядом статей по злободневным вопросам народного образования.

1915, март — делегат Международной женской конференции левых социалисток.

1915 — окончание работы над книгой «Народное образование и демократия».

1916—1917 — работает в Комитете заграничных организаций для работы среди пленных.

1917, апрель — возвращение в Россию, работа в секретариате ЦК РСДРП(б), в бюро печати ЦК, среди работниц и рабочей молодежи, в газетах «Правда», «Солдатская правда».

Апрель — май — после VII Всероссийской конференции РСДРП(б), делегатом которой она была, Крупская по поручению ЦК разрабатывала «Проект изменений пунктов партийной программы, относящихся к народному образованию».

Июнь — выбрана в районную думу Выборгской стороны, избрана заведующей культурно-просветительной работой.

Июль — август — делегат VI съезда РСДРП(б), принимает участие в выработке резолюции о союзах молодежи.

Начало октября — утверждена членом муниципальной группы при ЦК РСДРП(б). Принимает активное участие в работе революционного штаба Выборгского района.

Конец октября — направлена партией в Народный комиссариат просвещения. Назначена заведующей отделом внешкольного образования.

1918 — назначена заместителем наркома просвещения.

1919, лето — поездка по Волге и Каме на агитпароходе «Красная звезда».

1920—1930 — возглавляет Главный комитет политико-просветительной работы.

1921—1933 — председатель научно-педагогический секции Государственного ученого совета.

1924—1927 — Член Центральной контрольной комиссии, избрана на XIII съезде партии.

Н. К. Крупская — делегат VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI и XVII съездов партии.

1927—1939 — член Центрального Комитета партии. Впервые избрана в ЦК ВКП(б) на XV съезде.

1924, июль — выступление на VI съезде комсомола. Н. К. Крупская выступала на II, III, IV, V, VI, VII, VIII съездах комсомола.

1929—1939 — заместитель народного комиссара просвещения РСФСР.

1929 — награждена орденом Трудового Красного Знамени.

1931 — избрана почетным членом Академии наук СССР.

1933 — награждена орденом Ленина.

1936 — утверждена доктором педагогических наук.

1939, 27 февраля — смерть Н. К. Крупской. Ее прах захоронен на Красной площади в Кремлевской стене.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Ленин В. И. Полн. собр. соч. В 55-ти т. М., Политиздат.

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., Политиздат, т. 1, 2, 3. М., Политиздат, 1970, 1971, 1972.

Ленинский сборник, тт. II, VIII, X.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., Госполитиздат, ч. I, II, 1954.

Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг. М., Мысль, 1969.

Воспоминания о В. И. Ленине. В 5-ти т. М., Политиздат, 1968—1969.

Воспоминания нижегородцев о В. И. Ленине. Горький, 1960.

Ленин в Женеве. М., Политиздат, 1967.

Ленин и Башкирия. Уфа, 1970.

О Ленине. Воспоминания зарубежных современников. М., Политиздат, 1962.

50-летие В. И. Ульянова-Ленина. М., Госиздат, 1920.

X съезд РКП. Стенографический отчет. М., Госиздат, 1921.

Протоколы II съезда РСДРП. М., Политиздат, 1959.

Крупская Н. К. Пед. соч. В 11-ти т. М., Изд-во Академии пед. наук, 1957—1963.

Крупская Н. К. Воспоминания о В. И. Ленине. М., Госполитиздат, 1957.

Крупская Н. К. В Октябрьские дни. М., Политиздат, 1957.

Крупская Н. К. О Ленине. М., Политиздат, 1965.

Крупская Н. К. Об искусстве и литературе. Л. — М., 1963.

Крупская Н. К. Основы политпросветработы. М. — Л., 1927.

Крупская Н. К. Система Тейлора и организация работы советских учреждений. Красная новь, 1921, № 1.

Отзывы Н. К. Крупской на воспоминания и биографические материалы о В. И. Ленине. — Исторический архив, 1957, № 2.

Надежда Константиновна Крупская. Биография. М., Политиздат, 1978.

Н. К. Крупская. Библиография трудов и литературы о жизни и деятельности. М., Книга, 1969.

Воспоминания о Н. К. Крупской. М., Просвещение, 1966.

Выдающийся советский педагог. Сб. статей. Минск, Гос. учебн.-пед. изд-во Мин. просв. БССР, 1961.

Адамчевский Я., Поцеха Ю. Ленин в Кракове. Краков, 1974.

Альф Н. С. Семья Крупских в Петербурге. Л., Знание, 1965.

Ацаркин А. Н. Под большевистское знамя. Л., Лениздат, 1958.

Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч., т. II. М., Изд-во АН СССР, 1969.

Воспоминания о II съезде РСДРП. М., Госполитиздат, 1959.

Ворошилов К. Е. Рассказы о жизни, кн. 1. М., Госполитиздат, 1971.

Гончаров Н. К. Роль Н. К. Крупской в становлении и развитии советской педагогики в школе. М., Знание, 1969.

Горький М. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1955.

Дридзо В. С. Н. К. Крупская. М., Детская литература, 1969.

Константинов Н. А. Жизнь и педагогическая деятельность Н. К. Крупской. Стенограмма лекций. М., 1948.

Культурно-просветительная деятельность Н. К. Крупской. Сб. статей. Л., Лениздат, 1969.

Левидова С. М., Павлоцкая С. А. Надежда Константиновна Крупская. Л., Лениздат, 1962.

Михалутина Д. К. Пропагандистская и революционная деятельность Н. К. Крупской в период 1890—1900 гг. М., Изд-во МГУ, 1959.

Надежда Константиновна Крупская. К 65-летию со дня рождения. М., изд-во «Старый большевик», 1935.

Нечкина М. В. Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861). Литературное наследство, т. 61. М., Изд-во АН СССР, 1953.

Педагогические взгляды и деятельность Н. К. Крупской. М., Просвещение, 1969.

Первое мая и русский пролетариат. П., 1922.

Попов Г. Стремящимся в Россию. Берлин, 1924.

Руднева Е. И. Педагогическая система Н. К. Крупской. М., Изд-во МГУ, 1968.

Рядом с Лениным. К 100-летию со дня рождения. М., Политиздат, 1965.

Серебрякова Г. О других и о себе. М., Советский писатель, 1968.

Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. Л., Лениздат, 1958.

Славные большевички. М., Госполитиздат, 1968.

Степанов В. Н. В. И. Ленин и русская организация «Искры». М., Мысль, 1968.

Фельд Шарль. Когда Ленин жил в Париже. Париж — Москва, 1969.

Фревиль Жан. Ленин в Париже. М., Прогресс, 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

ИБ № 4531

Людмила Ивановна Кунецкая,
Клара Александровна Маштанова

КРУПСКАЯ

Редактор **Е. Любушнина**
Обложка **Ю. Арндта**
Художественный редактор **А. Степанова**
Технический редактор **Н. Теплякова**
Корректоры **Т. Крысанова, В. Назарова, Н. Самойлова, И. Тарасова**

Сдано в набор 20.03.85. Подписано в печать 02.08.85. А00851. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 19,32+ +2,62 вкл. Условн. кр.-отт. 24,03. Учетно-изд. л. 23,0. Тираж 150 000 экз. (1-й завод 75 000 экз.). Цена 1 р. 70 к. Заказ 2583.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

1 р. 70 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЖЗЛ
КРУПСКАЯ
Л. Кунецкая,
К. Маштакова